

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»

На правах рукописи

Наумов Сергей Сергеевич

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ В ПРОСТРАНСТВЕ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(1985–2000 ГГ.)

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Рыженко Валентина Георгиевна

Омск – 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Организационно-институциональные опоры деятельности гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска по формированию локального пространства памяти.....	60
§ 1. Работа отделений Всесоюзного (Русского) географического общества и «белые пятна» истории Сибири.....	61
§ 2. Омское и Новосибирское отделения ВООПИиК: сохранение историко-культурного наследия регионов.....	81
§ 3. Инициативы Советского (Российского) фонда культуры в условиях актуализации политики памяти.....	125
§ 4. Историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» в Омске и Новосибирске: новые места памяти и региональная специфика.....	157
Глава 2. Репрезентации прошлого и историко-культурная рефлексия гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска в 1985–2000 гг.	191
§ 1. Актуализация дореволюционной истории в пространстве памяти и усиление научно-художественного сегмента мемориальной культуры.....	192
§ 2. Гуманитарная интеллигенция крупных городов Западной Сибири и осмысление исторического опыта XX в.....	213
§ 3. Память, персоналии и «персональная» память: материалы личных фондов видных представителей интеллигенции Сибири как источник изучения трансформации коллективных представлений о прошлом.....	239
§ 4. Феномен «обратной связи»: реакция общества на изменение политики памяти (на примере изучения эпистолярного наследия читателей региональных изданий).....	269
Заключение.....	292
Список источников и литературы.....	302
Приложение № 1.....	334
Приложение № 2.....	345

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В последние 25 – 30 лет учёными-историками созданы фундаментальные работы по истории интеллигенции, но при этом сюжеты, связанные с влиянием провинциальных гуманитарных сообществ на формирование в 1980–1990-е гг. коллективных представлений о прошлом, до сих пор не стали темой специальных исследований. С начала 1990-х гг. интерес специалистов сфокусировался на определении места общественных организаций в образовательной, культурной и общественно-политической сферах жизни страны, с акцентом на изучении их влияния «на функционирование и развитие городской жизни»¹. При этом большинство авторов обращались либо к дореволюционному времени, либо к периоду 1920–1950-х гг. Отсутствие исследовательского интереса к деятельности общественных организаций 1980–1990-х гг. можно объяснить небольшой удалённостью событий тех лет от дня сегодняшнего и, как следствие, проявлением устойчивой убеждённости научного сообщества в том, что монополией на изучение событий недавнего прошлого обладают социологи и политологи, но никак не историки². Не разделяя, вслед за И.В. Сибиряковым, этой точки зрения, мы, используя методы исторического исследования, предприняли попытку выявить степень участия региональной интеллигенции в процессе конструирования новых форм и методов трансляции исторической памяти, оценить роль местных сообществ в формировании городского историко-культурного пространства.

Ещё в начале 2000-х гг. В.Г. Рыженко зафиксировала произошедшее в конце 1980-х гг. обособление интеллигентоведения и изучения культуры российской провинции в качестве отдельных направлений исторических

¹ Попов Д.И. Культурно-просветительные общества Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – С. 20.

² Сибиряков И.В. Современная российская интеллигенция: феномен «фантомной боли» в условиях цивилизационного кризиса // Интеллигенция и мир. – 2016. – № 2. – С. 66.

исследований³. Сегодня, когда процессы поиска локальной идентичности и региональной самобытности продолжают усиливаться, а поколение людей, воспринимающих события конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. как «исторические», достигло трудоспособного возраста, мы считаем возможным говорить о социокультурном влиянии «перестроечной» интеллигенции на формирование коллективной памяти поколений.

Другим фактором, обусловившим наш исследовательский интерес к указанной проблематике, является специфика современной историографической ситуации, сложившейся в результате ряда произошедших в науке когнитивных «поворотов»: культурного, антропологического, мемориального. Уверенно можно говорить об оформлении нового направления развития гуманитарной мысли – исследований исторической памяти. Распространение и быстрый рост популярности этого научного направления в России Е.И. Красильникова связывает с осознанием постсоветским человеком противоречий между «книжной» историей и «живой» поливариантной исторической памятью различных сообществ, а также усилением государственной политики памяти в 2000-е гг.⁴ Причём в данном контексте локальный материал выглядит даже выигрышнее общенационального. О деятельности провинциальной интеллигенции, формах её организации, работе по конструированию в регионах образов и символов прошлого говорят и пишут меньше, а значит, исследовательское пространство в большей степени свободно от негативных публицистических клише вроде «катастрофки» или «лихих девяностых». В научном измерении сибирские сюжеты второй половины XX в., касающиеся формирования региональной идентичности, только обозначили свою нишу в рамках проблемного поля.

³ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург; Омск, 2003. – С. 6.

⁴ Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – С. 5-6.

Стоит отметить, что едва ли какой другой период отечественной истории (кроме разве что событий революций 1917 г. и гражданской войны) вызывает столь бурные дискуссии и в научном сообществе, и в обществе в целом, как 80–90-е гг. XX столетия. Некоторые авторитетные публицисты (как правило, придерживающиеся политических взглядов «левого» толка) и вовсе отказывают интеллигенции 1980–1990-х гг. в рациональном мышлении, говоря о том, что её представители не были способны разглядеть «катастрофических посылов перестройки», поскольку их «зрение было деформировано каким-то методологическим фильтром»⁵. Стремлением к объективности анализа современных культурных процессов обосновано наше обращение к теме роли интеллигенции в формировании исторической памяти. Изучение общественных организаций и неформальных объединений недавнего прошлого направлено на выявление ценностных установок современной российской интеллигенции, оценку её вклада в формирование гражданского общества.

Степень изученности темы. Исторический фон политической, социально-экономической и культурной жизни перестроечного и постперестроечного времени показан и раскрыт в исследованиях ведущих российских и зарубежных историков⁶. Но в этом массиве работ труды, посвящённые сибирским регионам, представлены в меньшей степени. Комплексного же изучения влияния сообществ гуманитарной интеллигенции на формирование общественного коллективного сознания на материалах сибирских городов-миллионников в период 1980–1990-х гг. на данный момент не предпринималось. Поэтому стратегическим замыслом для нас стало создание работы, предполагающей соединить социокультурную историю интеллигенции с проблемой конструирования исторической памяти.

Работа по изучению влияния гуманитарной интеллигенции на формирование, трансформацию и трансляцию исторической памяти требует

⁵ Кара-Мурза С.Г. Интеллигенция в перестройке: отход от норм рационального мышления. Гипостазирование // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 130.

⁶ См. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. – М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. – 554 с.; Brown A. Seven years that changed the world: perestroika in perspective. – Oxford; New York: Oxford univ. press, 2008. – 350 p.

обращения сразу к нескольким проблемным блокам современной гуманитарной науки. Степень изученности темы будет раскрыта в рамках проблемно-хронологического принципа. В сибирской историографии данный принцип характерен для модели, результативно апробированной профессором В.Г. Рыженко в ходе подготовки и защиты докторской диссертации⁷. Он же был использован и в работах её учеников А.А. Урванцевой⁸, Е.В. Соколовой⁹, А.В. Жидченко¹⁰, В.С. Кузеванова¹¹, чьи диссертационные исследования посвящены вопросам теории истории и практик городской повседневности. Фиксация примеров успешного применения проблемно-хронологического принципа вместе с приверженностью исследовательской программе, разрабатываемой В.Г. Рыженко на протяжении последних 30 лет, позволяют нам построить историографический обзор именно по такой схеме.

В *первый проблемный блок* входят труды, посвящённые социокультурной истории интеллигенции. Попытки раскрыть и исследовать процессы формирования и развития советской интеллигенции предпринимались ещё в 1970-е гг. Член-корреспондент АН СССР М.Н. Руткевич особое внимание уделял росту профессиональных отрядов интеллигенции, процессам их воспроизводства и пополнения через высшую школу. Типологически он выделял производственную, медицинскую, педагогическую, культурно-просветительскую, художественную, административную, научную и военную интеллигенцию¹². Во второй половине

⁷ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования: дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2004. – 332 с.

⁸ Урванцева А.А. Институты трансляции изобразительного искусства в социальной истории современного города (на материалах Омска и Новосибирска. Конец XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2008. – 22 с.

⁹ Соколова Е.В. Формирование культурного пространства малых городов среднего Прииртышья в 1920–1980-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2008. – 26 с.

¹⁰ Жидченко А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе: проблемы формирования городской среды, 1950–1960-е гг. (локальный аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013. – 26 с.

¹¹ Кузеванов В.С. Сибирские архитекторы в 1930-е – 1950-е гг.: профессиональная деятельность, социальные институты и повседневные практики (на материалах Омска и Новосибирска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2015. – 22 с.

¹² Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. – М.: Политиздат, 1977. – С. 48-53.

1980-х – начале 1990-х гг., в связи с демократизацией общественно-политической жизни, интерес учёных к проблематике генезиса интеллигенции усилился. Познавательные повороты 1990-х гг., особое внимание к «белым пятнам» дореволюционной и советской истории выявили очевидные признаки кризиса советской модели изучения интеллигенции и потребовали перенастройки оптики исследований. Эти обстоятельства способствовали возникновению в российской гуманитарной науке в 1990-е гг. новой исследовательской дисциплины – интеллигентоведения, появившегося изначально как направление в рамках междисциплинарного проблемного поля. По мнению В.Г. Рыженко, этому процессу способствовал и пересмотр отношения к краеведению, «которое стало восприниматься как важный социокультурный феномен и один из существенных признаков, характеризующих деятельность интеллигенции»¹³.

Характеризуя этапы становления нового направления, В.Л. Соскин в начале 2010-х гг. отмечал, что политика перестройки, произошедший в эти годы идейный и методологический раскол в среде учёных способствовали локализации интеллигентоведческих исследований, «ослаблению влияния столиц на периферию»¹⁴. Инициаторами утверждения самостоятельного статуса интеллигентоведения стали исследовательские центры в Иваново и Екатеринбурге. В 1994 г. при Уральском государственном университете был организован исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России» (под руководством М.Е. Главацкого), просуществовавший до 2006 г. В 2001 г. по инициативе В.С. Меметова на базе Ивановского госуниверситета был создан научно-исследовательский институт интеллигентоведения, с 2001 г. издающий журнал «Интеллигенция и мир».

Отдельным направлением работы данных научных центров в 1990-е гг. стало изучение культуры российской провинции. Особую роль здесь сыграли

¹³ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы... – Екатеринбург, Омск, 2003. – С. 7.

¹⁴ Соскин В.Л. Предисловие // Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века / отв. ред. В.Л. Соскин. – Новосибирск, 2011. – С. 4-5.

научно-практические конференции, участие в которых принимали исследователи из многих регионов России и стран ближнего зарубежья: «Интеллигенция России: уроки истории и современность» (Иваново, 1994), «Интеллигенция, провинция, отечество. Проблемы истории, культуры, политики» (Иваново, 1996)¹⁵, тематические конференции центра «XX век в судьбах интеллигенции России» (проводились с 1994 по 2004 г. ежегодно, за исключением 1995 г.).

Формирование и развитие исследовательских практик изучения интеллигенции в Западной Сибири связано в первую очередь с деятельностью сектора истории социально-культурного развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). Для коллектива учёных под руководством В.Л. Соскина долгие годы приоритетными были вопросы теории и методологии культуры. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Е.Г. Водичев и С.А. Красильников скорректировали значительную часть теоретико-методологической проблематики¹⁶. Системное видение содержания понятия «духовный потенциал» было положено в основу соответствующего раздела комплексной программы по изучению исторического опыта развития культурных групп Сибири. Избрание в качестве предметов исследований научно-художественных сегментов сибирской городской культуры, а также нравственно-этической составляющей «духовного потенциала» сделало закономерным обращение к характеристике групп основных трансляторов этих культурных кодов – научно-педагогической и художественной интеллигенции.

Передовой для начала 1990-х гг. стал вариант типологии интеллигенции, предложенный С.А. Красильниковым на основе социально-политического

¹⁵ Интеллигенция России: уроки истории и современность. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 20-22 сентября 1994 г. – Иваново, 1994. – 336 с.; Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 24-25 сентября 1996 г. – Иваново, 1996. – 522 с.

¹⁶ Водичев Е.Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.). – Новосибирск: Экор, 1994. – 202 с.; Красильников С.А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 44 с.

критерия: лидерная, базисная и маргинальная¹⁷. Историография советской интеллигенции была проанализирована В.Л. Соскиным в середине 1990-х гг.¹⁸ В 2000-е гг. сотрудниками сектора истории социально-культурного развития ИИ СО РАН по проблемам истории культуры и интеллигенции Сибири XX в. было создано несколько монографий и коллективных сборников, опубликованы десятки статей в научных журналах и тезисы в сборниках конференций¹⁹.

История сообществ сибирской интеллигенции XX в. в середине 1990-х гг. заинтересовала и омских учёных, приоритетными для которых стали историографические аспекты формирования научных школ²⁰, вопросы теории и практики городоведения²¹, проблемы самоидентификации интеллигенции²² и её

¹⁷ Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское десятилетие // Актуальные проблемы истории Советской Сибири / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 1990. – С. 172-176.

¹⁸ Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. – Новосибирск: НГУ, 1996. – 80 с.

¹⁹ Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история и практика / отв. ред. С.А. Красильников. – Новосибирск, 2000. – 234 с.; Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «Великого перелома» / отв. ред. С.А. Красильников. – Новосибирск, 2000. – 175 с.; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 гг.) / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пашенко. – Новосибирск, 2004. – 343 с. Советская региональная культурная политика: проблемы изучения / отв. ред. С.А. Красильников. – Новосибирск, 2004. 236 с.; Соскин В.Л. Российская советская культура. Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. – 452 с.; Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН / отв. ред. В.А. Ламин, В.Д. Ермиков. – Новосибирск, 2006. – 441 с.; Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 310 с.; Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. / отв. ред. Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. – Новосибирск, 2007. – 510 с.; Общество. Интеллигенция. Репрессии / отв. ред. В.Л. Соскин. – Новосибирск, 2009. – 376 с.

²⁰ Рыженко В.Г., Колеватов Д.М. Творческое наследие учёных-гуманитариев в меняющихся реалиях сибирской провинции XX в. (Историико-культурологические подступы к проблеме) // Локальные культурно-исторические исследования: теория и практика / под ред. В.П. Корзун. – Омск, 1998. – С. 138-167; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Культура и интеллигенция региона в экстремальных условиях XX в.: Опыт историико-культурологического анализа (к историографии и методологии проблемы) // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». – Вып. 4. – Омск, 2000. – С. 112-121.

²¹ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историико-культурологические подходы к изучению российского города XX в. (к проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации. – Новосибирск, 2002. – С. 66-85; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историико-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). – Омск, 2004. – 292 с.

взаимоотношений с властью²³. Развитию этих исследовательских направлений в значительной мере способствовала организаторская и исследовательская активность сотрудников Сибирского филиала Российского института культурологии (СФ РИК)²⁴ и кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета. В основу методологической опоры практически всех совместных проектов филиала, кафедры, а также Сибирского отделения РАН был положен принцип междисциплинарности. С 1995 по 2012 г. в Омске регулярно проводились всероссийские научные конференции «Культура и интеллигенция России». С 1999 по 2015 г. на базе СФ РИК издавался периодический междисциплинарный журнал «Культурологические исследования в Сибири».

Существенным шагом в изучении интеллигенции Западной Сибири второй половины XX в. стали работы В.П. Корзун и её учеников²⁵. Научные сообщества рассматриваются этими авторами на стыке историографии, науковедения и культурологии. На рубеже 2000–2010-х гг. на фоне общего усиления интереса к персональной истории увеличилось количество публикаций биографического

²² Левина Ж.Е. Художественная интеллигенция Западной Сибири (конец 20-х – 30-е годы XX века): дис. ... д-ра ист. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 525 с.

²³ Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 – 1964 гг. (на материалах Западной Сибири). – В 2-х ч. – Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). – Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. – 224 с.; – Ч. 2. «Оттепель» (март 1953 – 1964 гг.). – Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. – 228 с.

²⁴ Прим. Сибирский филиал Российского института культурологии был открыт в 1993 г. После реорганизации РИК в 2014 г. произошли изменения структур филиалов. В настоящий момент он носит название – Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва.

²⁵ Корзун В.П., Кузнецова О.В., Осадченко Б.А. Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска: библиографический словарь. – Омск, 1999. – 299 с.; Груздинская В.С. Научные общества историков г. Омска: коммуникативные площадки (конец 1980 – конец 2010-х гг.) // Омские научные чтения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. – С. 496-499; Бычков С.П. Периодические научные издания Омска как площадки коммуникации научного омского сообщества историков во второй половине 1990-х – 2010-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 4. – С. 299-303; Корзун В.П., Носова М.С. Омское научное сообщество историков в оптике проблематики исследования (вторая половина 1990-х – первые десятилетия XXI в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 1. – С. 29-36; Груздинская В.С., Корзун В.П. Омские историки на рубеже XX – XXI веков: штрихи к коллективному портрету // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – Вып. 2. – С. 142-154.

характера с выраженным «поколенческим» акцентом, подчёркивающим преемственность между сибирскими учёными. К работам такого плана следует отнести публикации М.А. Мамонтовой, Н.В. Кефнер²⁶, К.Б. Умбрашко²⁷, С.С. Тихонова²⁸, С.П. Бычкова²⁹, М.В. Шиловского³⁰, И.П. Каменецкого, Е.В. Комлевой, Е.Н. Туманик³¹.

Таким образом, можно говорить о заложенной в историографии основе для формирования исследовательского пространства и обозначения нового проблемного поля для историков, изучающих гуманитарные сообщества и научно-педагогическую интеллигенцию.

Ко *второму блоку* относятся работы, затрагивающие проблемы конструирования, трансформации и трансляции исторической памяти. «Исследования памяти» («memory studies») – одно из наиболее бурно развивающихся направлений мировой и отечественной гуманитарной науки, с каждым годом втягивающее в свою орбиту всё больше исследователей, принадлежащих к самым различным школам и представляющих самые разнообразные научные дисциплины. При этом проблематика исторической памяти сибиряков непосредственно обозначилась в историографии только в начале 2010-х гг. Отсутствие сибирских контекстов в классических трудах П. Нора, Я. и А. Ассман, Д. Тоша и др. вполне объяснимо. Но и российские учёные

²⁶ Мамонтова М.А., Кефнер Н.В. «И стал историком Сибири»: Александр Дмитриевич Колесников // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып 6. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. – С. 427-464.

²⁷ Умбрашко К.Б. Мемуары Е.И. Соловьевой: взгляд историографа // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. – Вып 7. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. – С. 156-178.

²⁸ Тихонов С.С. Николай Филиппович Емельянов в Омском университете // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: материалы Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26-28 апреля 2012 г.) – Курган: Изд-во КГУ, 2012. – С. 12-14.

²⁹ Бычков С.П. М.Е. Бударин: учёный на перекрестке нескольких эпох. К проблеме исследования образа омского историка // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 4. – С. 207-212.

³⁰ Шиловский М.В. Вклад Л.М. Горюшкина в изучение истории Сибири конца XIX – начала XX в. // Исторический курьер. – 2018. – № 1. – С. 214-232; Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 63. – С. 192-200.

³¹ Каменецкий И.П., Комлева Е.В., Туманик Е.Н. Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна // Исторический курьер. – 2018. – № 2. – С. 1-12.

из европейской части страны, занимающиеся проблемами исторической памяти, пока не проявили должного интереса к Сибири и её социокультурному своеобразию. На сегодняшний день мы можем констатировать, что исследования исторической памяти сибиряков пока являются прерогативой исключительно сибирских авторов.

Этот вывод подтверждается обращением к наиболее значимым обобщающим работам отечественных исследователей исторической памяти. Одним из компетентных специалистов в данной области, безусловно, является О.Б. Леонтьева. В публикации 2015 г. она выделяет несколько направлений развития практик изучения исторической памяти, ключевые проблемы «историографии памяти». На основе анализа более 80 публикаций О.Б. Леонтьева определяет их теоретико-методологические основы, даёт характеристику особенностей источниковой базы, рассматривает варианты трактовки проблематики структур, содержания и «стратегий» исторической памяти в современной российской науке. Историк делает вывод о том, что «историография памяти» значительно отличается от классической историографии за счёт «включённой» позиции исследователя, когда изучение исторической памяти выступает в качестве акта активной личностной и социально значимой рефлексии³².

Проблематика «историографии памяти» имеет прямое отношение к теме нашего исследования, однако вслед за В.Г. Рыженко мы вынуждены отметить, что «практически во всех рассмотренных О.Б. Леонтьевой работах пространственный ракурс, включая региональные и локальные срезы, мало заметен»³³. Малозаметны сибирские региональные особенности и в фундаментальном труде А.В. Святославского, который одним из первых представил результаты комплексного

³² Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 86.

³³ Рыженко В.Г. Новые фигуры и места памяти – показатель трансформаций культурного пространства сибирских городов в постсоветской России // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сб. статей. – Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-эксперсс», 2018. – С. 9.

анализа российской мемориальной культуры постсоветского периода³⁴. Таким образом, сибирская «историография памяти» (уточним, что речь идёт о работах, включающих значительные теоретико-методологические обобщения) на данный момент исчерпывается несколькими фамилиями. Мы постарались учесть основные публикации, которые могут служить в качестве источниковой, историографической и теоретической базы исследований исторической памяти в Сибири.

К сюжетам, посвящённым деятельности художественной интеллигенции Сибири по формированию исторической памяти в 1920–1930-е гг., ещё в 2000-е гг. обратилась историк Ж.Е. Левина³⁵. Память различных социальных общностей рассматривается ею в качестве традиций-воспоминаний, формирующих стереотипы воспитания, которые, в свою очередь, фиксируют программы человеческой деятельности и концентрированно выражают исторический опыт. По мнению Ж.Е. Левиной, формирование в первые советские десятилетия новых традиций-воспоминаний «включало в себя не только создание новых символов, но и использование архаических. В сознании людей свободно соединялись естественнонаучные достижения, установки диалектического и исторического материализма и мифологические образы»³⁶.

Первым исследователем, предпринявшим попытку охарактеризовать всю Сибирь как пространство памяти, стал иркутский философ М.Я. Рожанский. Естественным состоянием памяти, по его мнению, является её фрагментарность. Однако важно понимать, какие тенденции преобладают в процессе

³⁴ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М.: «Древлехранилище», 2013. – С. 413-450.

³⁵ Левина Ж.Е. Роль художественной интеллигенции в формировании исторических воспоминаний советского народа (по материалам Западной Сибири 20–30-х гг. XX века) // Омский научный вестник. – 2005. – № 3. – С. 33-37; Левина Ж.Е., Вотчин И.С. Формирование исторической памяти как компоненты социального интеллекта средствами искусства // Философия образования. – 2006. – № 1. – С. 257-261; Левина Ж.Е. Постмодернистские основы конструирования исторической памяти в деятельности омских музеев XX – XXI вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 2. – С. 79-85.

³⁶ Левина Ж.Е. Роль художественной интеллигенции в формировании исторических воспоминаний советского народа... – С. 37.

сосуществования различных вариантов (или «миров», по выражению автора) коллективной памяти. М.Я. Рожанский считает, что в пространстве Сибири «миры» не стремятся к согласованию и расширению за счёт друг друга, но тяготеют к выстраиванию в иерархию, настаивают на особых правах и приоритете. Этот фактор способствует созданию почвы для «идеологической зависимости» коллективной памяти³⁷.

М.Я. Рожанский, выступающий как методолог, работает в рамках междисциплинарного исследовательского поля. В своей монографии он оперирует философско-антропологическими понятиями, такими как «социальная энергия», «идентичность», «миф», «память» (и в противопоставление ей – «амнезия»), замечая, что сами по себе эти понятия гораздо ближе к метафорам, нежели к научным терминам, но зато способны запечатлеть то, что не всегда фиксируется научным языком – отношения человека с историей³⁸. По М.Я. Рожанскому, создание мест памяти есть форма увековечения людьми своих представлений о прошлом, один из способов продления своего существования в мире. «Прослеживая, как трансформируются, как функционируют места памяти, мы исследуем, как прошлое участвует в нынешней жизни». Конфликты вокруг мест памяти одновременно раскрывают процессы столкновений социальных представлений и освобождения (если оно происходит) памяти людей от пут идеологии³⁹.

Среди трудов историков, обратившихся к проблемам конструирования и трансляции коллективной памяти на основе сибирского материала, заслуживает внимание опыт Е.И. Красильниковой, исследующей память через коммеморации и тенденции развития политики памяти. Основные работы Е.И. Красильниковой посвящены так называемому «межвоенному» периоду 1919–1941 гг.⁴⁰ Так же, как

³⁷ Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – С. 16.

³⁸ Там же. – С. 113.

³⁹ Там же... – С. 4.

⁴⁰ Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... – 572 с.; Красильникова Е.И. «Мы помним день 7 ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). – Новосибирск: Золотой колос, 2017. – 226 с.; Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции

и М.Я. Рожанского, её интересуют проблемы влияния идеологии на коллективную память и социальную память малых групп. На основе региональных материалов Е.И. Красильникова делает вывод, значимый в контексте нашего исследования, также посвящённого временам «революционных» потрясений: никакая идеология не способна полностью слиться с памятью, политика памяти не может достичь «эффекта абсолютной манипуляции сознанием индивида»⁴¹. Автор резюмирует: даже в условиях самой жёсткой тоталитарной политики сохраняются ограничения, накладываемые контекстом самого процесса коммуникации между властью и обществом.

Опираясь на опыт конструирования властями западносибирских городов исторической памяти в начале советской эпохи, Е.И. Красильникова заключает, что советский мемориальный нарратив, «транслировавшийся в массы через официальные коммуникативные каналы, мог оседать в коллективной памяти населения лишь в искажённом и расщеплённом виде»⁴². На наш взгляд, это суждение вполне справедливо. Сделанный на основании материалов 1920–1930-х гг. вывод о том, что попытка внушения каждому отдельному человеку некоего общего набора устойчивых представлений о прошлом является утопией, подтверждают и события конца 1980 – начала 1990-х гг., когда видевшийся несокрушимым советский героический «пантеон памяти» полностью потерял своё сакрально-символическое значение за пару лет. Но и достаточно мягкие попытки

Государственного Западно-Сибирского краеведческого музея (1920-е – первая половина 1941 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – 2009. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 155-160; Красильникова Е.И. Исторический некрополь Новосибирска: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 380. – С. 80-91; Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского краеведческого музея (1929 – первая половина 1941 г.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2014. – Вып. 4. – С. 51-59; Красильникова Е.И. Политика памяти в прошлом и настоящем Сибири (XX – начало XXI в.): перспективы изучения // Дневник Алтайской школы политических исследований № 35. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны) / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 17-22.

⁴¹ Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... – С. 19.

⁴² Там же. – С. 487.

навязать обществу в 1990-е гг. «новых» героев наткнулись сначала на неприятие, а затем и на сопротивление.

Работу с такими понятиями, как «образ», «травма» «историческая память», «места памяти», «публичная история», «политика памяти» и т. д., последовательно и успешно осуществляет в своих исследованиях М.К. Чуркин. Терминологический аппарат «memory studies» он применяет к историческим сюжетам второй половины XIX – первой половины XX вв.⁴³ Отдельные публикации являются авторской рефлексией на тему становления и институционализации некоторых современных направлений в гуманитарных науках. По мнению М.К. Чуркина, для общественно-политического и историографического дискурса конца 1980-х – начала 1990-х гг. характерна актуализация ряда травматических сюжетов отечественной истории, выступающих в качестве реперных точек коллективной памяти. Этими точками являются революция и гражданская война, коллективизация и индустриализация, политические репрессии, Великая Отечественная война, эволюция коммунистической идеологии периода развитого социализма⁴⁴.

Обращаясь к российским политическим и культурным реалиям рубежа XX–XXI вв., М.К. Чуркин констатирует нарастание авторитарных тенденций и ослабление позитивного напряжения дискурса памяти. Историк считает, что при таких «исходных данных» историческая политика не может быть продуктивной, поскольку эффективность достижима «только в условиях плюрализма и

⁴³ Чуркин М.К. Воспоминания «детей войны» (1941–1945 гг.) в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2. – С. 86-88; Чуркин М.К. Социальная память как фактор миграционной мобильности российского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. // Историческая память в постнациональном мире: миф, ритуалы, репрезентации: сб. статей по итогам всерос. науч. конф. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 158-166; Чуркин М.К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Пятое Ядринцевские чтения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (30-31 октября 2019 г.). – Омск: ОГИК музей, 2019. – С. 66-71.

⁴⁴ Чуркин М.К. Музеи и библиотеки как инструменты репрезентации исторической политики в современной России // Вторые Дравертговские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 19-20 ноября 2019 г.). – Омск: ОГОНБ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 38.

регулярной включённости общества в интерпретации исторических событий, претендующих на статус коллективного опыта нации»⁴⁵. Также М.К. Чуркин обращает внимание на значительный социокультурный потенциал современных музеев и библиотек, выступающих в роли как трансляторов исторических знаний, так и коммуникативных площадок научного сообщества, не питая при этом иллюзий по поводу возможностей этих акторов вести сколько-нибудь самостоятельную работу по историческому просвещению в условиях постоянно усиливающегося давления со стороны официальной государственной исторической политики⁴⁶.

Анализируя в публикации 2018 г. региональную историографическую ситуацию, В.Г. Рыженко констатирует нарастание интереса к изучению исторической памяти, а также выраженное стремление «к теоретическим, историографическим и источниковедческим обобщениям»⁴⁷. При этом обзор, представленный В.Г. Рыженко в статье «Новые фигуры и места памяти...», а также наш собственный исследовательский опыт позволяют утверждать, что подобных трудов пока немного, круг авторов ограничен, а большинство из них работают в рамках направления, которое принято именовать «интеллектуальной историей». Однако отметим, что в последние несколько лет эта «элитарность» постепенно утрачивается. Вопросы исторической памяти всё чаще поднимаются учёными, проводящими свои исследования в формате классических подходов историописания. Сюжеты, прямо или косвенно связанные с проблематикой памяти, встречаются в публикациях западносибирских историков А.А. Штырбула⁴⁸, Н.В. Елизаровой⁴⁹, А.В. Сушко⁵⁰, П.П. Вибе⁵¹, В.Г. Кокоулина⁵². В

⁴⁵ Чуркин М.К. Музеи и библиотеки как инструменты репрезентации исторической политики в современной России... – С. 43.

⁴⁶ Чуркин М.К. Публичная история России как исследовательское направление в обстоятельствах «культурного поворота» начала XXI в.: стратегии и практики // VI Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28-30 октября 2021 г.). – Омск: ОГИК музеев; Санкт-Петербург: Любавич, 2021. – С. 94-100.

⁴⁷ Рыженко В.Г. Новые фигуры и места памяти... – С. 8.

⁴⁸ Штырбул А.А. О некоторых тенденциях и явлениях в исследованиях Гражданской войны на территории Сибири в постсоветский период историографии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. – С. 318-324.

вышедшей в 2021 г. монографии «История омского рода Батюшкиных» историк Д.И. Петин рассматривает предмет своего исследования – особняк семьи Батюшкиных (где в годы гражданской войны располагалась резиденция Верховного правителя России А.В. Колчака), – в том числе «как средоточие и символ исторической памяти», и посвящает теме мемориальных практик один из четырёх разделов книги (заглавие – «Сохраняя себя, сохраняем историю»)⁵³.

Призывы к сохранению памяти о выдающихся представителях интеллигенции звучали и продолжают звучать из уст исследователей смежных отраслей гуманитарного знания. В этом контексте значительный интерес представляют выполненные как в научных, так и в популярных жанрах труды западносибирских филологов, литературоведов, критиков Н.Н. Яновского⁵⁴, Ю.М. Мосткова⁵⁵, Э.Г. Шика⁵⁶, В.М. Физикова⁵⁷, А.В. Горшенина⁵⁸, С.Н. Поварцова⁵⁹. Некоторые публикации носят острокритический характер. Так, театральный критик и журналист М.С. Мудрик в середине 2000-х гг. в статье, посвящённой памяти Р.И. Рождественского, коря омских чиновников и коллег-литераторов за недопустимое беспамятство в отношении выдающегося земляка, «обрушился» и

⁴⁹ Елизарова Н.В. Роль некролога как исторического источника в увековечивании памяти о современной интеллигенции // Вторые Дравертговские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 19-20 ноября 2019 г.). – Омск: ОГОНБ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 177-184.

⁵⁰ Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2019. – № 4. – С. 9-17.

⁵¹ Вибе П.П. Омск в годы Гражданской войны: мифологизация в пространстве публичной истории. – Омск: ОГИК музей, 2020. – 56 с.; Вибе П.П. Декабрьская драма: самая кровавая страница в истории Омска. – Омск: ОГИК музей. – СПб: Любавич, 2020. – 60 с.

⁵² Кокоулин В.Г. Политика исторической памяти и массовое историческое сознание в постсоветской России // VI Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск; Санкт-Петербург, 2021. – С. 41-46.

⁵³ Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. – Омск: «Золотой тираж» (Омскбланкиздат), 2021. – 140 с.

⁵⁴ Яновский Н.Н. Писатели Сибири: избранные статьи. – М.: Современник, 1988. – 494 с.

⁵⁵ Мостков Ю.М. Юрий Магалиф: жизнь и творчество. – Новосибирск: РИЦ НООО «Общество книголюбов», 2003. – 99 с.

⁵⁶ Шик Э.Г. Литературный Омск в XX веке. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – 296 с.

⁵⁷ Физиков В.М. Скромная служба «при тексте». Работы разных лет о поэзии и прозе. – СПб.: «Геликон Плюс», 2010. – 416 с.

⁵⁸ Горшенин А.В. Литература и писатели Сибири. – Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2012. – 572 с.

⁵⁹ Поварцов С.Н. Тёплое течение. Страницы литературного дневника. – Омск, 2014. – 232 с.

на местных историков – авторов «Омского историко-краеведческого словаря»: «Дикость, но в родном городе не издано ни одного сборника Рождественского... Да что сборник! В подготовленном П.П. Вибе, А.П. Михеевым и Н.М. Пугачёвой «Омском историко-краеведческом словаре» (составитель и научный редактор – П.П. Вибе), который вышел в год, когда не стало Роберта Рождественского, поэт вообще не упомянут, хотя там перечислено огромное количество имён»⁶⁰.

Оценивая степень вовлечённости современных гуманитариев в проблематику «memory studies», а также характеризуя достигнутый уровень институционализации исследований памяти, нельзя не согласиться с Ю.А. Сафроновой, говорящей о «несомненном триумфе этой области в качестве отдельного исследовательского поля»⁶¹.

Третий проблемный блок включает в себя работы, посвящённые истории коммемораций в Западной Сибири в 1985–2000 гг.

В своей монографии «Помнить нельзя забыть...» Е.И. Красильникова выделяет две основные формы коммемораций: памятные места и коммеморативные практики. К первым она относит городской исторический некрополь, скульптурные памятники и монументы, установленные в честь исторических деятелей и событий, а также экспозиционно-выставочное пространство краеведческих музеев. Под коммеморативными практиками исследователь подразумевает похоронно-поминальные практики, торжества, посвящённые годовщинам и юбилеям исторических событий, деятельность музеев, связанную с увековечением памяти.

В нашем исследовании в той или иной степени рассматриваются все перечисленные коммеморации, за исключением исторического некрополя и похоронно-поминальных практик. Поэтому необходимо дать характеристику степени изученности коммемораций в Омске и Новосибирске в 1980–1990-х гг.

⁶⁰ Мудрик М. Последнее письмо Роберта Рождественского // Сибирские огни. – 2004. – № 9. – С. 208.

⁶¹ Сафронова Ю.А. Третья волна «memory studies»: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 13.

Общественно-политический, культурно-просветительный и повседневно-бытовой аспекты жизни западносибирских городов в 1985–2000 гг. представлены в справочно-энциклопедических изданиях, увидевших свет в 2000–2010-е гг.⁶² Памятники и мемориальные комплексы, созданные в городах Западной Сибири в 1985–2000 гг., описаны авторами тематической справочной литературы. Сюда следует отнести многочисленные, но не отличающиеся особой оригинальностью путеводители, указатели, рекламные проспекты. Сведения эмпирического характера содержатся в краеведческих публикациях местной периодики, доступны в виде материалов интернет-сайтов. При этом попытки концептуального осмысления влияния памятников и городской скульптуры этого периода на формирование исторической памяти немногочисленны. Анализ тенденций развития монументального пространства западносибирских городов в годы перестройки и постперестроечный период имеет место в публикациях Т.М. Назарцевой⁶³, П.П. Вибе⁶⁴, Е.В. Мельниковой⁶⁵, М.Г. Агапова⁶⁶, О.В. Гефнер⁶⁷.

⁶² Сибирь в лицах: науч.-справ. изд. / В.А. Зверев, А.С. Зуев, И.С. Кузнецов, В.И. Шишкин и др.; отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс: МАСС-Медиа-Центр, 2001. – 832 с.; Новосибирск: энциклопедия / редкол.: гл. ред. В.А. Ламин и др. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. – 1071 с.; Энциклопедия Омской области: в 2 т. / под общ. ред. В.Н. Русакова. – Омск: Омское книжное издательство, 2010. – Т. 1. – 592 с.; – Т. 2. – 592 с.; Энциклопедия города Омска: в 3 т. / под ред. И.А. Кольца, Г.А. Павлова, А.П. Толочко. – Т. 3.: Омск в лицах. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2009–2011. – Кн. 1: А-К. – 2011. – 648 с.; Кн. 2: Л-Я. – 2011. – 692 с.

⁶³ Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. – Омск: ОГИК музей, 2005. – С. 57-66.

⁶⁴ Вибе П.П. О памятнике Колчаку, музее гражданской войны и белой столице // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2012. – № 17. – С. 73-85; Вибе П.П. Омску нужен план «монументальной пропаганды» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2013. – № 18. – С. 204-206.

⁶⁵ Мельникова Е.В. Время, застывшее в камне и бронзе // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества. – Омск, 2016. – Вып. 22. – С. 206-210.

⁶⁶ Агапов М.Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 1. – С. 142-150.

⁶⁷ Гефнер О.В. История страны в памятниках современного Новосибирска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2019. – № 3. – Режим доступа: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf> (дата обращения: 27.11.2021).

Наиболее содержательны в аналитическом плане работы П.П. Вибе второй половины 2010-х гг., представленные им на суд читателя в виде книжной научно-популярной серии «Загадки и мифы омской истории»⁶⁸. Рассматривая социальные функции монументальных памятников, автор выделяет четыре основные: информационную, познавательную (гносеологическую), идеологическую и воспитательную. При группировке этих функций обозначаются два функциональных блока, по мнению П.П. Вибе, формирующих мировоззрение людей – информационно-познавательный и идеологически-воспитательный. «Первый из них отвечает за... процесс познания прошлого и формирование новых знаний». Второй – увековечивает память, вносит исторические события и персонажей в круг «актуальной памяти» в воспитательных целях⁶⁹.

Смысловому наполнению позднесоветского и постсоветского монументального искусства, творчеству сибирских скульпторов 1980–2000-х гг., истории создания основных памятников этого периода посвящены работы омских и новосибирских искусствоведов и культурологов. С позиций нашего исследования интерес представляют публикации, авторы которых используют категориальный аппарат исторической локалистики. Наиболее соответствующим задачам нашего исследования, в общем контексте, является понятие «дух места» (труды В.Ф. Чиркова⁷⁰, Г.Ю. Мысливцевой⁷¹), соотносимое с «фигурами памяти» и «местами памяти».

Торжествам в честь знаковых исторических событий и юбилеев посвящена обширная литература. Хронологически эти исследования в основной массе ограничены дореволюционным периодом и первой половиной XX в. Интересные сведения о специфике массовых торжеств и их значении в формировании

⁶⁸ Вибе П.П. Омск – необыкновенный город! или размышления историка накануне 300-летнего юбилея города о роли Петра I и его сподвижников в основании Омской крепости. – Омск: ОГИК музей, 2016. – 28 с. (2-е изд. – Омск, 2018. – 32 с.); Правда о генерал-губернаторе Гасфорде, его жёнах и не только. – Омск: ОГИК музей, 2017. – 52 с.; Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. – Омск: ОГИК музей, 2019. – 68 с.

⁶⁹ Вибе П.П. Монументальная история Омска... – С. 9.

⁷⁰ Чирков В.Ф. Дух Места как культурологическая проблема изучения и строительства // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. – Омск, 1997. – С. 194-211.

⁷¹ Территория мечты. Сборник трудов Г.Ю. Мысливцевой. – Омск, 2010. – 384 с.

исторической памяти сибиряков представлены в работах Ю.М. Гончарова⁷², С.А. Шилина⁷³, М. Рольфа⁷⁴, П.Е. Азаровой⁷⁵. В 1996 г. П.П. Вибе опубликовал небольшое сообщение об истории празднования 200-летия Омска (1916 г.)⁷⁶. Статьи, посвящённые западносибирским коммеморативным практикам второй половины XX в., носят, как правило, обзорный характер. Главной их особенностью (что при незначительном количестве информации как таковой выглядит безусловным достоинством) является описательность. Среди наиболее информативных текстов, рассказывающих о том, как праздновались юбилеи Омска и Новосибирска в 1960–2000-е гг., следует выделить работы А.М. Избушевой⁷⁷, А.М. Лосунова⁷⁸, О.В. Блиновой, О.В. Котовщиковой⁷⁹, Т.М. Назарцевой⁸⁰, Л.А. Кузменкиной⁸¹.

Для периода второй половины 2010-х гг. характерно желание западносибирских исследователей коммемораций уйти от фрагментарности, присущей отдельным «локальным» публикациям, и реализовать ряд масштабных

⁷² Гончаров Ю.М. Городские праздники Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 4. – С. 9-15.

⁷³ Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). – Барнаул, 2008. – 54 с.

⁷⁴ Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 440 с.

⁷⁵ Азарова П.Е. Городские праздники Западной Сибири 1920–1930-х гг. в аспекте ценностно-знаковой системы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2017. – № 26. – С. 12-18.

⁷⁶ Вибе П.П. 200-летний юбилей Омска // 280 лет Омску: история и современность: тезисы докладов и сообщений науч. конф. – Омск: ОмГУ, 1996. – С. 84-86.

⁷⁷ Избушева А.М. Подготовка и проведение юбилея города в советской истории как способ сохранения и закрепления исторической и культурной памяти // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2015. – № 3. – С. 24-35.

⁷⁸ Лосунов А. День рождения Омска: взгляд сквозь века // Ex Libris (Омск). – 2016. – № 3. – С. 69-75.

⁷⁹ Блинова О.В., Котовщикова О.В. Омску 300 лет: традиция празднования дня города // Омский краевед. – 2017. – № 7. – С. 48-54.

⁸⁰ Назарцева Т.М. 250-летие Омска. По страницам газеты «Омская правда» // Омский краевед. – 2017. – № 7. – С. 55-60.

⁸¹ Кузменкина Л. Когда в Новосибирске впервые отпраздновали День города? [Электронный ресурс] Библиотека сибирского краеведения. – Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/content/kogda-v-novosibirske-vpervye-otprazdnovali-den-goroda> (дата обращения: 27.11.2021); Кузменкина Л. 25 лет назад в Новосибирске впервые отпраздновали День города [Электронный ресурс] Библиотека сибирского краеведения. – Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/content/25-let-nazad-v-novosibirske-vpervye-otprazdnovali-den-goroda> (дата обращения: 27.11.2021).

теоретических и практических опытов. Продуктивной видится модель изучения формирования памятных мест и коммемораций, разработанная Е.И. Красильниковой в ходе написания докторской диссертации, посвящённой коммеморациям межвоенного периода⁸². Данная модель показала свою успешность при приложении к другим хронологическим отрезкам, в частности к периоду рубежа XX–XXI вв. В 2019 г. Е.И. Красильниковой и коллективом исследователей, в который входил и автор данной диссертации, был реализован научный проект «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX–XXI в.)». Результатом работы стала серия публикаций, направленных на расширение представлений о специфике включения исторического знания в практику исторической политики на разных этапах её развития⁸³.

Значительный интерес представляет и опыт научного коллектива под руководством В.Г. Рыженко. В основу исследовательских практик, объединённых наименованием «Трансформации локальных культурных пространств: от символики советской эпохи к современным образам и символам памяти о прошлом», была положена историко-культурологическая модель, соединившая такие теоретико-методологические опоры, как концепция структурирования локального культурного пространства (места памяти, топонимический язык, институциональная структура мест поселенческих коммемораций и т. д.), и матрица трёхуровневой иерархии фигур памяти (фигуры национально-государственной памяти, «капитал региональной уникальности» и символические

⁸² Красильникова Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири: конец 1919 – середина 1941 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Омск, 2016. – 36 с.

⁸³ Красильникова Е.И., Вальдаман И.А. Практики политики памяти: Парк-музей «Россия – моя история» в системе институциональных противоречий // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 444. – С. 72-82; Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – № 1. – С. 47-54; Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920 – 2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 58-69.

фигуры локального масштаба, определяющие уникальность места)⁸⁴. Исследователями было отмечено, что локальные культурные пространства городов Западной Сибири разнообразны, набор символов памяти о прошлом применительно к каждому населённому пункту является уникальным. Сосуществование советской и современной символики памяти в городах характеризуется данным научным коллективом как органичное.

Среди новейших разработок историков и культурологов Западной Сибири в области исследования коммемораций следует выделить и коллективный труд сотрудников Сибирского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва⁸⁵. Опорным теоретико-методологическим инструментарием в данном случае послужил культурно-ландшафтный подход. Отметим, что применение этого подхода при изучении структуры и состояния ландшафтов в контексте культурной политики является характерным для работ, проводимых в филиале с первых лет его основания (здесь уместно вспомнить о публикациях по «городоведческой» проблематике рубежа 1990–2000-х гг.).

Усиление научного интереса к коммеморациям в крупных сибирских городах непременно способствовало развитию аналогичного интереса к проблемам бытования малых городов. Углубление практики применения культурно-ландшафтного подхода, использование учёными «ландшафтно-цивилизационного» и «ландшафтно-деятельного» подходов способствовали расширению пространства исследований. Итогом этих поисков стало издание сборников статей и научно-методических рекомендаций, посвящённых проблемам сохранения малых городов Западной Сибири. Данные сюжеты нашли отражение в работах Д.А. Алисова, А.П. Сорокина, Н.Ф. Хилько, Ю.Р. Гореловой⁸⁶. Помимо публикаций научного коллектива под руководством Н.Ф.

⁸⁴ Рыженко В.Г. Новые фигуры и места памяти... – С. 11.

⁸⁵ Алисов Д.А., Гефнер О.В., Золотова Т.Н., Хилько Н.Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. – М.: Институт Наследия, 2019. – 98 с.

⁸⁶ Развитие и сохранение культурного ландшафта малых городов Омской области в начале XXI века: сб. статей и науч.-метод. рекомендаций. – Омск: Амфора, 2018. – 303 с.; Хилько Н.Ф. Обновление культурной среды и развитие туризма в малых городах и поселениях Омского региона. – Омск: Амфора, 2020. – 140 с.

Хилько тенденции развития мемориального пространства и мест памяти малых городов Западной Сибири анализируются в статьях А.В. Кузнецовой⁸⁷, О.А. Громовой⁸⁸.

По итогам обзора этого блока историографии можно сделать вывод о том, что в вопросе изучения коммемораций советского и постсоветского периодов сибирскими исследователями в последние годы достигнуты значительные успехи.

Четвёртый проблемный блок – исследования деятельности культурно-просветительных общественных организаций Западной Сибири во второй половине 1980-х – 1990-е гг.

Процессы демократизации социально-политической и культурной жизни, формирование многопартийности, становление и развитие институтов гражданского общества, отказ от монополии «единственно верного учения» в сфере идеологии способствовали значительной активизации партийно-политических сил и общественных движений, а затем и исследовательской работы по их изучению. Особая заслуга в раскрытии западносибирского материала принадлежит омскому историку С.В. Новикову, автору ряда справочных изданий и обобщающей монографии⁸⁹. Аналогичная работа с середины 1990-х гг. проводилась и в Новосибирске. В 1995 г. Региональным центром поддержки государственности был издан справочник «Партии и

⁸⁷ Кузнецова А.В. Фигуры и места памяти в культурном пространстве малого города (на материалах г. Куйбышева / Каинска Новосибирской области) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 50-57.

⁸⁸ Громова О.А. Тенденции развития мемориального пространства малых городов Новосибирской области в 1980–1990-х годах // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГУАДИ, 2020. – Т. XV. – С. 304-313; Красильникова Е.И., Громова О.А. Мемориальное пространство малых городов Новосибирской области в исторической динамике (вторая половина XIX – XX вв.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 9-16.

⁸⁹ Новиков С.В., Макаров А.А. Политические партии и движения Омска. – Омск, 1995. – 29 с.; Новиков С.В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 года. – Москва, 1999. – 64 с.; Новиков С.В., Мордвинцева С.А. Общественно-политические организации Омского Прииртышья 1988–1995 гг.: (Документы и материалы). – Омск: ОмГТУ, 1999. – 111 с.; Новиков С.В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: Проблемы взаимовлияния, 1988–1996 гг. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. – 408 с.

политические движения в Новосибирской области»⁹⁰. Этим же центром было поддержано издание книги А.В. Лифанова и А.Ю. Малышева⁹¹. Общественно-политическая ситуация второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. нашла отражение в текстах хрестоматии по истории Новосибирской области «Наша малая родина»⁹².

В 1997 г. «по горячим следам» была защищена диссертация Е.В. Черненко «Становление общественно-политических организаций и движений в Западной Сибири (1987 – август 1991 гг.)»⁹³. Различные аспекты общественно-политической жизни Сибири новейшего периода были рассмотрены в 2000-е гг. в исследованиях В.И. Буланкина⁹⁴, Д.Т. Пучкина⁹⁵, С.А. Величко (Мордвинцевой)⁹⁶, М.И. Машкарин, В.И. Магды⁹⁷, В.И. Козодоя⁹⁸. В этих работах анализировались особенности реструктуризации социально-политического пространства Сибири после распада СССР, этапы становления многопартийной системы и усиление политической борьбы в регионах, выборные кампании 1990-х гг. и т. д., но при этом культурно-просветительные сообщества не стали предметом данных исследований. Единичные упоминания и привлечение отдельных фактов нельзя рассматривать как попытку комплексного анализа культурно-просветительной деятельности. Аналогичный вывод можно сделать и по приводимым изданиям

⁹⁰ Партии и политические движения в Новосибирской области / сост. Д.Т. Пучкин, Т.Ф. Ханов. – Новосибирск, 1995. – 62 с.

⁹¹ Лифанов А.В., Малышев А.Ю. Путеводитель по партиям современной России. – Новосибирск, 1995. – 116 с.

⁹² Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991 / сост. В.И. Баяндин, В.А. Ильиных, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов и др. – Новосибирск: Экор, 1997. – 768 с.

⁹³ Черненко Е.В. Становление общественно-политических организаций и движений в Западной Сибири (1987 – август 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1997. – 247 с.

⁹⁴ Буланкин В.И. Формирование политической оппозиции в Западной Сибири 1987 – август 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 218 с.

⁹⁵ Пучкин Д.Т. Становление политических организаций либеральной ориентации в Западной Сибири. 1988–1996 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 214 с.

⁹⁶ Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985 – 1991 гг.). – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004. – 376 с.

⁹⁷ Машкарин М.И., Магда В.К. Политическое пространство Омского Прииртышья: партийный аспект. – Омск: ГУ ОО РЦСО, 2007. – 102 с.

⁹⁸ Козодой В.И. Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Москва, 2009. – 567 с.

справочного характера, содержащим конкретно-фактический материал по организациям, деятельность которых рассматривается нами в рамках диссертационного исследования. Однако малая информативность этого материала не позволяет охарактеризовать ни основные принципы развития культурно-просветительных организаций в Западной Сибири в изучаемый период, ни результаты их практической деятельности.

В 2008 г. состоялась защита диссертации Т.А. Замираловой, посвящённой образованию и деятельности на территории Западной Сибири в годы перестройки и постперестроечный период национально-культурных объединений⁹⁹. Однако и в этой работе не упоминаются рассматриваемые нами культурно-просветительные общества: Русское географическое общество (РГО), Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), Советский (Российский) фонд культуры (СФК/РФК), историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал»¹⁰⁰. Указанные факты позволяют нам зафиксировать отсутствие специального фундаментального исследования истории развития культурно-просветительных общественных организаций в крупных городах Западной Сибири в 1980–1990-е гг. При этом существует массив литературы, раскрывающей особенности строения и характеризующей этапы развития упомянутых организаций. Обратимся к этому разделу историографии.

Почти полуторавековой деятельности Западно-Сибирского (Омского) отдела Русского географического общества посвящена многочисленная литература. При этом если дореволюционный период истории организации подробно освещён и раскрыт в научных трудах¹⁰¹, то публикации, затрагивающие

⁹⁹ Замиралова Т.А. Возникновение и развитие общественных национально-культурных объединений Западной Сибири (1985–2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 236 с.

¹⁰⁰ Прим. Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”» (некоммерческая организация, внесённая в перечень иностранных агентов) была ликвидирована решением Верховного суда РФ от 28 декабря 2021 г.

¹⁰¹ См.: Скалабан И.А. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества в последней четверти XIX – начале XX вв., 1877–1919 гг.: дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994; Толочко А.П. Роль Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в исследовании Степного края (конец XIX – начало XX вв.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Тез. докл. и

советский и постсоветский этапы, в основной массе носят справочно-энциклопедический, публицистический и мемуарный характер. И хотя с 2000-х гг. в публикуемых активистами РГО статьях прослеживается стремление не только к обобщению имеющихся материалов, но и к изменению направленности исследований в сторону их интерпретаций, упорядочению расстановки акцентов и выводов, позднесоветскому и постсоветскому периодам в этих текстах уделено мало внимания. Отдельные сюжеты, хронологически совпадающие с рамками нашего исследования, представлены в публикациях И.А. Вяткина, Ф.И. Новикова, А.А. Соловьёва¹⁰², Н.А. Томилова¹⁰³, С.Д. Авербух¹⁰⁴, А.М. Лосунова¹⁰⁵, Б.Ю. Кассала¹⁰⁶. На сегодняшний день потребность в комплексных работах аналитического плана, освещающих в том числе современный период, ощущается острее. В 2020 г. была опубликована статья, а спустя год и книга Б.А. Коникова, посвящённые археологическому аспекту деятельности Западно-Сибирского

сообщ. III науч. конф. – Астана; Омск; Томск, 2003. – С. 98-99; Базылева Е.А. Императорское Русское географическое общество (к историографии вопроса) // Вестник Омского университета. – 2007. – № 4. – С. 102-106; Кузьмин А.Н. Некоторые вопросы изучения этнографии, истории и археологии Западно-Сибирским отделом Русского географического общества в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 113-117; Блинова О.В. Деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества на переломе эпохи (1910-е – 1920 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2019. – № 22. – С. 52-60.

¹⁰² Вяткин И.А., Новиков Ф.И., Соловьёв А.А. Русское географическое общество в Омском регионе // Известия Омского отделения Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Западно-Сибирского отделения Академии медико-технических наук Российской Федерации. – Омск, 2009. – Т. 6. – С. 3-10.

¹⁰³ Томилов Н.А. Этнографическая комиссия ОРО РГО и этнографические исследования омских ученых // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества. История деятельности Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». – Омск, 2008. – Вып. 20. – С. 82-88.

¹⁰⁴ Авербух С.Д. Роль и значимость омских музеев в деятельности ОРО РГО // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества... – Омск, 2008. – Вып. 20. – С. 107-110.

¹⁰⁵ Лосунов А.М. Возрождение в 1947 г. Омского отдела географического общества СССР и первые годы его существования // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества... – Омск, 2008. – Вып. 20. – С. 115-133.

¹⁰⁶ Кассал Б.Ю. Зоологическая публицистика в начале XXI века // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества... – Омск, 2008. – Вып. 20. – С. 133-148.

отдела РГО¹⁰⁷. Характеристика «перестроечного» и постсоветского этапов работы Новосибирского отдела Русского географического общества представлена в публикациях Ю.А. Белоножко и Т.К. Анфиногеновой¹⁰⁸.

Схожая ситуация сложилась с литературой, посвящённой деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. При отсутствии общих фундаментальных трудов по истории ВООПИиК следует отметить, что в 2016 г. (год 50-летнего юбилея общественной организации) появились публикации, в которых были предприняты попытки обозначить этапы развития Общества и охарактеризовать их особенности. Именно эти задачи постарались решить в своих работах Г.И. Маланичева, В.А. Ливцов¹⁰⁹, А.В. Слабуха¹¹⁰. Период второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. рассматривается данными авторами как завершение фазы подъёма в деятельности отделений в рамках советского этапа истории; 1990-е гг. оцениваются как «критические» по причине потери Обществом финансовой стабильности. Омский материал этого переходного этапа в истории ВООПИиК нашёл отражение в публикациях В.Г. Титова, М.Ю. Зубакиной¹¹¹, А.П. Сорокина¹¹², Ю.Р. Гореловой¹¹³. Отдельные

¹⁰⁷ Конилов Б.А. Археология в истории Западно-Сибирского – Омского отделов Русского географического общества // Известия Омского регионального отделения РГО. Подвижники Омского Прииртышья в зеркале юбилеев трех великих событий. – Омск: ОРО РГО, 2020. – С. 104-109; Конилов Б.А. Археология в деятельности Западно-Сибирского Императорского Отдела – Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (1877–2020 гг.). – Омск: Издательский дом «Наука», 2021. – 168 с.

¹⁰⁸ Белоножко Ю.А. О краеведческой работе секции школьной географии Новосибирского отдела Русского Географического общества // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Новосибирской обл. / под ред. Л.М. Горюшкина, В.А. Зверева. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 34-39; Анфиногенова Т.К., Белоножко Ю.А. Из истории Новосибирского отделения Русского географического общества (1946–2001 гг.) // Новосибирская область в контексте российской истории. – Новосибирск: ИИ СО РАН, 2001. – С. 233-236.

¹⁰⁹ Маланичева Г.И., Ливцов В.А. Этапы истории ВООПИиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – Орел, 2016. – 169 с.

¹¹⁰ Слабуха А.В. Полвека Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры: опыт общественно-государственного партнерства (на примере отделения ВООПИиК в Красноярском крае) // Культурное наследие России. – 2016. – № 4. – С. 94-102.

¹¹¹ Титов В.Г., Зубакина М.Ю. Хранители памятников истории и культуры Омского Прииртышья // Архивный вестник (Омск). – 2006. – № 14. – С. 261-265.

сюжеты памятникоохранительной работы в Новосибирской области в указанный период рассматриваются в публикациях Е.И. Красильниковой и О.А. Громовой¹¹⁴. Инициативы по сохранению культурного наследия Новосибирска, их влияние на формирование исторической памяти горожан ещё слабо привлекают внимание историков, но становятся объектом рефлексии музейных работников и краеведов. Данной проблематике посвящены публикации Т.Н. Тарновской, Д.Д. Гаркуши, С.В. Филонова¹¹⁵, Д.И. Поповского¹¹⁶, К.А. Голодяева¹¹⁷.

В новейшей сибирской литературе была проделана работа по накоплению фактографического материала по истории Омского регионального отделения Советского (Российского) фонда культуры. Попытки систематизации, обобщения и анализа имеющегося материала были предприняты Э.Р. Ахуновой, А.П. Сорокиным, Н.А. Томиловым¹¹⁸, Н.Ф. Хилько¹¹⁹. В статье, посвящённой

¹¹² Сорокин А. Общественное движение за сохранение памятников истории и культуры в Омске в конце XX – начале XXI веков // Историко-культурное наследие Омского Прииртышья: сб. науч. тр. – Омск, 2010. – Вып. 4. – С. 25-33.

¹¹³ Горелова Ю.Р. Охрана культурного наследия: зарубежный, российский и омский опыт // Облик и образ города: теория и практика культурологического анализа: в 2 частях. – Омск, 2011. – Ч. 2. – С. 244-269.

¹¹⁴ Громова О.А., Красильникова Е.И. Система мест памяти о советских героях в городе Куйбышеве Новосибирской области (по документам Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 1960-х – 1980-х годов) // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГУАДИ, 2019. – Т. XIV. – С. 459-463; Красильникова Е.И. Дореволюционная архитектура городов Новосибирской области: проблемы мемориализации (конец 1960-х – начало 1990-х годов) // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГУАДИ, 2020. – Т. XV. – С. 333-342.

¹¹⁵ Тарновская Т.Н., Гаркуша Д.Д., Филонов С.В. Ревалоризация историко-архитектурного наследия Новосибирской области в деятельности общественников. Сохранение памяти поколений // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15-17 апреля 2015 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. – Т. X. – Ч. 2. – С. 329-341.

¹¹⁶ Поповский Д.И. К вопросу о переименовании новосибирской площади Свердлова в площадь имени архитектора А.Д. Крячкова // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – Т. XI. – С. 248-252.

¹¹⁷ Голодяев К.А. История новосибирской площади Свердлова, которая хотела-хотела стать площадью Крячкова, да так и не стала // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – Т. XI. – С. 253-258.

¹¹⁸ Сорокин А.П., Томилов Н.А. Российская культура и современное общество (к 20-летию Омского филиала Российского фонда культуры) // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 5-14; Сорокин А.П. Роль Омского филиала Российского фонда культуры в социокультурном пространстве города Омска в конце

проблемам самоидентификации и взаимодействия краеведческих сообществ Омска, А.П. Сорокин подчёркивает большой вклад отделений ВООПИиК и Фонда культуры в конце 1980-х – 1990-е гг. в дело пропаганды ценности историко-культурного наследия среди населения и власти, а также создания новых краеведческих объединений¹²⁰.

Расширению исследовательской проблематики также способствовал ряд публикаций, раскрывающих деятельность региональных отделений Российского историко-просветительского благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Зачастую летописцами движения по сохранению памяти о жертвах репрессий выступали наиболее активные члены организации. Омский материал нашёл отражение в публикациях Т.Г. Зубаревой, С.С. Кучуковой, Э.П. Оттена¹²¹, Т.П. Мордкович¹²². Проблемам увековечения памяти репрессированных в

XX – начале XXI века // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симп. (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.). – Омск, 2010. – С. 302-307; Томилов Н.А. Историко-культурное наследие и его роль в российском обществе // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Ом. гор. науч.-практ. конф. – Омск, 2011. – С. 13-15; Омский филиал Российского фонда культуры: справочник / сост.: Э.Р. Ахунова, А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2016. – 62 с.; Томилов Н.А. Краеведение в деятельности и планах Омского филиала Российского фонда культуры // Вторые Дравертговские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Омск, 19-29 ноября 2019 г.). – Омск, 2020. – С. 28-36; Томилов Н.А. Историко-краеведческая тематика в научно-информационном издании «Вестник культуры» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 124-132;

¹¹⁹ Хилько Н.Ф. Опыт решения проблем национально-культурного развития региона в Сибири в 90-е годы XX века (по материалам Сибирского отделения Российского фонда культуры и Министерства культуры Омской области) // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 68-71.

¹²⁰ Сорокин А.П. Краеведческое сообщество в Омском регионе: проблемы самоидентификации и взаимодействия в деятельности общественных объединений и музеев // Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова (Омск, 27-29 октября 2011 г.). – Омск: ОГИК музей, 2011. – С. 137-145.

¹²¹ Зубарева Т.Г., Кучукова С.С., Оттен Э.П. Из истории деятельности общества «Мемориал» // Забвению не подлежит: материалы II регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти жертв полит репрессий (70-летию Большого террора) (Омск, 20 декабря 2007 г.). – Омск, 2007. – С. 115-118.

¹²² Мордкович Т.П. Деятельность омского «Мемориала» в системе организации гражданского просвещения молодёжи // Вузовская корпоративная организация и гражданское общество: материалы междунаро. науч.-практ. конф. (Омск, 4-5 апреля 2011 г.). – Омск, 2011. – С. 136-138; Мордкович Т.П. Из истории создания первых памятников репрессированным в Омском регионе // Культура городского пространства: власть, бизнес и

Новосибирске посвящены статьи протоиерея И. Затолокина¹²³, В.В. Шадриной¹²⁴. Посредством публикаций (фундаментом которых чаще всего служили тезисы выступлений на различных конференциях и семинарах) авторы, не претендуя на масштабные обобщения, старались донести до широких масс основные цели и задачи Общества и привлечь к своей работе новых сторонников. Среди российских историков деятельность общества «Мемориал» подробно изучает Е.Г. Путилова (Нижний Тагил)¹²⁵, однако сибирский материал пока отражён в её публикациях опосредованно. Попытки составить целостное представление о деятельности культурно-просветительных общественных организаций Западной Сибири в 1980–1990-е гг. до сегодняшнего дня предпринимались историками только на уровне дипломных работ. В 2017 г. на кафедре отечественной истории Новосибирского государственного университета состоялась защита выпускной квалификационной работы Е.В. Гречихиной (научный руководитель – д-р ист. наук Н.Н. Аблажей) «Историко-просветительская деятельность Новосибирского отделения общества “Мемориал” (1989 – начало 2000-х гг.)».

Историографический обзор позволяет нам утверждать, что многие аспекты бытования гуманитарных сообществ крупных городов Западной Сибири не нашли отражения в научной литературе. На сегодняшний день в большей степени изучены общественно-политические и идеологические контексты,

гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12-13 ноября 2013 г.). – Омск, 2013. – С. 296-298.

¹²³ Протоиерей Игорь Затолокин. Увековечение памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской в Новосибирской митрополии // Репрессированная сибирская провинция: материалы рег. науч.-практ. семинара. Новосибирск, 28-29 октября 2013 г. – Новосибирск: Сибпринт, 2013. – С. 90-94.

¹²⁴ Шадрина В.В. Сохранение исторической памяти средствами школьного музея // Репрессированная сибирская провинция... – Новосибирск: Сибпринт, 2013. – С. 113-115.

¹²⁵ См. Путилова Е.Г. Проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России (II половина 1980-х – начало 2000-х гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 71-75; Путилова Е.Г. История формирования и развития Международного общества «Мемориал» // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 53. – С. 294-305; Путилова Е.Г. Коммеморативные практики музея международного общества «Мемориал» на этапе становления движения (конец 1980-х – начало 2000 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 43-48; Путилова Е.Г. Из истории становления и развития издательской деятельности Международного общества «Мемориал» (конец 1980-х – 2000-е гг.) // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 2. – С. 42-47.

история формирования политических движений и национально-культурных объединений Западной Сибири в перестроечный и постперестроечный периоды, создан ряд работ, затрагивающих теоретико-методологические проблемы изучения исторической памяти (труды М.Я. Рожанского, Е.И. Красильниковой, М.К. Чуркина). В последние годы пристальное внимание историков обращено к местным научным и вузовским сообществам гуманитарной интеллигенции. Также учёными совместно с краеведами и музейными работниками достигнуты результаты в изучении коммемораций 1985–1990-х гг. Однако непосредственно культурно-просветительная деятельность сибирской интеллигенции, в рамках которой она выступает в качестве субъекта формирования исторической памяти, представлена в существующих публикациях фрагментарно, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в рамках стратегического замысла нашей работы. Эти обстоятельства предполагают обозначение определённой объектной и предметной области, формулировку цели и задач.

Объект исследования: коммуникативное пространство местных сообществ крупных городов Западной Сибири.

Предмет исследования: деятельность гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска по формированию и трансляции исторической памяти.

Цель исследования: раскрыть содержание деятельности гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска по конструированию, сохранению и трансляции исторической памяти в региональном аспекте.

Реализация данной цели подразумевает решение следующих **задач**:

1. Выявить и охарактеризовать этапы деятельности гуманитарной интеллигенции по сохранению и трансляции исторической памяти в 1985–2000 гг.
2. Установить институциональные опоры и площадки коммуникации и практической деятельности интеллигенции по формированию исторических символов и мест памяти в региональных рамках.
3. Обозначить направления и формы деятельности местных сообществ интеллигенции по конструированию пространств исторической памяти.
4. Определить каналы репрезентации представлений об историческом

прошлом гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска.

5. Раскрыть отражение представлений о прошлом в «персональной» памяти отдельных участников локальных сообществ.

6. Показать общественную реакцию на репрезентацию исторической реальности в средствах массовой информации и публичной деятельности интеллигенции в Омске и Новосибирске в 1985–2000 гг.

Хронологические рамки исследования. Нижняя граница определена 1985 г., ознаменовавшимся началом глобальных политических, экономических и культурных изменений в жизни страны, объединённых названием «перестройка», первыми знаковыми событиями которой стали мартовский, апрельский пленумы ЦК КПСС и выступление М.С. Горбачёва в Ленинграде. Важнейшее идеологическое значение этих событий заключалось в налаживании прямого диалога политического руководства с народом, развязыванием инициативы СМИ и ликвидацией зон, свободных от критики¹²⁶. Верхняя граница обозначена 2000 г. – приходом к власти В.В. Путина и последующим постепенным свёртыванием масштабных демократических преобразований, переориентацией политического курса на «укрепление государственности»¹²⁷, что уже в конце 2000 г. нашло отражение в ряде символических акций вроде возвращения в качестве государственного гимна музыкальной композиции А.В. Александрова, созданной в 1943 г. как гимн СССР.

Территориальные рамки исследования ограничиваются параметрами Западно-Сибирского региона в пределах двух его важнейших политико-административных центров – Омска и Новосибирска. Эти города в разное время носили полуофициальный статус «сибирской столицы», являясь крупнейшими центрами политической, экономической и культурной жизни Западной Сибири. При определении территориальных рамок исследования мы руководствовались

¹²⁶ Медведев В.А. У перестройки был свой шанс // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 8-23.

¹²⁷ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (26 мая 2004 года. Москва, Кремль). [Электронный ресурс] Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494> (дата обращения: 28.11.2021).

терминологическим аппаратом современной урбанистики, утверждающей, что степень развитости функциональной структуры города находится в прямом соответствии с его величиной, «которую выражают в первую очередь с помощью показателя людности, т. е. численности населения»¹²⁸. Согласно типологии, предложенной Г.М. Лаппо, Омск и Новосибирск относятся к одному типу полифункциональных центров-мегаполисов (городов-миллионеров): в рассматриваемый нами период из всех сибирских городов только эти два города имели численность населения более 1 млн. человек.

Теоретико-методологическая основа исследования. Характером поставленных задач обусловлено применение комплексных приёмов исследования. Данная работа выполнена в контексте идей междисциплинарности, результатом развития которых является незатухающий интерес учёных к проблематике истории интеллигенции и истории памяти. При этом в современной историографии сложно найти более неопределённые и спорные понятия, чем «интеллигенция» и «историческая память». В рамках нашей диссертации необходимо раскрыть общее содержание этих понятий.

Понятие «интеллигенция» по-прежнему остаётся дискуссионным. П.Б. Уваров выделяет три основных подхода к пониманию того, что есть интеллигенция¹²⁹. Первый подход – атрибутивный. В его основе попытка определения интеллигенции через формальный критерий, вроде образовательного ценза или профессиональной принадлежности. Несмотря на всю наглядность данного подхода, уже на стадии анализа источникового материала стало очевидно, что применительно к нашему исследованию, посвящённому не столько профессиональной, сколько общественной деятельности местных сообществ, данный подход является малопродуктивным, а значит, от него следует отказаться.

Иным подходом является эмоционально-оценочный, который П.Б. Уваров

¹²⁸ Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – С. 42.

¹²⁹ Уваров П.Б. Отечественная историография интеллигенции: проблемный подход // Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2011. – С. 7-37.

считает вариацией атрибутивного¹³⁰. Суть этого подхода заключается в том, что идентификационный маркер базируется на произвольных допущениях оценочного характера. Базовой характеристикой в данном случае является субъективность. В конце 1980-х гг., в условиях культурного поворота в гуманитарных науках и расцвета публицистики, эмоционально-оценочный подход получил широкое распространение. Это обстоятельство послужило основанием для начала продолжительной дискуссии о дефиниции в российском интеллигентоведении. В.Л. Соскин, не являясь приверженцем указанного подхода, признавал его частичную справедливость и целесообразность¹³¹. Л.Н. Коган придерживался более «радикальных» суждений, поскольку не только разделял, но противопоставлял друг другу термины «специалисты» и «интеллигенция»¹³². Оценочные мотивы в той или иной степени присутствуют в общегуманитарной эссеистике Д.С. Лихачёва, М.К. Мамардашвили, Ю.М. Лотмана, А.И. Солженицына, склонных разделять такие понятия, как «интеллигенция» и «интеллигентность».

В 1990-е гг. эмоционально-оценочный подход укрепляется в гуманитарных исследованиях. Сегодня данный подход также имеет множество приверженцев. По мнению А.П. Даниловой, «интеллигент – это человек классически образованный, приверженный справедливости, гуманист по своим моральным установкам и убеждениям, имеющий свою точку зрения, но, главное, это тот, кто благороден в своих поступках»¹³³. С.Э. Макарова говорит о том, что «генетически понятие интеллигенции является культурологическим и означает, прежде всего, людей культуры, чьими знаниями и мыслительными усилиями создаются и

¹³⁰ Уваров П.Б. Указ соч... – С. 18.

¹³¹ Соскин В.Л. Некоторые теоретические аспекты современного этапа изучения советской интеллигенции России // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Межвузовский республиканский сборник научных трудов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. – С. 26.

¹³² Коган Л.Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Российская интеллигенция: XX век: тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Екатеринбург, 1994. – С. 61.

¹³³ Данилова А.П. Интеллигентность как качество личности преподавателя: наследие высшей школы // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив-плюс», 2014. – С. 120.

поддерживаются ценности, нормы и традиции культуры»¹³⁴.

С позиций академической науки привлекательнее выглядит функциональный подход, согласно которому критериями отношения к интеллигенции служат «общественные обязанности, социально обусловленное действие, вычленение зоны ответственности»¹³⁵. Разновидностью функционального подхода является направление, в рамках которого выделение интеллигенции из массы населения осуществляется на основе определения характера труда и его конечного продукта. В.Л. Соскин называл это направление главенствующим. В данном случае под интеллигенцией понимаются работники умственного труда, занимающиеся им благодаря наличию образования, специальности, способностей и обладающие необходимыми навыками и опытом. «Все остальные признаки являются вторичными, они различны для разных обществ и разных эпох»¹³⁶.

Впрочем, типология, предложенная П.Б. Уваровым, является лишь одной из множества вариаций на тему общенаучной дискуссии о дефиниции. Д.В. Чарыков, рассматривая в своей диссертации вопросы теории и методологии изучения интеллигенции в отечественной историографии, в числе традиционных подходов к определению основного понятия выделяет два основных: социально-профессиональный (формальный) и философско-культурологический. К первому тяготеют учёные-историки, ко второму – писатели и публицисты. «Формальный подход строится в основном на советском определении интеллигенции как работников умственного труда. Неформальный подход вбирает в себя множество определений, базирующихся на критериях, которые слабо поддаются научной верификации, такие как “мозг и совесть нации”, носительница нравственности и

¹³⁴ Макарова С.Э. «Интеллигенция» как объект социально-философского анализа. // Социология власти. – 2009. – № 2. – С. 88.

¹³⁵ Уваров П.Б. Указ. соч... – С. 12.

¹³⁶ Соскин В.Л. Некоторые теоретические аспекты современного этапа изучения советской интеллигенции России... – С. 24.

культурности и проч. И тот и другой подходы имеют слабые стороны»¹³⁷.

С конца 2000-х гг. всё больше сторонников обретает комплексный междисциплинарный подход, особая заслуга в развитии которого в отечественной науке принадлежит В.С. Меметову¹³⁸. По мнению одного из учеников В.С. Меметова О.Ю. Олейника, «интеллигенция должна определяться как по социально-профессиональным чертам и свойствам, так и по духовно-интеллектуальным»¹³⁹.

Применительно к нашему исследованию, предметом которого является как профессиональная, так и общественная деятельность интеллигенции (и обе они в данном случае связаны с конструированием не только материальных объектов, но и абстрактных сущностей), междисциплинарный подход видится наиболее инструментальным. Результат конечного продукта тут выражается в создании определённого набора духовных ценностей. Нашим исследовательским задачам соответствует определение, предлагаемое придерживающейся междисциплинарного подхода Г.А. Будник, согласно которому *интеллигенция – это социокультурная общность, представители которой отличаются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направленной на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей, и обладают особыми психологическими чертами и позитивными нравственно-этическими качествами*¹⁴⁰.

При непосредственном вычленении же из обозначенной общности именно гуманитариев нами используется социологический критерий, позволяющий рассматривать эту часть интеллигенции также с позиций междисциплинарности,

¹³⁷ Чарыков Д.В. Изучение проблем теории интеллигенции в историографии 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (на материале Урало-Сибирского региона): дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2009. – С. 80-81.

¹³⁸ Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: монография / под ред. В.С. Меметова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – 432 с.

¹³⁹ Олейник О.Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: (теорико-методологический и историографический аспекты). – Иваново, 1997. – С. 53.

¹⁴⁰ Будник Г.А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. – 2009. – № 3. – С. 14.

принимая во внимание как духовно-интеллектуальные, так и с социально-профессиональные характеристики. В контексте данной работы под *гуманитарной интеллигенцией* понимается *социальная группа, выполняющая функции воспроизводства человеческого капитала, ретрансляции культурных идей общенационального уровня, критики и отбора ценностей построения гражданского общества.* «В выделении гуманитарной интеллигенции особую роль играет сфера занятости в учреждениях образования, науки, культуры, искусства, СМИ, здравоохранения и социального обеспечения»¹⁴¹. К гуманитарной интеллигенции мы относим историков, философов, филологов, журналистов, преподавателей высшей и средней школ, архивных, библиотечных и музейных работников. В отдельную, но важную группу гуманитарной интеллигенции мы выделяем краеведов, имеющих как гуманитарное, так и юридическое, техническое, медицинское образование.

Не менее дискуссионным является и другое, вынесенное нами в заголовок исследования понятие – историческая память. Его содержание уточняется в зарубежных и отечественных исследованиях. На сегодняшний день существует уже несколько десятков работ, выполненных в рамках подхода «memory studies», которые можно назвать классическими или новаторскими. Это публикации западных (М. Хальбвакс, Я. и А. Ассман, Э. Хобсбаум, Й. Рюзен, П. Нора, С. Бойм, А. Эткинд) и российских (И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Н.Е. Копосов, М.Ф. Румянцева, О.Б. Леонтьева, Е.С. Сенявская, Н.В. Эппле) исследователей. Однако словосочетание «историческая память» по-прежнему требует неперемennого обоснования контекста его употребления.

Один из отцов-основателей «memory studies», М. Хальбвакс, разделял понятия «коллективная память» и «историческая память». Коллективная (социальная) память, по М. Хальбваксу, берёт и сохраняет из истории только то, «что ещё живёт или способно жить в сознании той группы, которая её

¹⁴¹ Шиняева О.В. Профессиональный состав и статус гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 1. – С. 110.

поддерживает»¹⁴². Память индивидуальна по своей природе и динамична по своей сущности, а потому личные воспоминания непременно искажаются под воздействием фактов настоящего.

Концепцию коллективной памяти значительно развил Я. Ассман. В его трудах коллективная память рассматривается в двух проекциях: культурной и коммуникативной. Культурная память опирается на «обосновывающие» воспоминания, относящиеся к далёкому прошлому. В силу своих сущностных стратегий она институционализована, символична и морфологична. Коммуникативная память – это память «мягкая», связанная с персональными воспоминаниями, захватывающими промежутки в 70–80 лет. По Я. Ассману, любая память по сути индивидуальна ввиду своей уникальности, но при этом социальна по своей природе¹⁴³.

Таким образом, историческая память возникает в результате тесного и непрерывного взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти, транслируемые через историческую политику (либо историческое просвещение) образы и символы вступают в реакцию с «живыми» воспоминаниями и образуют то, что современные исследователи называют репрезентациями исторического прошлого.

Выдающийся российский специалист в области теории науки Л.П. Репина трактует историческую память не только как главный канал передачи сведений о прошлом и исторического опыта, но и как важнейшую составляющую самоидентификации индивида, социальной группы и общества, поскольку для конструирования социальных групп в настоящем огромное значение имеет оживление образов прошлого: «Зафиксированные коллективной памятью образы и события в форме различных культурных стереотипов, символов и мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной

¹⁴² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: НЛО, 2005. – С. 43.

¹⁴³ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 63.

группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях»¹⁴⁴.

Историческая память обладает способностью удерживать в сознании людей ключевые исторические события прошлого, превращать историческое знание в различные формы мировоззренческого восприятия. Но в то же время для исторической памяти характерна гиперболизация, «преувеличение отдельных моментов исторического прошлого (чаще всего недавнего), поэтому историческая память не может претендовать на прямое, системное отражение исторического прошлого»¹⁴⁵.

В условиях урбанизированной среды историческая память выражается через коммеморации (вариант Е.И. Красильниковой), через «матрицу» внешнего образа города (вариант В.Г. Рыженко) и т. д. Оставляя в стороне дискуссии о наиболее действенном, с точки зрения восприятия обществом, способе трансляции исторической памяти, а также с учётом указанных выше особенностей исторической памяти уточним, что, как и в случае с трактовкой понятия «интеллигенция», мы склонны к синтетическому варианту, объединяющему существующие исследовательские наработки. Поэтому, на наш взгляд, *выражение исторической памяти осуществляется через создание мест памяти*. Словосочетание «место памяти» также требует уточнения.

Термин «место памяти» получил всемирную известность и обрёл широкую популярность благодаря проекту французских учёных, автором программы которого выступил историк П. Нора¹⁴⁶. *Место памяти – это единство духовного и материального порядка, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследий национальной памяти общности*. Автор одного из первых в России учебных пособий для вузов по исторической памяти

¹⁴⁴ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: «Кругъ», 2011. – С. 414.

¹⁴⁵ Лыкова В.В. О роли интеллигенции в конструировании исторической памяти в современной России // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2008. – Том. 21. – № 3. – С. 150.

¹⁴⁶ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17-50.

Ю.А. Сафронова¹⁴⁷ справедливо предостерегает исследователей от буквального заимствования и механического переноса опыта французских коллег на отечественную почву. Всё же национальные истории Франции и России (а проект «Франция. Места памяти» является национально-ориентированным) имеют мало существенных пересечений. Но общий вектор развития современных исторических исследований, когда практики изучения интерпретаций вытесняют изучение самих событий, наводит на мысль о том, что в рамках локальных исследований, при растущем интересе к формированию региональных особенностей, уникальности самоидентификации и культурного своеобразия применение в качестве исследовательского инструмента концепции «мест памяти» выглядит наиболее действенным.

Модель, предложенная П. Нора, безусловно, привлекает своей адаптивностью и иллюстративностью¹⁴⁸. При динамизме современной исследовательской работы, а также применительно к хронологии и территориальным рамкам нашего исследования, концепция «мест памяти» видится универсальной. В конце 1990-х гг. П. Нора подразделял «места памяти» на топографические (архивы, библиотеки, музеи), монументальные (кладбища, архитектурные сооружения), символические (коммеморации) и функциональные (книги, автобиографии и мемуары). Уже в начале 2010-х гг. И.И. Руцинская отмечала неполноту классификации: «Кроме того, эта типология, с одной стороны, ориентирована на современное общество, с другой – не учитывает наиболее популярных ныне “мест памяти” – кинотеатров, а также кресел, стоящих перед домашними телевизорами»¹⁴⁹.

Обращение к проблематике изучения культурно-цивилизационных

¹⁴⁷ Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.

¹⁴⁸ Красильников С.А. История и память в контексте политических интересов // Исторический курьер. – 2022. – № 1. – С. 10-11.

¹⁴⁹ Руцинская И.И. Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX – начала XX вв.: региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура. – Кн. 4. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. – С. 18.

ландшафтов, являющейся одним из оснований современной локалистики, зачастую ставит перед исследователем задачу расширения проблемного поля. В этих условиях терминологический аппарат и «идентификационная» ориентация концепции мест памяти не только удобны, но и функциональны при применении проблемного подхода. Поэтому помимо общеупотребительных выражений «места памяти» и «фигуры памяти» мы предлагаем термин «точки памяти». Введение данного понятия обоснованно, когда мы прибегаем к анализу региональных и краеведческих культурно-исторических контекстов. В локальном пространстве плотность символических объектов (в том случае, когда мы трактуем это понятие в самом упрощённом понимании – привязка к какой-то конкретной географической местности) иной раз способствует превращению места памяти в подобие «матрёшки», в которой одно место памяти находится внутри другого. При этом не всегда эти места сосуществуют в едином пространстве гармонично, зачастую они вступают в конфликт друг с другом, провоцируют «бои за память». Рассмотрение подобных сюжетов требует конкретизации употребляемых выражений.

Фактором расширения исследовательского поля обусловлено обращение к корреляции деятельности интеллигенции и трансформации исторической памяти. Разработка этой проблемы успешно ведётся специалистами в области интеллектуальной истории. В рамках исследования нами применены методологические подходы и этого направления. Современная интеллектуальная история описывает различные процессы «движения идей», выраженных, в том числе, в виде интеллектуальной коммуникации. «Интеллектуальная коммуникация... не только передаёт информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру»¹⁵⁰. Этот подход позволяет исследовать культурно-просветительные инициативы в контексте истории идей, рассматривая их в качестве оформленного результата движения интеллектуальной коммуникации. Также данный подход даёт

¹⁵⁰ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. ... – С. 375-376.

возможность рассмотреть деятельность представителей интеллигенции в рамках конкретной эпохи, оказывающей влияние на их повседневность и бытование, в качестве носителей знаний и ценностей.

Объединения интеллигенции рассматриваются нами как местные сообщества. Отсюда взят *локальный исследовательский подход*. Именно этот подход даёт возможность реконструировать историческую реальность, обратившись к деятельности сообществ интеллигенции: «в отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками»¹⁵¹. Избирая просветительскую деятельность гуманитарной интеллигенции в качестве предмета исследования, мы отмечаем, что совокупность идей (размышлений об истории и интерпретаций) и различных вариантов публичных исторических репрезентаций составляет целостную картину формирования пространства памяти крупных городов и оказывает значительное влияние на изменение их социокультурного облика.

Являясь историческим, наше исследование учитывает контексты актуализированных в условиях кризиса доверия к историческому метанарративу опытов ненаучного знания, оказывающих большое влияние на формирование представлений о прошлом. К таковым в первую очередь следует отнести местную историю (краеведение), которая за счёт корпуса циркулирующих внутри неё текстов, устных способов передачи информации и т. п. является важным каналом трансляции исторической памяти. Краеведение в обоих рассматриваемых городах-центрах имеет глубокие традиции, что делает его важным фактором понимания динамики локальных культурных и интеллектуальных процессов.

Наряду с общенаучными использовались методы историографического и источниковедческого анализа и социально-исторические методы: историко-сравнительный, историко-ретроспективный, историко-генетический. Историко-сравнительный метод направлен на выявление схожих и уникальных черт в

¹⁵¹ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. – Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. – С. 212.

деятельности местных сообществ Омска и Новосибирска. Анализ репрезентаций прошлого в рамках исторической рефлексии гуманитарной интеллигенции потребовал обращения к историко-ретроспективному методу. Историко-генетический метод используется при исследовании процессов объединения местных сообществ интеллигенции, а также при обращении к источникам личного происхождения. Привлечением значительного пласта неопубликованных ранее исторических источников обосновано наше обращение к практике подробных описаний. Методики устной истории, куда входит интервьюирование и анкетирование, были использованы при обработке данных, полученных в ходе личных бесед с участниками событий.

Источниковая база исследования. Весь комплекс источников можно разделить на несколько блоков, последовательность расположения которых обоснована их сущностными признаками и степенью информативности для нашего исследования. В ходе работы были использованы письменные, устные, визуальные и ряд вспомогательных источников.

Небольшая часть *письменных источников* опубликована, но в целом (6 параграфов из 8) содержание исследования базируется на неопубликованных материалах, хранящихся в архивах сибирских городов: Историческом архиве Омской области (ГИАОО), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Новосибирском городском архиве (НГА); а также в архивных собраниях общественных организаций (РФК, общество «Мемориал»), документы которых в настоящий момент не переданы на государственное хранение.

Общий контекст деятельности общественных организаций во второй половине 1980-х – 1990-е гг., условия воплощения коммеморативных акций представлены в *нормативно-правовых актах и документах* законодательной и исполнительной власти регионов. Сюда относятся постановления, решения, протоколы заседаний Омского и Новосибирского городских Советов народных депутатов, администраций Омска и Новосибирска, комитетов по культуре и искусству областных и городских администраций. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. решения органов областных и городских администраций

оказывали не только материально-техническое, но и идеологическое влияние на работу общественных организаций. Данная группа источников даёт представление о реалиях культурной жизни в сибирских мегаполисах в годы перестройки и постперестроечный период.

Делопроизводственные документы общественных организаций составляют важнейшую опору конкретно-исторической апробации результатов нашего исследования и являются самым обширным пластом источников. Сюда мы относим документацию омских и новосибирских отделений ВООПИиК, СФК (РФК), Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Задействованы такие материалы делопроизводства, как протоколы заседаний, отчётно-планирующие документы, доклады, записки, справки, рекомендации, деловая переписка. Основная часть документов обнаружена в Историческом архиве Омской области (Ф.Р-1075; Ф.П-9587; Ф.П-654; Ф.П-9704) и Государственном архиве Новосибирской области (Ф.Р-2054; Ф.Р-2099; Ф.Р-600). Сведения, выявленные при работе с данными материалами, позволяют нам охарактеризовать деятельность гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска в рамках общественных организаций культурно-просветительной направленности, выявить общие и специфические черты этой деятельности, рассмотреть важнейшие инициативы по формированию и конструированию исторической памяти, проследить этапы их реализации и определить степень значимости данных акций (как успешно осуществлённых, так и не свершившихся). Деятельность сообществ гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска рассмотрена нами в практической плоскости путём описания всех ключевых инициатив прикладного характера и их сравнения, с выявлением и характеристикой культурно-исторической специфики городов.

Важными для нашего исследования стали неопубликованные материалы фонда газеты «Советская Сибирь» (ГАНУ. Ф.Р-1842), содержащего письма читателей периода 1980–1990-х гг., являющихся важнейшим источником изучения «обратной связи». Именно данный эпистолярный позволяет фиксировать первичную рефлексию так называемых «простых» людей, к которым в первую

очередь были обращены культурно-просветительные инициативы интеллигенции.

К источникам личного происхождения относятся опубликованные воспоминания государственных деятелей (глав местных администраций и органов местного самоуправления), занимавших высшие руководящие посты в рассматриваемых регионах. Это мемуары и тексты выступлений Л.К. Полежаева¹⁵², В.П. Мухи¹⁵³, И.И. Индинка¹⁵⁴, А.В. Минжуренко¹⁵⁵. Сведения, содержащиеся в этих источниках, дают общее представление о жизни крупных городов Западной Сибири во второй половине 1980-х – 1990-е гг.: начале перестройки, её развёртывании, сложностях постперестроечного периода; позволяют составить обзор политической, экономической и общественной жизни Омска и Новосибирска в контексте общей ситуации в стране. Специфика культурной жизни регионов исследуемого периода отражена в воспоминаниях Б.А. Коникова¹⁵⁶, очерках Н.В. Березовского¹⁵⁷, А.Э. Лейфера¹⁵⁸, сборнике воспоминаний «Мой Новосибирск» (составитель Т.И. Иванова)¹⁵⁹.

К этому же блоку источников следует отнести материалы личных архивов видных представителей сибирской гуманитарной интеллигенции. Это личные фонды историка и писателя М.Е. Бударина (ГИАОО. Ф.П-653), писателя-краеведа И.Ф. Петрова¹⁶⁰, краеведа Ф.К. Надя, (ГИАОО. Ф.Р-2915), писателя А.В.

¹⁵² Полежаев Л.К. Перестройка, годы, лица...: Портреты и размышления. – Омск, 1996. – 207 с.; Две реки жизни. – Омск: ООО «Полиграф», 2018. – 396 с.

¹⁵³ Муха В.П. Портрет эпохи на фоне биографии. – Новосибирск: Центральная пресса, 2006. – 237 с.

¹⁵⁴ Индинок И.И. Служить людям! – Новосибирск, Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 101 с.

¹⁵⁵ Минжуренко А.В. Командировка во власть. – Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. – 452 с.

¹⁵⁶ Коников Б.А. Записки директора Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (1995–2010 годы). – Омск: Амфора, 2015. – 204 с.

¹⁵⁷ Березовский Н.В. Скиталец с березовой дудкой усталой. Очерки и воспоминания о литераторах Сибири. – Омск: Ом. обл. тип., 2004. – 121 с.

¹⁵⁸ Лейфер А.Э. Жить вместе. Избранные очерки и эссе. – Омск, 2013. – 384 с.

¹⁵⁹ Мой Новосибирск. Книга воспоминаний / авт.-сост. Т. Иванова. – Новосибирск, 1999. – 363 с.

¹⁶⁰ Прим. Личный фонд И.Ф. Петрова сдан на хранение в Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области», опись дел составлена. Но в данный момент материалы фонда ещё недоступны для исследователей. Копии документов личного архивного фонда И.Ф. Петрова были предоставлены нам дочерью писателя Л.И. Петровой.

Никулькова (ГАНУ. Ф.Р-2121) историка-краеведа И.Ф. Цыплакова (НГА. Ф.Р-777), краеведа К.П. Зайцева (НГА. Ф.Р-778). В 1980–2000-е гг. эти люди принимали активное участие в научной и культурной жизни своих городов, деятельности просветительных общественных организаций, много печатались в региональной периодической печати, публиковали книги, посвящённые истории и краеведению, выступали на научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах и других публичных мероприятиях различного уровня и тематического содержания.

Информативным пластом, составляющим значительную долю источников нашего исследования, является периодическая печать. Как центральные, так и местные журналы и газеты содержат огромный фактологический материал. Но помимо этого публикации в прессе в той же степени, что и письма читателей, фиксируют размышления представителей интеллигенции о том, какие начинания первостепенны в деле сохранения и трансляции исторической памяти, а также общественную реакцию на эти инициативы.

Для реконструкции образа эпохи «гласности, перестройки и демократии» фронтально просмотрены такие издания центральной прессы, как «Огонёк» (все номера с 1985 по 1992 г.), «Родина» (все номера с 1989 по 2000 г.), «Известия ЦК КПСС» (все номера с 1989 по 1991 г.), а также альманахи «Памятники Отечества» – орган Центрального совета ВООПИиК (все номера с 1984 по 2000 г.), «Наше наследие» (все номера с 1988 по 2000 г.). Местная специфика отражена в периодических изданиях Омска и Новосибирска. Нами были просмотрены все номера в период с 1984 по 2000 г. газет «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», «Молодость Сибири», «Омская правда», «Вечерний Омск», «Молодой сибиряк». Также, благодаря работе с краеведческими каталогами Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина и Новосибирской государственной областной научной библиотеки, были выявлены отдельные публикации по нашей теме в газетах «Ведомости Новосибирского Совета депутатов», «Сибирская газета», «Искитимская газета», «Время», «Крестьянское слово», «Омский вестник», «Московский комсомолец в Омске»,

«Зеркало-плюс», «Новое обозрение – Версия», «Четверг», «Новое омское слово»; журналах «Сибирские огни» и «Земля сибирская, дальневосточная».

Обращение к более узкой, отраслевой и «ведомственной» периодике обусловлено необходимостью выявления наиболее актуальных, не всегда находивших отражение на страницах местной массовой печати вопросов конструирования исторической памяти, обсуждаемых в сообществах городской интеллигенции. Этот же пласт источников помогает зафиксировать результаты инициируемых коммеморативных акций, что иногда невозможно сделать на основе архивной делопроизводственной документации. Нами были просмотрены журналы «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР» (с 1992 по 1994 г. – «Известия Сибирского отделения Российской академии наук»; с 1994 г. – «Гуманитарные науки в Сибири»), «Сибирская горница» (все номера с 1995 по 2000 г.), «Культура Сибири» (единственный номер вышел в 1995 г.), «Культурологические исследования в Сибири» (номера с 1999 по 2001 г.); альманахи: «Архивный вестник», «Омская старина», «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» (все номера с 1993 по 2000 г.); печатные издания культурно-просветительных общественных организаций: «Вестник культуры. Орган Омского филиала Российского фонда культуры», «Известия Омского регионального отделения Русского географического общества».

Фронтальный просмотр местной периодической печати позволил в большем масштабе представить картину становления, институционализации и активной деятельности культурно-просветительных сообществ интеллигенции в период демократизации социально-политической жизни в годы перестройки и постперестроечный период. Вместе с этим обращение к периодике выглядит необходимым и в контексте рассмотрения «стихийных», частных историко-культурных инициатив представителей гуманитарной интеллигенции Западной Сибири. Благодаря печати нами была восстановлена (параграфы 1 и 2 главы 2) хронология этапов общественной рефлексии на тему осмысления дореволюционной истории крупных сибирских городов (XVIII–XIX вв.), а также

рефлексии вокруг драматических и трагических событий «недавнего» прошлого (советский период истории России).

На основании материалов прессы нами были выявлены и обозначены основные этапы усиления-ослабления интереса к общенациональным и локальным историческим сюжетам. Однако следует заметить, что газетно-журнальные комплексы 1985–1991 гг. и 1992–2000 гг. существенно различаются. Это связано, во-первых, с тем, что в 1985–1991 гг. в Западной Сибири выходило гораздо меньше периодических изданий, чем в 1990-е гг. Во-вторых, периодика 1990-х гг. была полностью освобождена от советской идеологии и потому для неё не существовало запретных тем, в отличие от периодики второй половины 1980-х гг. В-третьих, демократические изменения в стране в 1980-е гг. способствовали укреплению значения провинции, расширению возможностей изучения социальной психологии, микроистории, генеалогии. Этот процесс носил поступательный характер, что отразилось на тематике публикаций периодических изданий. При этом в 1990-е гг. на степень активности читательского отклика сильнее влияли социальные факторы.

Отсутствие в архивах и библиотеках материалов за отдельные годы стало причиной возникновения исследовательских лакун. Их преодоление потребовало обращения к *устным источникам*. Заметим, что в отечественном источниковедении до сих пор не сложилось единого мнения о том, что следует считать устным источником. Авторы фундаментального учебного пособия «Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории» определяют устную историю как запись (подразумевается запись на бумаге) устных воспоминаний (мемуаров)¹⁶¹. Однако уже в начале 2000-х гг. стало очевидно, что развитие современной техники способствует появлению в источниковедении нового понятия – историческое интервью. К нему авторы пособия отнесли «магнитофонные записи» (сегодня их, разумеется, удобнее называть диктофонными). Нами проведены и записаны на диктофон беседы с

¹⁶¹ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. – М., 2004. – С. 639.

видными и активными представителями сибирской интеллигенции, игравшими заметную роль в местных культурных процессах 20–30 лет назад и продолжающими свою гуманитарную миссию сегодня. Своими воспоминаниями о событиях 1980–1990-х гг. поделились историки С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, О.Н. Катионов, писатель и книгоиздатель М.Н. Щукин, краеведы и общественные деятели И.Л. Коновалов, Т.П. Мордкович. Ценные сведения озвучила Л.И. Петрова – дочь писателя-краеведа И.Ф. Петрова. Интервью проводились в период с 2017 по 2020 г. Аудиозаписи и их текстовые расшифровки хранятся в личном архиве автора диссертации.

В отдельный блок входят *визуальные источники*. Это благотворительные билеты, брошюры, буклеты, плакаты. В частности, к этому блоку относятся благотворительные билеты Новосибирского и Омского отделений СФК (РФК) на создание мемориального комплекса воинам-сибирякам под г. Белый Тверской области, на восстановление Тарских ворот в Омске, плакаты Новосибирской государственной консерватории и Омского музея изобразительных искусств, афиши концертов, проводимых различными организациями, календари, посвящённые 275-летию и 280-летию Омска, 100-летию Новосибирска, пригласительные билеты и программы научно-практических конференций. Эти источники не слишком информативны в рамках нашего исследования, но в то же время их привлечение позволяет расширить общеисторический контекст деятельности сообществ интеллигенции в 1980–1990-е гг. и определить степень вовлечённости граждан в процесс реализации культурно-просветительных инициатив и коммемораций.

Фотоматериалы также являются источниками, различными по степени содержательности и информативности. К ним относятся как фотографии, выполненные профессиональными фотографами (А.А. Чепурко, А.Н. Озеровым, К.Г. Ощепковым, Е.Л. Ивановым), так и любительские фотоснимки, хранящиеся в частных семейных собраниях. Сегодня работа с фотоматериалами в значительной степени упрощена благодаря энтузиазму пользователей интернет-ресурса «Retro

photos of mankind's habitat» (pastvu.com)¹⁶². Новосибирскими и омскими участниками этого сетевого проекта в открытый доступ выложены тысячи фотографий, и коллекция постоянно пополняется. Разумеется, нужно заметить, что степень информативности этих снимков зависит от таких факторов, как точность датировок и верность указанного местоположения, наличие или отсутствие комментариев со стороны автора/владельца снимка, участников обсуждения оцифрованного фотодокумента, а также от качества снимков. Для нашего исследования интерес представляют как постановочные, так и «спонтанные» фотоснимки. Этот пласт источников, хотя и является вспомогательным, но в отдельных случаях становится незаменимым. Зачастую только благодаря фотографиям возможно уточнить дату проведения коммеморативной акции (открытие памятника, установка мемориальной доски, торжественное юбилейное заседание и т. д.), получить представление о внешнем облике кого-либо из представителей гуманитарного сообщества, понять, как выглядел тот или иной объект историко-культурного наследия, или узнать, что представлял собой, например, нереализованный скульптурный проект, так и оставшийся навсегда лишь авторским эскизом. Помимо опубликованных фотоснимков и открыток нами были использованы материалы архивов Омского и Новосибирского отделений ВООПИиК, СФК, общества «Мемориал», персонального архивного фонда краеведов Ф.К. Надя, К.П. Зайцева, личных архивов краеведов В.Н. Панасенкова, И.Е. Бродского, историков Л.И. Пыстиной, Н.А. Томилова, а также собственного семейного фотоархива.

В качестве других вспомогательных источников нами привлекались *картографические материалы*. Карты и атласы, выпущенные в рассматриваемый нами период, необходимы при определении структуры пространства городов и соотношении их элементов с ситуациями прошлого и настоящего: местонахождение округов, районов, улиц и площадей, памятников архитектуры, скульптур, зданий, в которых располагались культурно-просветительные

¹⁶² [Электронный ресурс] Retro photos of mankind's habitat. – Режим доступа: <https://pastvu.com/> (дата обращения: 27.11.2021).

общественные организации, научные центры и другие площадки местных сообществ гуманитарной интеллигенции. Атласы и справочники сохранили информацию об исчезнувших с лица города топонимах, зафиксировали процесс наименования и переименования различных недвижимых объектов науки и культуры.

Комплексом *вещественных источников* в данном случае являются элементы архитектурно-градостроительной и скульптурно-мемориальной среды Омска и Новосибирска. И если в градостроительно-планировочном ракурсе Омск и Новосибирск сегодня выглядят «городами 70–80-х», то монументальное пространство этих городов во многом сформировано в 1990–2000-е гг. К данному типу источников мы относим архитектурные сооружения, памятники, памятные знаки, мемориальные комплексы, городскую скульптуру, мемориальные доски и информационные таблички. Конечно же, этот комплекс источников существенно пополнялся в обоих городах в 2000–2010-е гг., а многие объекты, существовавшие в 1980–1990-е гг., были безвозвратно утрачены в последние двадцать лет. Поэтому нами в 2017–2019 и 2021 гг. были проведены натурные обследования изучаемых объектов в заданных территориальных рамках. Сравнительный анализ имеющихся материалов проводился с целью выявления культурно-исторической динамики городского ландшафта и оценки степени влияния данного движения на формирование особенностей образного и символического пространства, что вполне вписывается в разработанную сибирскими историками в 2000-е гг. концепцию изучения города через сообщества интеллигенции.

В завершение источниковедческого раздела необходимо отметить, что обращение к широкому спектру источников в данном случае необходимо. Сама по себе информация, содержащаяся в делопроизводственной документации и периодике тех лет, не всегда отражает феномен исторической памяти, поскольку употребляемые в этих текстах понятия («колчаковщина», «политическая альтернатива» или та же «историческая память») сегодня содержат в себе не тот смысл, который вкладывали в них авторы 1980–1990-х гг. Поэтому для раскрытия содержания деятельности гуманитарной

интеллекции по конструированию и трансляции памяти необходимы не только учёт контекста эпохи, но и верификация одного комплекса источников при помощи другого, обращение к «неочевидным» субъективным источникам вроде зафиксированных свидетельств участников событий или вещественных материалов (с проведением работы по их интерпретации) и комбинация источников. Например, реконструкция истории Новосибирского отделения общества «Мемориал» стала возможна лишь с привлечением устных рассказов, а деятельность местных сообществ Омска по формированию пространства памяти о локальных конфликтах и катастрофах XX в. удалось раскрыть через сочетание газетных публикаций, архивных фотоматериалов и материалов натурных обследований.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в историографии истории интеллекции выявлены институциональные опоры культурно-просветительной деятельности гуманитарной интеллекции крупнейших городов Западной Сибири, проведено обобщение ключевых характеристик этой деятельности в 1985–2000 гг., определена динамика инициатив по формированию и насыщению пространства памяти Омска и Новосибирска в контексте политики демократизации. Помимо этого впервые реконструирована история и раскрыта специфика функционирования официальных (РГО, ВООПИиК, РФК, общество «Мемориал») и неформальных коммуникативных площадок сибирской гуманитарной интеллекции: восстановлен персональный состав обществ, обозначены основные формы и каналы трансляции представлений об исторической реальности, проведена сравнительная характеристика общих и индивидуальных региональных вариантов исторической памяти, возникших в атмосфере либерализации общественной жизни. В диссертации впервые проанализирован вклад отдельных представителей интеллекции Омска и Новосибирска, выступающих в качестве носителей и трансляторов исторических знаний и представлений о прошлом, в формирование образно-символического наполнения городских социокультурных ландшафтов. Показана и раскрыта общественная реакция на актуализированные рецепции и

репрезентации нарративов исторической памяти в сибирской публицистике и массовой печати в исследуемый период. Следует отметить, что история местных сообществ интеллигенции в значительной мере выходит за рамки отечественного интеллигентоведения: она плотно связана с практиками изучения локально-культурных пространств, регионалистикой и краеведением. Доказано, что локальные интерпретации образно-символического содержания исторической памяти («научно-художественный» сегмент мемориальной культуры, «травматические» места памяти и др.) отразились на социокультурном облике городов, оказали влияние на формирование городской идентичности, повлияли на процесс оформления новых моделей просветительской работы, адекватных ситуации столкновения представителей интеллигенции с материальными, организационными, парадигмальными и нравственно-этическими вызовами перестроечного и постперестроечного периодов. В научный оборот введены ранее неопубликованные и невостребованные исследователями источники, освещающие деятельность как региональных отделений (филиалов) культурно-просветительных обществ, так и отдельных представителей гуманитарной интеллигенции.

Теоретическая значимость работы. Полученные результаты могут стать опорой при создании научных трудов, посвящённых истории интеллигенции и корпоративных сообществ Сибири на рубеже XX–XXI в. Предложенная модель исследования может быть применена при изучении просветительского движения в других регионах, малых городах, а также при обращении к опыту не только исторических и краеведческих, но и творческих и художественных объединений. Подобное движение научной мысли вполне органично впишется в общее направление исследовательских поисков, целью которых является решение важнейшего теоретического вопроса интеллигентоведения – дискуссии о дефинициях, в которой спор идёт о понимании интеллигенции как социальной категории, с одной стороны, и духовно-нравственной – с другой.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования значительного количества впервые опубликованных источников,

результатов и выводов исследования при создании фундаментальных, как научных, так и популярных трудов по истории перестройки в Западной Сибири, возникновения и деятельности культурно-просветительных обществ 1980–1990-х гг., при написании журналистских краеведческих публикаций, а также при подготовке учебных и образовательных программ и пособий по истории гражданского общества современной России.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы 5 статей в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, а также 7 статей и тезисов в различных сборниках материалов научно-практических конференций. Основные положения диссертации обсуждены на кафедре отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а также представлены на региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: «IV Ядринцевские чтения» (Омск, 2017), «Молодёжь третьего тысячелетия» (Омск, 2018), «Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе» (Челябинск, 2018), «Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность» (Брянск, 2019), «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2019), «Вторые Дравертские чтения» (Омск, 2019), «Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории» (Омск, 2020).

Положения, выносимые автором на защиту:

1. В советские годы был создан строгий «пантеон исторической памяти». В его фундамент были заложены следующие блоки: 1) память о событиях Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны (1918–1921 гг.); 2) создание социалистического государства (1920–1930-е гг.); 3) память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; 4) историческая память, обращённая в дореволюционное прошлое, а конкретно к тем фактам и фигурам, которые служили подтверждением неизбежности победы советской формы организации общества. В 1985–1990-е гг. эта система подверглась существенной трансформации:

изменилось содержание как официальной политики памяти, так и личностных, «бытовых» воспоминаний. Важнейшим элементом современной коллективной памяти россиян стал актуализированный и вынесенный в публичное поле во второй половине 1980-х гг. «травматический» опыт событий XX в. Начало процесса проработки «исторических травм» стало возможно благодаря политике перестройки и деятельности интеллигенции, выступавшей в качестве субъекта коллективной памяти.

2. Формирование локальных особенностей восприятия событий прошлого тесно связано со спецификой исторического развития регионов и деятельности местных сообществ. Своеобразие пространства памяти современного Омска обусловлено тем, что период 1985–1990-х гг. стал для него периодом «выхода из тени», временем осмысления своего уникального прошлого, примером чего является не совсем удачная попытка «перезаформатирования» образа города из бывшего административного центра, а затем – центра оборонной промышленности и «закрытого» города в «третью столицу» и «культурный флагман Сибири». В Новосибирске гуманитарная интеллигенция обратилась к практике подробнейшего анализа «детства города», утверждения Новосибирска в качестве подлинно исторического города, в котором, несмотря на юный возраст, есть всё то, что и в соседних центрах – богатая культура, мыслительная и интеллектуальная традиция, глубокие исторические корни.

3. В Омске и Новосибирске деятельность гуманитарной интеллигенции по формированию исторической памяти оказалась напрямую связана с усилением в 1980–1990-е гг. работы культурно-просветительных общественных организаций и местных научно-просветительных сообществ. В обоих городах такие организации, как ВООПИиК, СФК (РФК), общество «Мемориал», а также гуманитарные факультеты вузов, областные библиотеки, исторические архивы и краеведческие музеи, стали центрами притяжения и сосредоточения интеллектуальных сил регионов. В обоих городах активизация работы по созданию пространств и символов была связана с актуализацией практики праздничных коммемораций, самыми значительными из которых стали 275-летие

и 280-летие Омска (1991 и 1996 гг.) и 100-летие Новосибирска (1993). Важную роль в создании образов исторического прошлого регионов сыграли печатные СМИ, занявшие лидирующие позиции в формировании коллективных исторических представлений населения городов.

4. Разработка проектов по конструированию новых мест памяти коррелирует с процессом получения гуманитарной интеллигенцией новых исторических знаний. Именно в годы перестройки актуализировался и оформился устойчивый и в наши дни интерес местных исследователей к личностям основателей и устроителей Омска и Новосибирска, политическим контекстам в творчестве сибирских областников, биографиям А.В. Колчака и других деятелей «белого» движения в Сибири, истории политических репрессий и СибЛАГа. Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. представителями гуманитарной интеллигенции был проделан значительный объём работы по исследованию малоизученных аспектов региональной истории. Трансляция исторической информации в этот период носит преимущественно повествовательный характер. Целью основной части инициатив по созданию новых мест памяти являлась необходимость «восстановления исторической справедливости».

5. Представителями гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска был выработан ряд форм и методов конструирования мест памяти с учётом общественно-политических и социокультурных изменений в стране. К таковым формам и методам следует в первую очередь отнести: 1) проведение международных, общероссийских и региональных научных и научно-практических конференций; 2) публикации неперIODических изданий справочно-энциклопедического, научно-популярного и публицистического характера, посвящённых истории регионов; 3) учреждение новых периодических изданий, основной тематикой которых становится региональная история; 4) организация свободного общественного диалога на тему истории в рамках культурно-просветительных организаций и средств массовой информации; 5) проведение официальных торжественных мероприятий, связанных с юбилеями важнейших региональных исторических событий.

6. **Общественная деятельность представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска 1985–1990-х гг.** наложила существенный отпечаток на их профессиональную работу и повседневность. Заложенная в те годы практика дискуссии внутри местных сообществ, обозначенная проблематика памяти и сегодня продолжают оказывать влияние на изменение социокультурных ландшафтов двух крупнейших городов Западной Сибири.

Структура работы: Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и источников, приложений. Первая глава состоит из 4 параграфов, каждый из которых рассказывает о деятельности омских и новосибирских отделений наиболее значительных культурно-просветительных организаций (РГО, ВООПИиК, СФК/РФК, общество «Мемориал»), объединявших представителей гуманитарной интеллигенции в годы перестройки и постперестроечный период. Вторая глава состоит из 4 параграфов и посвящена анализу и характеристике этапов эволюции представлений сибирских гуманитариев о событиях прошлого в условиях масштабных изменений в жизни общества и демонтажа существовавших идеологических конструктов, нашедшей отражение на страницах научно-популярных изданий, периодики, в источниках личного происхождения. Также во второй главе представлен анализ исторических сюжетов, актуализированных в пространстве коллективной памяти жителей Омска и Новосибирска в 1985–2000 гг., зафиксированных в письмах читателей в крупнейшие региональные периодические издания. Принцип изложения материалов – проблемно-хронологический.

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОПОРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОМСКА И НОВОСИБИРСКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЛОКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

Прошло уже больше 35 лет с момента, когда в Советском Союзе был запущен процесс демократических преобразований, вошедший в историю под названием «перестройка». Несмотря на полярные характеристики и суждения, которые сегодня вызывают перестроечная «шестилетка» и последующие за ней 1990-е гг., сложно отрицать тот факт, что именно в эти 15 лет в нашей стране были возвращены к жизни те важнейшие формы социальной самоорганизации, которые традиционно принято именовать гражданским обществом. Важную роль в его становлении в России сыграли культурно-просветительные общественные организации интеллигенции. При этом научное оформление практик изучения влияния гражданских институтов на историческую память общества происходит медленно и трудно. Сибирский материал нашёл свое место в этом блоке отечественной историографии около 10 лет назад – в начале 2010-х гг. Целью первой главы нашего исследования является сравнительная характеристика результатов деятельности культурно-просветительных сообществ интеллигенции крупных городов Западной Сибири по формированию коллективной памяти.

Политику перестройки представители интеллигенции восприняли как небывалую возможность высказывать своё мнение, не опасаясь при этом последствий репрессивного характера. «Всё чаще стали обсуждаться “белые пятна” истории – репрессии, культ личности Сталина. Причиной обсуждения этих тем было желание интеллигенции разобраться: в чём причины торможения в развитии советского общества, с чем связано вступление СССР в период застоя? Во многих городах и посёлках создавались Союзы содействия перестройке, общества поддержки перестройки, дискуссионные и политические клубы, в

которых руководящая роль принадлежала интеллигенции»¹⁶³. Интеллигенция крупных сибирских городов не осталась в стороне от этих процессов. Научно-педагогическими и творческими работниками Омска и Новосибирска овладела рефлексия на тему памяти о далёком и недавнем прошлом, выразившаяся мощным всплеском гуманитарных инициатив. Центрами их генерации, в меньшей степени связанными с государственной политикой и официальной идеологией, стали такие культурно-просветительные организации, как Всесоюзное (Русское) географическое общество, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Советский (Российский) фонд культуры, историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал». Омичам и новосибирцам предстояло не только изучить и осмыслить, но, по сути, написать и визуализировать историю своих городов в новых политических, социальных и культурных реалиях.

§ 1. Работа отделений Всесоюзного (Русского) географического общества и «белые пятна» истории Сибири

Русское Императорское географическое общество было учреждено 6 августа 1845 г. по велению Николая I в Санкт-Петербурге. Западно-Сибирский отдел (ЗСОИРГО)¹⁶⁴ был создан в Омске летом 1877 г. благодаря инициативе генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнакова и стал шестым по счёту в

¹⁶³ Величко С.А. Интеллигенция, перестройка и демократический транзит в России (1985–1991 гг.) // Интеллигенция и мир. – 2012. – № 2. – С. 44.

¹⁶⁴ Прим. Отделения организации упоминаются в данном параграфе неоднократно, поэтому мы именуем их просто – Омский и Новосибирский отделы Географического общества (ГО, либо Отдел, либо Общество), поскольку за более чем 170-летнюю историю Русское географическое общество неоднократно меняло официальное название. В 1850 г. оно стало Императорским Русским Географическим обществом. В советские годы именовалось Географическим обществом СССР или Всесоюзным географическим обществом (ВГО). С 1992 по 1995 г. организация называлась Русским географическим обществом (РГО), а в 1995 г. получило название Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество» (ВОО «РГО»). Изменения названий отражались и на наименованиях региональных отделений, подвергалась изменениям и их структура. В настоящее время филиал в городе Омске официально называется – Омское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»; в Новосибирске – Новосибирское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

Российской империи. «В то время отдел выполнял заказ военно-гражданской власти, которой нужны были разведывательные сведения о природных условиях и населении степного края»¹⁶⁵. В 1878 г. стараниями членов Общества в Омске была открыта первая в городе музейная экспозиция, от которой ведёт свою летопись Омский государственный историко-краеведческий музей.

Западно-Сибирский отдел Географического общества продолжительное время являлся не только единственной научной организацией на огромной территории, но и был выразителем общественных интересов в крае, на добровольных началах объединял представителей немногочисленной научной интеллигенции Западной Сибири.

На протяжении десятилетий основной задачей Отдела являлись сбор и обработка сведений по географии Западной Сибири и соседних районов Северной Азии¹⁶⁶. Но при этом его деятельность выходила за рамки только физической географии. Изучение истории Сибири всегда было одной из важнейших задач Общества.

Годы революции и гражданской войны стали трудным периодом в истории Отделения. Только благодаря авторитету известного географа, одного из основателей сибирского областничества Г.Н. Потанина удалось сохранить коллекцию музея, архив и библиотеку ЗСОИРГО. С 1931 по 1947 г. деятельность Отдела носила спорадический характер, причинами чего были репрессии против многих представителей научной интеллигенции. В 1947 г. Омский отдел возобновил свою работу.

¹⁶⁵ Новиков Ф.И., Вяткин И.А., Кассал Б.Ю., Баженов В.С. Омское региональное отделение Русского географического общества: эволюции и революции // «Мамонт Фёдор». Записки Омского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество». Том II (41). – Омск: Амфора, 2012. – С. 133.

¹⁶⁶ Семёнов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества (1877 – 1927 гг.) (составитель Б.Ю. Кассал) // Известия Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Выдающиеся учёные и деятели культуры Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и ОРО ВОО «РГО». – Вып. (12) 19. Издание второе, исправленное и дополненное. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2008. – С. 50.

В 1960 г. председателем Омского отдела РГО был избран д-р геогр. наук, профессор Д.Н. Фиалков. Вместе с ним активно работали крупные омские учёные В.В. Берников, В.С. Мезенцев, М.С. Рабинович, М.М. Садырин, Д.Н. Тарасевич, Н.А. Плотников. К работе Общества присоединились известные историки и краеведы А.Ф. Палашенков, С.Р. Лаптев, М.Е. Бударин, А.Д. Колесников, сотрудники кафедр педагогического, сельскохозяйственного, медицинского институтов Омска.

К середине 1980-х гг. членами Омского отдела ГО был собран значительный фактический материал по истории Западной Сибири, во многом определивший специфику и направление дальнейших научных изысканий. Происходившие в нашей стране с 1985 г. процессы демократизации политической системы, становления институтов гражданского общества, освобождения интеллектуальных и творческих видов деятельности от диктата идеологии оживили социальную и научно-просветительскую жизнь в регионах. В ходе развёртывания дискуссий по вопросам поиска новых ориентиров общественного развития выделились и конкретно-исторические обсуждения проблем восприятия прошлого, трансляции исторической памяти, сохранения и восстановления объектов историко-культурного наследия.

Анализ протоколов показывает, что на первом этапе перестройки (1985–1986) существенных изменений в направлениях деятельности Омского отдела ГО не происходит. Это можно связать с тем, что в 1985–1986 гг. советская идеологическая политика ещё сохраняла свою ортодоксальность. Отдел, как и в предшествующий период (1960–1970 гг.), продолжает развитие таких направлений, как историческая география, топонимика, экспедиционная и издательская деятельность. При этом «спорные» исторические сюжеты на заседаниях не затрагиваются. Попытки осуществить ревизию исторического прошлого пока не предпринимались.

Важнейшим коммеморативным событием 1985 г. стало празднование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Разумеется, Омский отдел ГО активно участвовал в праздничных и памятных

мероприятиях. На заседании Общества 19 февраля 1985 г. был заслушан доклад д-ра ист. наук, профессора А.Д. Колесникова, посвященный юбилею Победы. Докладчик отметил, что тыловой Омск внёс значительный вклад в разгром Германии. В годы Великой Отечественной войны в Омск были эвакуированы и работали 98 промышленных предприятий из Москвы, Ленинграда, Харькова, Одессы, Запорожья и других городов. Омск в годы войны занимал первое в стране место по металлообрабатывающей промышленности, в городе были укомплектованы и отправлены на фронт 33 дивизии¹⁶⁷.

В последовавших после выступления А.Д. Колесникова прениях Д.Н. Фиалков заметил, что в годы Великой Отечественной войны в Омск были эвакуированы не только промышленные предприятия, но и научные организации, гидрографическое управление, от которого во многом зависело обеспечение воинских частей картами¹⁶⁸.

По итогам заседания канд. геогр. наук, доцент Н.С. Фалькович внёс предложение о необходимости написания брошюры, посвященной истории эвакуации оборонных предприятий в Омск и подготовке торжественного заседания Омского отдела ГО с приглашением всех его членов – участников Великой Отечественной войны¹⁶⁹.

В следующем, 1986 г. исторический сюжет лишь единожды был освещён на собраниях Омского отдела Географического общества. 26 октября 1986 г. состоялось заседание, на котором прозвучал доклад А.Д. Колесникова о жизни и деятельности одного из активных членов Общества в 1940–1960-е гг., выдающегося омского краеведа А.Ф. Палашенкова, отдавшего много сил и энергии восстановлению работы Омского отдела в 1947 г.¹⁷⁰

Провозглашение идей возвращения к «идеалам Октября», «ленинским нормам» способствовало актуализации грядущего 70-летия Октябрьской

¹⁶⁷ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 111. Л. 24.

¹⁶⁸ Там же. Л. 25.

¹⁶⁹ Там же. Л. 25-26.

¹⁷⁰ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 112. Л. 16.

революции в качестве центрального общественного и культурного события 1987 г. На заседании Отдела 4 октября 1987 г. А.Д. Колесников озвучил доклад «География борьбы за Советскую власть в Омской области», в котором рассказал о борьбе большевистских организаций в Омском Прииртышье, Марьяновских боях, партизанском движении в годы гражданской войны и других событиях омской истории 1917–1920 гг.¹⁷¹ Собрание одобрило и участие д-ра геогр. наук, профессора А.Ф. Куракина в работе по подготовке и проведению в Омске конференции, посвящённой 70-летию Великого Октября. Отдельным постановлением было решено оказать финансовую помощь в издании тезисов конференции «Проблемы географических аспектов развития Омской области за 70 лет»¹⁷².

Провозглашение политики гласности и снятие неформальных запретов на обсуждение темы сталинских репрессий способствовали началу открытого диалога об этом трагическом периоде отечественной истории. На заседании Омского отдела ГО 13 декабря 1987 г. выступил омский дендролог Г.И. Гензе, который рассказал о своём знакомстве и общении в 1930-е гг. с выдающимся учёным-генетиком и селекционером, академиком Н.И. Вавиловым, репрессированным в 1940 г. и умершим в заключении в 1943 г. в саратовской тюрьме. Своё выступление Г.И. Гензе закончил словами: «Я счастлив, что дожил до момента, когда правда восторжествовала». Слушатели поблагодарили докладчика и отметили, что «30-е годы – очень тяжёлые годы, но благодаря таким людям, как Н.И. Вавилов, общество сохранилось»¹⁷³.

В конце 1980-х – 1990-е гг. новый импульс к развитию получил «научно-художественный» сегмент коммемораций, проявившийся в виде увековечения памяти выдающихся деятелей науки и искусств. Ритуализация, сопутствующая практике «изобретения традиции» (термин Э. Хобсбаума)¹⁷⁴, характерна для

¹⁷¹ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 112. Л. 34-35.

¹⁷² Там же. Л. 36-37.

¹⁷³ Там же. Л. 41.

¹⁷⁴ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 48.

времен ломки старых установок. Члены сообществ интеллигенции сибирских городов, пользуясь открывшимися возможностями, стремились запечатлеть в общественном сознании образы своих великих предшественников. Ярким примером такой деятельности являются мероприятия, связанные с увековечением памяти выдающегося русского путешественника и натуралиста Н.М. Пржевальского в Омске в 1988–1989 гг. В протоколе заседания Омского отдела ГО от 20 ноября 1988 г. под № 3 значится вопрос «О подготовке 150-летия со дня рождения Н.М. Пржевальского». В плане празднований было заявлено около десятка пунктов: выпуск бюллетеня, посвящённого 150-летию со дня рождения Пржевальского (ответственный – А.А. Кожухарь), организация и проведение студенческой конференции (ответственная – В.И. Смирнова), заседание Географического общества совместно с физико-географическим кружком (ответственные – Г.И. Кутузова, А.Г. Мусин, В.И. Смирнова), выставка трудов Н.М. Пржевальского и книг, посвящённых его жизни (ответственная – В.И. Смирнова), организация и проведение силами студентов круглого стола в школе № 48 (ответственная – К.Е. Каткова), выпуск газеты в средних школах № 64, 84, 99, школе-интернате № 14 (ответственные – П.В. Большаник, З.В. Воробьёва, А.А. Кожухарь, А.И. Григорьев), подготовка заметки в газету «Молодость» (ответственные – П.В. Большаник, А.Г. Мусин) и др.¹⁷⁵

На состоявшемся совместном заседании Омского отдела ГО СССР и научного студенческого общества естественно-географического факультета Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького 15 апреля 1989 г. профессор Д.Н. Фиалков рассказал о том, что Н.М. Пржевальский был тесно связан с Омском. Выступающий отметил, что «25 лет назад отмечали 125-летие со дня рождения Н.М. Пржевальского, и этой дате была посвящена экспедиция под руководством Н.А. Плотникова, длиной в 114 км – по Иртышу до Пржевальска. А.Ф. Палашенков совершил экспедицию в Смоленскую область, нашёл могилу Ольги Макаровны – жены Пржевальского». В завершение доклада Д.Н. Фиалков призвал продолжать подобные исследовательские опыты. Краевед

¹⁷⁵ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 112. Л. 98.

А.М. Лосунов озвучил предложение установить памятную доску на здании Омского музея изобразительных искусств (бывшего генерал-губернаторского дворца, где бывал Н.М. Пржевальский). Географ Ф.И. Новиков высказал идею совершить экспедицию в Среднюю Азию по следам Пржевальского¹⁷⁶.

На позднем этапе перестройки (1989–1991) на первый план стали выходить исторические сюжеты, связанные с событиями революций 1917 г., гражданской войны, коллективизации, массовых репрессий, что можно объяснить возникшей в общественном дискурсе возможностью открыто высказываться на эти болезненные темы. В октябре 1989 г., накануне 70-летия окончательной победы советской власти на территории Западной Сибири, на заседании Омского отдела ГО был заслушан доклад А.Д. Колесникова «О боях Красной армии при освобождении Омского Прииртышья от колчаковцев». Докладчик подчеркнул, что на территории современной Омской области в годы гражданской войны шли активные бои, и предложил объявить места сражений «историческими». А.Д. Колесников обратил внимание на поддержку предложения со стороны обкома КПСС, заметил, что «в дни освобождения в этих местах можно проводить митинги, экскурсии»¹⁷⁷.

Любопытный материал, позволяющий дать характеристику процессам эволюции представлений интеллигенции о прошлом страны, содержится в протоколе заседания Омского отдела ГО от 7 января 1990 г. На повестку дня был поставлен вопрос «О нарушениях законности в период коллективизации в Омской области» (ещё три года назад подобную формулировку невозможно было представить, учитывая, что в данном контексте она применялась не к «кулакам», а к органам советской власти). К слушателям с вступительным словом обратился А.Д. Колесников, после чего предоставил трибуну д-ру ист. наук, профессору М.Е. Бударину. В порядке самокритики М.Е. Бударин признался собравшимся в том, что в одной из своих книг он ранее затрагивал тему коллективизации, не имея возможности донести до читателя истинную картину истории. Он также

¹⁷⁶ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 113. Л. 26.

¹⁷⁷ Там же. Л. 36.

заметил: «Сейчас все по-новому осмысливают эти события. Шеховцов, Нина Андреева остаются яркими сталинистами. Даже сейчас опасно говорить полную правду о периоде раскулачивания»¹⁷⁸.

В своём докладе М.Е. Бударин подчеркнул, что «в 1930 г. произошли трагические события – насильственная коллективизация», что, в свою очередь, подорвало экономическое положение страны¹⁷⁹. Обсуждая выступление М.Е. Бударина, члены Общества делились фактами своей жизни, жизни родственников. Так, д-р мед. наук, профессор Д.Н. Тарасевич рассказал о своём отце, который, являясь «средняком», подвергся аресту по анонимному доносу и был отправлен в Кузбасс, затем его переселили в Салехард вместе с другими такими же арестантами. А.Д. Колесников заметил, что «репрессиям подверглись трудолюбивые крестьяне». В конце обсуждения доклада М.Е. Бударина было внесено предложение возобновить издательскую деятельность Отделения и осуществить выпуск брошюры, посвящённой периоду коллективизации¹⁸⁰.

Показателен и возникший интерес представителей научно-педагогической интеллигенции к биографиям недавно реабилитированных видных деятелей партии и государства, предлагавших в 1920-е гг. альтернативные «сталинскому» пути развития общества и репрессированных в 1930-е гг. Так, в ходе слушания упомянутого доклада М.Е. Бударина прозвучал вопрос: «Как Н.И. Бухарин относился к репрессиям?». На это профессор ответил следующее: «Бухарин был не согласен с репрессивными мероприятиями. Он считал – надо продолжать НЭП. Он выступил против форсированного процесса коллективизации, в сущности он был против плана Сталина. Бухарин выступал за переход к социалистическому строительству, но другими путями. Он был против репрессий»¹⁸¹.

По мере нарастания экономических проблем в стране усиливался процесс поляризации и радикализации интеллигенции. В ходе обсуждения на заседании

¹⁷⁸ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.

¹⁷⁹ Там же. Л. 2.

¹⁸⁰ Там же. Л. 3.

¹⁸¹ Там же.

Отдела доклада «Экономические проблемы Омской области» председателя экономического комитета облисполкома В.В. Малыхина, который зачитал сменивший А.Д. Колесникова на посту председателя Отдела канд. геол.-минерал. наук В.С. Баженов, профессор Д.Н. Фиалков выступил с эмоциональной речью. В 1990 г. озвученный пару лет назад лозунг «возвращения к ленинскому наследию» для отдельных представителей интеллигенции уже был не актуален. Пересмотру подвергалась сама идея социалистической системы в том варианте, в каком она пришла к своему печальному финалу в начале 1990-х гг. «Все трудности, которые мы переживаем, – высказался Д.Н. Фиалков, – в том, что революция произошла в отсталой стране. Задача ставилась большая – построить новый мир. У нас ликвидировали рынок. Всё распределялось. После революции ни Ленин, ни Троцкий, ни Бухарин не знали, что делать. Некомпетентность была тогда, она есть и сейчас. Страна жила идеей о мировой революции. Затем Ленин перешёл к НЭПу. Всё проводилось под влиянием командно-административной системы»¹⁸².

В 1990–1991 гг. перед Обществом встаёт проблема сохранения Отделения. «Совет должен работать более масштабно, – говорил своим коллегам М.Е. Бударин, – надо выходить на более широкую арену. Надо, чтобы о нашей работе знало как можно больше людей. Кроме того надо заниматься коммерцией, т. е. зарабатывать деньги – надо издавать популярные книжки, небольшие, на 0,5 листа. Это будут очерки о людях географического общества (К.П. Горшенине, С.Р. Лаптеве, А.Ф. Палашенкове)»¹⁸³.

Однако вопреки оптимистическим ожиданиям период первой половины 1990-х гг. стал для Омского отдела ГО временем испытаний. Дискуссии на темы исторического прошлого уходят на второй план. Перед Обществом встаёт задача выжить в новых условиях рыночной экономики. Об этом косвенно свидетельствует письмо действительного члена Омского отдела географического

¹⁸² ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 114. Л. 56.

¹⁸³ Там же. Л. 25.

общества И.Ф. Кирякина, обращающегося к В.С. Баженову¹⁸⁴. В этом письме И.Ф. Кирякин предлагает руководителю Омского отдела «найти спонсоров» среди представителей администрации, предпринимателей и фермеров, которые могли бы стать опорой для Общества в условиях, когда оно «теряет авторитет и популярность» в глазах омской общественности¹⁸⁵.

В то же время, в 1991–1995 гг., Омским отделом ГО осуществлялись мероприятия, целью которых было изменение социокультурного пространства города. Особенность этого направления работы, обозначившегося в 1990-е гг., заключается в том, что акцент делался на увековечение тех лиц и событий, которые пользовались недостаточным вниманием (либо вообще игнорировались) официальной советской политикой памяти.

В 1991 г. совместно с Омским областным краеведческим музеем Омским отделом ГО было проведено заседание, посвящённое памяти учёного-краеведа А.Ф. Палашенкова и учреждена премия его имени. В том же году состоялась конференция и издан сборник трудов «Природа и хозяйство Омской области». Активное участие в этих мероприятиях приняли А.Д. Колесников А.Ф. Куракин, Н.С. Фалькович, Д.Н. Фиалков, Г.И. Зайков, Ф.И. Новиков и др.

В 1992 г. была проведена юбилейная конференция в честь 115-летия Омского отдела РГО (ответственные – Д.Н. Фиалков, Б.А. Конилов, А.М. Лосунов), юбилейная конференция Омского военно-топографического отдела (ответственные – Д.Н. Фиалков, Ю.В. Столбов, Н.И. Болдырев, Ю.К. Очагов). Широко отмечалось 150-летие со дня рождения исследователя Сибири, общественного деятеля, одного из основоположников сибирского областничества, Н.М. Ядринцева, была проведена конференция с участием

¹⁸⁴ Прим. В декабре 1985 г. состоялась отчётно-выборная конференция Омского отдела ГО. Был избран новый состав Совета отдела в количестве 17 человек. Среди действительных членов Отдела в конце 1985 г. значилось 68 человек, в том числе 28 имеющих учёную степень (ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 124. Л. 1). В период с 1985 по 1992 г. количество действительных членов Омского отдела Географического общества увеличилось на 7 человек – с 68 до 75. При этом количество активистов Общества, имеющих учёную степень, осталось неизменным – 28 (ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 125. Л. 1).

¹⁸⁵ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 125. Л. 17.

15 действительных членов Общества, издан сборник тезисов секции «Географии Сибири» (ответственные – О.В. Мезенцева, А.А. Кожухарь)¹⁸⁶.

В рамках реакции на советскую мемориальную культуру предпринимались попытки наполнить коллективную память образами, которые увековечивались в Российской империи, но были по разным причинам подвергнуты осуждению и забвению в советское время. К ним относятся и образы, связанные с историей сибирского казачества. В региональном пространстве тема казачества актуализировалась в первой половине 1990-х гг. В мае 1993 г. действительные члены Омского отдела приняли участие в секционных заседаниях военно-исторической конференции, посвящённой 180-летию с момента основания Омского высшего общевоинского командного училища (бывшего казачьего училища). Профессор А.Д. Колесников подготовил доклад «Зарождение сибирского казачества от Ермака до основания г. Тары», биолог и краевед В.Е. Шрам к этому событию выпустил стенгазету. И.Ф. Кирякин выступил по радио в качестве эксперта и дал интервью «История казачества и современность», а также дважды публиковал в газете «Омская правда» статьи о казачестве¹⁸⁷.

Также в 1993 г. действительные члены Омского отдела ГО принимали участие в конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения выдающегося учёного и путешественника М.В. Певцова¹⁸⁸. В честь этого события было проведено торжественное заседание Отдела (совместно с Омским отделением Российского фонда культуры), где было заслушано четыре доклада¹⁸⁹. Члены Омского отдела ГО активно участвовали в работе по созданию и установке в Омске мемориальной доски в честь Н.К. Рериха¹⁹⁰, в 1994 г. выступали на научной конференции, посвящённой 400-летию основания г. Тары¹⁹¹.

¹⁸⁶ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 133. Л. 5.

¹⁸⁷ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 125. Л. 11.

¹⁸⁸ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 133. Л. 6.

¹⁸⁹ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 125. Л. 11.

¹⁹⁰ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 115. Л. 69.

¹⁹¹ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 133. Л. 6.

С 1995 г. в деятельности Омского отдела наблюдаются существенные изменения, характеризующиеся ростом активности при сохранении традиций, заложенных в XIX–XX вв. и развитых в 1960-е – первой половине 1990-х гг. В частности, стали чаще проводиться заседания и собрания, посвящённые пропаганде географических знаний в школах¹⁹². Кроме того, изменился и характер деятельности организации в сфере историко-краеведческого просвещения. Для Омского отдела ГО второй половины 1990-х гг. характерно стремление к обобщению более чем столетнего опыта работы Общества. Возникла потребность заполнить исторические «пробелы», опираясь на наследие предшественников, написать подробную историю Омского отдела Географического общества. Также прослеживается и стремление членов Отдела громче заявить о себе, выйти за пределы достаточно замкнутой учёной корпорации.

На торжественном заседании Общества, посвящённом 120-летию со дня его основания, А.Д. Колесников зачитал доклад об истории Омского отдела. Докладчик особо отметил инициативы его активистов по созданию научных центров, просветительскую работу, подчеркнув, что «географическое общество выступало за открытие университета в г. Омске. В начале XX века Омский отдел стал инициатором создания в Омске сельскохозяйственной академии, определившей ведущее место омской сельскохозяйственной науки и практики»¹⁹³. Присутствовавший на этом заседании М.Е. Бударин рассказал о некоторых страницах биографии знаменитых действительных членов Омского отдела ГО, а именно о профессоре П.Л. Драверте, профессоре К.П. Горшенине, учёном-краеведе А.Ф. Палашенкове¹⁹⁴.

Уход из жизни в 1995 г. профессора Д.Н. Фиалкова подвигнул участников Общества инициировать ряд мероприятий по увековечению его имени в пространстве Омска. Так, по итогам отчётно-выборной конференции 1996 г. было

¹⁹² Новиков Ф.И., Вяткин И.А., Кассал Б.Ю., Баженов В.С. Омское региональное отделение Русского географического общества: эволюции и революции... – С. 135.

¹⁹³ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 144. Л. 18.

¹⁹⁴ Там же.

решено «увековечить память почётного члена РГО, профессора, д. г. н. Д.Н. Фиалкова, обратившись с письмом в Администрацию г. Омска и Администрацию Омской области о присвоении одной из новых улиц имени Д.Н. Фиалкова и учреждении стипендий его имени»¹⁹⁵. На заседании 26 апреля 1998 г. Ф.И. Новиков обратился ко всем членам отдела с просьбой собирать материалы о жизни и деятельности Д.Н. Фиалкова: «К 1999 г. есть смысл запланировать “Фиалковские чтения”, посвящённые 90-летию со дня рождения профессора Д.Н. Фиалкова»¹⁹⁶.

В 1999 г. Омский отдел ГО обратился с ходатайством к руководству Омского аграрного университета о присвоении Ботаническому саду Омского государственного аграрного университета имени одного из выдающихся флористов Сибири, действительного члена ГО, канд. биол. наук, доцента Н.А. Плотникова, более 40 лет возглавлявшего в университете кафедру ботаники¹⁹⁷.

Также в 1998–1999 гг. членами Омского отдела ГО были прочитаны доклады, посвящённые 150-летию со дня рождения сибирского историка Г.Е. Катанаева¹⁹⁸ и 175-летию образования Омской области (1823)¹⁹⁹. В 1999 г. члены Общества принимали деятельное участие в написании книги «Природа Омской области»²⁰⁰.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что инициативы активистов Омского отдела Географического общества в 1985–1990-х гг. оказали значительное влияние на развитие историко-культурного пространства города, генезис новых образов коллективной памяти. Вместе с тем члены Общества, в большинстве своем являющиеся представителями научной интеллигенции региона, также обменивались новейшей исторической информацией, что

¹⁹⁵ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 133. Л. 15.

¹⁹⁶ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 153. Л. 19.

¹⁹⁷ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 162. Л. 11.

¹⁹⁸ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 159. Л. 22-23.

¹⁹⁹ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 153. Л. 34.

²⁰⁰ ГИАОО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.

способствовало расширению и развитию их профессиональных знаний и навыков, необходимых учёным-исследователям.

Демократизация политической и общественной жизни, значительные идеологические послабления, изменение общей культурной повестки положительным образом сказались на жизни местных сообществ интеллигенции, способствовали расширению поля деятельности просветительных организаций. Во второй половине 1980-х гг. стало очевидно, что ни государство с его ортодоксальной линией политики памяти, ни региональные и городские власти, поддерживающие устойчивость «правильного» официального просвещения на местах, были уже не способны обеспечить существенно возросшие потребности общества в исторической информации. Усилился и интерес к краеведению. Если раньше, в 1950–1970-е гг., краеведческие изыскания были уделом отдельных энтузиастов, то в годы перестройки к сюжетам локальной истории обращалось всё больше людей, эта область гуманитарной науки оказалась востребована широкими слоями населения. Интеллигенция среагировала на возникновение «спроса» на новые исторические факты. Примером тому служит работа Омского отдела РГО, организации, для которой работа с образами и символами, краеведческое просвещение, по большому счёту, не были первостепенными задачами – основным продуктом её деятельности являлось генерирование новых идей и знаний в сфере естественных наук. Однако в 1980–1990-е гг. Омский отдел Географического общества сделал немало как для формирования коллективных представлений о прошлом, так и для внедрения новых форм коммемораций. Стали заметны и проявления коммуникативной памяти (как яркий пример – семейные воспоминания о коллективизации членов РГО, выразивших желание написать «подлинную историю» этого трагического времени), возросло стремление к самоорганизации и независимости от формальных руководящих структур. Всеобщий интерес к своему прошлому, его тайнам и ранее скрытым от глаз исследователей документам – всё это свидетельствует о значительной активизации на рубеже 1980–1990-х гг. образованных и общественно-активных групп населения в работе по формированию исторической памяти.

Для Омска отдел Географического общества стал не слишком известной и массовой (в силу своей ориентированности на научную корпорацию) организацией. Тем не менее мы видим, что её деятельность можно охарактеризовать как многоуровневую, многоаспектную и значимую в масштабах региона: Обществу в 1985–2000 гг. удалось сделать немало для формирования неповторимых черт социокультурного ландшафта города и приложить руку к созданию и функциональному насыщению нескольких знаковых мест памяти. Обращаясь к новосибирскому материалу, следовало бы предположить, что в университетском городе, более развитом в плане научной инфраструктуры, местный отдел РГО играл, как минимум, такую же важную роль в деле конструирования и трансляции исторической памяти. Однако обращение к источникам, как ни странно, говорит об обратном. Уже сам по себе недостаток источников (отсутствие переданных на хранение в архив фондов, крайняя малочисленность публикаций по истории отдела и т. д.) может служить свидетельством тому, что организация работала не слишком интенсивно. Для подтверждения или опровержения данного вывода рассмотрим деятельность Общества на основании имеющихся источников.

История Новосибирского отделения Русского географического общества рассматривается его активистами в контексте деятельности Западно-Сибирского отдела, основанного в 1877 г., и других сибирских отделений, созданных в конце XIX – начале XX вв. Но непосредственно само Новосибирское отделение было создано только после окончания Великой Отечественной войны.

Первая попытка учреждения Новосибирского отделения РГО относится к 1939 г. Тогда его созданию помешала начавшаяся война: многие активисты ушли на фронт. При этом эвакуация в Новосибирск научных институтов Академии наук и организация Западно-Сибирского филиала АН СССР, развернувшего свою работу с 1944 г., привели к качественным прогрессивным изменениям в научной и общественной жизни города. В январе 1946 г. состоялось организационное собрание, на котором присутствовали члены инициативной группы, видные учёные Сибири: геолог Г.В. Малкин, биологи В.Г. Крылов, В.В. Ревердатто и А.В.

Куминова, географы Е.Н. Орлова и Л.В. Молоденков, медик П.Т. Приходько и др. Было избрано оргбюро из семи человек, которое определило перечень секций и подготовило первое общее собрание. 18 мая 1946 г. Новосибирский отдел был утверждён на заседании Учёного совета Географического общества СССР²⁰¹.

В рамках Новосибирского отдела ГО были организованы секции физической и социально-экономической географии, геологии, астрономии и геофизики, биогеографии, картографии, исторической географии, пропаганды географических знаний. В 1969 г. решением президиума Географического общества СССР в Новосибирске на хозрасчётной основе была организована единственная в стране экспериментальная научная лаборатория историко-географических и социологических исследований (ЛИГИСИ). Основной задачей Лаборатории стал сбор материалов «по истории населённых пунктов и предприятий Сибири, проведение экспедиций по сбору материалов такого профиля, издание серии книг»²⁰². Лаборатория проработала чуть больше года и была ликвидирована по финансовым причинам. Собранные материалы были переданы в архив института истории СО АН СССР.

Долгие годы работа Новосибирского отделения РГО была тесно связана с деятельностью структурных подразделений Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1984 г. численность членов Отделения составила 340, большая часть из них была представлена учёными, сотрудниками новосибирских исследовательских институтов.

Отсутствие в фондах областного и городского архивов Новосибирска делопроизводственной документации Новосибирского отделения РГО затрудняет исследовательскую работу, способствующую раскрытию внутренних процессов функционирования Общества. Публикации, касающиеся истории Новосибирского отделения РГО в рассматриваемый период, немногочисленны, поэтому история

²⁰¹ Географическое общество СССР. Сибирские и дальневосточные организации // История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 2002. – С. 39-40.

²⁰² Анфиногенова Т.К., Белоножко Ю.А. Из истории Новосибирского отделения Русского географического общества (1946–2001 гг.)... – С. 235.

Общества в 1980–1990-е гг. остаётся неисследованной лакуной. Заметим лишь, что в существующих единичных публикациях более позднего времени годы перестройки характеризуются самими членами Общества преимущественно критически.

Возрождение активной работы Новосибирского отдела РГО в начале 2000-х гг. связано с деятельностью активиста Общества, сотрудника Института истории СО РАН, канд. ист. наук. Ю.А. Белоножко. В цитируемой публикации 2001 г. она указывает на то, что «период перестройки и структурных реформ привёл к большим переменам негативного характера в жизни всего Географического общества и его Новосибирского отдела»²⁰³. В 1990-е гг. Общество лишилось материальной поддержки РАН и с 1995 г. стало «рядовой общественной организацией»²⁰⁴. В 1990-е гг. прекратило работу большинство секций Новосибирского отдела. Сохранились лишь две: социально-экономической географии (пред. – канд. геогр. наук Л.В. Молоденков) и школьной географии и краеведения (пред. – Ю.А. Белоножко). После смерти Л.В. Молоденкова в 1999 г. действующей осталась только секция школьной географии и краеведения.

Создание в 1981 г. секции школьной географии и краеведения Новосибирского отдела РГО (председатель – д-р геол.-минерал. наук В.А. Николаев) предполагало объединение учителей географии, с помощью которых Общество могло бы содействовать улучшению преподавания этого предмета в средней школе, а также усилению работы по развитию школьного краеведения в области. К началу 1990-х гг. в секции числилось 20 человек. Основной костяк был представлен учителями географии, но также в работе секции участвовали учителя истории, литературы, биологии, библиотечные работники, журналисты из Новосибирска и некоторых районов области. За годы работы секции краеведения удалось наладить сотрудничество со многими областными учреждениями и организациями: органами народного образования (ОблУНО, ГорУНО), областным

²⁰³ Анфиногенова Т.К., Белоножко Ю.А. Указ. соч. – С. 235.

²⁰⁴ Там же.

и городским комитетами по делам молодёжи, детскими клубами, краеведческим музеем, агроэкологическим музеем Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук, библиотеками, филармонией, консерваторией, педагогическим университетом, газетами «Вечерний Новосибирск», «Новосибирские новости», «Педагогическое эхо», «Приобская правда», «Рост» и др.

В период 1991–1994 гг. секцией проводилась работа по привлечению к работе РГО школьных учителей, занимающихся также краеведческой работой с учащимися. В 1992–1994 гг. в журнале «Сибирский вестник сельскохозяйственной науки» был опубликован составленный Ю.А. Белоножкой биографо-библиографический словарь «Сибирские члены и сотрудники Московского общества сельского хозяйства (1820–1860)». В данном справочнике были представлены биографии 45 деятелей дореволюционной науки Сибири и Дальнего Востока²⁰⁵. В 1993–1995 гг. в журнале «Югра» был напечатан второй справочник – «Тобольские члены и сотрудники Вольного экономического общества (1765–1861 гг.)». В этом справочнике содержались биографические данные ещё по 20 персоналиям.

В 1993 г. к 100-летию Новосибирска секцией школьной географии и краеведения был проведён заочный конкурс-викторина на знание истории города. В 1994 г. секция объявила о проведении конкурса «на лучшее путешествие по Новосибирской области и России», посвящённого 150-летию РГО, отмечаемому в 1995 г. В конкурсе приняли участие 12 отрядов школьников, учащихся домов детского и молодёжного творчества из Новосибирска и районов области (Новосибирского сельского, Болотнинского, Исктимского). На страницах газет «Вечерний Новосибирск», «Рост», «Приобская правда» и «Педагогическое эхо» активистами секции были опубликованы серии очерков о деятелях РГО.

В 1994–1995 гг. на базе Дома учёных СО РАСХН, а также областного краеведческого музея и школы № 137 Новосибирска были проведены научные

²⁰⁵ Белоножка Ю.А. О краеведческой работе секции школьной географии Новосибирского отдела Русского Географического общества // Страницы истории Новосибирской области. – Ч. 1. – Новосибирск, 1995. – С. 86.

чтения Новосибирского отдела РГО. С докладами о выдающихся деятелях Общества выступили члены секции школьной географии Т.С. Кобзева, учитель школы № 80 Новосибирска, Л.Н. Маковец, сотрудник областного краеведческого музея, учащиеся А. Минаков и А. Канунов²⁰⁶.

Завершающим мероприятием в серии акций, посвящённых 150-летию РГО, стал объявленный в мае 1995 г. заочный конкурс-викторина на знание истории Общества. В конкурсе приняли участие 59 человек, большинство которых составили школьники. Ответы на вопросы викторины присылали школьники Советского, Кировского, Железнодорожного районов Новосибирска и посёлка Краснообск. Итоги викторины подвели в ходе торжественного вечера, состоявшегося 23 декабря 1995 г.²⁰⁷

В 1990-е гг. секция школьной географии и краеведения Новосибирского отделения РГО представляла собой один из важных центров историко-популяризаторской работы, ориентированной на средние учебные заведения. Сохранение исторической памяти, культурного и природного наследия Новосибирской области стало одной из приоритетных задач Общества.

В апреле 2000 г. решением собрания членов единственная действующая секция Новосибирского отделения РГО – школьной географии и краеведения – была преобразована в Новосибирское отделение Русского географического общества²⁰⁸. Руководителем НО РГО была избрана Ю.А. Белоножко. В мае – августе 2000 г. отделение прошло регистрацию в соответствии с Законом об общественных объединениях в РФ и получило статус юридического лица.

Для деятельности Новосибирского отдела РГО начала 2000-х гг. так же, как и для омской организации, характерно стремление систематизировать

²⁰⁶ Белоножко Ю.А. О краеведческой работе секции школьной географии Новосибирского отдела Русского географического общества // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ, ОИГГМ, 1997. – С. 36.

²⁰⁷ Медведская С. Белых пятен на глобусе не осталось, но географы не унывают // Советская Сибирь. – 1996. – 23 января.

²⁰⁸ Юмина А.Н. Новосибирское отделение Русского географического общества: 70 лет // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2016 год. – Новосибирск, 2015. – С. 125.

изучение истории регионального отделения. В 1997 г. активисты секции школьной географии и краеведения выступили с предложением о создании биографо-библиографического словаря «Сибирские члены и сотрудники РГО (1845–1995 гг.)» (в 2001 г. формат проекта был изменён, речь шла уже о создании биографо-библиографического словаря «Члены НО РГО за 55 лет (1946–2001 гг.)») ²⁰⁹.

Подведём итоги первого параграфа. В условиях масштабных изменений рубежа 1980–1990-х гг. в Омске отдел Географического общества являлся авторитетной общественной организацией, отвечавшей по мере своих возможностей социальному запросу на историческое просвещение. Омский отдел ГО внёс существенный вклад в формирование новых мест и точек памяти и реализацию различных коммеморативных практик (открытие новых мемориальных досок, организация научно-практических конференций, выпуск краеведческих изданий, проведение публичных лекций, активная просветительская работа в СМИ). Целью многих акций Отдела в эти годы было восстановление «исторической справедливости»: возвращение в коллективное сознание людей образов выдающихся деятелей науки и культуры дореволюционного периода, проработка «травматических» сюжетов прошлого, необходимость которой, по мнению интеллигенции, заключалась в невозможности двигаться вперёд, не преодолев наследия трагического XX века. Приметой времени стали дискуссии о событиях гражданской войны, коллективизации, 1930-х гг., Великой Отечественной войны. Не случайно, как мы увидели на примере деятельности Общества, фигурой, объединившей два этих направления (условно «ностальгического» и «травматического») процесса осмысления прошлого стал академик Н.И. Вавилов.

Применительно к Новосибирскому отделу РГО подобного зафиксировать не удалось. На основании имеющихся источников мы можем заметить, что, по сути, функционирование всего Новосибирского отдела в 1985–2000 гг. свелось к деятельности, которую в Омске осуществляла одна секция Общества – культурно-

²⁰⁹ Анфиногенова Т.К., Белоножко Ю.А. Указ. соч. – С. 236.

просветительной и экспедиционной работы с учащимися. Однако, как нам видится, это обстоятельство не является поводом к обвинению новосибирских учёных в недостатке трудолюбия и безразличии. Высокий научный и педагогический статус Новосибирска, наличие большого количества вузовских работников, развитая и разветвлённая сеть научной интеллигенции не способствовали развитию просветительной деятельности в рамках отдела РГО по той причине, что он оказался одной из множества организаций подобного профиля (как выясняется, не самой притягательной). В отличие от омских коллег, новосибирские учёные не испытывали дефицита в общественных площадках (Дом учёных Академгородка и т. д.), и потому культурно-просветительная работа того же профиля велась на базе других институций, выполнявших функции, которые в Омске, по причине меньшего количества формальных академических учреждений, были возложены на сотрудников кафедр госуниверситета и пединститута, объединившихся вокруг местного отдела Географического общества.

§ 2. Омское и Новосибирское отделения ВООПИиК: сохранение историко-культурного наследия регионов

К началу перестройки в 1985 г. в СССР почти 20 лет активно функционировала крупнейшая культурно-просветительная общественная организация – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). За годы существования Обществом был накоплен большой опыт по сохранению, приумножению и популяризации отечественного историко-культурного наследия. Деятельность ВООПИиК в значительной степени оказала влияние на формирование исторических образов, транслируемых в общественное сознание во второй половине XX в., что позволяет говорить о серьёзной роли этой организации в процессах формирования исторической памяти.

История создания и основные этапы деятельности ВООПИиК со дня его основания и до начала 2010-х гг. раскрыты в публикации В.А. Ливцова²¹⁰. Не считая необходимым пересказывать эту общедоступную информацию, мы сразу обратимся к рассматриваемым нами в рамках исследования территориям. В Омске и Новосибирске отделения ВООПИиК были созданы в 1967 г., в течение года после образования самого Общества на учредительном съезде в Москве в июне 1966 г.

В дореволюционный период охрану памятников в Омском Прииртышье курировал Западно-Сибирский отдел Русского Императорского географического общества. В его составе даже была создана специальная памятникоохранительная комиссия, впоследствии передавшая ряд вопросов историко-археологической комиссии. В 1920–1930-е гг. проблемой изучения и сохранения памятников старины занимались также Омское общество краеведения и Омский краевой музей. В 1940–1960-е гг. охраной памятников занимался Омский отдел Всесоюзного Географического общества²¹¹. Учредительная конференция по созданию в Омске отделения ВООПИиК состоялась в 1967 г. В ходе её работы был избран первый президиум областного Совета, первым председателем которого стал тогдашний директор Омского историко-краеведческого музея М.И. Агеев. Уже через год он уступил эту должность доценту (с 1972 г. – профессору) А.Д. Колесникову, одному из первых (после М.И. Бударина и М.Н. Неёлова) в Омске доктору исторических наук. В состав областного Совета ВООПИиК вошли преподаватели Омского государственного педагогического института (ОГПИ) им. А.М. Горького И.Е. Молоков и А.К. Касьян, архитектор М.М. Хахаев. В 1974 г. в качестве ответственного секретаря к работе Общества подключился подполковник Вооружённых Сил в запасе, краевед-любитель В.Г. Титов. На протяжении последующих 30 лет его имя будет неразрывно связано со всеми

²¹⁰ Ливцов В.А. Участие Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации // 75 лет Пакту Рериха: материалы Международ. науч.-обществ. конф. 2010. – М.: Международный центр Рерихов, 2011. – С. 317-336.

²¹¹ Коновалов И.Л., Лосунов А.М. Дорогой читатель! // Из века в век (Омск). – 2007. – № 1.

важнейшими инициативами Омского отделения ВООПИиК, их реализацией, освещением деятельности Общества в СМИ и созданием летописи отделения.

Новосибирское отделение ВООПИиК было образовано в конце 1966 г. Состоявшееся 23 января 1967 г. заседание областного Совета Общества во главе с председателем А.Ф. Бердниковым определило основную стратегию работы на ближайшие годы. Упор делался на тесное сотрудничество с партийными и хозяйственными органами. Областной Совет обратился к зампредела Новосибирского облисполкома Ф.Ф. Глушкову и зампредела горисполкома И.П. Севастьянову с просьбой оказать помощь в организации областного и городского отделений Общества и определении направлений его деятельности, подборе кадров, выделении помещения²¹². Решением Совета был избран ответственный секретарь областного Отделения В.В. Григорьев и созданы первичные организации ВООПИиК при педагогическом, политехническом и архитектурном институтах, институте экономики, Облсовпрофе.

С момента основания Омского и Новосибирского отделений ВООПИиК стали постепенно создаваться и отделения в районах областей. Работа, в том числе, велась успешно благодаря активности и энтузиазму членов Общества. В.Г. Титов вспоминал: «В основном работали на общественных началах, но потом штатные должности ответственных секретарей стали финансироваться за счёт собственных средств. Средства общества складывались из членских взносов и добровольных пожертвований организаций и частных граждан»²¹³.

Среди основных задач, стоящих перед ВООПИиК в годы «застоя», и в Омске, и в Новосибирске выделялись проекты создания охранных историко-культурных зон. Средства массовой информации Новосибирска акцентировали внимание на «юном» возрасте города, подчёркивая необходимость сохранения каждого памятника, представляющего даже незначительную историко-культурную ценность.

²¹² ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3.

²¹³ Титов В.Г., Зубакина М.Ю. Хранители памятников истории и культуры Омского Прииртышья... – С. 262.

Не только схожесть ключевой задачи – создание охранных зон в черте города, – но и совпадение времени и сроков реализации, учитывая разный возраст городов, свидетельствуют о формировании магистральной задачи в сфере исторической памяти в 1960–1970-е гг. – создании неповторимого облика исторического города, славное прошлое которого является началом пути в прекрасное настоящее и далее – в светлое будущее.

Нельзя сказать, что до начала демократических преобразований в СССР формы и методы работы региональных отделений ВООПИиК не претерпевали изменений. При этом цели и задачи отделений Общества в доперестроечный период были схожи. В 1960–1970-х гг. в региональных организациях активно обсуждались инициативы по созданию многотомных «Сводов памятников», проведению смотров памятников истории и культуры, реставрации мемориалов, посвящённых гражданской и Великой Отечественной войне. С началом перестройки ситуация стала меняться. В общественной организации начались поиски новых направлений развития согласно вектору, заданному процессами ускорения, а затем гласности.

В середине 1980-х гг. региональные отделения ВООПИиК являлись площадками общественной активности и инициативы. В промышленных сибирских центрах гражданские институты и сообщества интеллигенции были развиты слабее, чем в европейской части страны. В таких условиях немногочисленные культурно-просветительные организации притягивали учёных-гуманитариев и творческих работников. Но в самом начале перестройки подобные сообщества совсем не были похожи на «очаги вольнодумства». Первые годы перестройки, известные в литературе как период «ускорения», в плане свобод мало чем отличались от времён «застоя». Формы трансляции исторических знаний о событиях тех лет в 1985 г. ещё не успели претерпеть существенных изменений и соответствовали оформившемуся в 1960–1970-е гг. канону. Основные коммеморации 1985 г., как уже отмечалось нами в предыдущем параграфе, были связаны с масштабным празднованием 40-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В преддверии юбилея Победы Омским отделением ВООПИиК совместно с областным комитетом ветеранов войны, обществом «Знание» был разработан цикл памятных мероприятий под названием «Поклонитесь подвигу солдатскому», в программе которого были предусмотрены встречи с омичами – Героями Советского Союза, ветеранами войны и труда. В рамках этого цикла были организованы общественные обсуждения, беседы с ветеранами войны и членами общественных организаций по темам: «Их именами названы улицы города», «В труде как в бою», «Омичи в боях за Родину», «Строка, оборванная пулей»²¹⁴. В 1985 г. вышел буклет «Мемориал Победы». В 1986 г. А.Д. Колесниковым и В.Г. Титовым был написан небольшой очерк к буклету «Памятники и обелиски омичам», посвящённый 40-летию Победы в Великой Отечественной войне²¹⁵.

В 1985–1986 гг. особенно плодотворно работало отделение одного из центральных районов Омска – Куйбышевского, – на территории которого сохранилось большое количество памятников истории. В это время завершилась реставрация Дома природы Куйбышевского района (памятник деревянного зодчества начала XX в. на ул. Пушкина), установлена памятная доска в честь 150-летия выдающегося казахского учёного и просветителя, выпускника Омского кадетского корпуса Ч.Ч. Валиханова. Значимыми оставались и традиционные фигуры и образы памяти, связанные с событиями русских революций 1905 и 1917 гг., гражданской войны. Президиумом Совета Омского отделения ВООПИиК были сформированы лекторские группы из числа краеведов-активистов. В помощь лекторам и докладчикам в районные отделения были выданы методические пособия: «Омск – родина Куйбышева», «С.М. Киров», «Памятники и памятные места г. Омска», «Вчера, сегодня, завтра Куйбышевского района». 27 марта 1986 г. к 100-летию со дня рождения С.М. Кирова в Кировском районе Омска был торжественно открыт памятник этому советскому и партийному руководителю, чья революционная деятельность была связана с Сибирью. На

²¹⁴ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 152. Л. 62.

²¹⁵ Памятники и обелиски омичам: [буклет] / авт.-сост.: А.Д. Колесников, В.Г. Титов. – Омск, 1986. – 10 с.: ил.

сооружение памятника областным отделением ВООПИиК было собрано 4955 рублей²¹⁶.

В марте 1987 г. состоялась IX областная отчётно-выборная конференция Омского отделения ВООПИиК, на которой был избран новый состав Совета. Должности руководителей отделения остались за А.Д. Колесниковым и В.Г. Титовым. В своём докладе А.Д. Колесников отметил, что в условиях объявленной политики перестройки и гласности необходимо подходить к проблемам сохранности историко-культурного наследия более критично и активнее проводить работу с молодёжью, «принимать более деятельное участие в обсуждении новых произведений монументального искусства»²¹⁷. С трибуны президиума говорилось о неудовлетворительной работе по замене временных обелисков в честь павших на фронтах гражданской и Великой Отечественной войны, о том, что не за всеми ними ведётся должный уход. Также А.Д. Колесников отмечал, что в городе и области издаётся мало краеведческой литературы и это ограничивает возможности влияния на формирование исторического сознания молодого поколения. Следует обратить внимание на прозвучавшее на конференции предложение о создании «маршрута памяти», отражающего преемственность событий героического прошлого Сибири. Так, географ, заведующий отделом городского Дворца пионеров и школьников Ф.И. Новиков озвучил идею разработки туристического маршрута, проходящего историческим путём дружины атамана Ермака. Общество также высказало пожелание оказать содействие музеям боевой и трудовой славы, зачастую не имеющим материалов по истории родного края.

Но подобные инициативы были ещё единичны. На протяжении второй половины 1980-х гг. в процессах трансляции образов прошлого сохранялась преемственность устоявшихся советских традиций политики памяти. В связи с самым масштабным юбилейным событием 1987 г., грядущим 70-летием Октябрьской социалистической революции, властями Омска был намечен план по

²¹⁶ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 175. Л. 18.

²¹⁷ Татин Г. Маршруты памяти // Вечерний Омск. – 1987. – 14 марта.

художественно-монументальному оформлению города. В рамках торжеств были запланированы реконструкция мемориальных скверов им. Борцов революции на площади Ленина и в Старозагородной роще, проведение праздников улиц, носящих имена сибирских революционеров (ул. Масленникова, ул. А. Нейбута, ул. Пранова, ул. Звезда и др.). Всего отделением ВООПИиК по Куйбышевскому району было взято на учёт и сохранение 62 памятника (5 – республиканского значения).

Пропагандистские установки, заданные 70-летием революции, на какое-то время способствовали сужению сферы деятельности Общества. Но даже реализация важных с точки зрения идеологии акций шла не беспрепятственно. Причины трудностей были различными. Зачастую они носили финансовый характер, но иногда в основе конфликта лежали и художественно-эстетические разногласия. Одну из таких ситуаций в общих чертах обрисовал А.Д. Колесников в развёрнутом интервью корреспонденту газеты «Омская правда» летом 1987 г. Конфликт произошёл между руководством Омского отделения ВООПИиК и региональным отделением Худфонда СССР. Непонимание возникло вокруг мероприятия по установке мемориальных досок в честь выдающихся революционных, партийных и советских деятелей, имевшего в 1987 г. важное общественно-политическое значение. А.Д. Колесников пояснял: «Нужна мемориальная доска на месте, где стоял дом, в котором родился В.В. Куйбышев. На мединституте – там выступал М.И. Калинин. На старом здании автодорожного института – там был клуб “Молодая гвардия”, в котором выступали А.В. Луначарский и Е.М. Ярославский. На бывшей 19 школе, из стен которой вышли два советских академика М.А. Усов и И.М. Майский»²¹⁸.

По словам руководителя Омского отделения ВООПИиК, «битва» между краеведами и художниками началась почти за 10 лет до юбилея. А.Д. Колесников рассказал корреспонденту областной газеты о том, что, по непонятным ему причинам, художники препятствовали установке на здании железнодорожного

²¹⁸ Колесников А.Д. Если дорог тебе твой дом / беседовал С. Алексеенко // Омская правда. – 1987. – 22 июля.

вокзала мемориальной доски, сообщавшей «что через Омск проезжал в ссылку и обратно В.И. Ленин»²¹⁹.

К 70-летию Октябрьской революции в Омске была проведена масштабная реконструкция памятных мест, связанных с периодом гражданской войны и «колчаковщины». Скульптором Ф.Д. Бугаенко были выполнены бюсты омских большевиков-подпольщиков А.А. Масленникова, А.Я. Нейбута, П.А. Вавилова, М.М. Рабиновича, М.С. Никифорова, В.Я. Чунчина, установленные на территории Мемориального сквера Борцов революции. Был установлен новый памятник на месте казни колчаковцами в ноябре 1919 г. более 120 человек в Старозагородной роще²²⁰. Уже после октябрьских торжеств на пленуме Куйбышевского районного Совета ВООПИиК обсуждался вопрос об увековечении памяти революционера, советского партийного и государственного деятеля, уроженца Омска В.В. Куйбышева в связи со 100-летием со дня его рождения в 1988 г. Было решено заменить гранитный постамент В.В. Куйбышеву у здания райисполкома, «установить пояснительную доску на улице Куйбышева, мемориальную доску на доме по улице Веры Засулич, где жил Валериан Владимирович»²²¹.

Помимо обращения к революционным символам, в рамках праздника также была запланирована установка памятного знака на месте основания города. Об этом заговорили ещё в 1986 г., когда Омск отмечал 270-летие. Но стимулом для воплощения задумки в жизнь послужили именно октябрьские торжества, поскольку традиции масштабных празднований Дня города в это время ещё только зарождались.

Кроме финансовых и эстетических разногласий важнейшим фактором изменения политики памяти во второй половине 1980-х гг. становится постепенная идеологическая переориентация общества. В 1987–1988 гг. Омское отделение ВООПИиК расширило поле гуманитарных инициатив, связанных с увековечением в городском пространстве выдающихся деятелей культуры. В

²¹⁹ Колесников А.Д. Если дорог тебе твой дом / беседовал С. Алексеенко // Омская правда. – 1987. – 22 июля.

²²⁰ Чижик Д. По долгу памяти // Вечерний Омск. – 1987. – 21 августа.

²²¹ Гарин И. С заботой о памятниках // Вечерний Омск. – 1987. – 16 декабря.

Куйбышевском районном отделении Госбанка СССР был открыт счёт № 70070 областного Совета Общества. В качестве цели сбора средств была объявлена установка в Омске в ближайшем будущем памятников основателю первой крепости И.Д. Бухгольцу, «главному омскому каторжнику» Ф.М. Достоевскому, классику отечественной живописи, родившемуся в Омске, М.А. Врубелю. Собирали деньги на «памятник матери» – А.А. Ларионовой, жительнице Омской области, потерявшей на фронтах Великой Отечественной войны семерых сыновей²²². Ещё до официального завершения «афганской» войны в Омске начали собирать средства на сооружение памятника «ребятам, не вернувшимся из Афганистана». Из статей в газете «Вечерний Омск» того периода мы узнаём, что омичи искренне откликнулись на выдвинутые общественной организацией мемориальные инициативы: «Присылают деньги “на памятник Куйбышеву”, “на памятник Достоевскому”...»²²³. Наиболее активными членами Общества в этот период являются инженер И.Л. Коновалов, краевед Ф.К. Надь, ответственный секретарь ВООПИиК в Кировском районе Омска З.К. Попков, искусствовед Н.Г. Коньшева, краевед М.П. Голованов.

К 1988 г. интеллигенция уже не ограничивает акции по изменению облика города инициативами сооружения революционных и военных памятников. Важно отметить, что символическое пространство Омска никогда не отличалось обилием скульптурных памятников. За все дореволюционные 200 лет истории города в нём так и не появилось ни одного монументального памятника. В советский период самые известные и значимые монументальные скульптуры были установлены в память о политических событиях или деятелях советской истории²²⁴. Это Мемориальный сквер Борцов революции, несколько памятников В.И. Ленину, памятник венгру-интернационалисту К. Лигети, бюсты В.В. Куйбышеву и Д.М. Карбышеву, мемориальный комплекс в парке им. 30-летия Победы. В годы перестройки происходит понимание «ограниченности», скудости локального

²²² Фёдоров А. Украсим город вместе // Вечерний Омск. – 1987. – 2 декабря.

²²³ Еленина А. Материнскому подвигу // Вечерний Омск. – 1988. – 28 апреля.

²²⁴ Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска... – С. 57-58.

пространства памяти. К советским героям добавляются фигуры деятелей науки и культуры.

С упрочением демократических преобразований трансформируются мировоззренческие основы интеллигенции. Одним из свидетельств подобных изменений является стремительное распространение такого феномена коллективной памяти, как ностальгия по старине. В рамках Отделения ВООПИиК происходит деление на подгруппы. Стимулом этого разделения служит растущий исследовательский интерес отдельных членов общества к дореволюционному прошлому, которое ещё несколько лет назад было принято характеризовать не иначе как «мрачное».

В 1988 г. параллельно деятельности «официальных» защитников старины, представленных Омским отделением ВООПИиК, возникает неформальное движение по охране памятников – Клуб любителей старины, вошедший в Российский совет шефских товариществ – организации, являвшейся альтернативой ВООПИиК на общероссийском уровне. Клуб расположился в реставрационном участке строительной организации «Омскгражданстрой», особняке – памятнике архитектуры начала XX в. на ул. Тарской. Базовой целью клуба стала деятельность по сохранению, изучению, пропаганде и развитию историко-культурного наследия. В комплекс задач вошли «сбор исторических материалов, шефство над памятниками истории, культуры и архитектуры, создание народного музея архитектуры, помощь реставраторам в восстановлении памятников, сохранение памяти о выдающихся земляках, уход за кладбищами»²²⁵. Клуб занимался оказанием помощи реставраторам, просветительской работой и функционировал исключительно на общественных началах. Руководителем клуба стал начальник участка и член ВООПИиК И.Л. Коновалов.

Основной костяк активистов Клуба составили молодые люди, в основном коренные омичи, обеспокоенные уничтожением старинных построек в их родном городе. С появлением Клуба любителей старины спектр организаций, чья деятельность связана с трансляцией образов и символов исторической памяти,

²²⁵ Петров В. В клубе любителей старины // Вечерний Омск. – 1988. – 8 декабря.

расширился, возник новый центр консолидации как инженерно-технической, так и гуманитарной интеллигенции Омска. Сотрудничество между «официальными» и «неофициальными» охранителями исторического наследия проходило по большей части конструктивно. Но идеологические установки двух организаций различались. Клуб любителей старины оказался в значительной степени протестной организацией, объединявшей горожан, недовольных официальной политикой по отношению к памятникам истории. «Не случайно от клуба в начале 1990-х гг. отпочковалась Омская монархическая организация»²²⁶.

Возникновение неформальных объединений рядом с «классической» общественной организацией было закономерным следствием расширения поля культурного влияния политики перестройки. По мере публикации в центральной печати и озвучивании с экранов телевизоров сенсационных и шокирующих исторических разоблачений, а также правдивой информации по проблемам современности отношение общества к недавнему прошлому стремительно менялось. В 1989 г. члены Омского отделения ВООПИиК выносят на обсуждение предложение о переименовании в городе ул. Жданова в ул. Братьев Зубовых. Личность одиозного сталинского соратника, закрывавшего литературные журналы и организовывавшего травлю А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко, для перестроечной интеллигенции становится символом всего самого ей ненавистного в советской системе: ограничения свободы слова и самовыражения, вмешательства государства в частную жизнь граждан, тотальной цензуры, уголовного преследования за озвучивание «неправильных» мыслей. Поэтому именно А.А. Жданов становится в период второй («горбачёвской») десталинизации основной мишенью критиков И.В. Сталина и его правления. В то же время публикуемая правда о трагических событиях современности усиливает среди представителей интеллигенции чувство вины и недовольство собою. Такой болезненной рефлексией в большей степени отличается осмысление «афганского» опыта. В определённой степени интеллигенция чувствовала вину за то, что своим

²²⁶ Охрана памятников. // Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год) / под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. – Омск: Издат. дом «ЛЕО», 2009 – С. 804.

молчанием, в том числе, способствовала развязыванию этой «бессмысленной» войны, унёсшей столько молодых жизней. Учитывая данный контекст, мы не видим ничего удивительного в том, что в 1990 г. улица и переулок Жданова в Омске были переименованы в улицу и переулок И. Москаленко, в память о солдате-омиче, погибшем в Афганистане в 1987 г. в возрасте 21 года.

Однако, несмотря на растущую волну новой десталинизации, всё больше захватывающую и «досталинский» период истории, отношение к памяти о революционных событиях демонстрирует высокую устойчивость советских традиций мемориальной культуры. Гражданской войне по-прежнему уделяется огромное внимание: в 1989 г. в планах регионального отделения Общества присутствовали мероприятия по празднованию 70-летия освобождения Омска от колчаковцев, Омским отделением ВООПИиК были поставлены задачи по приведению в порядок памятников, связанных с гражданской войной, празднованию юбилеев крестьянских восстаний июля – сентября 1919 г., изданию тематических брошюр и т. д.²²⁷ На обсуждение были вынесены вопросы о реставрации памятника на месте захоронения участников восстания 22 декабря 1918 г. в Омске (пл. Восстания) и увековечении памяти И. Броз Тито, который находился в Омске в годы гражданской войны.

В 1988 г. при участии официальных властей по всей стране проходит масштабное празднование 1000-летия Крещения Руси. В деятельности культурно-просветительных организаций возникает новый, ставший в скором времени одним из ключевых, «религиозный» аспект. Если в 1960–1970-е гг., чтобы спасти культовое сооружение от сноса, представителям интеллигенции приходилось объяснять партийным и хозяйственным руководителям, что подобное невозможно по причине уникальности архитектуры данного объекта или его прямой связи с важным историческим событием (как это было в Омске с Казачьим Никольским собором), то в годы перестройки становится возможным не только сохранение культовых объектов в первоизданном виде, но восстановление давно разрушенных часовен и церквей. В конце 1980-х гг. к деятельности омских культурно-

²²⁷ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 186. Л. 16.

просветительных организаций активно подключается возглавивший в 1986 г. Омскую кафедру архиепископ Феодосий (И.И. Процюк). В 1990 г. членами Омского отделения ВООПИиК уже обсуждается восстановление Серафимо-Алексиевской часовни, построенной на главной улице города в 1908 г. в память о событиях Русско-японской войны 1904–1905 гг. и в честь рождения наследника российского престола цесаревича Алексея Николаевича: «Поддержать предложение общественности города о восстановлении Серафимо-Алексиевской часовни»²²⁸ (в 1994 г. часовня была восстановлена на историческом месте²²⁹).

На протяжении 1991 г. Омским отделением ВООПИиК решался вопрос об активизации работы первичных организаций областного и районных Советов отделений Общества в связи с подготовкой мероприятий, приуроченных к 50-летию со дня начала Великой Отечественной войны. На 1991 г. приходились и другие юбилейные даты. Состоялось празднование 100-летия начала строительства Транссибирской магистрали. Члены ВООПИиК приняли участие в подготовке и работе научно-практической конференции в честь 275-летия Омска²³⁰.

Как известно, 1991 г. ознаменовал собой крутые перемены в жизни страны. Они отразились и на деятельности ВООПИиК, коснувшись не только экономических и хозяйственных аспектов деятельности Общества, но и его идеологических задач. Материалы состоявшейся весной 1991 г. X отчетно-выборной конференции Омского отделения свидетельствуют о том, что ВООПИиК тогда позиционировал свою деятельность как заботу об охране памятников истории и культуры, продиктованную идеей патриотизма. Трансляции исторической памяти отводилась исключительная роль: по мнению руководства отделения, «от того, как оценивается история прошлого, формируется отношение общества к памятникам»²³¹.

²²⁸ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 192. Л. 9

²²⁹ Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета; ООО «Издатель-Полиграфист», 2003. – С. 109.

²³⁰ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 196. Л. 16.

²³¹ Там же. Л. 1.

В отчётном докладе А.Д. Колесников высказал следующие суждения: «Тяжёлое время переживает наша Родина. В трудные дни мы собрались. В русском языке слово “перестройка” означает переделывание чего-то, и, как правило, переделывания в лучшую сторону. И перестройку советский народ воспринял как процесс улучшения нашей жизни, устранения недостатков и дальнейшего развития всего лучшего, хороших сторон нашей жизни, экономики, общественного управления, улучшения морально-нравственных черт уклада общества. При перестройке, как и положено, надо было что-то отвергать из прошлого, критиковать, чтобы не повторить ошибок. Поэтому обоснованно воспринималась критика ошибок прошлого. Но в каждом деле должна соблюдаться норма разумного, допустимого, идущего на пользу... Мне представляется, что в критике прошлого мы переступили черту разумного и настолько увлеклись критикой прошлого, что от критики недостатков перешли к огульному очернительству, выискиванию и копанию в ошибках, что привело к развенчанию почитаемых идеалов, целей и породило апатию и уныние, безысходность»²³².

Руководитель областной организации горестно констатировал, что «проникший нигилизм на страницы газет и журналов, на радио и телевидение не мог не оказать влияние на отношение к памятникам». Такая обстановка в значительной мере осложнила работу Общества: прекратили работу ряд первичных организаций ВООПИиК, некоторые районные организации, сократилась численность членов Общества, а в связи с этим и поступление членских взносов, ухудшилось материальное положение областной организации²³³.

По итогам конференции произошёл ряд структурно-организационных изменений, были скорректированы некоторые направления деятельности регионального отделения. Конференция приняла не только новый устав, но также была предпринята попытка изменить формат деятельности самого Общества,

²³² ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 196. Л. 2.

²³³ Там же.

придав ему определённый политический характер с утверждением идеологии патриотизма. Высказывались предложения переименовать ВООПИиК в Российское общество «Память Отечества» и создать единое Союзное общество: «Необходимость усиления патриотического воспитания, умелого противостояния волне очернительства отечественной истории ставят задачу сохранения нашего патриотического общества, усиления его воспитательных функций, ещё более крепкого сплочения актива энтузиастов-краеведов, затоков и любителей старины, памятников истории»²³⁴.

Но всё же столь глобальных изменений в структуре и работе Общества не произошло. Основной задачей ВООПИиК по-прежнему оставалась забота о сохранности недвижимых памятников, хотя признаки мировоззренческого кризиса среди членов Общества становились всё очевиднее. Активисты ВООПИиК находились, как и большинство жителей страны, в состоянии растерянности и разобщённости. Свидетельством тому могут служить слова преподавателя истории, председателя первичной организации Общества в школе № 4 г. Исилькуля Омской области З.П. Дубасовой, сказанные ею на отчётно-выборной конференции 1991 г.: «...Очень больно читать и слышать, как многие исторические события перечёркивают, чернят. Мы уже готовы в ранг героев возводить Колчака и ему подобных. И наоборот, Павлика Морозова чуть не превратили во врага народа»²³⁵.

Постепенный переход к реалиям рыночной экономики не привёл к смене руководства отделения: должность председателя президиума сохранил за собой профессор А.Д. Колесников, его заместителем остался В.Г. Титов. В президиум также вошли сотрудник научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Н.И. Андросов, сотрудник Омского областного архива К.В. Канаки, доцент ОГПИ им. А.М. Горького И.Е. Молоков, заведующая отделом областного историко-краеведческого музея А.П. Ракова, архитектор М.М. Хахаев, начальник управления культуры города Омска В.В. Шалак, канд. ист. наук А.И.

²³⁴ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 196. Л. 2.

²³⁵ Там же. Л. 23.

Шумилов, председатель комиссии Омской секции Советского комитета ветеранов войны И.Ф. Одинцов.

Одна из наиболее успешных и значимых для Омска акций ВООПИиК, как ни парадоксально, пришлась именно на 1991 г. Во многом благодаря активистам-общественникам в кратчайшие сроки были восстановлены Тарские ворота второй Омской крепости – памятник истории XVIII в. С проектом восстановления Тарских ворот главный архитектор области М.М. Хахаев обращался к первому секретарю Омского обкома КПСС С.И. Манякину ещё в 1985 г. Изначально руководство области поддержало задумку, но затем, памятуя о скандальных обстоятельствах сноса ворот в 1959 г.²³⁶, идею сочли преждевременной. По воспоминаниям канд. техн. наук Л.И. Рыженко, в те годы подобная градостроительная инициатива ещё требовала наличия декларативно сформулированного общественного запроса, адресованного власти: «Нужно было показать, что трудящиеся к этой идее относятся положительно. В общем, мы начали “гнать волну”. Стали организовывать “письма трудящихся”. Ходили по соседям, знакомым. В обком стали приходить письма, появились публикации в газетах, в “Омской правде” опубликовали заметку»²³⁷.

В 1989–1990 гг. социальная атмосфера стала более благоприятной для реализации инициатив по воссозданию памятников старины. Омское отделение ВООПИиК инициировало восстановление ворот. Был открыт банковский счёт для спонсорских взносов предприятий и учреждений. Для привлечения средств граждан областным Советом ВООПИиК и общественным комитетом по восстановлению Тарских ворот были выпущены благотворительные билеты трёхрублёвого достоинства. Восстановительные работы были поручены

²³⁶ Прим. Тарские ворота были разрушены за одну ночь по «волонтаристскому» распоряжению тогдашнего первого секретаря Омского обкома КПСС Е.П. Колущинского; защитникам памятника истории удалось спасти из под колёс бульдозера только сланцевую плиту с надписью. См. Пospelova Л.Б. История сноса Тарских ворот Омской крепости // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2003. – № 10. – С. 217-223.

²³⁷ Наумов С. Тихий подвижник. [Электронный ресурс] В Омске. – Режим доступа: http://vomske.ru/news/17483-tikhuy_podvijnik/ (дата обращения: 29.06.2020).

строительной организации «Стройподряд». Проектно-сметная документация была подготовлена М.М. Хахаевым. Заместитель председателя Омского отделения ВООПИиК, краевед И.Л. Коновалов, осуществлявший также технический надзор за качеством строительства, рассказывает: «Омским горисполкомом было издано решение, в котором, в соответствии с нормами тогдашнего бюрократического языка, говорилось, что строительные работы “будут осуществляться на общественных началах”. К работе мы приступили в конце мая 1991 г., накануне 275-летия Омска. Есть фотография, где запечатлены Хахаев, Колесников, Либеров²³⁸. Они тогда заложили по камню в основание восстанавливаемых ворот. Основные работы, внешняя отделка были закончены осенью 1991 г. Большую часть работ по восстановлению Тарских ворот провела молодая на тот момент строительная организация “Стройподряд”. С её директором С.Н. Оркишем я познакомился в кабинете В.Г. Титова. Тогда эта фирма была ещё малоизвестна. Наша инициатива вызвала у директора “Стройподряда” интерес. Крышу ворот доделывал реставрационный участок “Омскгражданстроя”, где я трудился. Внутренние работы производились уже в 1992 г. Никакого торжественного открытия не было. На самом восстановлении внимание не акцентировали. Построили ворота, как будто их никогда и не разрушали»²³⁹.

Начало постперестроечного периода деятельности Омского регионального отделения ВООПИиК ознаменовалось ростом интереса к «досоветской» отечественной истории и постепенным «охлаждением» к советским героям. В 1991 г. Омское отделение ВООПИиК поддержало предложение краеведа Ф.К. Надя о сооружении в Омске обелиска в память сибиряков – участников Отечественной войны 1812 г.²⁴⁰ В то же время внутри Общества дискуссии вызвало обращение областного краеведческого музея о помощи в реставрации памятника республиканского значения – дома, где родился В.В. Куйбышев.

²³⁸ Прим. А.Н. Либеров (1911–2001) – живописец, народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР.

²³⁹ Запись личной беседы с И.Л. Коноваловым / записано С.С. Наумовым в мае 2020 г. // Личный архив автора.

²⁴⁰ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 197. Л. 5.

Прозвучало предложение обратиться в Центральный Совет ВООПИиК с просьбой выделить не менее 75 тысяч рублей. Своё несогласие тут же выразил М.М. Хахаев: «А нужно ли тратить такие деньги?! Время сейчас другое. Название “Куйбышев” как-то уже не звучит. Да и сам дом не представляет ценности в архитектурном плане. Это рядовой дом, каких много в Омске». Историк, музейный работник А.П. Ракова высказалась сдержаннее: «При любых условиях памятник сохранить надо. Другой вопрос – будет ли это музей Куйбышева, или что другое, покажет время. Вообще-то мы думали об этом и пришли к выводу, что в доме надо разместить что-то связанное с историей политического движения в Омске. Нам кажется, что подобный центр нужен для города и особенно для ознакомления молодёжи с политическим движением в Омске. Я за сохранение памятника». С ней согласился канд. ист. наук, преподаватель Омского сельскохозяйственного института А.И. Шумилов: «Конечно, время сейчас другое и отношение к Куйбышеву тоже. Но всё же памятник сохранить надо».

В итоге областной Совет ВООПИиК постановил считать сохранение дома В.В. Куйбышева необходимым и принять долевое участие в реставрации памятника²⁴¹.

Из протоколов собраний и отчётов о работе Омского отделения ВООПИиК очевидно, что 1992–1993 гг. стали для организации временем серьёзных испытаний. Продолжало ухудшаться материальное положение, распались и прекращали работу районные отделения. Три человека из состава избранного на конференции 1991 г. президиума прекратили работу в его составе. Основной проблемой для организации становится недофинансирование. Кировское районное отделение Общества перешло на самостоятельную работу с собственным счётом в банке. Основное внимание пришлось переключить с привлечения в Общество новых членов на работу с людьми, так или иначе поддерживающими Общество.

Но вопреки трудностям отделение ВООПИиК приняло деятельное участие в ряде коммеморативных акций. В 1993 г. в Омске были установлены

²⁴¹ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 197. Л. 9.

мемориальные доски с барельефами историку Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаеву и композитору и педагогу В.Я. Шебалину. В Парке Победы была установлена стела, посвящённая воинам 32-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник В.И. Полосухин (1904–1942), выпускник Омского пехотного училища. На территории военного училища им. М.В. Фрунзе был сооружён небольшой мемориал в память участников Бородинского сражения 1812 г.

В 1993 г. члены Омского отделения ВООПИиК приняли участие в научно-практических конференциях: по проблемам изучения и сохранения памятников на территории области; по вопросам историко-культурного наследия; по проблемам этнографии; по проблемам сибирских немцев²⁴².

В середине 1990-х гг. Общество начинает постепенно адаптироваться к новым условиям, звучат высказывания о необходимости умеренной оппозиции государственным структурам и усилении самостоятельности общественной организации. Весной 1994 г. на заседании Центрального Совета ВООПИиК председатель президиума Ф.Д. Поленов заявил: «Нельзя доверять охрану памятников только государству, ибо государство – это орган насилия. Общество должно противостоять государству в борьбе за сохранение памятников. У него накоплен определённый опыт»²⁴³.

Омское отделение ВООПИиК в это время продолжает поиск контакта с региональными властями и в то же время начинает активнее взаимодействовать с местным предпринимательством, а также другими общественными организациями. Основная задача на 1995 г. была сформулирована как «привлечение коммерческих структур города к добровольным пожертвованиям, причём главным образом на целевые расходы»²⁴⁴.

В 1994 г. Омское отделение ВООПИиК продолжило начатое в ходе восстановления Тарских ворот Омской крепости в 1991 г. сотрудничество со

²⁴² ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 203а. Л. 2.

²⁴³ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 205. Л. 3.

²⁴⁴ Там же. Л. 1.

строительной организацией «Стройподряд» и её генеральным директором С.Н. Оркишем. Эта организация произвела работы по восстановлению Серафимо-Алексиевской часовни. Сразу же после её освящения был поднят вопрос о воссоздании на историческом месте другого знакового для Омска культового объекта – Иверской часовни (разрушена в 1920-е гг.). В 1996 г. часовня была восстановлена согласно разработанному архитектором М.М. Хахаевым проекту²⁴⁵.

В 1995 г. Общество принимает деятельное участие в подготовке празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, сооружению в Омске памятника маршалу Г.К. Жукову. Был проведён смотр памятников, связанных с событиями 1941–1945 гг. Общество приняло участие «во всех мероприятиях, связанных с 50-летием Победы»²⁴⁶. Работа по сохранению памяти о героях Великой Отечественной войны не прекращается и после юбилея. Осенью 1996 г. член совета Омского отделения ВООПИиК, активист ветеранских организаций В.Е. Игнатенко на одном из заседаний Общества обратил внимание на состояние памятников и мемориальных досок и предложил разослать письма «главам администраций районов с ходатайством об установлении памятных досок на улицах, названных именами участников войны, на которых они не установлены. К Дню Победы привести памятники и мемориальные доски в порядок»²⁴⁷.

На состоявшейся в 1997 г. XI отчётно-выборной конференции отделения его руководитель А.Д. Колесников по факту повторил сказанное им же весной 1991 г. Лейтмотивом его выступления стали размышления о стремительном погружении общества в состояние нигилизма и апатии. А.Д. Колесников констатировал упадок в областном отделении ВООПИиК: из 27 районных

²⁴⁵ Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья... – С. 106.

²⁴⁶ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 207. Л. 9.

²⁴⁷ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 209. Л. 4.

отделений с 1991 по 1997 г. прекратили деятельность 22. Председатель отметил, что в этих условиях «памятники становятся никому не нужными»²⁴⁸.

Несмотря на произошедший развал региональной сети отделений Общества, в 1990-х гг. Омское отделение ВООПИиК продолжает развивать направления деятельности, намеченные в годы перестройки. С 1991 по 1997 г. Обществом дополнительно на государственный учёт и охрану было поставлено 158 памятников истории и культуры и 97 памятников археологии. Были проведены работы на комплексе памятников по ул. Ленина. Отреставрирован памятник деревянного зодчества по ул. Ч. Валиханова и ул. Красных Орлов, где разместился музей народного художника РСФСР К.П. Белова; затем аналогичные работы были проведены на другом памятнике деревянного зодчества по ул. 10 лет Октября, куда въехал музей народного художника РСФСР А.Н. Либерова – «Либеров-центр».

В 1994 г. отделение ВООПИиК приняло участие в инициированной обществом «Мемориал» акции по созданию в Омске памятника жертвам политических репрессий. Автор проекта М.М. Хахаев разработал и проект памятника воинам-интернационалистам, о необходимости сооружения которого на заседаниях Общества впервые заговорили ещё в 1988 г.

Омское отделение Общества участвовало и в сооружении памятников в городах и районных центрах области: памятника в честь основания Тары (1994), памятников участникам Великой Отечественной войны в Оконешниковском и Называевском районах, Солдатского пантеона на Старо-Северном кладбище Омска.

В 1990-е гг. Омское отделение ВООПИиК участвовало в создании мемориальных досок сибирскому историку Г.Е. Катанаеву, художнику Н.К. Рериху, публицисту и общественному деятелю Н.М. Ядринцеву, хормейстеру Е.В. Калугиной, актёрам Т.А. Ожиговой и А.И. Щёголеву, художнику Н.Я. Третьякову, омичам – Героям Советского Союза А.С. Петухову, М.Е. Малиновскому, Ю.В. Тварковскому, генералу армии В.Ф. Маргелову,

²⁴⁸ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.

ленинградцам-блокадникам. При участии Общества были установлены мемориальная доска воинам-десантникам в посёлке Карьер на месте формирования частей и соединений в годы Великой Отечественной войны и доски солдатам и офицерам, погибшим в Афганистане и Чечне в Никольском Казачьем соборе Омска.

Осуществлялась и издательская деятельность. При участии Общества была выпущена книга «Райцентры Омской области», председателем президиума Омского отделения ВООПИиК А.Д. Колесниковым были написаны и изданы книги «Шербакулю – 100 лет», «Полтавка Сибирская», «Исилькуль на Транссибирской магистрали», «Кормиловке 100 лет». Общество принимало участие в издании областной «Книги Памяти».

В 1996 г. Общество, в соответствии с решением президиума, приняло участие в подготовке и праздновании 280-летия Омска. На омском радио была организована еженедельная передача «На берегах Оми и Иртыша», автором и ведущим которой выступил краевед И.П. Шихатов. В омских газетах были напечатаны статьи членов ВООПИиК, посвящённые истории Омска и Омской области. И.П. Шихатов стал победителем конкурса журналистского мастерства к 280-летию Омска. Члены президиума Омского отделения ВООПИиК выступили с докладами на научно-практических конференциях, приуроченных к юбилею города²⁴⁹.

В середине 1990-х гг. стало очевидно, что за минувшее десятилетие восприятие обществом советских исторических образов и символов в значительной степени претерпело изменения. Иначе стали относиться и к советской монументальной символике. На XI отчётно-выборной конференции весной 1997 г. был поднят вопрос о восстановлении в городе здания Ильинского собора, построенного во второй половине XVIII в. и снесённого в 1935 г. В 1957 г. на месте разрушенного храма был воздвигнут «кафедральный» омский памятник В.И. Ленину, а площадь вокруг монумента получила его имя. Во второй половине 1990-х гг. имя «вождя мирового пролетариата» уже было не только

²⁴⁹ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 211. Л. 4.

десакрализовано, но и демонизировано в определённых политических и культурных кругах, поэтому призывы избавить город от памятников «Ильичу» звучали всё чаще.

Сотрудник комитета по культуре и искусству Администрации Омской области А.К. Филимонова обосновывала необходимость сохранения памятника тем, что монумент представляет собой не столько историческую, сколько художественную ценность, отразившую творческий успех советского скульптора-монументалиста Ф.Г. Абдурахманова: «В отношении памятника Ленину на Горке – он должен остаться, и сносить его нет необходимости, тем более он авторский». Против восстановления собора высказался и М.М. Хахаев, объяснив это тем, что городской ландшафт этой местности за 60 лет сильно изменился²⁵⁰.

В очередной раз члены ВООПИиК подняли вопрос о необходимости сохранения «Дома В.В. Куйбышева». Но постановка вопроса уже звучала иначе, и привязка к имени революционера имела чисто формальный характер. Краевед В.И. Селюк сказал по этому поводу: «Надо сохранить так называемый дом Куйбышева. Когда-то в нём размещался музей Куйбышева, сейчас в нём торговая лавка. Этот дом деревянный, и его надо сохранить, хотя бы в качестве первого дома на территории нынешнего Октябрьского района»²⁵¹.

Важным итогом отчётно-выборной конференции 1997 г. стала смена руководителя Омского областного отделения ВООПИиК. На место ушедшего по собственному желанию А.Д. Колесникова пришёл М.М. Хахаев. Изменения в руководстве и составе президиума почти никак не сказались на направлениях деятельности организации. Из отчёта о работе, подготовленного В.Г. Титовым в 1998 г., мы узнаём, что при участии Общества было открыто несколько мемориальных досок, в том числе полковнику В.И. Полосухину, командиру 32-й стрелковой дивизии, оборонявшей Москву на Бородинском поле в годы Великой Отечественной войны, воинам-«афганцам» А. Мартышкину и А. Киселёву, а также «полуопальному» в годы «застоя» омскому писателю П.Н. Ребрину.

²⁵⁰ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 211. Л. 9-10.

²⁵¹ Там же. Л. 11.

Несмотря на усиливавшиеся финансовые трудности (в отчётных документах М.М. Хахаев подчёркивал, что от полного краха отделение спасала помощь управления культуры города Омска, выражающаяся в том, что Общество было освобождено от арендной платы за помещение со всеми коммунальными услугами и платы за телефонную связь), Омское отделение ВООПИиК не прекратило работу. Президиум Совета продолжал практику заседаний Общества. В.Г. Титов особенно выделял активную работу членов президиума И.П. Шихатова, Э.Д. Кунеевской, В.Е. Игнатенко. При участии ВООПИиК было проведено несколько выставок, в частности к 175-летию образования Омской области. В городе привели в порядок памятник антиколчаковскому восстанию 22 декабря 1918 г. в Кировском округе, был открыт памятный знак А.Н. Куломзину – российскому чиновнику, действительному статскому советнику, одному из строителей Транссибирской магистрали. Также в Кировском округе был открыт небольшой мемориал воинам, умершим в годы Великой Отечественной войны в госпиталях, размещавшихся на территории округа.

Возникновение в 1990-е гг. множества новых изданий и интерес к историческим темам способствовали тому, что члены местных сообществ стали использовать СМИ в качестве основного канала трансляции краеведческих знаний. В газетах, на радио и телевидении активистами ВООПИиК освещались проблемы сохранения историко-культурного наследия в Омске и области. Больше всего опубликовали материалов члены президиума И.П. Шихатов, Н.И. Лебедева, А.Д. Колесников. Помимо этого, членами Общества были подготовлены лекции по истории области, прошли выступления в различных организациях. Началась подготовка к участию в мероприятиях, посвящённых 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина²⁵².

На заседаниях 1998–2000 гг. подробно обсуждались в основном вопросы, касающиеся создания новых монументальных мест памяти. Уклон в сторону репрезентации образов прошлого путём создания новых памятников и памятных знаков, архитектурных и скульптурных сооружений, вероятно, следует связывать

²⁵² ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 216. Л. 2.

с работой в должности председателя президиума Омского областного Совета ВООПИиК архитектора М.М. Хахаева. Тема создания новых памятников в Омске была актуализирована им ещё во второй половине 1980-х гг. Летом 1998 г. М.М. Хахаев поднял вопрос о сооружении памятного знака в честь основателя второй Омской крепости генерал-поручика И.И. Шпрингера, а также об установке мемориальной доски на месте его предполагаемого захоронения. Правда, руководство Общества делало оговорку, что проект на тот момент носил гипотетический характер, поскольку средств на его воплощение отделение ВООПИиК найти не смогло.

В том же 1998 г. М.М. Хахаев выступил с предложением обратиться в Администрацию Омской области с просьбой о выделении средств на сооружение «памятника матери» – А.А. Ларионовой. Увековечить образ матери, потерявшей на войне всех сыновей, планировалось ещё в 1989–1991 гг. Работу над памятником начал скульптор Ф.Д. Бугаенко. Но после его смерти в 1992 г., а также в результате начавшегося в стране экономического кризиса этот проект не удалось реализовать. Вновь заговорить о необходимости установки памятника М.М. Хахаев решил в связи с торжествами по случаю 55-летия Победы, намеченными на 2000 г.²⁵³

В 1999–2000 гг. Омское отделение ВООПИиК сфокусировало внимание на проведении памятных акций, связанных с юбилеем Победы. В июне 1999 г. на повестке одного из заседаний Общества стоял вопрос о сооружении в Омске «памятника погибшим в Чечне», но в результате члены Совета ограничились лишь обсуждением. М.М. Хахаев предложил вернуться к обсуждению после Дня Победы 9 мая 2000 г., когда «будет больше возможностей по сооружению предлагаемого памятника»²⁵⁴.

На заседании Общества в сентябре 1999 г. был заслушан доклад ответственного секретаря Кировского районного отделения З.К. Попкова. Он сообщил о принятии главой Кировского округа постановления о сооружении

²⁵³ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 215. Л. 12.

²⁵⁴ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 218. Л. 6.

мемориала на Кировском кладбище, где были захоронены умершие в госпиталях войны²⁵⁵. Также было предложено увековечить умерших в омских госпиталях защитников Отечества памятным знаком на бывшем Казачьем кладбище²⁵⁶.

В итоге к 55-летию Победы частично удалось реализовать ряд проектов. Памятник А.А. Ларионовой работы скульптора С.А. Голованцева был установлен 8 мая 2000 г. на территории Выставочного сквера, напротив музея Воинской славы омичей благодаря помощи Администрации области. Лишённое какой-либо финансовой самостоятельности (дефолт 1998 г. лишь усугубил данную проблему) в вопросах масштабных проектов, Омское отделение ВООПИиК в условиях конца 1990-х гг. могло поддерживать подобные инициативы только в рамках просветительской деятельности. В 2000 г. положение региональных отделений ВООПИиК, по словам их собственных руководителей, было бедственным, но при этом интеллигенция Омска не теряла активности в делах, касающихся исторической памяти. Для традиционно считающегося «городом чиновников и военных» Омска, являвшегося крупным центром оборонной промышленности, имевшего важное тыловое значение в годы Великой Отечественной войны, в какой-то степени символично, что деятельность культурно-просветительной организации с началом перестройки была ознаменована торжествами по случаю одного юбилея Победы и завершила постперестроечную «переходную» эпоху празднованием другого её юбилея.

Характеризуя деятельность Омского отделения ВООПИиК в 1985–2000 гг., следует обратить внимание на стремление Общества к расширению ареала своего влияния. Очевидно, что в условиях демократизации просветительской инициативе активистов организации стало тесно в рамках направлений работы, очерченных в годы «застоя». Уже с 1987 г. члены Общества не ограничивались только проектами по сохранению объектов культурного наследия, связанных с революционерами и партийными деятелями. Появился интерес к деревянному зодчеству, культовым сооружениям, личностям не только путешественников и

²⁵⁵ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 218. Л. 7.

²⁵⁶ ГИАОО. Ф.П-9587. Оп. 1. Д. 220. Л. 2.

учёных XVIII–XIX вв., но и чиновников, военных, представителей купечества и духовенства. Общее идеологическое раскрепощение, прорвавшаяся на страницы газет «запретная» информация способствовали довольно быстрому «очеловечиванию» дореволюционного периода в массовом сознании. Человек эпохи перестройки уже не воспринимал царскую Россию исключительно в качестве «тюрьмы народов», и потому советские репрезентации коллективной памяти довольно быстро утратили свою монолитность. Изменилась сама концепция памятникоохранительной деятельности: отныне, чтобы обосновать необходимость сохранения того или иного объекта, уже не нужно было уточнять, что этот памятник как-то связан с деятелями революционного движения. В 1990-е гг. это и вовсе могло послужить для памятника «антирекламой». Редкие для городов Западной Сибири памятники XVIII–XIX вв. стали ценны сами по себе, как объекты старины. Изменение самого восприятия памятников способствовало значительной активизации как деятельности регионального отделения ВООПИиК, так и краеведческой работы в целом.

В Новосибирске ситуация складывалась иначе, и причины этого понятны. В городе, основанном на 177 лет позже Омска, не сложилась, да и едва ли могла сложиться устойчивая краеведческая традиция, которую можно было бы назвать «дореволюционной». До 1917 г. Новониколаевск даже в масштабах Западной Сибири не имел никаких «столичных» притязаний и представлял собой лишь один из транспортных узлов Транссиба, что нашло отражение в образах городской «старины». Но 1920–1930-е гг. стали для Новониколаевска (Новосибирска) периодом бурного развития. Превратившись за несколько лет из «заштатного» города в «сибирский Чикаго», город обрёл своё лицо, сформировался его неповторимый архитектурный облик. В 1940-е гг. Новосибирск, так же как и Омск, стал важнейшим тыловым центром, что способствовало мощному развитию промышленности, а в 1960-е гг., после строительства Академгородка, утвердился в первых рядах городов – крупных научно-технических центров.

Вместе с тем благодаря созданию Академгородка, ставшего центром притяжения для тысяч представителей интеллигенции, в городе сформировалось множество микросообществ людей интеллектуального и творческого труда. Спектр этих сообществ был весьма широк уже в 1960-е гг. Сложилась и своя специфика в деле сохранения и приумножения исторического и культурного наследия.

Заметим, при столь разном «стартовом» историко-культурном потенциале формы работы Омского и Новосибирского отделений ВООПИиК в 1970–1980-х гг. были схожими. Профессор Новосибирского государственного педагогического университета, д-р ист. наук О.Н. Катионов вспоминает: «До середины 1980-х гг. мы были заняты паспортизацией памятников истории. А памятники у нас были в основном связанные с гражданской войной. Ездили по области, в районные музеи. Фиксировали, записывали. Информацию черпали из периодики, из “толстых” журналов»²⁵⁷. В начале 1985 г. основная деятельность Новосибирского отделения ВООПИиК также как и в Омске была посвящена празднованию 40-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Из «Пояснительной записки к годовому отчёту организации за 1985 г.» мы узнаём, что «идя на встречу знаменательной дате», все районные отделения участвовали в проведении областного смотра, посвящённого юбилею²⁵⁸.

В период проведения смотра в городе осуществлялась работа по ремонту и благоустройству памятников, подготовке к открытию мемориальных досок, паспортизация улиц. В 1985 г. в Новосибирске было открыто 10 новых мемориальных досок на зданиях, в которых в годы войны размещались эвакуационные госпитали. Одна из первых была установлена 22 февраля 1985 г. на здании новосибирского Дома учителя. По случаю открытия доски состоялся торжественный митинг, на котором присутствовали ветераны партии, войны и труда, педагоги и комсомольские работники города. Перед собравшимися выступил литературовед, член Союза писателей Ю.М. Мостков, который

²⁵⁷ Запись личной беседы с О.Н. Катионовым / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.

²⁵⁸ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп 1. Д 338. Л. 11.

рассказал о том времени, «когда тыловой Новосибирск очень тепло встречал и помогал возвращаться в строй многим фронтовикам, доставленным сюда ранеными из медсанбатов, с полей сражений». Поделились воспоминаниями ветераны войны²⁵⁹.

В каждом районе города были созданы оргкомитеты по проведению юбилейного смотра, разработаны планы грядущих мероприятий, предусматривавшие смотры памятных мест района и музея; кинофестиваль художественно-документальных кинолент о событиях войны; выставки художественных полотен, посвящённых теме Великой Отечественной войны; циклы лекций и встреч с ветеранами; организацию выступлений членов ВООПИиК в печати, на радио и по телевидению под рубрикой «Никто не забыт, ничто не забыто»²⁶⁰.

Ленинским районным отделением ВООПИиК 4 мая 1985 г. был проведён митинг в честь переименования участка ул. Полтавской в ул. 9-й Гвардейской дивизии. Месяцем ранее, в апреле 1985 г., была проведена музейная выставка «Наука и учёные в годы Великой Отечественной войны в Сибири». Было сооружено два обелиска, посвящённых 40-летию Победы на территории автобазы № 1 и территории Новосибирского электромеханического завода. Архитектурно-мемориальной секцией ВООПИиК (руководитель – канд. ист. наук С.А. Красильников) была проведена работа по разработке паспортов улиц района, названных в честь Героев Советского Союза Г.М. Ивлева, А.И. Демакова, П.П. Барбашева, проведено благоустройство «Аллеи павшим воинам в Великой Отечественной войне». При активном участии Новосибирского отделения ВООПИиК была установлена мемориальная доска в честь участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза И.И. Осинного²⁶¹.

Празднование 40-летия Победы в 1985 г. явилось важным с точки зрения реализации масштабных задач проявлением политики памяти в позднесоветский

²⁵⁹ «Здесь размещался госпиталь...» // Вечерний Новосибирск. – 1985. – 22 февраля.

²⁶⁰ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп 1. Д 338. Л. 10.

²⁶¹ Там же. Л. 15.

период. Появились новые места и точки памяти, изменилось мемориальное пространство Новосибирска. Однако сами по себе мемориальные практики ещё не несли никаких новых посылов, способных сущностно изменить сложившиеся коллективные представления об истории Великой Отечественной войны. Празднование 40-летия Победы проходило в рамках устоявшейся советской практики коммемораций, связанных с событиями 1941–1945 гг.

В начале 1990-х гг. возобновилась дискуссия о создании в городе особых охраняемых зон. Актуализировало данную тему грядущее 100-летие Новосибирска в 1993 г. Подготовка к празднику началась почти за десять лет до самого «дня рождения» города. Одним из ключевых пунктов юбилейной программы стала реализация проектов по сохранению и популяризации немногочисленных новосибирских памятников деревянного зодчества. Экскурсовод Р.И. Ахметова на страницах газеты «Вечерний Новосибирск» подчёркивала необходимость бережного отношения к памятникам старины: «Памятников в нашем городе немного. Но и те, что имеем, не все ценим, бережём... Уже долгие годы деятели культуры, краеведы, архитекторы предлагают создать в Новосибирске заповедную зону старого города, где разместились бы памятники истории, деревянного зодчества»²⁶².

Тема уничтожения памятников деревянного зодчества выявила ряд проблем, среди которых выделялся историко-культурный «нигилизм» общества. Накануне 100-летия города становилось всё более очевидным то, что большинство жителей (стоит заметить, что в этом плане Новосибирск не уникален на фоне своих западносибирских «соседей») слабо представляют себе картину его возникновения и развития. Поэтому, когда в начале 1986 г. Центральным советом ВООПИиК был утверждён «План основных мероприятий», в котором важная роль отводилась организации и проведению всероссийских научно-практических конференций и расширению лекционно-популяризаторской работы среди населения, интеллигенция Новосибирска включилась в эту деятельность.

²⁶² Сохраним на века // Вечерний Новосибирск. – 1985. – 30 октября.

В мае 1986 г. прошла конференция «Моя Родина – СССР», на которой были подведены итоги поисковой и краеведческой работы школ районов. На базе Новосибирского педагогического института (председатель исторической секции – канд. ист. наук В.И. Баяндин) были прочитаны лекции «История основания Новониколаевска» и «Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны». Активно обсуждались вопросы о проведении смотра-конкурса школьных музеев. В школах и институтах города выступали члены ВООПИиК, историки и краеведы О.И. Вилков, В.В. Малро, А.К. Конопацкий, А.Н. Зюриков, В.В. Власов, А.И. Андрушевич, С.Н. Баландин, Л.М. Горюшкин, Т.Н. Троицкая, В.И. Баяндин. Они выступили с лекциями «Памятники культуры как средство эстетического воспитания детей и юношества», «Прикладное искусство крестьян Сибири», «Герои-новосибирцы», «Мир завоёванный отцами – наш долг сохранить» и др.²⁶³ Также исторической секцией Новосибирского отделения ВООПИиК продолжалось обследование памятников Новосибирской области. В своей докладной записке В.И. Баяндин отметил, что «общее руководство и координацию всей работы, которая ведётся по всей Сибири, взял на себя Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, находящегося в Академгородке»²⁶⁴. С началом перестройки научные сотрудники и преподаватели новосибирских институтов и университетов активизировали свою работу в общественных культурно-просветительных организациях.

Из отчёта о работе исторической секции областного отделения ВООПИиК за 1986 г. следует, что культурно-просветительные инициативы в значительной мере были ориентированы на студенческую молодёжь. Вероятно, это обусловлено тем, что внушительная часть активистов областного отделения Общества была представлена вузовской интеллигенцией. Летом 1986 г. проводились полевые обследования памятников в Татарском, Куйбышевском и Колыванском районах области, были подготовлены рефераты по теме «Первая русская революция в Западной Сибири», началась работа по сбору материалов для «Атласа школьника

²⁶³ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 349. Л. 11.

²⁶⁴ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 348. Л. 12.

и краеведа». Студенты исторических факультетов вузов подготовили рефераты по истории Новосибирска, которые были прочитаны сотрудникам предприятий города в рамках просветительской работы. В городских газетах были опубликованы посвящённые историческим объектам города и области статьи, написанные членами регионального отделения ВООПИиК²⁶⁵.

Создание задуманного ещё до перестройки «Свода памятников истории и культуры» объединило усилия учёных из разных городов, в том числе из Омска и Новосибирска. Для нашего исследования важен и факт обращения в 1986 г. сибирских историков к локальной проблематике. Вышедший под редакцией д-ра ист. наук А.С. Московского и канд. ист. наук, активного члена Новосибирского отделения ВООПИиК О.Н. Вилкова сборник «Памятники истории и архитектуры Сибири» стал первым опытом подготовки материалов для будущего «Свода памятников», призванного увековечить всё лучшее, «что было создано народом на протяжении веков на территории нашей необъятной Родины»²⁶⁶. Сборник включил четырнадцать публикаций, охватывающих территорию от Зауралья до Байкала. Участвовал в создании «Свода» и председатель Омского областного отделения ВООПИиК профессор А.Д. Колесников, написавший статью «Памятники военно-оборонительного искусства Сибири». Публикация сотрудника Сибирского строительного института И.П. Ерёмкина была посвящена истории застройки площади Свердлова в Новосибирске. Новосибирские историки впервые рассказали о строительстве в Новосибирске собора Александра Невского, зданий Запсибзолота и облисполкома, «стоквартирного дома» и т. д.

Разумеется, Новосибирское отделение ВООПИиК не могло не принять участия в праздновании 70-летия Октября в 1987 г. Секция по работе с молодёжью участвовала в разработке брошюр «Петухов» и «Шамшурин», посвящённых биографиям сибирских революционеров, а также плаката «Первые революционеры Новониколаевска». Отрядами поисковиков были подготовлены сборники архивных материалов, установлено шефство над семьями погибших

²⁶⁵ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 348. Л. 11-12.

²⁶⁶ Попов Д. Сегодня – для будущего // Вечерний Новосибирск. – 1986. – 3 сентября.

участников гражданской войны. В работу влились и сотрудники Института истории, филологии и философии СО АН СССР и педагогического института. «Впервые студентам заочного отделения Истфака было предложено: при подготовке к сдаче зачёта по истории Сибири вместо монографий подготовить реферат о памятниках, имеющих в их родных сёлах и районах»²⁶⁷. Была организована встреча ветеранов 157-й Неманской стрелковой дивизии: «На встречу приехало более шестидесяти человек. В городе на Оби собрались бывшие боевые товарищи из разных городов страны – Москвы, Киева, Ленинграда, Алматы, Ярославля»²⁶⁸.

В первые годы перестройки развернула масштабную деятельность секция по работе с молодёжью Новосибирского отделения ВООПИиК. В её задачи входило активное содействие органам культуры, просвещения и высшего и среднего образования, пропаганда среди детей и молодёжи охраны историко-культурного наследия, развитие творческой деятельности и пр. Методист областного Совета Общества И.А. Вачина выступила с предложением о совместной работе областного штаба юных туристов и секции работы с молодёжью ВООПИиК. При участии секции состоялся слёт «Вахта Памяти», в рамках которого было заявлено семь секций: «Имя Ленина на знамени», «В бурях великих строек», «Искусство принадлежит народу», «Ориентирование на местности» и др.

В феврале 1987 г. состоялась X отчётно-выборная конференция Новосибирского отделения ВООПИиК. На ней говорилось, в том числе, и о подготовке празднования 100-летия Новосибирска. Как и в ходе работы аналогичной конференции в Омске в 1987 г., обнажились многие проблемы и противоречия, назревавшие внутри общественной организации. Так, например, заведующий реставрационной мастерской В.К. Стариков высказался за необходимость оказания материальной помощи мастерской, заявив, что фактически таковая «существует только на бумаге».

²⁶⁷ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 348. Л. 11-12.

²⁶⁸ Вачина И. Новосибирск / V съезду Общества // Памятники Отечества. – 1987. – № 1. – С. 156.

С критическими репликами на конференции выступила одна из членов Общества, д-р ист. наук, профессор Новосибирского пединститута Т.Н. Троицкая – авторитетный, известный в масштабах страны учёный. Она не боялась высказывать замечания в адрес не только своих соратников по ВООПИиК, но и чиновников, курирующих деятельность по охране историко-культурного наследия. Т.Н. Троицкая подвергла критике доклад председателя областного отделения, канд. ист. наук, краеведа И.Ф. Цыплакова, озвучившего с трибуны конференции мысль о том, что задачей Общества является сугубо просветительская деятельность, «а вопросы, связанные со строительством, сносом, это функции государства»²⁶⁹.

Профессор Т.Н. Троицкая обвинила руководство Общества в излишней безмятежности: «Разве есть у нас основания для такого спокойствия, ведь дела с охраной и использованием памятников обстоят далеко не так благополучно, как хотелось бы». Также она выступила и с конкретным предложением о создании в Новосибирске охраняемой зоны в районе Кудряшовского бора, где располагаются несколько памятников архитектуры²⁷⁰.

Привлекает внимание то обстоятельство, что вместе со всё громче звучащими критическими замечаниями членов Общества в адрес руководителей общественной организации и властей меняется и тональность освещения деятельности ВООПИиК в СМИ. Следом за переменами в риторике центральной прессы становятся более острыми и статьи региональных журналистов. Корреспондент газеты «Советская Сибирь» Г. Лебедева, освещая работу конференции ВООПИиК, сфокусировала внимание на негативных моментах и весьма иронично высказалась о докладе руководителя отделения Общества: «Но не будем обольщаться цифрами, тем более что они, как известно, не всегда отражают истинное положение дел. Остановимся лучше на “болевых точках”, требующих оперативного лечения. О них или вообще ничего, или вскользь было сказано в докладе. Кстати, выступающие в обсуждении сочли его излишне

²⁶⁹ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 355а. Л. 25.

²⁷⁰ Там же. Л. 23.

оптимистичным, спокойным и бесстрастным, похожим на прежние победные отчёты-рапорты»²⁷¹.

Подробный разбор деятельности Новосибирского отделения ВООПИиК ещё до конференции 1987 г. приводился в статье активиста первичной организации при объединении «Сибсельмаш» Н. Лахиной. На страницах «Вечернего Новосибирска» она акцентирует внимание на нереализованных проектах Общества, пытается понять причины неудач и торможения при реализации многих важных инициатив.

Помимо критических замечаний, из статьи мы узнаём, что за 1985–1986 гг. в Ленинском районе Новосибирска было поставлено на учёт 15 памятников истории и культуры и установлено 15 мемориальных досок. К 40-летию Победы в районе создан новый памятник «Вечная Слава» на «Сибтекстильмаше», памятник 22 работникам объединения «Восход», погибшим в годы Великой Отечественной войны. Было инициировано создание музея уроженца Новосибирска, Героя Советского Союза А.И. Покрышкина, начинавшего свою трудовую биографию на «Сибсельмаше». Н. Лахина, осветив основные этапы работы по созданию мест памяти, обращается и к теме 70-летия Октября: «Дороги и близки нам памятные места, помеченные мемориальными надписями. Станция Новосибирск – Западный, где проездом в ссылку останавливался В.И. Ленин, улица имени Героя Советского Союза Н.М. Плахотного... На металлургическом заводе увековечена память его первого директора, на ТЭЦ-2 установлена мемориальная доска в честь пребывания на закладке здания Г.М. Кржижановского... Ближится 70-летие Великого Октября. Праздник Дня города – 7 июля 1987 года»²⁷².

В ходе работы X отчётно-выборной конференции Новосибирского отделения ВООПИиК прозвучало немало предложений по созданию новых мест памяти. Так, член Новосибирского отделения ВООПИиК Т.Е. Квитинская предложила усилить работу Общества в деле реконструкции «Дома Ленина». Уникальное не только в масштабах Сибири, здание-памятник «Дом Ленина» в

²⁷¹ Лебедева Г. Памятник – от слова память // Советская Сибирь. – 1987. – 17 марта.

²⁷² Лахина Н. След в душе // Вечерний Новосибирск. – 1987. – 6 января.

Новосибирске было построено в память о «вожде мирового пролетариата» в 1926 г. В середине 1980-х гг. оно было передано на баланс Новосибирской филармонии с проектом последующего переустройства под её нужды. Этот проект вызвал полемику в печати, дискуссии в сообществах интеллигенции. По мнению Т.Е. Квитинской, «главная функция “Дома Ленина” в том, чтобы он оставался центром пропаганды ленинских идей»²⁷³. Понятно, что филармония не могла обеспечить выполнение этой задачи.

Также Т.Е. Квитинская предложила искать способы ускорения финансирования создания в Советском районе музея истории и архитектуры под открытым небом, т. к. город «не так богат музеями». Руководитель Совета ветеранов Центрального района Новосибирска М.О. Габерник говорил о необходимости создания при ВООПИиК совета, который бы непосредственно занимался организацией работ по реконструкции надгробий участников Великой Отечественной войны на Заельцовском кладбище и созданием нового кладбища для участников войны (этот вопрос был одобрен в январе 1985 г., но при реализации возникли трудности)²⁷⁴. Заслуженный деятель искусств РСФСР, художник А.С. Чернобровцев выступил с предложениями установить памятник героям-революционерам семье Шамшиных, Дусе Ковальчук, конструкторам А.М. Кошурникову и Ю.В. Кондратюку. Помимо этого А.С. Чернобровцев заявил о необходимости провести реставрацию сквера «Героев революции» и установить в городе памятник «официальному» основателю Новосибирска Н.Г. Гарину-Михайловскому²⁷⁵. Научный сотрудник краеведческого музея А.А. Соловьёв предложил сформировать (по примеру Москвы, Ленинграда и Риги) отряды по благоустройству и восстановлению наиболее ценных в историческом и культурном отношении зданий и сооружений. Председатель областного совета ВООПИиК И.Ф. Цыплаков обобщил все предложения в своём заключительном выступлении: «принять участие в разработке плана оформления города. Объявить

²⁷³ ГАНУ. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 355а. Л. 5.

²⁷⁴ Там же. Л. 11.

²⁷⁵ Там же. Л. 23.

конкурс по поводу строительства памятника Гарину-Михайловскому; принять участие в подготовке 100-летия города; уделить больше внимания первичным организациям Бердска, Искитима»²⁷⁶.

Президиум Совета Новосибирского областного отделения ВООПИиК в своих решениях от 28 октября 1987 г. подвёл итоги работы за год. Согласно делопроизводственной документации Общества первичная организация завода им. В.П. Чкалова провела большую поисковую и пропагандистскую работу по теме охраны историко-культурного наследия: подготовлено 11 лекторов, которые читают лекции по 17 темам. Среди них: «История Новосибирска», «Последний коммунары (об Адриене Лежене, участнике Парижской коммуны, умершем в Новосибирске в 1942 г.)», «История завода», «Цели и задачи ВООПИиК», «Памятники Новосибирска» и др. В коллективе завода и на других предприятиях в год 70-летия Октября было прочитано около 400 лекций, которые сопровождалось показом кинофильмов «Хроника Новосибирска», «Документальная Лениниана», «В небе Покрышкин», «П.Е. Щетинкин», «31 шаг», «Письма в будущее»²⁷⁷. Первичные организации предприятий тесно сотрудничали с заводскими музеями: было проведено более 700 экскурсий. В канун празднования 70-летия Октября были проведены торжественные заседания «Октябрь», «Сибирь и мы», в подготовке которых приняли участие активисты Новосибирского ВООПИиК и районные отделения.

Таким образом, можно отметить, что в 1987 г. культурно-просветительные инициативы Новосибирского отделения ВООПИиК были в большей степени ориентированы на сохранение исторической памяти о событиях Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны. В рамках юбилейных торжеств был проведён ряд памятных акций и церемоний, возникли новые места памяти о тех событиях.

В 1987 г. продолжалась работа по увековечению памяти героев Великой Отечественной войны. В некоторых случаях отправной точкой для начала

²⁷⁶ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 355а. Л. 25.

²⁷⁷ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 355. Л. 32.

проведения общественными организациями какой-либо акции служила инициатива «снизу». Так, читатель газеты «Молодость Сибири» Е. Шкаликова выступила с предложением создать аллею, которая бы увековечила подвиг героев войны, как павших в боях, так и здравствующих: «Моё предложение – создать аллею Героев Советского Союза (и живых, и уже погибших или умерших), то есть на небольших пилонах поместить фотографию и краткую биографию. И заняться, я думаю, этим должны не специальные ведомства на средства государства, а любительские объединения скульпторов, художников при ФМИ на средства, заработанные на субботниках комсомольцами, пионерами, ветеранами войны и труда, просто горожанами. Желаящими увековечить память о земляках»²⁷⁸. Также читательница выступила и с топонимической инициативой: «Скоро на улице Ипподромской пройдёт трасса с 8-рядным движением, с развязками на разных уровнях. Много споров о том, как эту улицу переименовать. Моё предложение: назвать её проспектом Покрышкина»²⁷⁹.

Обращение к исторической памяти и образам событий революции и гражданской войны продолжалось и в 1988 г. В публикациях в газете «Советская Сибирь» появились попытки понять причины равнодушного отношения городских руководителей к памяти о той эпохе. Автор статьи «Нашей памяти арсенал», преподаватель Новосибирского электротехнического института (НЭТИ) А.Л. Соловьёв сетовал на явную несправедливость, когда после торжественного празднования юбилея Октября в городе остались никак не отмеченными памятными знаками и скульптурами события Первой русской революции, имена многих героев-подпольщиков, партизан времён гражданской войны, первых комсомольцев: «С Новониколаевском – Новосибирском связаны судьбы таких выдающихся большевиков, как С.В. Косиор, Е.М. Ярославский, здесь работал Ф.Э. Дзержинский, бывал М.И. Калинин – отметят ли память о них своими работами наши скульпторы?»²⁸⁰.

²⁷⁸ Шкаликова Е. Создадим аллею памяти // Молодость Сибири. – 1987. – 10 октября.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Соловьёв А. Нашей памяти арсенал // Советская Сибирь. – 1988. – 16 августа.

Помимо обращения к именам героев революции и Великой Отечественной войны Новосибирское отделение ВООПИиК выступило с инициативами по актуализации в городской культурной среде имён выдающихся учёных – гордости отечественной науки. Согласно «плану работы президиума Советского районного отделения ВООПИиК на II квартал 1988 г.» необходимо провести работу по увековечиванию памяти академиков А.П. Окладникова и Д.К. Беляева, а также принять участие в подготовке и проведении научно-практической конференции, посвящённой 80-летию академика А.П. Окладникова²⁸¹.

В 1989 г. была продолжена работа по благоустройству и ремонту памятников истории и культуры, в частности музея «Землянка», организовано торжественное заседание, посвящённое 71-й годовщине советских Вооружённых Сил. Любопытным выглядят предложения областного президиума ВООПИиК создать в педагогическом институте факультет памятниковедения, включить в план капитального строительства «Музей под открытым небом»²⁸².

В 1990 г., в условиях вызревания конфликтной ситуации между управлением культуры горисполкома, руководством областного отделения Общества и его же активистами, нарастает недовольство членов организации нереализованностью многих запланированных инициатив. «До сих пор между Обществом и бюро – конфронтация, – замечала Т.Н. Троицкая. – Это же два рычага, а действуют они по отдельности»²⁸³. Критически оценила обстановку внутри Новосибирского отделения ВООПИиК начальник научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия при управлении культуры облисполкома Л.В. Тимяшевская: «Создаётся впечатление, что ВООПИиК – одна из распадающихся сейчас структур, состоящих из огромной армии пассивных плательщиков взносов, администрации и малого количества компетентных активистов. Сейчас “армия” исчезает, и от того, поймёт ли администрация необходимость радикального усиления роли активистов, зависит,

²⁸¹ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 367. Л. 53-54.

²⁸² ГАНО. Ф.Р-1375. Оп. 1. Д. 2391. Л. 27.

²⁸³ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 379. Л. 14.

удержит ли ВООПИиК достойное место среди многих теперь общественных организаций, участвующих в престижном деле охраны памятников»²⁸⁴.

Заметим, что, несмотря на обозначившийся структурный кризис, в 1990 г. Обществом велась большая работа по воплощению в жизнь масштабных проектов. Среди них можно выделить празднование 120-летия со дня рождения Ленина, 45-летия Великой Победы, 150-летия со дня рождения П.И. Чайковского, празднование Всемирного дня памятника и Дня города. В 1990 г. вышли из типографий сборники и брошюры: «Археологические памятники Новосибирской области», «Памятники г. Куйбышева Новосибирской области», «Гостиница Сибирь – архитектурный памятник»²⁸⁵.

В апреле 1991 г. состоялась XI отчётно-выборная конференция Новосибирского областного отделения ВООПИиК, на которой был заслушан доклад о работе областного Совета Общества и проектах Программы и Устава. В 1991 г. было принято решение о постановке на государственную охрану вновь выявленных памятников: «Дома политкаторжан» по ул. Фрунзе, построек по ул. Дуси Ковальчук, ул. Сухарной, могилы И.И. Маланина, солодовенного завода в Бугринской роще. В 1991 г. члены областного отделения продолжали участие в создании «Книги памяти погибших воинов-сибиряков», «Книги-мемориала воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны». Совместно с комиссией по истории города проводилась работа по подготовке научно-практической конференции к 100-летию Новосибирска. Активисты ВООПИиК выступили со статьями на страницах газет «Наука в Сибири», «Академстроевец» и «Рабочая честь», на радио и телевидении²⁸⁶.

Вместе с тем в начале 1990-х гг., в связи с подготовкой празднования 100-летия Новосибирска, несколько оживляется работа по проведению ставших привычными в 1960–1980-е гг. тематических праздников улиц. Они прошли на

²⁸⁴ Тимяшевская Л. Каков характер ВООПИиК? // Советская Сибирь. – 1990. – 1 августа.

²⁸⁵ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 379. Л. 31.

²⁸⁶ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 383. Л. 33.

улицах Ленина, Кирова, Дуси Ковальчук, Р. Зорге, Петухова, Иванова, Демакова, Сигова, Строителей, Софийской и др.²⁸⁷

В 1991 г. стала постепенно разрушаться сложившаяся в советское время система взаимодействия между партийно-государственными структурами и общественниками. Так, О.Н. Вилков посетовал на то, что «раньше... была определённая. Действовала 6-я статья Конституции. Помогали в работе райкомы, парткомы. Сегодня работать намного сложнее»²⁸⁸. Лишившись этой помощи, Новосибирское отделение ВООПИиК оказалось в трудном положении, в котором реализовать многие намеченные инициативы стало практически невозможно.

Пассивности и безынициативности членов ВООПИиК посвятил большую часть своего доклада на упомянутой апрельской конференции Общества делегат Заельцовского районного отделения В.Н. Коренчук: «Вы далеко отстали в своей работе. Мы проводили научно-практические конференции. Устраивали Дни лектора на предприятиях. А что делаете к 100-летию города? Не участвуете в создании “Книги памяти”, Книги об афганцах. Не бываете в первичных организациях. Там нужны энергичные, инициативные люди, умеющие зажигать. Ни в одном неформальном объединении нет представителей Общества. Подумайте, кого выбирать в областной совет. Можно издать энциклопедию о Новосибирске»²⁸⁹.

В контексте изучения трансформации образов исторической памяти также ценно свидетельство докладчика, касающееся восприятия обществом личности В.И. Ленина. К 1991 г. фигура Ленина уже переставала быть тем символом, вокруг которого могли бы объединяться защитники исторического и культурного наследия страны. В.Н. Коренчук отмечает: «Сейчас появляется много мемуаров с ложью, клеветой. Первый удар по В.И. Ленину. Стали разбивать памятники ему. Чтобы как-то оправдать, публикуют ложные сведения о нем. “Аргументы и

²⁸⁷ ГАНУ. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 383. Л. 27.

²⁸⁸ Там же. Л. 14.

²⁸⁹ Там же. Л. 13.

факты”, “Комсомольская правда”, “Момент истины”. Я отправлял оправдания с документами – не печатают»²⁹⁰.

Социальный кризис, связанный с экономической реформой 1992 г., переход к рыночным отношениям прямым образом повлияли на деятельность Новосибирского отделения ВООПИиК. С момента своего создания в 1966 г. отделение располагалось в здании – памятнике архитектуры по ул. Ядринцевской, 25. В 1985 г. особняк был передан Союзу композиторов, ВООПИиК было размещено на правах аренды в помещениях Новосибирской картинной галереи. О проблеме «бездомности» организации прямо говорится в комментарии новосибирских активистов от 13 января 1994 г. к письму заместителя председателя президиума Центрального совета ВООПИиК Н.К. Королькова в Правительство РФ, посвящённому вопросу укрепления материальной базы ВООПИиК: «...Отсутствие же собственного помещения ставит нас в тяжелейшее положение по развитию производственной, торговой, издательской и другой хозрасчётной предпринимательской деятельности, без чего невозможно выжить Обществу в условиях рыночной экономики»²⁹¹.

Отсутствие в архивных фондах массивов документов за 1995–2000 гг. является косвенным свидетельством того, что в середине 1990-х гг. Новосибирское отделение ВООПИиК столкнулось со сложными финансово-экономическими проблемами и фактически приостановило свою деятельность. И тем не менее в 1990-е гг. работа продолжалась (пусть и не так активно).

Крупнейшей акцией по возрождению историко-культурного наследия Новосибирска в 1990-х гг. стало восстановление на Красном проспекте часовни во имя Святителя и Чудотворца Николая, возведённой в 1914 г. и разрушенной в 1930 г. В 1992 г. член исторической секции Новосибирского отделения ВООПИиК, сотрудник областного музея В.К. Стариков писал о начале работ по восстановлению часовни как о возвращении «к своим нравственным истокам»²⁹².

²⁹⁰ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 383. Л. 13.

²⁹¹ ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 382. Л. 88.

²⁹² Стариков В. Часовня святого Николая // Вечерний Новосибирск. – 1992. – 20 июля.

В сентябре 1991 г. состоялся крестный ход к месту закладки, был совершён чин освящения закладного камня в основание восстанавливаемой часовни. Проект часовни выполнил архитектор П.А. Чернобровцев. Часовня была восстановлена накануне 100-летия города в 1993 г., роспись произвёл художник-монументалист А.С. Чернобровцев.

В 1992 г. отделение поддержало просьбу коллективного члена ВООПИиК Российско-Польского СП ТОО «Кристина» о размещении мемориальной доски на будущем здании «Дома детского творчества», возводимого на месте, где раньше располагался дом семьи новосибирских революционеров Шамшиных²⁹³. Также в 1992–1995 гг. члены Общества участвовали в создании «Книги памяти воинов-сибиряков», погибших в годы Великой Отечественной войны, и сооружении памятников репрессированным и воинам-афганцам²⁹⁴. В 1994 г., в рамках программы подготовки празднования 50-летия Победы, Новосибирским отделением ВООПИиК было решено обратиться к руководству области с предложением о финансировании работ по благоустройству памятников, посвящённых воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, а также об издании 1-го тома «Книги Памяти»²⁹⁵. В октябре 1994 г. члены Общества приняли участие в I областной научно-практической конференции «Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура»²⁹⁶.

О бедственном положении Новосибирского отделения ВООПИиК его руководитель Н.А. Асанов рассказывал на страницах газеты «Советская Сибирь» летом 1994 г.: «Мы существуем исключительно за счёт средств, которые образуются из добровольных, индивидуальных, коллективных взносов и благотворительных пожертвований... Беда в том, что при переходе к рынку многие граждане и предприятия сами оказались в тяжёлом финансовом положении... Развивать собственную хозяйственную деятельность из-за

²⁹³ ГАНО. Ф.Р-2054. ОП. 1. Д. 382. Л. 46.

²⁹⁴ Там же. Л. 22.

²⁹⁵ Там же. Л. 90.

²⁹⁶ Там же. Л. 92-93.

отсутствия соответствующей материально-технической базы (отделение не имеет даже собственного помещения) мы пока не можем»²⁹⁷.

Неудачи отдельных «исторических» инициатив как Новосибирского, так и Омского отделений ВООПИиК в 1990-е гг., при растущем интересе общественности к памятникам культуры и достаточно высоком объёме реставрационных работ, связаны в большей степени со сложностями перехода к рыночной экономике. Энтузиазм советских времён едва ли мог оказаться эффективным в условиях российских реалий 1990-х гг. Обращение за помощью к государству к концу этого десятилетия также выглядело неуместным. В мае 1997 г. президент РФ Б.Н. Ельцин подписал указ № 452, «пониживший в категории» значительное количество памятников федерального значения, среди которых оказались, в частности, новосибирские Дом Ленина, монумент Славы и др.²⁹⁸ Впрочем, такое развитие событий стало возможным и благодаря тому, что ещё в разгар перестройки в 1989 г. была изменена формулировка 35-й статьи закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», согласно которой ВООПИиК было исключено из числа организаций, по согласованию с которыми разрешается производство строительных и других работ в зоне охраны памятников. Эта поправка, по сути, превратила ВООПИиК в организацию, не соответствующую своему названию и назначению, положения которого были сформулированы в середине 1960-х гг. В 2000-е гг. Общество продолжило борьбу за сохранение исторического наследия и исторической памяти, но уже с новыми возможностями и в новых условиях.

Подводя итог, отметим, что к середине 1980-х гг. Омск и Новосибирск сохраняли черты провинциальных «промышленных» центров, в архитектурном облике которых элементы позднесоветского модернизма сочетались с приметами периферийного «одноэтажного» города. Скульптурное пространство выглядело ещё однообразнее и обезличеннее. Памятникоохранительная деятельность сибирской гуманитарной интеллигенции в 1985–2000 гг. сыграла важнейшую

²⁹⁷ Асанов Н. О доблестях, о почестях, о славе // Советская Сибирь. – 1994. – 24 июня.

²⁹⁸ Ленина, Кирова и др. опять понизили в значении // Вечерний Новосибирск. – 1997. – 23 мая.

роль не только в конструировании исторической памяти, но и в формировании локальной идентичности, значительной трансформации исторического пространства. В 1990-е гг. изменилось эстетическое и стилистическое содержание социокультурного ландшафта крупных городов. И, разумеется, местные отделения ВООПИиК (другие организации подобного профиля были созданы в 1980–1990-е гг. либо в рамках Общества, либо в противовес ему) оказали на этот процесс огромное влияние. Наполнение городского пространства новыми мемориальными объектами, восстановление культовых сооружений, борьба за сохранение деревянной архитектуры – всё это изменяло восприятие людьми пространства их бытования, пробуждало интерес к истории. Сегодня монументально-архитектурная «эkleктика» 1990-х гг. может казаться даже вульгарной, но при этом незамысловатые «места памяти» того периода являются порой единственной иллюстрацией какого-либо исторического события и единственным источником исторических знаний для обывателя. Конечно, заслуживает внимания вопрос: насколько искажённым является такой вариант исторической памяти? Ответить на него мы попытаемся в главе 2, при рассмотрении «внеинституциональных» аспектов деятельности гуманитарной интеллигенции.

§ 3. Инициативы Советского (Российского) фонда культуры в условиях актуализации политики памяти

Выступая на XXVII съезде КПСС в 1986 г., М.С. Горбачёв отметил, что «сколь бы ни были значительны достижения науки и техники, влияние на жизнь и общество бурного научно-технического прогресса, только социальное и духовное раскрепощение человека делает его подлинно свободным»²⁹⁹. Возникшая в условиях гласности потребность в консолидации людей, трудящихся в сферах, связанных с удовлетворением интеллектуальных и духовных потребностей, привела к созданию в СССР новой некоммерческой общественной организации,

²⁹⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С. 7.

призванной способствовать развитию отечественной культуры, – Советского фонда культуры (СФК).

Основы Фонда были заложены решениями Политбюро ЦК КПСС и Совмина СССР от 20 марта и 7 апреля 1986 г. 12 ноября 1986 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве состоялась учредительная конференция СФК. Первыми учредителями выступили 47 общественных организаций, творческих союзов и республиканских учреждений культуры. Председателем президиума правления Фонда был избран академик Д.С. Лихачёв, его первым заместителем – бывший второй секретарь Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясников. В состав президиума правления СФК вошли: Р.М. Горбачёва, писатели Ю.В. Бондарев, Б.И. Олейник, П.Л. Проскурин, президент Академии художеств СССР Б.С. Угаров, искусствовед И.С. Зильберштейн, реставратор С.В. Ямщиков, народный артист СССР Е.Е. Нестеренко, зампред Гостелерадио В.И. Попов, председатель агентства печати «Новости» В.М. Фалин.

Согласно принятому Уставу руководящими органами СФК стали совет учредителей и правление. Были сформулированы и основные направления работы Фонда: охрана и восстановление культурного наследия прошлого, системное освоение духовных ценностей, развитие инициативных культурных объединений, содействие развитию современной культуры и глубокому освоению гражданами страны богатств отечественной и мировой культуры.

После утверждения Положения СФК от 22 января 1987 г. начала создаваться разветвлённая сеть региональных отделений организации. Решение об учреждении отделений принималось правлением Фонда, а их руководящим органом становились конференции отделений.

Омское областное отделение Советского фонда культуры было сформировано на учредительной конференции 21 ноября 1987 г. по инициативе управления культуры Омского облисполкома, поддержанной творческими союзами, учреждениями культуры, вузами, представителями научной и художественной интеллигенции города. В тот момент Фонд культуры был призван активизировать деятельность творческих союзов, представителей

научной и творческой интеллигенции, дать им реальную возможность участия в формировании направлений культурной политики государства. «Работу Омского отделения фонда культуры возглавляли сначала президиум и правление, затем совет фонда, в который вошли видные деятели науки и культуры Омской области»³⁰⁰.

В ходе конференции было избрано правление в составе 33 человек. Председателем правления Омского областного отделения Советского фонда культуры был избран д-р ист. наук, профессор ОмГУ Н.А. Томилов. Также в президиум вошли работник облисполкома Л.М. Шугурова (заместитель председателя), тележурналист В.И. Бусоргин, искусствовед И.Г. Девятьярова, народный художник РСФСР А.Н. Либеров, заместитель начальника управления культуры облисполкома Р.М. Максютова, заместитель директора областного краеведческого музея Т.М. Назарцева, библиограф Р.Е. Ольховская, народная артистка РСФСР Т.А. Ожигова, народный артист СССР, хормейстер Г.Н. Пантюков, литературовед С.Н. Поварцов, писатель и краевед И.Ф. Петров, архитектор М.М. Хахаев. Были учреждены советы: краеведения (председатель – В.И. Матющенко, д-р ист. наук, профессор ОмГУ), по пропаганде изобразительного искусства (председатель – А.А. Чермошенцев, заслуженный художник РСФСР), коллекционеров произведений искусства и культуры (председатель – Е.М. Смирнов, преподаватель Омского филиала Алтайского института культуры), концертно-театральной деятельности (председатель – Т.А. Ожигова, народная артистка РСФСР, актриса Омского драматического театра), по пропаганде деятельности отделения Фонда культуры (председатель – В.И. Бусоргин, главный редактор художественного вещания областного комитета по телевидению, журналист, телеведущий), «Культурное наследие и современность» (председатель – М.М. Хахаев, архитектор, заведующий отделом строительства и архитектуры облисполкома), «Ф.М. Достоевский и Сибирь» (председатель – С.Н. Поварцов, литературовед, доцент ОмГУ), «Память» (председатель – Ф.К. Надь,

³⁰⁰ Сорокин А.П., Томилов Н.А. Фонд культуры в Омске: итоги двадцатипятилетия // Вестник культуры. – 2012. – № 2.

краевед), совет национальных культур (председатель – Т.Е. Паренчук, преподаватель Омского филиала Алтайского института культуры)³⁰¹.

Учитывая поставленные в рамках исследования задачи, нам особенно важно рассмотреть деятельность таких советов, как совет краеведения, «Культурное наследие и современность», «Память», «Ф.М. Достоевский и Сибирь».

Вопросы исторической памяти стали приоритетными для Омского отделения СФК с первых месяцев его работы. На расширенном заседании президиума правления Фонда 31 марта 1988 г. были сформулированы следующие предложения: «Об участии Фонда культуры в сооружении памятника Ф.М. Достоевскому в Омске» и «О возвращении некоторым улицам Омска первоначальных названий»³⁰².

Совет «Культурное наследие и современность» поддержал предложения члена президиума Фонда, писателя и краеведа И.Ф. Петрова, выступившего на страницах газеты «Омская правда» с проблемной статьёй «О малой родине и сыновнем долге». В этих записках И.Ф. Петров говорил о необходимости бережного отношения, сохранения и возрождения архитектурных, исторических, литературных памятников, возвращения некоторым улицам и площадям Омска исторических названий.

С предложением вернуть нескольким улицам Омска исторические наименования члены Фонда обратились в исполком Омского городского совета народных депутатов. В отчётном докладе руководства отделения СФК за 1988 г. упоминается, что предложения правления исполкомом горсовета «рассматриваются в основном положительно, и, видимо, после выборной кампании будет принято решение о возвращении прежних имён некоторым улицам и площадям города»³⁰³. Положительное решение было принято по трём

³⁰¹ Томилов Н.А. Российская культура и современное общество (из истории создания Омского отделения советского фонда культуры) // Омский филиал Российского фонда культуры: справочник / сост.: Э.Р. Ахунова, А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск: Изд. дом «Наука», 2016. – С. 25.

³⁰² ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³⁰³ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.

топонимическим инициативам Омского отделения СФК, сформулированным совместно с региональными отделениями ВООПИиК и общества «Мемориал». В 1990 г. историческое название Ильинская было возвращено улице имени Веры Засулич. Другой центральной улице, названной в честь одиозного первого секретаря Омского обкома КПСС Е.П. Колущинского, чьё имя в годы перестройки омичами воспринималось в контексте репрессий 1930-х гг., а также волонтеристских решений в сфере сельского хозяйства и акции по сносу Тарских ворот Омской крепости в 1950-х гг., было возвращено историческое название – Почтовая. Улица и переулок Жданова в Кировском районе города, как мы уже упоминали, были переименованы в улицу и переулок И. Москаленко.

В конце 1980-х гг. Омское отделение Фонда также обращалось в органы исполнительной власти с предложением присвоить двум улицам в строящихся новых микрорайонах омского Левобережья имена двух выдающихся омских краеведов – учёного-минералога, профессора П.Л. Драверта и историка, директора краеведческого музея А.Ф. Палашенкова³⁰⁴. Но тогда эти инициативы не были воплощены в жизнь (улицы в честь Драверта и Палашенкова появились на карте Омска только в середине 2000-х гг.). На пленуме «Об итогах работы президиума правления за 1989–1990 г.» доцент Омского мединститута А.А. Обгольц предложил назвать одну из улиц Омска именем академика А.Д. Сахарова³⁰⁵.

В условиях развёртывания перестройки значительно расширялось поле деятельности по сохранению историко-культурного наследия. Характерной и уникальной особенностью изменений общественно-политического климата в стране во второй половине 1980-х гг. становится оживление религиозной и церковной жизни, а также общественных дискуссий на эту тему. В репортаже газеты «Вечерний Омск», освещавшем работу заседания Омского отделения СФК осенью 1988 г., сообщается об инициативе совета «Культурное наследие и

³⁰⁴ Назарцева Т.М. Деятельность совета краеведения Омского отделения фонда культуры (1988–1997) // Вестник культуры. – 2012. – № 2.

³⁰⁵ ГИАОО. Ф.П-654. Оп 1. Д. 19. Л. 13.

современность» по передаче здания Шкроевской церкви в ведение Омского епархиального управления»³⁰⁶. Своё предложение представители интеллигенции обосновывали необходимостью реставрации церкви, являющейся памятником архитектуры начала XX в. Партийные и государственные структуры не торопились принимать решение по этому вопросу. Через некоторое время президиум правления СФК призвал «более настойчиво решать данный вопрос, тем более что памятниками старины Омск не так уж богат»³⁰⁷.

Большое участие в реализации проектов, связанных с сохранением исторической памяти омичей, принял совет «Память», которым руководил краевед и общественный деятель Ф.К. Надь³⁰⁸. Советом была проведена большая работа по изучению и уточнению мест захоронений Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, участников гражданской и Великой Отечественной войн, воинов-интернационалистов, учёных, деятелей культуры и искусства. На основе собранных материалов была подготовлена рукопись «Книги народной памяти омской земли»³⁰⁹.

Вскоре к общественникам присоединяются сотрудники Омского педагогического института им. А.М. Горького во главе с доцентом В.М. Козиновым, создаётся редакционная группа по обработке данных по 110 погребениям. Также советом «Память» совместно с работниками обкома ВЛКСМ, редакцией газеты «Молодой сибиряк» были уточнены по городу и области места захоронений воинов-интернационалистов (всего 90 захоронений) и организована подготовка биографических справок, кратких сведений об обстоятельствах гибели воинов. Ф.К. Надь сам проводил тематические экскурсии «Мы помним это время, мы не забудем никогда» по Старо-Северному кладбищу Омска. Выносились на

³⁰⁶ Шаги к возрождению памяти // Вечерний Омск. – 1988. – 9 сентября.

³⁰⁷ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 21-22.

³⁰⁸ Томилов Н.А. К 85-летию Ференца Карольевича Надя // Вестник культуры. – 2014. – № 1.

³⁰⁹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

обсуждение «предложения по наименованию улиц, школ, училищ... созданию народных музеев и уголков боевой и трудовой славы»³¹⁰.

На пленуме Омского отделения фонда культуры, состоявшемся 24 февраля 1989 г., Ф.К. Надь обращал внимание собравшихся: «В Омске погребён Б.С. Вейсброд, который первым оказал помощь во время ранения В.И. Ленину, в Омске погребён начальник почётного караула у квартиры Ильича Н.М. Дрейер... Наконец, на кладбищах города погребены 11 Героев Советского Союза, 1 кавалер трёх орденов Славы»³¹¹.

Из отчётного доклада руководителя совета «Память» следует, что на тот момент могил, взятых в качестве памятников истории на государственную охрану, в Омске было меньше, чем можно было представить, – это две могилы на Старо-Южном кладбище. Могил Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда, известных деятелей науки и культуры, партийных и государственных работников в этом перечне не было³¹². В 1987 г. 28 участников Великой Отечественной войны были перезахоронены со Старо-Южного кладбища на территорию Солдатского пантеона Старо-Северного кладбища. Стараниями членов совета «Память» были найдены архивные документы, из которых удалось узнать о 197 захоронениях участников Великой Отечественной войны, умерших в омских госпиталях и похороненных на других кладбищах города³¹³.

Стараниями членов совета «Память» и сотрудников Омского пединститута была начата важная работа по паспортизации кладбищ, составлению перечня надгробных памятников, нуждающихся в реконструкции, разрабатывались планы индивидуального ухода за конкретными погребениями путём их закрепления за крупными предприятиями, объединениями, учебными заведениями, совхозами. Среди основных задач совета «Память» были также описание взятого на учёт

³¹⁰ Томилов Н.А. Ференц Карольевич Надь и его вклад в патриотическое воспитание // Культурологические исследования в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 145-146.

³¹¹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

³¹² Там же.

³¹³ Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994. – С. 111.

группой Омского отделения фонда культуры погребения (надгробный памятник, материал, состояние), выявление надгробий, имеющих художественную ценность, с последующей передачей под охрану Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры, оказание помощи в создании «Домов Памяти» на городских кладбищах³¹⁴.

Ф.К. Надь подчёркивал: «Нужен индивидуальный уход за конкретным погребением. В прошлом году мы обсуждали могилу матроса Нагорного с крейсера “Аврора”, принимавшего участие в штурме Зимнего дворца. Кроме того, наш Совет передал Фонду 10 выявленных фамилий известных учёных, похороненных на кладбищах города... Наш Совет будет работать, чтобы много ещё принести пользы»³¹⁵.

Отличительной чертой рубежа 1980–1990-х гг. стало проведение региональных научно-практических конференций, участниками которых становились специалисты из самых различных областей гуманитарного знания. В 1988 г. совместно с Литературным музеем и ОГПИ им. А.М. Горького Омским отделением СФК были проведены научно-практическая конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири» и конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения советского революционного и партийного деятеля, уроженца Омска В.В. Куйбышева³¹⁶. В 1989 г. советом краеведения совместно с городским управлением культуры и педагогическим институтом была организована научно-практическая конференция по истории краеведения «Памятники истории и культуры Омска и Омской области», а также краеведческие чтения по плану совета³¹⁷. 19–21 июня 1991 г. на базе ОмГУ и ОГПИ, а также Фонда состоялась областная научно-практическая конференция «275 лет Омску и развитие Сибири». На секции «История Омска и Омской области» прозвучал ряд качественно новых по тематике докладов, посвящённых

³¹⁴ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 35. Л. 2-3.

³¹⁵ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

³¹⁶ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.

³¹⁷ Там же. Л. 28.

дореволюционной истории Сибири и истории омского краеведения: «К характеристике западно-сибирских генерал-губернаторов» (канд. ист. наук, доцент ОГПИ П.П. Вибе), «Учреждение степного генерал-губернаторства» (канд. ист. наук, доцент ОмГУ А.В. Ремнёв), «Атаман Б.В. Анненков: начало борьбы (январь – апрель 1918 г.)» (преподаватель ОГИФК В.А. Шулдяков), «К истории одной акции по переименованию омских улиц» (канд. ист. наук, доцент ОмГУ В.Г. Рыженко), «Омское общество краеведения во второй половине 20-х гг.» (историк, краевед Н.М. Пугачёва), «Материалы о советских немцах в массовой и учебной работе с молодёжью» (преподаватель ОГПИ И.Н. Суслов), «Воскресенский собор – первое каменное здание Омска» (краевед А.М. Лосунов), «Омский период жизни И. Броз Тито в советской литературе» (старший преподаватель ОГПИ С.В. Новиков и канд. геогр. наук Н.С. Фалькович), «Памятник выдающемуся сибиряку Н.М. Ядринцеву» (Л.С. Рафиенко, старший научный сотрудник НИИ культуры (Москва))³¹⁸.

В 1990–1991 гг. реализация намеченных направлений деятельности Омского отделения СФК продолжалась согласно заданным в 1987–1989 гг. установкам. При содействии исполкома Омского городского Совета народных депутатов Фондом были приняты меры по распространению в трудовых коллективах города «благотворительных билетов, поступивших из Новосибирска в “Союзпечать” на памятник воинам-сибирякам под г. Белый»³¹⁹, проведена Всесоюзная научно-практическая конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР» (совместно с обкомом КПСС, ОмГУ и ОГПИ), состоялась экспедиция в Тарский район Омской области по поиску предметов старины. В 1990 г. омские краеведы активно продолжали пропагандировать идеи сохранения и возрождения историко-культурного наследия: проведена работа народного университета «Твой край в прошлом и настоящем», организованы краеведческие чтения. Заседание правления рассмотрело вопрос «О состоянии и организации краеведческой работы области», продолжалась работа общественных

³¹⁸ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 24. Л. 68.

³¹⁹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

советов. Одним из важнейших событий в омской культурной жизни стал выход первого номера газеты «Вестник культуры» (издание было осуществлено совместно с областным отделением Союза писателей СССР). Через магазин «Подписные издания» была организована подписка на журнал СФК «Наше наследие», издан «календарь на 1991 г. к 275-летию г. Омска (художник А.С. Макаров)»³²⁰.

В качестве важнейшей формы фиксации исторической памяти представители сибирской гуманитарной интеллигенции 1980–1990-х гг. рассматривали акции по установке новых памятников и мемориальных досок. Инициативы в этой сфере в тот период отличаются значительным разнообразием. Советский фонд культуры проявлял здесь большую активность, чем другие культурно-просветительные общественные организации. В первые два года своего существования Омское отделение инициировало сбор средств на сооружение на территории Омска и Омской области памятников и бюстов Ф.М. Достоевскому, воинам-интернационалистам, борцам революции (г. Исилькуль), ликвидаторам Чернобыльской аварии, Ч.Ч. Валиханову, М.В. Певцову³²¹. В 1989 г. президиум Омского отделения СФК ходатайствовал перед исполкомом Омского городского Совета об установке памятника советскому поэту П.Н. Васильеву, «родители которого жили в Омске, где часто жил и творил сам поэт, ставший жертвой сталинских репрессий»³²². Также Омское отделение СФК решило «поддержать действия общества “Мемориал” в сооружении в Омске памятника жертвам репрессий сталинской эпохи» и открыло сбор средств³²³.

Стоит обратить внимание и на ряд нереализованных проектов, в том числе весьма необычных по своей задумке: установка памятников «70-летию освобождения Омска от колчаковцев», М.Н. Тухачевскому, а также памятников В.С. Высоцкому и Василию Тёркину³²⁴.

³²⁰ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

³²¹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.

³²² ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 10. Л. 120.

³²³ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 23. Л. 36-37.

³²⁴ Там же.

В 1989 г. президиум Омского отделения СФК обратился в исполком Омского городского Совета с предложением о создании и установке в Омске памятника-бюста выдающемуся советскому композитору, лауреату Госпремии СССР В.Я. Шебалину, «жизнь и деятельность которого во многом была связана с городом Омском». Было предложено создать бюст В.Я. Шебалина на заказных началах в 1992 г. «в связи с 90-летием со дня его рождения»³²⁵. Помимо этой инициативы, руководитель Омского отделения СФК Н.А. Томилов предложил развить программу увековечения выдающихся людей, связанных с Омском, приурочив каждую акцию к конкретной юбилейной дате. Члены организации поддержали эту инициативу: было решено установить в Омске памятники (бюсты) географу и путешественнику М.В. Певцову (1993 г. – 150 лет со дня рождения), поэту Л.Н. Мартынову (1995 г. – 90 лет со дня рождения), этнографу и просветителю Ч.Ч. Валиханову (1995 г. – 160 лет со дня рождения)³²⁶. Помимо этого Фонд начал работу по увековечению имён сибирских учёных и общественных деятелей Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина³²⁷.

Переход на рыночные рельсы Советский фонд культуры пережил не менее болезненно, чем другие культурно-просветительные общественные организации. В начале 1990-х гг. Фонд дважды менял название, став сначала Международным Российским фондом культуры, а затем Российским фондом культуры (контекст этих переименований мы рассмотрим, раскрывая специфику деятельности Новосибирского отделения).

В 1992 г., подводя итоги первых пяти лет деятельности Омского отделения Советского (Российского) фонда культуры, председатель правления филиала профессор Н.А. Томилов рассказал о проблемах организации: «Отмечены также и трудности в деятельности Фонда – постоянная нехватка средств, из-за чего сорвано выполнение некоторых программ, перестал выходить “Вестник

³²⁵ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.

³²⁶ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

³²⁷ Томилов Н.А. Михаил Макарович Хахаев – председатель совета «Культурное наследие и современность» Омского фонда культуры // Культурологические исследования в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 176.

культуры”, нет ясности в финансировании фонда и на 1993 год»³²⁸. В то же время руководитель отделения подчеркнул, что за прошедшие пять лет ОО СФК «проведена работа по выявлению и объединению активных общественников из числа творческой интеллигенции города. Созданы Советы по основным направлениям деятельности Фонда, проведены мероприятия и ряд важных акций, оказано содействие в создании национальных центров, клубов и объединений»³²⁹.

Экономический кризис 1990-х гг. вынудил представителей омской интеллигенции отказаться от инициатив по установке к юбилейным датам масштабных монументальных памятников деятелям науки и культуры и ограничиться проектами художественных памятных досок³³⁰. Однако именно это «удешевление» способствовало тому, что сразу несколько начинаний, находившихся в застывшем состоянии, были реализованы. В октябре 1992 г. в ходе проведения на базе педагогического института Первой омской научной конференции памяти Н.М. Ядринцева (работали три секции: «История Сибири», «История культуры Сибири», «Археология, природа Сибири») ³³¹ на здании Омского музея изобразительных искусств была открыта мемориальная доска Н.М. Ядринцеву³³². Летом 1993 г. на фасаде Омского музыкального училища появилась мемориальная доска композитору В.Я. Шебалину³³³. Также в 1993 г. в ходе подготовки к празднованию 50-летия Победы в Великой Отечественной войне на здании второго корпуса Омского государственного университета была установлена созданная за счёт собранных Фондом культуры средств мемориальная доска омичу – Герою Советского Союза Ю.В. Тварковскому (доска закреплена на стене фасада, выходящего на ул. Тварковского)³³⁴. Летом 1994 г.

³²⁸ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

³²⁹ Там же. Л. 3.

³³⁰ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

³³¹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 28. Л. 101.

³³² Вибе П.П. Генерал-губернаторский дворец в Омске как памятник истории // Памятники истории и культуры Омской области. – Омск, 1996. – Вып. II. – С. 112-113.

³³³ Трубицина Л. В июньский светлый день // Вечерний Омск. – 1993. – 15 июня.

³³⁴ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 35. Л. 42.

члены Омского отделения РФК приняли участие в юбилейных торжествах по случаю 400-летия города Тары Омской области³³⁵.

Период середины 1990-х гг. можно охарактеризовать как время фактического дистанцирования государства от деятельности по формированию исторической памяти. Историческая политика проводилась хаотично, к середине 1990-х гг. практически все советские герои прошлого были в той или иной степени десакрализованы. Однако последовательно транслируемым, демонстрирующим преемственность советской политики памяти оставался ключевой её сюжет – тема Великой Отечественной войны и Победы.

Юбилей Победы 1995 г. мало чем отличался от традиционных празднований этого дня прошедших десятилетий. Омское отделение фонда культуры разработало план проведения памятных мероприятий к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне (всего их было запланировано 14). Среди наиболее заметных коммеморативных акций можно выделить конференцию «Сибирь и сибиряки в годы Великой Отечественной войны», установку мемориальной доски Ю.В. Тварковскому, издание специального номера «Вестника культуры» (1995, № 2), тематически посвящённого Великой Отечественной войне, проведение областной викторины «Омская область в годы Великой Отечественной войны»³³⁶.

Помимо мероприятий в честь юбилея Победы, в 1994–1995 гг. Омское отделение РФК продолжило работу по сооружению в Омске монументальных памятников. Совместно с обществом «Мемориал» Фонд участвовал в деле установки в городе памятника жертвам политических репрессий³³⁷.

Памятник жертвам политических репрессий был открыт в Омске осенью 1994 г. (об этом будет рассказано подробнее в следующем параграфе). 17 ноября 1994 г. президиум Отделения поддержал решение общества «Мемориал» о представлении на соискание премии Администрации Омской области автора

³³⁵ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

³³⁶ Там же. Л. 42-45.

³³⁷ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.

проекта памятника, члена президиума Омского отделения РФК, архитектора М.М. Хахаева «как бескорыстного активиста и деятельного участника возрождения духовных ценностей в области»³³⁸.

В 1994 г. активисты Омского отделения РФК приняли участие в программе мероприятий по празднованию 60-летия образования Омской области³³⁹, 20-летия со дня основания Омского государственного университета, «учитывая активное участие профессорско-преподавательского коллектива и студентов в развитии культуры Омска и области, акциях отделения фонда культуры»³⁴⁰. В плане работы на 1994 г. появился пункт «об участии отделения Фонда культуры в областной программе по подготовке 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина»³⁴¹. Также обсуждался вопрос изготовления и установки мемориальной доски учёному и общественному деятелю Г.Н. Потанину в 1995 г. к 160-летию со дня его рождения³⁴².

В 1996 г. вышел Указ Президента РФ «О государственной поддержке Российского фонда культуры». К 1997 г. Фонд был реорганизован в некоммерческую организацию. В середине 1990-х гг. произошли и организационные изменения в структуре Омского отделения РФК. В январе 1996 г. по собственному желанию оставила должность заместителя председателя правления Омского отделения РФК Л.М. Шугурова. Её сменила Р.И. Зыкова³⁴³. В 1998 г. произошла реорганизация Омского областного отделения Российского фонда культуры в Омский филиал некоммерческой организации «Российский фонд культуры». До начала 2000-х гг. крупных акций по созданию новых памятников, мемориальных досок, организации исторических научно-практических конференций не проводилось. В это время Фонд активно уделял внимание партнёрским проектам, наиболее значимым из которых стала ныне

³³⁸ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 35. Л. 50.

³³⁹ Там же. Л. 12.

³⁴⁰ Там же. Л. 37.

³⁴¹ Там же. Л. 10.

³⁴² Там же. Л. 12.

³⁴³ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

ежегодная Омская областная молодёжная литературная премия им. Ф.М. Достоевского, основанная в 1997 г. Развивались и такие направления, как благотворительная помощь в расширении книжных фондов библиотек, выявление и поддержка юных дарований, поддержка общественных инициатив в области культуры и художественного образования.

Из обществ культурно-просветительного профиля 1980–1990-х гг., объединявших интеллигенцию, Фонд культуры выглядел наиболее представительно. С первых дней существования организация сумела привлечь в свои ряды научных сотрудников, педагогов, вузовских преподавателей, школьных учителей, музейных, библиотечных и архивных работников, журналистов, творческую элиту городов (писателей, художников, артистов, музыкантов). В момент создания СФК был призван разбудить инициативу творческих союзов, дать интеллигенции реальную возможность участия в конструировании ценностных установок, определении культурной политики государства. Важнейшей движущей силой Фонда стало стремление местных сообществ гуманитарной интеллигенции поднять образовательный и культурный уровень общества. Поэтому неудивительно, что методы, цели и задачи работы, а также результаты в Омском и Новосибирском отделениях оказались весьма похожи. Стремительные преобразования жизни общества требовали поиска новых форм просветительной работы. Омским и Новосибирским отделениями за 13 лет были проведены десятки научно-практических краеведческих конференций, семинаров, концертов и конкурсов, выпущены единственные в своём роде книжные издания, созданы новые периодические издания. Активно пополнялись существующие музейные коллекции и формировались новые фонды. Оба отделения (Новосибирское в большей степени) были укреплены группами учёных-историков, что способствовало развитию деятельности по формированию исторической памяти, проведению акций по созданию новых «точек памяти».

Так же, как и в Омске, создание отделения Советского фонда культуры в Новосибирске состоялось в конце 1987 г. В ноябре прошла учредительная конференция, открывая которую заместитель председателя облисполкома В.С.

Косоуров отметил, «что рождение новой общественной организации предполагает ещё более широкое вовлечение в перестройку огромного отряда интеллигенции»³⁴⁴.

В ходе учредительной конференции был оглашён список учреждений и организаций, которые первыми внесли добровольные пожертвования на открытый в Московском городском банке счёт № 702402 – счёт Советского фонда культуры. Этими организациями стали крупнейшие учреждения культуры города и области: областной научно-методический центр народного творчества и культпросветработы, театр «Красный факел», областные филармония и научная библиотека.

Деятельное участие учреждений культуры во многом определило состав президиума областного Совета фонда. Председателем правления Новосибирского областного отделения Советского фонда культуры был избран ректор Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, д-р филос. наук, профессор Е.Г. Гуренко. Его заместителем стала актриса и театральная деятельница, заслуженный работник культуры РСФСР Н.И. Никулькова³⁴⁵.

Создание Фонда культуры характеризовалось представителями интеллигенции как знаменательный акт перестройки, содействующий началу процесса разворота государства в сторону простого человека, его нужд и чаяний. В своём докладе на учредительной конференции «О создании, задачах и основных направлениях деятельности Новосибирского областного отделения СФК» Е.Г. Гуренко подчёркивал: «Сегодня же общество переживает переломный момент своей истории. Мы все видим и чувствуем это!.. Живительная струя новаторских идей, выдвинутых XXVII съездом КПСС, создаёт благоприятную почву для мощного прорыва в сфере духовной жизни... Эта работа находит выход в практике и замыкается на общую цель грандиозных социалистических

³⁴⁴ Учредительная конференция // Советская Сибирь. – 1987. – 28 ноября.

³⁴⁵ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

преобразований... Не только материальная сторона культуры, но прежде всего сам человек – и есть наш главный фонд культуры»³⁴⁶.

На учредительной конференции был сформирован состав пленума Новосибирского отделения фонда культуры, определившего основные направления работы. Была утверждена программа на ближайшие годы, образованы советы, комиссии и экспертные группы. Были созданы: научный совет по изучению культуры Сибири (председатель – д-р ист. наук, профессор В.Л. Соскин); комиссия по краеведению (председатель – канд. ист. наук О.Н. Шелегина); фольклорно-этнографическая комиссия (председатель – д-р филол. наук, профессор М.Н. Мельников); комиссия по содействию одарённой молодёжи (председатель – проректор Новосибирской консерватории Б.А. Шиндин); экспертная группа по архивным материалам (председатель – директор архива Новосибирской области Р.К. Суханова); информационно-пропагандистская комиссия (председатель – зампред Новосибирского телерадиокомитета А.С. Зайков); благотворительный совет (председатель – М.В. Титова); художественный совет по разработке и реализации программ местного значения (председатель – заслуженный деятель искусств РСФСР, художник А.С. Чернобровцев); комиссия по вовлечению в общественное пользование дарений (председатель – канд. физ.-мат. наук Б.С. Елепов)³⁴⁷.

Организация работы Новосибирского отделения СФК проводилась согласно отработанной в Москве и регионах схеме. Были сформированы программы, рабочие органы (советы, комиссии, инициативные группы), налаживалось взаимодействие с государственными, общественными организациями, творческими союзами, были установлены контакты со СМИ (газеты «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», «Молодость Сибири», радио и телевидение)³⁴⁸. Необходимость привлечения к работе советов, комиссий, любительских клубов актива городской интеллигенции подчёркивалась с начала

³⁴⁶ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-13.

³⁴⁷ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

³⁴⁸ Там же.

деятельности отделения: «Фонд будет лишь в том случае соответствовать своему назначению, если в его работе так или иначе будет участвовать большинство творческой интеллигенции города»³⁴⁹.

Из «Справки о деятельности Новосибирского отделения Всероссийского фонда культуры за 1988–1991 гг.» мы узнаём, что всего в состав правления было избрано 62 человека, из которых деятелей культуры – 30,6 %, работников государственных и советских органов – 23,3 %, учёных, преподавателей учебных заведений – 25 % (среди них академиков и членов-корреспондентов – 2 человека, докторов и кандидатов наук – 12 человек), представителей духовенства – 3,3 %, журналистов – 6,6 %, руководителей национально-культурных объединений – 8,3 %³⁵⁰.

Отличительной особенностью работы Новосибирского отделения СФК являлась её ориентированность на главное юбилейное событие ближайших лет – 100-летие основания Новосибирска. На январском пленуме правления Новосибирского отделения Фонда 1988 г. была принята программа деятельности на 1988–1990 гг., а также план мероприятий по «разработке и осуществлению празднования 100-летия г. Новосибирска». Согласно программе было решено оказывать помощь государственным органам в деле сохранения и создания памятников историко-культурного наследия. Новосибирское отделение СФК содействовало возведению памятной стелы «Здесь начинался г. Новосибирск», осуществлению реконструкции Дома Ленина, переданного в середине 1980-х гг. на баланс областной филармонии, сквера Героев революции, собора Александра Невского, здания Новосибирского государственного академического театра оперы и балета.

Учитывая задачи нашего исследования, особый интерес вызывает работа научного совета по изучению культуры Сибири. В его состав вошли сотрудники Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР В.Л. Соскин, Н.Н. Покровский, С.А. Красильников, Д.Я. Резун, Л.И. Пыстина и

³⁴⁹ Венцимерова Т. Всё многообразие социальных интересов // Вечерний Новосибирск. – 1988. – 8 июня.

³⁵⁰ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

др., члены новосибирских творческих союзов. Совет развернул деятельность по проведению мероприятий, направленных на консолидацию сил профессиональных деятелей культуры и исследователей –любителей искусства³⁵¹. 9–10 марта 1989 г. в ИИФиФ СО АН прошла научная конференция «Художественная культура Сибири: опыт истории» в которой также приняли участие учёные из Свердловска, Омска, Горно-Алтайска, Улан-Удэ и других городов³⁵².

К работе по организации научных конференций подключилась сформированная краеведческая комиссия Фонда, в которую вошли: О.Н. Шелегина, В.М. Воробьёва, З.П. Симонова, Н.А. Бредихина и др. В декабре 1989 г. при участии этой комиссии в Новосибирске была проведена первая (после 1961 г.) областная краеведческая конференция. Организаторы конференции позиционировали её в качестве одного из мероприятий, способствующих скорейшему созданию Всесоюзного общества краеведов³⁵³. Советский фонд культуры во многих регионах вёл активную работу по объединению исследователей в краеведческие сообщества. «Мы получили много предложений о создании пока краеведческого клуба при Фонде культуры», – поясняли члены краеведческой комиссии Новосибирского отделения СФК³⁵⁴.

В составе Новосибирского отделения Фонда была сформирована информационно-пропагандистская комиссия, в которую вошли известные в городе журналисты А.С. Зайков (председатель), Т.В. Венцимерова, Ю.А. Ворончихин, Т.И. Антонова, Е.В. Квещинский, К.К. Сухарев, И.П. Ёлкин, Л.В. Живлюк и др. Деятельность СФК с первых дней существования отделения

³⁵¹ Гуренко Е., Соскин В. Какой быть конференции по истории культуры Сибири // Советская Сибирь. – 1988. – 16 августа.

³⁵² ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

³⁵³ Прим. После первых Всесоюзных научно-практических конференций по историческому краеведению в Полтаве (1987 г.) и Пензе (1989 г.) в регионах в разных формах стали возникать краеведческие объединения. 25-28 апреля 1990 г. в Челябинске состоялся Учредительный съезд краеведов России. На съезде был учреждён Союз краеведов России, утверждён его устав и избран председатель – д-р ист. наук, профессор Московского историко-архивного института С.О. Шмидт.

³⁵⁴ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 11. Л. 43.

стала подробно освещаться в местной прессе. Просмотр региональной периодики отсылает нас к анализу перестроечных процессов, их влияния на изменение исторического сознания общества. Скорее положительным результатом следует считать пробуждение в людях чувства сопричастности текущим событиям, веры в лучшее будущее, которое должно было наступить благодаря перестройке. Так, из статьи в газете «Советская Сибирь» под заголовком «Школа духовности» следует, что с началом перестройки в редакцию издания стали чаще приходиться письма от рядовых граждан, интересующихся работой культурно-просветительных организаций. Приводится цитата из письма читателя: «Я с надеждой смотрю на новый 1988 год, перестройка набирает обороты, стало легче дышать, чище воздух, поубавилось нечестных людей. Перемены и в том, что общество больше занимается нравственными проблемами, воспитанием личности... Значит, стали мы ближе к человеку, к его духовным потребностям...»³⁵⁵

Оптимистический взгляд на дальнейшее развитие сферы культуры в те годы был присущ и представителям интеллигенции. Подводя итоги первого года существования Новосибирского отделения Фонда, Е.Г. Гуренко выступил в печати с подробным изложением основных положений долгосрочной программы «Культура». Реализация программы была запланирована на длительный период (до 2000 г.), и потому ключевым вопросом стал (как и в случае с деятельностью ВООПИиК) вопрос о средствах. Помимо финансирования со стороны муниципальных органов культуры, предполагалось привлечь средства из фондов государственных органов, которым была подведомственна большая часть культурных учреждений (например, Новосибирская консерватория находилась в подчинении Министерства культуры РСФСР). Третьим источником финансирования должны были стать привлекаемые к делу воплощения культурных инициатив кооперативы.

Также Е.Г. Гуренко сформулировал основные эстетические и нравственные задачи программы «Культура»: «Мы в составлении долгосрочной программы не должны идти вслед за низким уровнем потребностей, мы должны

³⁵⁵ Школа духовности // Советская Сибирь. – 1988. – 10 января.

эти потребности развивать. Общий низкий уровень потребностей – это наша общая беда и вина... Мы должны вложить в программу механизм развития эстетических, художественных, социально-культурных потребностей»³⁵⁶.

К началу второго года работы Новосибирского отделения СФК вокруг организации сформировалась активная группа городской интеллигенции. Многие включились в работу с энтузиазмом. Оказало влияние и то обстоятельство, что представители интеллигенции Новосибирска были недовольны состоянием дел в региональном отделении ВООПИиК и потому возлагали на Фонд большие надежды. Тем не менее противоречия, существующие среди научной и культурной общественности Новосибирска, проявились и в работе Фонда культуры.

Характерной чертой процесса раскрепощения общества и демократизации жизни становится радикализация языка дискуссий представителей интеллигенции. Выступая на пленуме Новосибирского отделения СФК 18 мая 1989 г., заведующий сектором истории советской культуры ИИФиФ СО АН СССР, профессор В.Л. Соскин подверг критике «сталинский догматизм» в науке и своих коллег учёных: «Так или иначе наука как таковая и учёные непосредственно (это чаще и больше) влияние на духовную жизнь оказывают... Большую работу ведут вузы и другие учреждения науки. Думается, однако, что говорить надо не об “огромном влиянии” (учёным не следует льстить), а, напротив, крайне слабом влиянии. В этом одна из главных наших бед»³⁵⁷. Помимо критических замечаний, докладчик высказал мысль о необходимости организации в Новосибирске научного центра по изучению истории Сибири: «Нет подлинного центра изучения современных культурных процессов в рамках сибирской специфики... В Новосибирске – историческом центре Сибири – должен быть

³⁵⁶ Гуренко Е.Г. Легко ли быть оптимистом... (беседовала Т. Венцимерова) // Вечерний Новосибирск. – 1988. – 3 ноября.

³⁵⁷ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

главный культуроведческий отдел или институт. Кадры найдутся, если о них позаботиться»³⁵⁸.

Дискуссия о формах и методах ведения краеведческой и сибиреведческой работы продолжалась и на протяжении последующих лет. 15 декабря 1989 г. состоялась конференция краеведов Новосибирской области. О.Н. Шелегина отметила, что инициатива по возрождению краеведческого движения принадлежит Фонду культуры. Прозвучало предложение о создании «Общества краеведов»³⁵⁹.

Развивая тему создания единого краеведческого общества, которое бы объединило силы представителей, в первую очередь гуманитарной интеллигенции, сотрудник краеведческого музея г. Минусинска Л.Н. Ермолаева, ссылаясь на опыт Красноярска, конкретно назвала те организации, которые должны были стать основой будущего союза: ВООПИиК, Общество охраны природы, общество «Знание». Журналист К.К. Сухарев выдвинул идею создания краеведческого клуба, который можно было бы назвать «Земля сибирская». Сотрудница Института истории, филологии и философии СО АН И.В. Павлова и канд. архитектуры, член ВООПИиК К.П. Зайцев высказались за необходимость создания краеведческого общества на базе областного краеведческого музея, а не Фонда культуры, поскольку главной целью этого сообщества должна стать научная деятельность³⁶⁰.

В 1990–1991 гг. направления деятельности Новосибирского отделения СФК уточнялись. Важнейшим направлением становится «сохранение и восстановление исторической памяти ушедших поколений деятелей искусства и культуры Сибири, г. Новосибирска, внёсших вклад в развитие культуры (установка мемориальных досок, создание театральных музеев и т. д.)³⁶¹. Писатель И.А. Картушин выступил с инициативой создания «библиотечки»

³⁵⁸ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 10. Л. 26.

³⁵⁹ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

³⁶⁰ Там же. Л. 46.

³⁶¹ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.

сибирских писателей, освещении в СМИ забытых имён сибирских деятелей культуры, фольклора, актуализации их творчества. Был продолжен сбор средств на создание мемориальных досок выдающимся землякам. Новосибирский фонд культуры обратился в горисполком с предложением увековечить память, заслуженного работника культуры РСФСР, журналиста Н.А. Мейсака установкой мемориальной доски на доме, где он жил с 1953 по 1984 гг. (ул. Советская, 12). Был принят проект мемориальных досок народным артистам РСФСР Е.Г. Агароновой и Н.Ф. Михайлову³⁶².

Ещё в ходе второго пленума Новосибирского отделения СФК в 1988 г. был выдвинут ряд предложений по созданию в городе новых музеев и монументальных памятников. Заслуженный художник РСФСР А.С. Чернобровцев выступил с идеей создания в Новосибирске музеев теоретика космонавтики Ю.В. Кондратюка и маршала авиации А.И. Покрышкина. Прозвучали предложения создать в доме (угол ул. Советской и ул. М. Горького), где в 1930-е гг. работал Е.М. Ярославский, литературный музей. Также неоднократно озвучивалась инициатива создания музея архитектуры. Было предложено провести открытый конкурс на памятник Н.Г. Гарину-Михайловскому и установить памятники Дусе Ковальчук, семье Шамшиных, воинам-интернационалистам. Было поддержано предложение Е.Л. Глухих о создании в городе музея А.Н. Косыгина в доме, в котором его семья жила в 1930-е гг.³⁶³

В ходе заседаний Фонда в 1988–1989 гг. были поддержаны предложения установить в нишах Новосибирского театра оперы и балета скульптуры композиторов П.И. Чайковского и М.И. Глинки, рассмотреть (совместно с проектным объединением «Новосибирскгражданпроект») варианты реконструкции Театральной площади. Было составлено обращение о рассмотрении вопроса по установке памятника С.М. Кирову. Новосибирское отделение СФК активно участвовало в проектировании «Музея под открытым небом»: «Не ясна судьба Турнаевской церкви. Оставлять ли её на месте или везти

³⁶² ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 19. Л. 19-20.

³⁶³ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 5. Л. 8-9.

её в музей под открытым небом. Этот вопрос необходимо решить т. Мельникову М.Н. – председателю фольклорно-этнографической комиссии совместно с органами культуры и исполкома»³⁶⁴.

Специфика деятельности Новосибирского отделения СФК, отражающая стремление Новосибирска быть «столицей» и говорить от лица всей Сибири, проявилась и во внимании местной интеллигенции к проблеме культурно-экологического движения, создании национальных культурных центров³⁶⁵. В 1991 г. Новосибирское отделение Фонда выделило на проведение IV Всесоюзных Виноградовских чтений «Дети и народная культура» 1000 рублей.³⁶⁶ В июле 1991 г. было принято решение об организации при Новосибирском отделении СФК «Ассоциации возрождения языка, фольклора и культуры народов Сибири и Дальнего Востока» во главе с членом-корреспондентом АН СССР А.Д. Соктоевым ³⁶⁷. При участии Фонда были созданы татарский, немецкий, украинский, польский, еврейские центры, объединение «Народный Дом России». Д-р филол. наук, профессор, член президиума НО СФК М.Н. Мельников выступил с докладом «О развитии культурно-экологического движения народов, населяющих Новосибирскую область», в котором отметил, что «демократические процессы, происходящие в стране, гласность вскрыли реально существующие противоречия в развитии межнациональных отношений»³⁶⁸.

С момента своего создания Новосибирское отделение СФК оказывало посильную помощь областному архиву в деле формирования и сохранения личных архивов, архивов учреждений культуры и искусства Новосибирска и области³⁶⁹.

К концу 1991 г. Советский фонд культуры оказался в состоянии структурного кризиса. Основной проблемой этого периода стал вопрос о

³⁶⁴ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

³⁶⁵ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 18. Л. 69.

³⁶⁶ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 19. Л. 41.

³⁶⁷ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 18 Л. 8.

³⁶⁸ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.

³⁶⁹ Там же. Л. 10.

юрисдикции Фонда как общественной организации. О том, что происходило в те месяцы в Фонде, можно узнать из материалов выступления Н.И. Никульковой на заседании отделения 27 декабря 1991 г. Данная информация важна, поскольку раскрывает картину ценностных противоречий, возникших в среде советской интеллигенции к концу перестройки, поэтому позволим себе пространную цитату:

«На заседании правления областного отделения Н.И. Никулькова сообщила своим единомышленникам: “В связи с распадом Советского Союза союзные структуры переходят под руководство России. Советский фонд культуры и его глава академик Д. Лихачёв предложил Всероссийскому фонду культуры и его руководителю – писателю П. Проскурину объединиться для совместной деятельности на благо России, но Всероссийский фонд культуры отказался объединяться. На внеочередной конференции Всероссийского фонда культуры (октябрь 1991 г.) произошёл раскол. Более 40 областей и краёв России покинули конференцию и выразили желание перейти под руководство союзного фонда.

На конференции союзного фонда был утверждён новый устав нового фонда культуры, а сам фонд был переименован в Российский международный фонд культуры. Таким образом, в России образовалось два фонда культуры.

Линия Д. Лихачёва – защита культуры, восстановление памятников, музеев, библиотек, поиски ценностей за рубежом, оказание содействия юным талантам и коллекционерам и т. д. Линия Всероссийского фонда культуры (П. Проскурин) – в основном хозяйственная деятельность.

Наше отделение пытается объединить хозяйственную деятельность с работой по сохранению культурных ценностей, укреплению материальной базы учреждений культуры и искусства г. Новосибирска”»³⁷⁰.

Заметим, что не только разногласия по поводу ведения материально-хозяйственной работы стали причиной размежевания. Линия раскола проходила в плоскости традиционного российского дуализма – «западники» против «почвенников». В это же время аналогичный раскол переживал Союз писателей СССР. Раскол Фонда культуры стал ещё одним примером хрестоматийного

³⁷⁰ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

российского противостояния идеалов и ценностей. В итоге новосибирские активисты поддержали линию академика Д.С. Лихачёва и перешли (так же, как и их омские коллеги) под юрисдикцию Российского международного фонда культуры, ставшего чуть позднее Российским фондом культуры.

В условиях происходившего раскола филиалы, попадавшие под юрисдикцию обоих фондов, оказались в ситуации выпадения из централизованной структуры, возникли проблемы с финансированием отделения. В этих условиях Новосибирское отделение Фонда культуры начало интенсивнее развивать коммерческое направление работы. «...В частности, можно сослаться на небезуспешную издательскую и концертную деятельность нескольких основанных им малых предприятий. Ведь что касается благотворительной помощи крупных промышленных государственных предприятий города, то с сожалением приходится констатировать – она практически равна нулю. Заводам-гигантам сегодня впору самим побираться. Так что сама жизнь заставляет не только искать источники существования, но и создавать их», – резюмирует в начале 1992 г. один из активистов Новосибирского отделения РФК, журналист Ю.А. Ворончихин³⁷¹.

Кризис оказал существенное негативное влияние на работу организации. Несмотря на то, что к 1992 г. на базе Новосибирского отделения Фонда культуры сложился крепкий актив представителей местной интеллигенции и были намечены масштабные задачи, под угрозой срыва оказалась большая часть запланированных проектов. В том числе реализация программ, приуроченных к 100-летию Новосибирска. В «Обращении в связи со 100-летием Новосибирска», составленном в 1992 г., говорилось: «Горько осознавать, что хаос в стране, всеобщий развал и отсутствие средств не позволят отметить эту дату достойно, по-сибирски широко, интересно и весело, осуществить всё то, что было задумано и запланировано по случаю юбилея. Но люди продолжают созидать будущее даже в самые трудные времена. Свой пятидесятилетний юбилей город отмечал в годы

³⁷¹ Ворончихин Ю. Кто и почему выселяет президиум Новосибирского отделения фонда // Вечерний Новосибирск. – 1992. – 14 января.

войны. Новосибирцы и тогда нашли возможность встретить эту дату большими делами». Своё обращение члены Фонда культуры завершили призывом провести юбилей, в некотором роде «своими силами», если уж масштабное празднество оказалось в данный момент нереализуемым: «Давайте в наступающем юбилейном году дела свои – большие и малые – посвятим родному городу. Пусть каждый новосибирец, где бы он ни трудился и чем бы ни занимался, внесёт свою лепту: сделает что-то, даже самое простое, будничное, для своего дома, улицы, города. Это будет наш общий, необычный и достойный подарок юбиляру»³⁷².

На первом «постсоветском» заседании обновлённого Фонда звучали и конкретные предложения, касающиеся проблем исторической памяти. Преподаватель Новосибирской академии водного транспорта Л.В. Волкова озвучила идею организации «Музея старого Новониколаевска» и привлечения к этой работе жителей города: «Люди помогли бы собрать необходимое для его создания. Те, кто сумел сохранить то, что им оставили прабабушки и прадедушки»³⁷³. К.К. Сухарев предложил обратиться в печатные СМИ города, чтобы разместить на страницах городских газет информационные справки и статьи, посвящённые знаменитым новосибирцам (как героям ушедших эпох, так и современникам) А.Д. Крячкову, Ю.В. Кондратюку, М.А. Лаврентьеву, А.С. Чернобровцеву и др.³⁷⁴

Самой масштабной и наиболее значимой акцией, воплощённой в жизнь в 1980–1990-е гг., Новосибирского отделения Фонда культуры стало создание памятника воинам-сибирякам, павшим в боях в районе г. Белый Калининской (Тверской) области в годы Великой Отечественной войны. Рассматривая выше деятельность Омского отделения СФК, мы затронули данный сюжет. Для Новосибирска этот памятник был очень важен, поскольку инициатива его строительства принадлежала общественным и ветеранским организациям города и была поддержана властями Новосибирской и Калининской областей (позже к

³⁷² ГАНУ. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.

³⁷³ Там же. Л. 15.

³⁷⁴ Там же. Л. 22.

этому проекту присоединились другие регионы). Подробно история создания памятника рассказана нами на страницах научно-популярного альманаха «Омский краевед», поэтому мы вынесли её в раздел приложений (см. Приложение № 1).

Для деятельности Новосибирского отделения РФК в 1990-е гг. характерен акцент на проведение мероприятий, посвящённых изучению истории местной интеллигенции. Проведённая в начале 1993 г. мэрией города конференция, приуроченная к 100-летию Новосибирска, некоторыми специалистами была оценена критически. Историк и краевед И.Ф. Цыплаков охарактеризовал её как «неинтересную», «малолюдную» и отметил, что «ведущие учёные, историки, архивариусы не были приглашены к организации этой конференции»³⁷⁵.

21 октября 1993 г. состоялось очередное заседание НО РФК. Выступление историка С.В. Семёновой было посвящено истории развития православия и духовенства в дореволюционном Новониколаевске: «При храме Александра Невского была открыта первая школа. В 1907 г. священником Диомидом Чернявским были заложены сразу два храма. В 1913 г. построен кафедральный Вознесенский собор. Мир всегда жил благодарностью, а мы забыли этих людей. Зброшены их могилы, разбросанные по всей России. Необходимо отблагодарить их за сделанное, поднять их имена, рассказать о них, увековечить память». И.Ф. Цыплаков говорил о необходимости «показать и рассказать о стоявших у истоков культуры Новониколаевска» людях и предложил создать рабочую группу энтузиастов для издания альманаха или сборника, посвящённого выдающимся историческим личностям Новосибирска³⁷⁶.

В 1993 г. началась подготовка проводимой Фондом культуры конференции «Страницы истории Новосибирской области: люди, события, народная культура». Идея этого мероприятия была поддержана многими представителями новосибирской интеллигенции. Конференция состоялась 14 октября 1995 г. Активное участие в разработке программы приняли д-р ист. наук В.Л. Соскин и д-

³⁷⁵ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.

³⁷⁶ Там же. Л. 20.

р техн. наук А.С. Басин³⁷⁷. Оргкомитет возглавили директор Института истории СО РАН Л.М. Горюшкин и депутат Государственной Думы В.С. Липицкий³⁷⁸.

В марте 1994 г. в ходе очередного заседания регионального отделения РФК был утверждён перспективный план проведения мероприятий, способствующих раскрытию вклада интеллигенции в развитие культурной среды Новосибирска³⁷⁹. Согласно этому плану перед НО РФК были поставлены следующие задачи: подготовить и издать серию очерков о первых зачинателях культуры города; создать картотеку биографических данных выдающихся личностей, стоявших у истоков духовной культуры города; совместно с институтом права СО РАН и государственным педагогическим университетом подготовить и провести научную конференцию «Роль интеллигенции в становлении и развитии культуры и искусства города»; обратиться к руководству городского управления народного образования с просьбой рекомендовать школам проведение специальных уроков по культурному наследию города и привлечь к их проведению художественную интеллигенцию; обратиться в Новосибирский комитет по телевидению и радиовещанию с просьбой организовать передачи о первых просветителях; просить Государственный областной архив совместно с архивом Фонда культуры подготовить проекты буклетов о жизненном подвиге интеллигенции в период становления города и направить их в учреждения и организации народного образования и культуры; сформулировать идеи организации ряда мемориальных музеев выдающихся личностей, «которые бы явились не только формой их прославления, но и центрами просвещения новосибирцев в различных областях науки и художественной культуры и др.»³⁸⁰.

В 1995 г. Новосибирским отделением РФК совместно с областным краеведческим музеем был проведён смотр экспозиций районных музеев, посвящённый 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Итоги смотра

³⁷⁷ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.

³⁷⁸ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 79. Л. 8.

³⁷⁹ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.

³⁸⁰ Там же. Л. 11.

были обсуждены на заседании президиума Фонда, лучшие музеи были отмечены дипломами и премиями. По результатам этого мероприятия укрепились связи государственных районных музеев с культурно-просветительными общественными организациями, возникли новые музеи боевой славы и ратного подвига.

В рамках мероприятий по празднованию 60-летия создания Новосибирской области (1997) весной 1996 г. НО РФК совместно с комитетом по культуре областной администрации и отделением Союза женщин провели конференцию «Семья, дети, мир женщины». В ноябре 1997 г. член президиума НО РФК К.Б. Пальмина и автор памятника воинам-сибирякам под г. Белый, архитектор Г.Н. Туманик приняли участие в работе Первой научно-практической конференции «Роль сибирских соединений и частей в защите Москвы и освобождении Тверской земли», организованной «Фондом поддержки мемориала Славы» в Твери³⁸¹. В марте 1998 г. активисты Фонда культуры участвовали в создании и открытии в Новосибирске музея маршала авиации, трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина³⁸².

Проблемы функционирования и взаимодействия в Новосибирске сообществ гуманитарной интеллигенции обсуждались активистами Фонда культуры и во второй половине 1990-х гг. В 1997 г. в Москве состоялась отчётно-выборная конференция Российского фонда культуры, в результате которой Фонд был реорганизован в некоммерческую организацию. Произошли и изменения в Уставе и структуре. Ликвидировался президиум Фонда, а его председатель, режиссёр Н.С. Михалков, был избран президентом Российского фонда культуры. Интересен тот факт, что далеко не во всех региональных организациях согласились с принятием новой концепции. Члены Новосибирского отделения РФК отрицательно отреагировали на «реформы» и новый Устав, написанный «под Михалкова», и высказались за усиление автономии регионального отделения. А.С. Чернобровцев обратился к собравшимся членам новосибирского

³⁸¹ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 78. Л. 1-5.

³⁸² ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

филиала со словами: «Мы должны остаться самостоятельной организацией и не должны позволить РФК подмять нас под себя»³⁸³.

С А.С. Чернобровцевым согласились Е.Г. Гуренко, М.В. Титова, И.Ф. Цыплаков, В.Л. Соскин. Однако при столь очевидно выраженной оппозиции Новосибирского отделения главную идею прошедшей конференции – превращение Российского фонда культуры в некоммерческую организацию – участники заседания от 18 марта 1997 г. поддержали.

В том же 1997 г. в Москве прошёл «Конгресс интеллигенции России», на котором была принята «Декларация прав культуры». Этот документ создавался в качестве основы, устанавливающей новые подходы в культурной политике и взаимоотношениях власти и интеллигенции в сфере культуры. Работа конгресса проходила по трём направлениям: общество и власть; интеллигенция и реформы; особенности национального движения в России. С докладом о необходимости интеллектуальной свободы интеллигенции выступил академик Д.С. Лихачёв, первый руководитель Фонда культуры.

Делегацию от Новосибирска на конгрессе представляли четыре члена отделения РФК во главе с д-ром ист. наук, академиком А.П. Деревянко. По возвращении в Новосибирск члены РФК приступили к разработке «Кодекса чести интеллигенции» с привлечением к работе над ним всех творческих союзов города³⁸⁴.

В конце 1990-х гг. Новосибирский филиал Российского фонда культуры вернулся к рассмотрению вопроса о выделении в центре Новосибирска зоны, исторически связанной с начальным периодом строительства города. Снова прозвучало предложение о создании «улицы Мастеров» (на территории между улицами Каменской, Серебренниковской, Центральным парком культуры и ТЮЗом)³⁸⁵. Помимо этого Новосибирское отделение РФК обратилось в администрацию города по поводу создания Музея гармонии в квартире

³⁸³ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 74. Л. 4.

³⁸⁴ Там же. Л. 77.

³⁸⁵ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 34. Л. 26.

«легендарного музыканта, старейшего баяниста Сибири» И.И. Маланина в качестве филиала одного из музеев города³⁸⁶. Отметим, что Музей-студия сибирского баяна и гармонии им. И.И. Маланина был открыт в Новосибирске в 1998 г.

В 1997 г. Е.Г. Гуренко ушёл с поста председателя Новосибирского отделения РФК. В дальнейшем организацию возглавил предприниматель В.Ю. Гаврилов, позднее проведший реструктуризацию филиала и ставший президентом Новосибирского фонда культуры. Фонд обратился к издательской деятельности, проведению и финансированию научных исследований в области культуры, возрождению традиций меценатства и благотворительности³⁸⁷. Произошли изменения и в составе президиума, в который стали входить не только представители интеллигенции, но и крупные чиновники и бизнесмены. Ряд намеченных акций был реализован в 2000-х гг., но многие инициативы так и не были воплощены в жизнь.

Из вышесказанного можно сделать вывод о комплексности характера деятельности Российского фонда культуры. Благодаря инициативности членов этой организации, а также широкому сотрудничеству с другими культурно-просветительными обществами, научными институтами и вузами, органами местного самоуправления удалось сохранить возможность плодотворной работы даже в условиях изменений организационных структур и юридического статуса. При этом анализ источников подводит и к выводу о некоторой «половинчатости», незавершённости многих начинаний. Не испытывая дефицита в идеях и замыслах, активистами Омского и Новосибирского отделений СФК/РФК, однако, не были реализованы многие масштабные проекты (особенно это касается монументальных памятников и мемориалов). Заметим также, что проекты эти вовсе не были утопическими или невыполнимыми. Скорее речь тут идёт об оценке отдельных черт, свойственных гуманитарной интеллигенции. Формируя

³⁸⁶ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 80. Л. 19.

³⁸⁷ Российский фонд культуры. Новосибирский филиал Российского фонда культуры // Новосибирск – город XXI века: фотоальбом / авт. и рук. проекта В.Ю. Гаврилов. – Новосибирск: Новинвест плюс, 2004. – С. 222.

новые образы и символы, интеллигенция Омска и Новосибирска внесла свой вклад в конструирование неповторимого облика этих городов, но многие её представители оказались не способны отстоять свои идеалы в бюрократических «играх». В значительной степени лишившись после 1991 г. опеки со стороны областных управлений культуры, представители научных и творческих сообществ оказались не готовы к рутинной работе, хождению по кабинетам чиновников и «изысканию» средств на реализацию проектов у местных предпринимателей. Вероятно, поэтому многие масштабные проекты, как в Омске, так и в Новосибирске, остались нереализованными. Этот вывод подтверждает и «исключение в правиле» – подвижничество К.Б. Пальминой, не отказавшейся от идеи увековечения памяти воинов-сибиряков, погибших под г. Белый, даже в минуты, когда отчаяние охватывало автора мемориала, и временами практически в одиночку отстаивавшей необходимость доведения проекта до конца. Этот пример служит яркой иллюстрацией тезиса о том, как много иногда зависит от одного конкретного человека, если этот человек действительно «горит» делом, которым занимается.

§ 4. Историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» в Омске и Новосибирске: новые места памяти и региональная специфика

Наиболее болезненной в общественном дискурсе перестроечных и постперестроечных лет стала проблема оценки периода правления И.В. Сталина и массовых репрессий 1930–1950-х гг. Культуролог А.В. Святославский характеризует мемориализацию жертв политических репрессий в СССР как явление компенсаторного характера, реакцию на советскую официальную политику памяти: «...Формально репрессии были осуждены ещё самой партийной властью в 1956 г. (XX съезд КПСС), но при этом ни полномасштабной реабилитации невинных жертв той политики террора, ни тем более увековечения

их памяти не последовало»³⁸⁸.

В условиях ослабления политики государственного контроля над жизнью общества в период перестройки в 1987 г. в Москве возникает неформальная общественная организация «Мемориал», одной из основных целей которой стало не только полное и окончательное разоблачение преступлений эпохи правления И.В. Сталина, но и осуждение тоталитарного государства, «противопоставление ему демократической системы власти»³⁸⁹.

Многие региональные «Мемориалы» были образованы инициативными группами единомышленников, которые начали свою деятельность ещё до официального создания общесоюзной организации. В областных центрах Западной Сибири (Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул) свои «Мемориалы» действовали уже в 1988 г.

1 ноября 1988 г. в Омске состоялось собрание членов инициативной группы, в ходе которого обсуждался проект устава, цели и задачи деятельности создаваемого общества. По предложению активиста группы О.Е. Лепихина была создана секция «Поиск». Также были сформированы группы оказания юридической, материальной и моральной помощи гражданам, пострадавшим от репрессий, лекторская группа, пресс-группа, общественная приёмная, общественная комиссия по установлению мест захоронения жертв террора³⁹⁰.

В январе 1989 г. инициативная группа обратилась в горком КПСС, обком ВЛКСМ, к омским творческим объединениям художников, актёров, Омскому отделению ВООПИиК, другим общественным организациям с предложением выступить учредителями Омского отделения «Мемориала».

28–29 января 1989 г. в Москве состоялась учредительная конференция, в результате которой в стране появилась новая общественная организация – Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное

³⁸⁸ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов... – С. 416.

³⁸⁹ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

³⁹⁰ Цит. по описи. ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. С. 1.

общество «Мемориал». От омской инициативной группы на конференции присутствовали М.Н. Берман и О.Е. Лепихин. В апреле того же года в Омске состоялся вечер памяти жертв политических репрессий, после которого стала очевидна необходимость созыва региональной конференции.

Спустя месяц, 28 мая 1989 г., прошла учредительная конференция, принявшая решение о создании в Омске добровольного историко-просветительского общества «Омский мемориал». В тот же день был принят Устав организации, избрано правление и ревизионная комиссия. Председателем правления был избран преподаватель ОГПИ им. А.М. Горького, канд. ист. наук А.В. Минжуренко, заместителями – инженер М.Н. Берман и преподаватель техникума гражданской авиации И.И. Полуиков. Также в правление вошли преподаватель истории Омского техникума торговли Э.П. Оттен, преподаватели ОмГУ С.Н. Бабурин и И.К. Леонгардт, начальник отдела управления КГБ по Омской области Г.Н. Ичетовкин, рабочий О.Е. Лепихин. Представителями во Всесоюзном «Мемориале» стали О.Е. Лепихин и Э.П. Оттен. Присутствовали и члены организаций-учредителей: от Советского фонда культуры – Н.А. Томилов, от Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – В.Г. Титов³⁹¹.

Согласно уставу «Омского мемориала» одной из важнейших его задач стало «содействие восстановлению исторической правды о преступлениях сталинизма, о незаконных террористических методах управления государством, изучение их причин и следствий»³⁹². В качестве отдельного пункта следует выделить научно-исследовательскую деятельность, а именно «создание объективной картины истории советского периода применительно к омской земле, которая бы включала и хронику сталинских репрессий, и историю создания и функционирования учреждений т. н. ОмЛАГА»; анализ собранных документов, анкет, воспоминаний репрессированных; организацию выставок собранных свидетельств сталинских репрессий и создание постоянно действующего музея или экспозиции; координацию научно-исследовательских работ с научно-

³⁹¹ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

³⁹² Там же. Л. 1-4.

исследовательским центром в Москве и региональными организациями³⁹³.

Одной из первых акций, связанных с исторической памятью, в которой принял участие «Омский мемориал» (ещё до учредительной конференции), стало проведение в ноябре 1988 г. на базе Омского педагогического института «суда над сталинизмом». Инициаторами этого «процесса» выступили студенты исторического факультета, но активное участие в мероприятии приняли и другие подразделения института. В качестве свидетелей организаторы суда пригласили жителей Омска, чьи родственники подверглись преследованиям во времена правления И. Сталина. На «процессе» выступил 86-летний житель города А.П. Сивец, пострадавший от сталинских репрессий³⁹⁴.

«Суд над сталинизмом» нашёл отражение в журналистских очерках, а также в письмах жертв репрессий, которые они писали в редакции омских газет. Присутствовавшая на суде Е. Дубровская на страницах газеты «Молодой сибиряк» рассказала о реакции студентов-историков в отношении вынесенного приговора: «Уже был поддержан приговор большинством голосов. “Единственной справедливой и законной мерой наказания сталинизма станет его полная ликвидация и как явления в целом, и как пережитка в сознании советских людей”»³⁹⁵.

Большинство региональных отделений «Мемориала» на своих учредительных конференциях выдвинули в качестве одной из главных задач сооружение в областных центрах монументов памяти жертв политических репрессий³⁹⁶. Единая концепция памятников не была предусмотрена: в каждом регионе самостоятельно решали, как должен выглядеть памятник или памятный знак. Однако уже в начале 1990-х гг. сложилась неформальная традиция – установление памятных камней-валунов. Осенью 1990 г. в Москве в сквере возле Политехнического музея был открыт памятник жертвам репрессий, известный как

³⁹³ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 21. Л. 4-5.

³⁹⁴ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.

³⁹⁵ Дубровская Е. Приговор привести в исполнение... // Молодой сибиряк. – 1988. – 7 декабря.

³⁹⁶ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 55. Л. 2; ГАНУ. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

«Соловецкий камень». Он представлял собой гранитный валун, привезённый с территории Соловков, где располагался один из первых и наиболее известных советских концлагерей – СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения).

Подобная практика получила распространение и в регионах. Один из первых памятников жертвам репрессий в городах Западной Сибири появился в Томске в 1992 г. Летом 1989 г. в сквере, разбитом на территории бывшей тюрьмы томского НКВД, торжественно был установлен камень из серого гранита с надписью «На этом месте будет оборудован сквер памяти жертвам политических репрессий». В результате продолжавшихся около двух лет обсуждений проекта памятника решено было не убирать закладной камень, а, наоборот, сделать его доминантной составляющей памятника, соорудив над ним символическую мраморную арку с текстом³⁹⁷.

«Создание памятника или памятного знака всем жертвам репрессий, установление в местах бывших лагерей, спецпоселений, в местах массовых захоронений, расстрелов» – основные задачи Омского отделения общества «Мемориал» в конце 1980-х – начале 1990-х гг.³⁹⁸ Но уже на стадии обсуждения текста надписи на памятнике между активистами организации возникли разногласия. Если в Томске наибольший резонанс вызвал эпитет «большевистский» перед словом «террор», то в Омске общественность оказалась ещё более консервативной. Представители омской гуманитарной интеллигенции, многие из которых сотрудничали с «Омским мемориалом», никак не могли подобрать к наименованию монумента необходимую «примирительную» интонацию. Из названия «жертвам тоталитарного коммунистического режима» сначала исчезло слово «коммунистического». Затем «режим» превратился в «тоталитарные сталинские репрессии». Через некоторое время репрессии стали исключительно «сталинскими». Вероятно, эти метания членов «Омского мемориала» можно объяснить не только желанием прийти к компромиссному варианту, не превращая создание памятника в акт гражданской розни, но и тем,

³⁹⁷ Кашцев Н. Над камнем Скорби – мраморная арка // Томский вестник. – 1992. – 28 октября.

³⁹⁸ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

что омские чиновники (в отличие от их коллег из Томска) не спешили помогать «мемориаловцам» в деле увековечивания памяти репрессированных.

С начала 1990 г. «Омский мемориал» организует сбор средств на установку памятных знаков. К этому времени организация уже получила известность в городе. Началось сотрудничество с омскими промышленными предприятиями (большинство крупных заводов города были построены в 1930–1950-е гг. руками заключённых). Обществу помогали Омское отделение железной дороги, производственное объединение им. П.И. Баранова, ПО «Полёт», шинный завод и др. Председатель правления Омского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское и правозащитное общество “Мемориал”» Т.П. Мордкович рассказала, что гранитный камень-валун, ставший памятным знаком жертвам репрессий, был подарен общественной организации одним из горожан³⁹⁹. В октябре 1991 г. напротив здания Омского горисполкома состоялся двухчасовой пикет, организованный членами регионального отделения общества «Мемориал». В день памяти политзаключённых, 30 октября, «мемориаловцы» выразили протест против волокиты городских властей, которые в течение длительного времени не смогли определить место для установки камня под основание будущего памятника жертвам сталинских репрессий⁴⁰⁰.

За пикетом 30 октября последовало ещё несколько. Только после этого тогдашний руководитель города Г.А. Павлов выдал разрешение на установку памятного камня. Камень с закреплённой доской с надписью «Жертвам сталинских репрессий» был установлен на территории Первомайского сквера, напротив областного управления КГБ (бывшего здания НКВД на ул. Ленина). 24 ноября 1991 г. памятник был торжественно открыт и освящён при большом стечении народа⁴⁰¹. Возле памятного знака состоялся траурный митинг, на котором выступили тогдашний руководитель «Омского мемориала»,

³⁹⁹ Запись личной беседы с Т.П. Мордкович / записано С.С. Наумовым в мае 2020 г. // Личный архив автора.

⁴⁰⁰ Хотят узнать, куда поставить камень // Сибирская газета. – 1991. – 11-17 ноября.

⁴⁰¹ Дорогой убитых отцов (К 25-летию деятельности омского отделения «Мемориал»). – Омск, 2013. – С. 3.

представитель президента РСФСР по Омской области А.В. Минжуренко, глава Администрации Омска Ю.Я. Шойхет (он сменил Г.А. Павлова на посту мэра города за неделю до открытия памятника), представители различных религиозных конфессий, бывшие узники ГУЛАГа. К памятному знаку были возложены венки и цветы⁴⁰².

В 1992 г. в связи с изменившейся политической обстановкой в стране был скорректирован устав Общества. Из учредителей организации был выведен обком ВЛКСМ, убрано слово «социалистического», Общество отказалось от практики коллективного членства: приём новых членов по новому уставу получили право производить правление или конференция отделений.

Основная работа «Омского мемориала» в 1992–1994 гг. заключалась в сборе средств на памятник, его сооружение, а также оказание материальной помощи гражданам, пострадавшим от репрессий. По итогам открытого конкурса предпочтение было отдано проекту главного архитектора Омской области М.М. Хахаева. Ещё до начала обсуждений М.М. Хахаев заявил членам «Омского мемориала», что готов работать над проектом будущего памятника без гонорара, в свободное от основной трудовой деятельности время. Архитектор считал, что такие трагедии, как война или массовые репрессии, трудно выразить в скульптуре, поэтому замысел М.М. Хахаева предполагал лаконичное, но вместе с тем символическое решение: «В сквере, известном как Сад пионеров, вырастет простая часовня, на невысоком холмике, внутри которого – небольшой музей с Вечным огнём. У входа – два гранитных камня, как символ могил. Белая часовня поднимется посреди зелёных елей, как свеча – всем павшим, униженным и оскорблённым...»⁴⁰³

В основание памятника было решено засыпать землю с мест захоронений омичей, собрав её в лагерях, колониях, тюрьмах бывшего СССР.

В ходе заседания градостроительного совета Омска 29 января 1993 г. вопрос о месте установки памятника жертвам репрессий был решён. Памятник

⁴⁰² Петрова Т. Мысли у камня скорби // Омская правда. – 1991. – 30 ноября.

⁴⁰³ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

предполагалось установить в центре сквера им. Павлика Морозова, в юго-восточной части которого находилась областная Доска почёта. После принятия окончательного решения «Омский мемориал» и комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при областной администрации выступили с обращением к горожанам, в котором призвали всех неравнодушных омичей перечислять личные денежные средства, необходимые для изготовления монумента, на расчётный счёт Общества⁴⁰⁴.

Строительство памятника жертвам репрессий длилось больше полутора лет. Активная его фаза началась весной 1994 г., когда были собраны необходимые средства. В июле 1994 г. Омск посетил А.И. Солженицын. В один из дней своего пребывания в городе он вместе с членами «Омского мемориала» побывал на строительной площадке. Именно А.И. Солженицын стал первым, кто засыпал горстку земли в основание монумента.

Создание в Омске памятника жертвам политических репрессий обострило лежащие в плоскости проблематики исторической памяти конфликты. Летом 1994 г. председатель «Омского мемориала» Р.А. Горбунов, архитектор М.М. Хахаев и консультант проекта памятника, краевед Ф.К. Надь вынуждены были письменно обратиться к начальнику УВД Администрации Омской области Е.А. Стороженко с просьбой о принятии мер по охране строящегося объекта и усилении патрульно-постовой службы в сквере им. Павлика Морозова. Основанием для подобной просьбы стали «анонимные звонки с угрозами взорвать памятник, а также угрозы в адрес автора проекта, областного архитектора М.М. Хахаева»⁴⁰⁵. По словам членов «Мемориала», угрозы начались весной 1994 г. сразу после того как началось строительство. «На основании этого мы сделали вывод о том, что в г. Омске имеется некоторое число экстремистов, возможно имеющих в прошлом прямое отношение к массовым репрессиям. Их ненависть и злоба не оставляют у нас сомнений в том, что они способны пойти на крайние меры, чтобы обострить обстановку. Открытие памятника намечено на сентябрь. Мы предполагаем, что

⁴⁰⁴ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 70. Л. 8.

⁴⁰⁵ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.

возможны акции, направленные на срыв этого мероприятия», – резюмировали авторы письма. В интервью корреспонденту газеты «Новое обозрение» М.М. Хахаев рассказал, что «ему несколько раз звонили домой с подобными угрозами». Один раз неизвестный мужчина даже пришёл в служебный кабинет к архитектору и «почти час пытался доказать, что лучше Сталина не было правителя на Руси. А к политическому террору против собственного народа он якобы не имеет никакого отношения»⁴⁰⁶.

Участие в сборе средств на строительство памятника жертвам репрессий приняли муниципальные власти, предприятия и частные лица, в том числе проживающие в других городах. Наибольший взнос внесла Администрация Омской области (100 млн из 111 млн рублей, пошедших на строительство). Несколько раз сроки открытия памятника переносились, но 16 октября 1994 г. «Омским мемориалом» при поддержке областной администрации напротив здания Главпочтамта, в сквере им. Павлика Морозова был открыт памятник «Жертвам массовых политических репрессий». Композиция памятника представлена в виде открытой часовни, состоящей из четырёх арок, соединённых крестообразной крышей, с куполом на небольшой круглой колонне. «На опорах установлены мемориальные доски со списком лагерей и тюрем, с мест расположения которых была привезена земля и засыпана в крипту под полом часовни. Из этой земли сквозь плиту пола пробивается росток. Вверху укреплен безъязыкий колокол с надписью “Исповедуемся перед всемогущим Богом и людьми – мы были невиновны”»⁴⁰⁷.

В городской газете «Вечерний Омск» в те дни вышла статья Е. Стреленко под заголовком «Простите наше бездействие!», рассказывающая об открытии памятника: «Воскресный день выдался светлым, как светла сама память о погибших. Прошлое не вернёшь. Но нельзя забывать его уроки. Наверное, не полностью осмысливали всё происходящее в парке внуки и правнуки тех, кто когда-то чувствовал на своей щеке дыхание смерти. А они – мужья, жёны, дети,

⁴⁰⁶ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 60.

⁴⁰⁷ Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска... – С. 60.

которых ангелы-хранители защитили от гибели, – обращались к праху своих близких: “Простите наше молчание. Простите наше бездействие”»⁴⁰⁸.

Примечателен тот факт, что Омск стал одним из немногих сибирских городов, где память жертв репрессий была увековечена сразу двумя мемориальными объектами, установленными в разных (но в обоих случаях символических) местах и с небольшим временным разрывом между сооружениями – памятным знаком напротив бывшего УКГБ по Омской области и памятником-часовней в сквере им. Павлика Морозова. Омский камень-валун не стал основанием для будущего памятника, а превратился в отдельное место памяти. После сооружения памятника в 1994 г. прозвучало предложение перенести валун также в сквер им. Павлика Морозова. Члены «Омского мемориала» категорически отвергли эту инициативу. Своё несогласие они мотивировали тем, что установленный в 1991 г. камень «отражает историю развития нашего государства и дух того времени», а «установка и открытие Камня является вехой в деятельности общественной организации “Омский мемориал”». В качестве третьей важной причины невозможности переноса памятного камня послужил тот факт, что камень был установлен именно на этом месте, потому что напротив располагалась внутренняя тюрьма НКВД, «где производились расстрелы ни в чём не виновных людей»⁴⁰⁹.

Деятельность общества «Мемориал» в 1990-е гг. в контексте изучения формирования исторической памяти привлекает внимание исследователей значительными напластованиями фактологического материала. Наиболее острые дискуссии среди интеллигенции в указанный период возникали как раз вокруг событий, связанных с периодом отечественной истории с 1917 по 1953 г. Это ярко иллюстрируют не только мероприятия по сооружению памятника и памятного знака жертвам репрессий, но и инициативы по изданию «Книги памяти Омской области» и установке мемориальных досок на местах захоронений политзаключённых – основные акции «Омского мемориала» второй половины

⁴⁰⁸ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 18.

⁴⁰⁹ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 52. Л. 30.

1990-х гг. Природа этих коммеморативных конфликтов становится понятна при обращении к материалам переписки членов Общества между собой, с представителями власти, учёными и деятелями культуры.

Работавшая с архивными фондами новосибирского «Мемориала» историк Е.И. Красильникова обращает внимание на то, «что многие люди, разочарованные в вожде и проклинавшие в застенках НКВД и лагерях Сталина и его окружение, и в 1990-х гг. демонстрировали веру в светлые революционные идеалы»⁴¹⁰. Этот вывод подтверждается анализом делопроизводственной документации «Мемориала», хранящейся в Историческом архиве Омской области. На учредительной конференции 1989 г. была озвучена платформа омской инициативной группы, один из основных тезисов которой был сформулирован так: «Сталинизм – это идеологическое обоснованное и практическое воплощение административно-командной системы управления обществом, административно-командная система, какую бы форму она ни принимала – сталинизм, брежневизм и т. д. – противоречит ленинскому пониманию природы социализма»⁴¹¹.

Показательно характерное для периода перестройки гласное отмежевание от недавнего периода «застоя» и характеристика советских руководителей 1960-х – середины 1980-х гг. как прямых последователей Сталина: «Брежневщина – это доведение сталинизма до абсурда, до своей противоположности. Здесь видна попытка растащить тираническую власть одного вождя по кабинетам “вождей” – бюрократов»⁴¹².

В самом начале деятельности общества «Мемориал» его базовые ценности полностью совпадали с официально озвученными принципами новой государственной политика памяти. Создание Общества руководители «Мемориала» характеризовали как одну из форм «поддержки “снизу” политики демократизации и гласности»⁴¹³. При этом участники учредительной

⁴¹⁰ Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.)... – С. 345.

⁴¹¹ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

⁴¹² Там же. Л. 2.

⁴¹³ Там же. Л. 4.

конференции 1989 г. были убеждены в том, «что нельзя выводить сталинизм из марксизма или социализма. Сталинизм – это извращения, которые Сталин и его окружение внесли в теорию и практику социализма»⁴¹⁴. Но очень скоро ситуация начала меняться. В 1990 г. в разговоре с О.Е. Лепихиным и М.Н. Берманом краевед Ф.К. Надь, беседовавший со многими свидетелями событий гражданской войны в Сибири, высказал мысль, что «репрессии начались ещё в 1918–1919 годах», когда в результате деятельности И.В. Сталина в Царицыне «были утоплены баржи с военнопленными»⁴¹⁵.

Как мы упоминали выше, ещё в 1991 г. в ходе работы по сооружению камня-валуна возникла полемика вокруг текста надписи на памятном знаке. Один из обсуждаемых вариантов, звучавший как «жертвам тоталитарного коммунистического режима», сам по себе предполагал выход за хронологические рамки сталинской эпохи. В первой половине 1990-х гг. часть членов Общества стремительно радикализировалась в своём отношении не только к «сталинскому», но и к другим периодам советской истории. Наиболее последовательную позицию в этом вопросе отстаивал Р.А. Горбунов, возглавивший «Омский мемориал» в 1993 г. На открытии памятника жертвам политических репрессий в октябре 1994 г. он отметил, что возведением этого монумента «Омский мемориал» увековечил исторический этап, который «прошла Россия совместно со всеми странами и народами бывшего Советского Союза после 25 октября (7 ноября) 1917 года»⁴¹⁶. Этот тезис, в более развёрнутом варианте, Р.А. Горбунов повторил в ходе доклада на встрече с репрессированными 30 октября 1995 г.: «За последние годы открылись многие архивы МВД и современной ФСБ, и народ узнал, какие чудовищные размеры приняли политические репрессии в нашей стране начиная с 25 октября 1917 года и за весь период построения коммунистического общества... Можно сказать, что революция и гражданская война обошлись народу в 25 миллионов жизней. Коллективизация и индустриализация унесли около 12

⁴¹⁴ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

⁴¹⁵ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

⁴¹⁶ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 53.

миллионов человек. Вторая Мировая война – 45 миллионов человек. Голод 1946–1947 годов – 1 миллион человек. В итоге – 83 миллиона человек»⁴¹⁷.

Озвучивая статистику жертв политического террора в период с 1929 по 1953 гг., Р.А. Горбунов ссылался (по его словам) на данные, приводимые в текстах одного из наиболее известных в те годы российских историков, автора популярных трудов, генерал-полковника, профессора Д.А. Волкогонова: «за 1929–1953 гг. жертвами государственного террора стали от 19,5 до 22 миллиона человек. Известны данные объектов ГУЛАГа – 1976 лагерей, 273 тюрьмы и 85 психтюрем»⁴¹⁸.

Выступая на траурном митинге, посвящённом дню памяти жертв политических репрессий, 30 октября 1996 г. Р.А. Горбунов вновь огласил приводимые им за год до этого данные, подчеркнув, что точкой отсчёта террора в стране следует считать вовсе не 1937-й, а именно 1917 год: «Политические репрессии начались в нашей стране в первые же дни после Октябрьской революции... Если учесть неточность подсчётов, то, отбросив 10 миллионов человек, приходим к цифре 73 миллиона человек – цена построения социалистического общества в нашей стране начиная с октября 1917 года»⁴¹⁹.

В контексте изучения практик трансляции и трансформации исторической памяти интерес вызывает и «персональная эволюция» взглядов руководителя «Омского мемориала», говорившего на заседании инициативной группы 24 марта 1989 г. о «колчаковском терроре» и считавшего, что если бы не было иностранной интервенции, то революция прошла бы «без такой большой крови» и что «грех забывать о морях крови, когда прошёл белочешский мятеж»⁴²⁰.

Следует полагать, что принципиальность позиции Р.А. Горбунова и его соратников в вопросе о том, какую дату следует считать началом массового террора, стала одной из причин, почему в Омске так и не был реализован проект

⁴¹⁷ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 95. Л. 12-13.

⁴¹⁸ Там же. Л. 12.

⁴¹⁹ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 52. Л. 33.

⁴²⁰ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

установки мемориальных досок на местах захоронений политзаключённых⁴²¹. На одном из заседаний Общества был утверждён текст: «На этом месте захоронены жертвы тоталитарного коммунистического режима. Россия скорбит и помнит»⁴²². 11 октября 1994 г. вопрос о мемориальных досках рассматривался на заседании городской монументальной комиссии. Мнения экспертов по данному вопросу разделились. Историк, профессор педагогического университета В.М. Самосудов высказал мнение, что при наличии в центре города памятника и памятного камня установление дополнительных досок является нецелесообразным. Писатель и краевед И.Ф. Петров обосновал своё несогласие предположением, что установление мемориальных досок с указанным текстом на жилых домах является неэтичным «т. к. не может не влиять на настроения обитателей домов»⁴²³.

Спустя месяц, 9 ноября 1994 г., Р.А. Горбунов направил письмо на имя мэра Омска В.П. Рощупкина, в котором раскрыл причины, по которым проект мемориальных досок не удалось реализовать. По словам руководителя «Омского мемориала», в июне 1994 г. он встречался с двумя учёными-историками (следует полагать, что одним из них был В.М. Самосудов, занявшийся темой массовых репрессий во второй половине 1980-х гг.), после чего ему «стало ясно, что они против вышеуказанных слов и ограничивают время рамками 30–50-х годов». В итоге некоторый компромисс был достигнут: администрация города отказалась от варианта текста, согласно которому репрессии ограничивались 1930-ми гг., а руководство «Омского мемориала» готово было изменить надписи с «жертв тоталитарного коммунистического режима» на «жертвы политических репрессий». Однако на состоявшейся 29 октября встрече репрессированных, организованной Обществом, участниками собрания было высказано единогласное

⁴²¹ Прим. Изначально предполагалось установить пять мемориальных досок: на административном здании автохозяйства по ул. 20 лет РККА; на административном здании общества слепых по ул. Герцена, 268; на здании ремесленного училища по ул. Герцена, 319; на здании клуба воинской части № 63779 по ул. Красный Пахарь; в сквере напротив Омского государственного университета (территория бывшего кладбища, пос. Захламино).

⁴²² ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 83. Л. 1-5.

⁴²³ Там же. Л. 10.

пожелание, чтобы текст на отлитых мемориальных досках оставался прежним»⁴²⁴.

Конфликт руководителя «Омского мемориала» Р.А. Горбунова с профессором В.М. Самосудовым усилился во время работы над «Книгой Памяти» жертв политических репрессий в Омской области. Об этом свидетельствует письмо, написанное Р.А. Горбуновым на имя главы Администрации Омской области Л.К. Полежаева. В июне 1995 г. состоялось очередное заседание общественного совета при областной администрации по изданию книги «Памяти жертв политических репрессий в г. Омске и Омской области». Еще 12 апреля совет принял решение считать датой начала репрессий в Омской области 25 октября 1917 г. Выступая на летнем заседании, В.М. Самосудов предложил начинать отсчёт репрессий с момента изгнания из Омска колчаковских войск в ноябре 1919 г.⁴²⁵

В письме губернатору Р.А. Горбунов поясняет, почему он не считает возможным дальнейшее сотрудничество с В.М. Самосудовым: «Я, как председатель общества “Омский мемориал”, имею полное моральное право заявить Вам, Леонид Константинович, о том, что предлагаемый в проекте Решения на должность главного редактора книги профессор Самосудов В.М. не может быть главным редактором и членом общественного Совета по изданию книги “Памяти жертв политических репрессий” из-за того, что он не освободился от старого идеологического мышления, которое сужает его видение истории и не даёт воспринимать новейшие исследования истории (предлагает включить в книгу жертв правления Колчака А.В., если временные рамки событий будут начинаться с октября 1917 г.). Об этом я заявил на последнем заседании общественного совета. Если в Решении будут приняты временные рамки событий начиная с октября 1917 г., то в принятом Решении можно будет пока оставить должность главного редактора книги без персональной фамилии, т. к. за время подготовки материалов в архивах руководство обществом найдёт историка, достойного быть главным редактором книги “Памяти жертв политических

⁴²⁴ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 83. Л. 8.

⁴²⁵ ГИАОО. Ф.9704. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

репрессий»⁴²⁶.

Воспоминания о сталинской эпохе, актуализированные в 1990-е гг., явили собой пример глубокой исторической травмы. Дискуссии на тему осмысления сталинизма оказались столь горячими, что порой могли развести «по разные стороны баррикад» людей, являвшихся в иных обстоятельствах соратниками-единомышленниками. В разгар работ по установке памятника жертвам репрессий в Омске в 1994 г. на страницах местных газет развернулась полемика между писателем-краеведом И.Ф. Петровым и автором проекта, архитектором М.М. Хахаевым. В одной из своих публикаций И.Ф. Петров высказался, что памятник должен стоять на месте захоронения жертв репрессий 1930-х гг., но не в сквере в центре Омска. Такая позиция возмутила М.М. Хахаева, и он отреагировал достаточно резко.

Выступая с критикой позиции И.Ф. Петрова, М.М. Хахаев писал: «Важно, по мнению И.Ф. Петрова, “чтобы памятник стоял над прахом жертв, а не на пустом месте”. Вот как. Непременно на костях тысяч – так считает писатель в феврале 94-го года... А теперь посмотрим, как считал писатель И.Ф. Петров год назад в своей публикации в “Вечернем Омске” от 13 февраля 1993 года. Вот его предложения о месте памятника: Городок водников, где есть памятник жертвам колчаковского террора; на левом берегу Иртыша, рядом с мемориалом Победы; мемориальный сквер Борцов Революции. Где же тут кости тысяч жертв репрессий? Нет, Ивана Фёдоровича год назад привлекла идея национального миротворца: “Давайте начнём с того, что помирим мёртвых и создадим общий мемориал – все они были жертвами охватившего страну безумия”... Видимо, догадавшись позднее, что эти предложения просто безнравственны, Иван Фёдорович круто меняет позицию и предлагает в последней публикации бывшее Шепелевское, или Казачье кладбище, или другие места, где предположительно есть могилы репрессированных»⁴²⁷.

Как мы уже отмечали, проект памятника жертвам политических репрессий

⁴²⁶ ГИАОО. Ф.9704. Оп. 1. Д. 96. Л. 19.

⁴²⁷ ГИАОО. Ф.9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 61.

был реализован несколько иначе: в основу памятника была заложена привезённая с мест массовых захоронений и концлагерей земля.

Создание памятника жертвам политических репрессий стало наиболее значительным мероприятием «Омского мемориала» 1990-х гг. Но в эти же годы проводилась активная работа по поиску и сбору документов, воспоминаний очевидцев, материальных реликвий, связанных с фактами и обстоятельствами репрессий. Группа «Поиск» (М.Н. Берман, О.Е. Лепихин, В. Назаров) провела большую работу по розыску захоронений репрессированных на территории Омска и области. Совместно с сотрудниками газеты «Молодой сибиряк» члены группы «Поиск» выезжали в экспедиции на обследование поселения Кулай Тарского района Омской области. Ещё в 1989 г. члены только что созданного «Омского мемориала» обращались в УКГБ СССР по Омской области с призывом – рассмотреть вопрос об организации Музея памяти жертв сталинских репрессий в помещении бывшей внутренней тюрьмы в НКВД – МГБ в Омске⁴²⁸. Однако эта инициатива не была реализована.

В октябре 1997 г. состоялась научная конференция «Омского мемориала» «60-летие большого террора. Памяти жертв репрессий», в которой приняли участие работники учебных заведений города, госучреждений, общественных организаций⁴²⁹. С докладами выступили руководители «Омского мемориала». Р.А. Горбунов, Э.П. Оттен, преподаватели ОмГУ и ОмГПУ, историки В.М. Самосудов, М.Е. Бударин, Ж.Е. Левина, В.Ш. Назимова, В.Г. Рыженко, М.А. Мамонтова, Ю.Н. Ярзуткин, филолог Е.И. Петрова, архивист Л.И. Огородникова, театральная работница С.В. Яневская, главный редактор «Книги памяти жертв политических репрессий на Омской земле» Г.Н. Орлов, председатель Комиссии по восстановлению прав реабилитированных П.В. Князев и др.⁴³⁰

Отметим, что из рассматриваемых нами культурно-просветительных

⁴²⁸ ГИАОО. Ф.9704. Оп. 1. Д. 19. Л. 11.

⁴²⁹ ГИАОО. Ф.9704. Оп. 1. Д. 98. 46 л.

⁴³⁰ 60-летие большого террора. Памяти жертв репрессий: материалы науч. конф. (Омск, 21 октября 1997 г.) / под ред. Л.В. Рачек. – Омск: ОмГУ, 1998. – 88 с.

обществ «Мемориал» выделяется тем, что его сложно отнести к организациям, которую по типологическим характеристикам можно было бы считать сугубо сообществом интеллигенции. Правозащитный аспект деятельности Общества предусматривал участие в его жизни не только представителей научно-гуманитарной и творческой интеллигенции, но также и рабочих, служащих, военных – всех, кого в той или иной степени затронули массовые репрессии. Председатель «Омского мемориала» с 1993 по 1997 г., инженер по образованию, Р.А. Горбунов в те годы работал грузчиком в Омском аэропорту⁴³¹.

В Новосибирске спектр научных сотрудников и историков – членов «Мемориала», по уже рассмотренным нами причинам, был представлен шире. Однако и в этом городе степень участия в жизни Общества людей, не связанных согласно профессиональному критерию с научной и творческой работой, оказалась значительна. Среди собравшихся на учредительной конференции были рабочие городских предприятий, медицинские работники, офицеры запаса, студенты и т. д.

Подготовительное собрание Новосибирского отделения общества «Мемориал» состоялось 18 декабря 1988 г. Изначально главной задачей инициативной группы новосибирцев стало создание памятника, который «будет вечно напоминать живущим о том, что чудовищные преступления Сталина и его окружения против собственного народа стали возможны из-за слепой веры одних, равнодушия других и малодушия третьих»⁴³². В результате заседаний, проведённых инициативной группой, в 1988 г. было принято решение присоединиться к общесоюзному движению «Мемориал» и объединить совместные усилия в качестве Новосибирского отделения Всесоюзного историко-просветительского и правозащитного общества.

Осенью 1988 г. в газете «Наука в Сибири» было опубликовано обращение инициативной группы «Мемориала» к жителям Новосибирска с призывом создавать ячейки Общества в своих рабочих организациях, включаться в работу

⁴³¹ ГИАОО. Ф.9704. Оп. 1. Д. 52. Л. 23.

⁴³² ГАНО. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

по собору воспоминаний и документов, свидетельств, «которые должны составить основу народного архива»⁴³³.

На IV организационной конференции Новосибирского «Мемориала» были избраны делегаты-новосибирцы для участия в учредительной конференции общества в Москве 29 января 1989 г. Всего было избрано 14 человек, среди которых были журналист А.В. Жуков и канд. геогр. наук, научный сотрудник Института истории СО АН СССР, бывший узник сталинских лагерей Л.С. Трус⁴³⁴.

Протоколы организационных собраний Новосибирского отделения общества «Мемориал» позволяют нам представить спектр проблем и противоречий, которые возникали внутри организации в период её становления. Уже в ходе первых оргконференций наметилась тенденция к возникновению двух течений внутри Общества (выше мы рассматривали возникновение подобной ситуации на примере омского «Мемориала»), которые мы можем условно именовать «умеренно-консервативным» и «радикальным».

Представители «умеренного» крыла были представлены по большей части людьми, склонными отделять жертв Октябрьской революции 1917 г., гражданской войны, «красного террора», коллективизации от жертв сталинских репрессий 1930–1950-х гг. Так, зампреда оргкомитета новосибирского «Мемориала» И.Ю. Аристов выступил с предложением установить Днём памяти жертв политических репрессий день убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.), которое послужило поводом к началу чисток, известных как «большой террор» 1930-х гг.⁴³⁵ Пенсионерка М.М. Бородина, дочь участника гражданской войны, расстрелянного в 1937 г., высказалась за перенос захоронения И.В. Сталина из некрополя у Кремлёвской стены, а также за новую массовую публикацию доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС, но предложение объявить Днём памяти репрессированных 7 ноября назвала кощунственным⁴³⁶. Солидарным с

⁴³³ Мемориал // Наука в Сибири. – 1988. – 13 октября.

⁴³⁴ ГАНУ. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

⁴³⁵ Там же. Л. 4-5.

⁴³⁶ Там же. Л. 7.

выступлением М.М. Бородиной оказался рабочий новосибирского завода «Электросигнал» Ю.Г. Мордыщенко, предложивший сделать Днём памяти «день, когда Сталин стал генсеком». За перенос могилы, а также «отмену срока давности по отношению к Сталину и другим преступникам» выступила учитель из пос. Красный Яр В.В. Бондарь. При этом она также заявила, что «день 7 ноября не может стать днём памяти». Член КПСС Бердичевский⁴³⁷ обратился к собранию с призывом не допускать на конференции выступлений, дискредитирующих советскую власть, и заметил, что «важное дело “Мемориала” – найти людей, которые в тот период боролись со Сталиным»⁴³⁸.

Е.М. Никитина, дочь репрессированного, в своём выступлении обратила внимание, что ответственность за преступления 1930-х гг. несёт не только сам диктатор, но послушное большинство, готовое принять и утвердить его диктатуру: «Я встретила человека в Грузии, который сказал мне, что это вы, русские, его сами возвеличили. Общество само родило своих преступников. Не было в истории человечества такого тирана, как Сталин. Его надо убрать из Кремлёвской стены». Последнее предложение не поддержал Г.Ф. Валкулин, который высказался за сохранение могилы И.В. Сталина в Кремлёвском некрополе в качестве объекта исторического наследия: «Я против того, чтобы убрать Сталина из кремлёвской стены. Тогда и пирамиды Хеопса надо разрушить, и Медного всадника убрать. Это наша история, какова бы она ни была»⁴³⁹.

Выступления «радикалов» также отличались эмоциональностью, а само «радикальное» направление в большинстве своём было представлено членами демократических политических организаций. Редактор независимого журнала «Гласность» А.П. Мананников говорил о необходимости установления границ периода репрессий. По его мнению, «репрессии тоталитарного режима начались с 8 ноября 1917 года». Днём памяти жертв репрессий он предложил сделать 20

⁴³⁷ Прим. Некоторые фамилии участников областного подготовительного собрания НО ВДМПО «Мемориал» указаны в протоколе заседания без инициалов (установить их в данный момент не представляется возможным).

⁴³⁸ ГАНО. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁴³⁹ Там же. Л. 10.

декабря – день создания ВЧК⁴⁴⁰. Оживлённая дискуссия в зале конференции началась после выступления члена партии «Демократический союз» Д.С. Шапрана, высказавшегося за то, чтобы Днём памяти репрессированных сделать 7 ноября: «Статистика: 27 миллионов жертв в 1917–1927 годы, это убитые в гражданскую войну и эмигрировавшие. В 1962 году в Новочеркасске расстреляна мирная демонстрация, осуждено 114 человек. Во всём виновен тоталитарный режим. Мы против группы людей, кто может быть проводником единственной тоталитарной доктрины. “Демократический Союз” за немедленную реформу КГБ, чтобы не было политического сыска»⁴⁴¹.

В противовес выступлениям членов «Демократического союза» прозвучало несколько едва ли «монтирующихся» с ценностями нового Общества высказываний. Так, член КПСС с 1960 г., подполковник запаса Хабибулин, чьё выступление сопровождалось выкриками «Убрать с трибуны!», заявил собравшимся следующее: «Сталин умер, но у него миллионов не осталось, а у теперешних представителей власти – миллионы. Так, может быть, Сталин как раз таких и расстреливал?»⁴⁴².

Помимо дискуссии по поводу определения Дня памяти жертв репрессий, на конференции обсуждались также вопросы доступа исследователей к документам, в которых содержится информация о сталинском терроре. Журналист А.В. Жуков посчитал, что Новосибирскому отделению необходимо присоединиться к резолюции московской организации – «разрешить доступ к архивам КГБ, историческим архивам»⁴⁴³. Заведующий отделом газеты «Молодость Сибири» Е.В. Шаленкин обратился к участникам конференции: «Я хочу стать исторически грамотным человеком. Но как? Где они, эти архивы? “Мемориал” должен добиваться гласности исторической – открыть архивы»⁴⁴⁴.

Был поставлен вопрос и о необходимости помещения для создаваемого

⁴⁴⁰ ГАНУ. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

⁴⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴⁴² Там же. Л. 8.

⁴⁴³ Там же. Л. 5.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 11.

Общества. Инженер по вычислительной технике В.Г. Мельников предложил «Мемориалу» выступить с требованием возврата здания собора Александра Невского Русской православной церкви, поскольку «вместе с репрессиями верующих отнимались у них и здания»⁴⁴⁵. Рабочий Чаплыгин предложил отдать часть помещений собора отделению «Мемориала»: «Почему бы обкому КПСС не стать спонсором “Мемориала”. Без привлечения к работе “Мемориала” обкома партии, КГБ мы перейдём к эпохе вранья, вражды»⁴⁴⁶.

На прозвучавший из зала вопрос: «Кто палачи и кто жертвы?» Л.С. Трус ответил, пытаясь привести к общему знаменателю высказывания как «умеренных», так и «радикальных» выступавших: «Жертва – весь советский народ. И палач – тоже народ. Это мы допустили. Нет среди нас невиновных»⁴⁴⁷.

В ходе работы подготовительного собрания звучали предложения и по практической деятельности Общества. Председатель оргкомитета инициативной группы Г.И. Сидоров напомнил о существовании в 1920 – 1930-х гг. Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и обратил внимание на то, что на здании в Новосибирске, где располагалось его отделение, нет мемориальной доски. Л.С. Трус предложил членам новосибирского «Мемориала» проект мемориального комплекса, предусматривавшего создание в Новосибирске Союза репрессированных. «Мемориальный комплекс, помимо памятника, должен содержать архив, музей (как часть краеведческого музея), исследовательский центр из профессиональных учёных, историков. Сейчас задача – организация такого комплекса»⁴⁴⁸.

Мы рассмотрели протокол подготовительного собрания учредительной конференции Новосибирского отделения «Мемориал» столь подробно по причине того, что данные материалы позволяют погрузиться в конфликтную среду «живой» коллективной памяти, а также выявить ту региональную

⁴⁴⁵ ГАНО. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 3.

специфику, в рамках которой Общество будет вести всю свою дальнейшую работу. Учредительная конференция Новосибирского отделения «Мемориала» состоялась в апреле 1989 г. Председателем был избран Е.И. Пилипенко, преподаватель ПТУ из Академгородка. Однако уже в июле 1989 г. группа бывших репрессированных (около 30 человек) вышла из Общества и объединилась в общественную организацию «Союз репрессированных». Причиной данного раскола стало то, «что часть членов “Мемориала” перешла на экстремистские позиции и пыталась за счёт бывших репрессированных нажить себе политический капитал»⁴⁴⁹.

Основной задачей «Союза репрессированных» стало объединение людей, пострадавших от репрессий, оказание помощи им и их родственникам в решении бытовых вопросов, а также воспитание подрастающего поколения в духе советского патриотизма. Руководителем «Союза репрессированных» стал бывший узник сталинских лагерей А.П. Синцов.

Таким образом, попытки членов «Демократического союза», прослеживающиеся уже в ходе первого организационного собрания актива новосибирского «Мемориала», создать на базе историко-правозащитного общества альтернативное политическое движение способствовали расколу в рядах «мемориаловцев» и возникновению организационной неразберихи, затруднившей плодотворную работу Общества, а также деятельность по сооружению в Новосибирске памятника жертвам репрессий.

Несмотря на то, что изначально в составе Общества значилось около 20 коллективных членов, оно не стало по-настоящему массовой организацией. Но при этом именно вокруг новосибирского «Мемориала» сформировался мощный костяк единомышленников – учёных, сотрудников Института истории СО АН СССР, Института народного хозяйства (ныне – Новосибирский государственный университет экономики и управления), Новосибирского педагогического

⁴⁴⁹ Из информационного обзора идеологического отдела обкома КПСС «Становление и развитие общественно-политических организаций, партий и движений в Новосибирской области (на март 1991 г.) // Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области... – С. 713.

университета. Среди них следует выделить С.А. Красильникова, С.А. Попкова, Л.С. Труса, И.В. Павлову, Л.И. Пыстину, Б.П. Орлова.

Участие гуманитарной интеллигенции в работе общества «Мемориал» в значительной степени связано с профессиональным интересом историков к этой проблематике, желанием заполнить неисследованные лакуны, ликвидировать «белые пятна» истории. Возможность реализовать эти планы была обусловлена фактором общих идеологических послаблений в исторической науке в 1987–1988 гг. Одна из исследователей сталинского периода, канд. ист. наук Л.И. Пыстина описывает эти времена так: «Тогда начали открываться ранее закрытые архивные “спецфонды” и “спецхраны”. Огромные массивы засекреченных документов стали доступны историкам, стало возможным со всем этим разобраться. И все бросились “на запретное”. Всё это было подобно откровению. Конечно, нас интересовали новые источники. Мы думали: “Вот сейчас раскроем все секреты, всю подноготную!”... Потом начались дискуссии. Между собой мы какие-то вещи обсуждали, злободневные вопросы начали подниматься на семинарах, учёных советах. Проводились и открытые обсуждения. Под такие события зал Дома учёных в Академгородке полностью забивался. Стали приезжать зарубежные исследователи, приезжала Фицпатрик⁴⁵⁰. Потом, в 1990-х годах всё как-то поутихло. Кто-то “остыл”, кто-то переключился на другие темы»⁴⁵¹.

Празднование 70-летия Октября в 1987 г. способствовало снятию запрета на упоминание в публикациях фамилий вождей ВКП(б) – КПСС, предлагавших в 1920-е гг. альтернативные пути развития партии: Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина и др. В этих условиях ориентация «Мемориала» на раскрытие персональных уровней восприятия событий прошлого оказалась востребованной специалистами гуманитарного профиля. Стала возможна работа с представлениями о прошлом крупных исторических фигур, менее значимых личностей и просто рядовых людей, пострадавших от репрессий. Этот процесс можно считать одной из тенденций перестроечной десталинизации. В рамках

⁴⁵⁰ Прим. Ш. Фицпатрик – американский историк, советолог, профессор Чикагского университета.

⁴⁵¹ Запись личной беседы с Л.И. Пыстиной / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.

общества «Мемориал» произошло успешное сочетание исследовательского и просветительского аспектов.

Одной из новых практик трансляции исторической памяти, формировавшейся благодаря вновь полученным знаниям, стало проведение публичных научных дискуссий, круглых столов. В 1990 г. на базе Дома учёных новосибирского Академгородка состоялся круглый стол «Культурная революция и сталинизм (к постановке проблемы)» с участием д-ра ист. наук В.Л. Соскина, канд. ист. наук С.А. Красильникова, Л.И. Пыстиной, Т.Н. Осташко, Е.Г. Водичева, А.Л. Посадкова, канд. филос. наук Л.Ф. Лисса, Г.А. Антипова⁴⁵². В июне 1991 г. в Академгородке состоялась Всесоюзная научная конференция «Россия нэповская: политика, экономика, культура», посвящённая 70-летию провозглашения в Советской России новой экономической политики. Доклады, вызвавшие в ходе конференции наиболее оживлённые обсуждения, были опубликованы в журнале «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР»⁴⁵³.

В 1991 г. новосибирскими историками начался выпуск альманаха «Возвращение памяти», в который вошли научно-публицистические статьи по истории Сибири периода сталинизма, воспоминания репрессированных и их родственников, документы, фотографии⁴⁵⁴. Всего в 1990-е гг. новосибирскими учёными было организовано несколько круглых столов, посвящённых периодам НЭПа, коллективизации, «большого террора». Проведение этих мероприятий во многом стало возможным благодаря энтузиазму их участников: государственной поддержки практически не было. Издаваемые альманахи были напечатаны с привлечением спонсорских средств, часть материалов публиковалась на деньги, полученные в результате грантовых проектов. Однако развернуть масштабную

⁴⁵² Культурная революция и сталинизм (к постановке проблемы) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1990. – Вып. 1. – С. 3-24.

⁴⁵³ Исторический опыт НЭПа. Материалы научной конференции // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1992. – Вып. 2. – С. 3-26.

⁴⁵⁴ Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах / сост. И.В. Павлова. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 296 с., ил.

публикаторскую деятельность на эти средства учёные не смогли. К концу 1990-х гг. практика проведения масштабных круглых столов на тему репрессий постепенно сошла на нет.

С 1992 г. начались процессы реабилитации остальных категорий граждан, пострадавших в 1930–1950-е гг. и не получивших до начала 1990-х гг. полного восстановления в правах («спецпоселенцы», этнические группы и т. д.). Казалось бы, существенно расширившаяся деятельность «Мемориала» должна перейти в максимально динамичную фазу. Но именно в этот момент произошёл спад активности в работе Общества. Этот вывод, сделанный на основе делопроизводственной документации Новосибирского отделения «Мемориала», подтверждается воспоминаниями одного из основателей новосибирского «Мемориала», д-ра ист. наук, профессора С.А. Красильникова. Характеризуя в целом деятельность Общества в 1990-е гг., он рассказывает: «Расширение реабилитации держало нас – историков – в сфере общественного интереса. Мы активно сотрудничали с “Союзом репрессированных”, из которого к нам постоянно обращались за консультациями. Мы взаимодействовали с силовиками, ФСБ, МВД, прокуратурой и т. д. Вроде бы институционально всё сложилось хорошо. Мы работали в архивах, собирали материал для будущих “Книг памяти”, в областном архиве продолжалось рассекречивание документов (тогда партийный архив уже стал частью облархива), он был полностью открыт. Но в 1998–1999 годах началось “обратное движение”. Связано это было с тем, что ряд силовых ведомств начали обозначать свои претензии на доступ к материалам бывшего партийного архива: стало нужно писать письма в ФСБ или МВД. Далее они начали присылать в архив свои комиссии, которые конвертировали, закрывали часть документов, которые считались не предназначенными для открытого доступа. На данный момент силовики полностью контролируют всё, что находится в государственных архивах. Это способствовало мощному откату в исследовательской работе»⁴⁵⁵.

⁴⁵⁵ Запись личной беседы с С.А. Красильниковым / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.

Однако при всём многообразии деятельности Новосибирского отделения общества «Мемориал» важнейшей задачей на протяжении всех 1990-х гг. оставался проект установки в Новосибирске монументального памятника жертвам политических репрессий. С конца 1980-х гг. Л.С. Трус обращался в администрацию райисполкома Железнодорожного района Новосибирска с предложением по созданию памятника. Было определено место для установки – Нарымский сквер на пересечении улиц Советской и 1905 года, где раньше располагалась пересылочная тюрьма. Согласно принятому решению в основе памятника должен был находиться валун, привезённый с каменоломен в п. Ложок Искитимского района, где в годы репрессий находились особые лагерные пункты № 4 (ОЛП-4) и № 2 (ОЛП-2) СибЛАГа. Лагерь ОЛП-4 считался штрафным и был известен среди заключенных под названием «Искитимского»⁴⁵⁶.

Работу над проектом возглавил архитектор А.А. Бернов. Он вместе с бывшими узниками Искитимского лагеря выбрал камень, в который была вмонтирована памятная табличка, и до принятия окончательного архитектурного решения камень был установлен в Нарымском сквере. Однако реализация идеи растянулась почти на 10 лет. Только в начале 1998 г. постановлением главы администрации области был объявлен конкурс проектов памятника жертвам политических репрессий. В марте 1998 г. в Новосибирской архитектурно-художественной академии прошла выставка, на которой было представлено 14 проектов: «Вот на круглом бетонном островке посреди бассейна стоят четыре одиноких силуэта, окружённых чёрными крестами-колоннами. Вот конструкция из бетонных брёвен – то ли нечто разрушенное, то ли недостроенное... Скульптура “Пепел” представляет собой сидящего на земле человека, он состоит только из внешней оболочки, внутри него ничего нет... Вроде бы есть человек, и в то же время вместо него мы видим нечто иное. Так, наверное, каждый попавший в застенки НКВД и не чувствующий за собой вины думал: “Или произошла

⁴⁵⁶ Памятник жертвам политических репрессий. [Электронный ресурс] Архитектура Новосибирска. – Режим доступа: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2539> (дата обращения: 27.02.2018).

ошибка, или этот несчастный на тюремных нарах – не я!”»⁴⁵⁷. Архитектор И.И. Руденко придерживался иного взгляда и считал, что памятная композиция должна внешне напоминать храм⁴⁵⁸.

Но ни одна из этих скульптурных композиций в итоге не стала частью исторического ландшафта Новосибирска. В начале 2000-х гг. архитекторы В.М. Пивкин и А.А. Гамалей предложили архитектурное решение – постамент и ротонда из полированного серого гранита высотой 4,5 м, надпись на чёрной мраморной доске – «Граждане Новосибирска – жертвам политических репрессий». На постаменте высечены названия самых крупных лагерей ГУЛАГа. Торжественное открытие памятника состоялось 30 октября 2003 г., в «День политзаключённых»⁴⁵⁹.

Любопытен тот факт, что затянувшаяся работа по сооружению мемориала репрессированным в Новосибирске никоим образом не отразилась на создании новых мемориальных объектов в городах Новосибирской агломерации и городах (и даже посёлках) области. Во многом уникальным событием стало открытие 3 июня 1990 г. (т. е. почти за полгода до установки «Соловецкого камня» в Москве) в д. Боровушка Тогучинского района Новосибирской области памятника эстонцам, погибшим в годы репрессий. Памятник представляет собой двухметровую стелу с прикреплённой плитой, на которой крупными буквами начертано: «Родные! Мы помним вас» и список из 46 человек. Средства на строительства памятника собрали сами жители деревни. Стелу памятника и надписи изготовили рабочие кооператива «Глериа»⁴⁶⁰.

В день памяти жертв политических репрессий 30 октября 1994 г. в г. Искитиме на месте бывшего лагеря был открыт памятник «Поклонный крест» (авторы художник Н.Г. Койнов, архитектор Е.А. Блинкевич). Крест высотой 2 м

⁴⁵⁷ Бойко С. Жертвам репрессий // Советская Сибирь. – 1998. – 18 марта.

⁴⁵⁸ ГАНУ. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

⁴⁵⁹ Мемориальный комплекс жертвам политических репрессий. [Электронный ресурс] Сахаровский центр. Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. – Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=812> (дата обращения: 27.02.2018).

⁴⁶⁰ Барсуков А. Мы памятью и дружбою сильны // Ленинское знамя (Тогучин). – 1990. – 14 июня.

20 см (размах средней крестовины – 1 м) был отлит из чугуна. С фасадной части постамента на мраморной плите надпись: «Жертвам политических репрессий. Мир праху, честь имени невинно погибших»⁴⁶¹. В этот же день в г. Куйбышев Новосибирской области был торжественно открыт «Мемориал землякам – жертвам репрессий» (автор – художник П.В. Мартыненко)⁴⁶².

Появлению в мемориальном пространстве городов Западной Сибири памятников жертвам политических репрессий способствовала рождённая демократическими преобразованиями идея общенационального покаяния. Одно из основных принятых на учредительной конференции «Мемориала» в Москве в январе 1989 г. положений гласило: «В целях нравственного очищения общества Конференция считает необходимым признать массовые репрессии против человечества и провести общественный суд над Сталиным и всеми виновными в репрессиях, в интересах гуманности и милосердия отказавшись от уголовного преследования оставшихся в живых»⁴⁶³.

Одной из важнейших задач «Мемориала» должна была стать консолидация общества. Особо значимой инициаторам этого процесса виделась роль интеллигенции. «Наступил тот час, когда советская интеллигенция должна показать, действительно ли она таковой является, действительно ли понимает проблемы страны и болеет за её судьбу. Настоящая интеллигенция должна направить свои усилия в этот критический для страны период не на выяснение групповых интересов и удовлетворение собственных амбиций, не на поиски врагов, виновных в бедах страны, а на сплочение людей на основе покаяния и ненасилия, на основе идеи Мемориала, – писала канд. ист. наук И.В. Павлова в предисловии к первому выпуску альманаха «Возвращение памяти»⁴⁶⁴.

Из данной установки можно сделать вывод, что реализация проектов по сооружению в российских городах памятников жертвам политических репрессий

⁴⁶¹ Рябчиков И. Будь проклята ты, Колыма! // Искитимская газета. – 1994. – 9 ноября.

⁴⁶² «Нас семьдесят лет учили, что жизнь – это бой, по новым данным разведки, мы воевали сами с собой...» / запись С. Мерзликиной // Ведомости Новосибирского Совета депутатов. – 1994. – 3 ноября.

⁴⁶³ ГАНО. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁴⁶⁴ Павлова И. Покаяние и ненасилие // Возвращение памяти... – С. 11.

не должна была стать символом грядущего торжества принципа «око за око». Жертвы террора и их потомки в большинстве своём не были обуреваемы жадой запоздалой мести. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Западная Сибирь в 1990-е гг. (в отличие, например, от схожего по накалу идеологических баталий периода 1920-х гг.) оказалась регионом социально спокойным: сибирские города избежали войны с памятниками и памятью, как это было в Москве и ряде других центров. В городах Западной Сибири спокойно ужились в едином культурном пространстве как памятники жертвам репрессий, так и многочисленные изваяния В.И. Ленина, которого уже к 1992 г. и официальная печать, и многие «мемориаловцы» называли не иначе как «родоначальником и вдохновителем террора в стране».

Насколько успешной оказалась попытка общественной дискуссии на тему политических репрессий в СССР, сегодня судить сложно. Многие факты свидетельствуют о неконструктивности данного диалога. Свидетельством тому может служить и сооружение памятника жертвам репрессий в Омске, сопровождавшееся угрозами в адрес членов общества «Мемориал», и другие многочисленные трудности, связанные с деятельностью отделений этой организации. В интервью 1998 г. под заголовком «Время покаяния ещё не наступило», опубликованном в «Вечернем Новосибирске», председатель координационного совета Новосибирского областного общества «Мемориал» Л.С. Трус замечал: «Но страшно то, что эра всеобщего покаяния не наступила до сих пор. С трибун Госдумы сейчас раздаются голоса: что, мол, мы носимся с этими репрессированными... Ещё недавно членов общества “Мемориал” забирали в милицию. Несколько раз срывали табличку с заложенного камня в Нарымском сквере»⁴⁶⁵.

История сооружения в городах Западной Сибири памятников жертвам политических репрессий в сталинском СССР имела своё логичное развитие в условиях происходивших в России демократических изменений 1980–1990-х гг. Во всех городах значимость монументов репрессированным была тесно

⁴⁶⁵ Бобров С. Время покаяния ещё не наступило // Вечерний Новосибирск. – 1998. – 12 марта.

привязана к базовой идеологической концепции тех лет – общенародного раскаяния, примирения и нравственного очищения общества от идеи использования насилия как двигателя социального развития. Важной функцией этих памятников стала их нравственная составляющая – очищение скорбью. Безвинно пострадавшие люди были наконец-то восстановлены не только в юридических, но и в моральных правах, а их родственники обрели места, куда могли теперь приходить, чтобы почтить память своих близких, от которых зачастую не осталось даже символических могил. И если идеологическая оценка роли этих мемориалов в новейшей российской истории пока не может быть однозначной, то свою гуманистическую миссию памятники жертвам репрессий в большей степени выполняют, став при этом неотъемлемой частью мемориального пространства городов Западной Сибири.

* * *

Сведения, представленные в первой главе, позволяют утверждать, что период с 1985 по 2000 г. крайне неоднороден по характеру и историческому содержанию процессов, происходивших в Западной Сибири и стране в целом. Главным достижением шести лет перестройки (1985–1991) в сфере изменения гуманитарной стороны жизни Омска и Новосибирска стало институциональное оформление сообществ интеллигенции, выразившееся в консолидации наиболее активной части её представителей вокруг культурно-просветительных общественных организаций. Деятельность по сохранению, формированию и трансляции исторической памяти была закреплена в уставах и других документах, регламентирующих работу новых или обновлённых местных сообществ, что свидетельствует о важных переменах в бытовании позднесоветского общества и, в частности, жителей Омска и Новосибирска.

Основными положительными изменениями в жизни Омска и Новосибирска в годы перестройки следует считать появление независимых от государства форм социальной самоорганизации и общее оживление гражданской

жизни и общественной инициативы. В этих условиях происходит необычайно широкий всплеск интереса к истории страны и регионов. Деятельность гуманитарной интеллигенции в перестроечное время способствовала пониманию того, что историческое прошлое, зафиксированное в коммуникативной и коллективной памяти сибиряков, не является набором штампов из советского школьного учебника истории. Оказалось, что историческое прошлое и представления о нём – живая, актуальная и значимая часть интеллектуальной и духовной жизни людей (тысячи сибиряков, откликнувшихся на инициативы по восстановлению Тарских ворот в Омске, часовни во имя Николая Чудотворца в Новосибирске, созданию памятника павшим воинам под г. Белый и т. д., – яркое тому подтверждение).

К негативным особенностям этого периода следует отнести неспособность интеллигенции создать стройную и последовательную концепцию памяти (хотя подобные идеи озвучивались), которая могла бы на равных конкурировать с государственной исторической политикой. Уникальный, богатый яркими личностями и событиями потенциал культурной памяти стал для многих представителей интеллигенции не средством усиления корпоративной солидарности, а в большей степени «яблоком раздора», поводом попрактиковаться в словесных дуэлях на страницах местной периодической печати. Поэтому неудивительно, что, увлечшись актуализированными гласностью интеллектуальными баталиями и публицистическими поединками, интеллигенция Омска и Новосибирска так и не смогла реализовать в трудный, но всё же относительно экономически стабильный перестроечный период ни одной крупной акции по созданию монументального памятника, который зафиксировал бы историческое прошлое в виде наглядного визуального символа или образа.

Если период 1985–1991 гг. можно назвать «временем больших надежд», то период 1991–2000 гг. следует обозначить как «время глубокой растерянности». Свидетельством тому является фиксируемый нами спад инициативности гуманитарной интеллигенции в различных проявлениях (сокращение численности участников общественных организаций, снижение уровня их публикационной и

медийной активности при многократном увеличении количества информационных площадок, ослабление коммуникаций внутри микросообществ и т. д.). Слабая адаптация культурно-просветительных организаций к формирующимся новым условиям рыночных отношений стала основной причиной невозможности конструирования интеллигенцией новой исторической парадигмы, исключавшей советские идеологические мифы, продемонстрировавшие высокую степень устойчивости даже в условиях объявления свободы слова и печати, открытия архивов, отмены цензуры. Масштабная работа с символами и образами исторической памяти, проведение альтернативной государственным идеологическим структурам исторической политики едва ли были возможны в период, когда основными задачами культурно-просветительных обществ стало не создание новых мест памяти, а сохранение за собой помещений региональных филиалов и решение вопросов об их льготной аренде.

Однако именно 1990-е гг. стали временем стабилизации деятельности сообществ интеллигенции по формированию и трансляции исторической памяти. Закрепились и устоялись новые формы этой деятельности, такие как проведение тематических и юбилейных научно-практических краеведческих конференций, установка мемориальных досок и памятных знаков в честь выдающихся деятелей общероссийского и регионального масштаба, содействие возрождению традиций благотворительных и филантропических акций и т. д.

На примере рассматриваемых нами в ходе исследования сюжетов заметно, что если период второй половины 1980-х гг. отличался очевидной несогласованностью и серьёзным разрывом между инициативами и их реализацией, между задумкой и конечным «результатом», то в 1990-е гг. шла трудная, «буксующая», но кропотливая и последовательная работа с символами и образами исторической памяти. Данный подход позволил завершить в это время не только ряд советских «долгосрочных» мемориальных проектов, но и относительно безболезненно провести ломку старых историографических традиций, наполнив историю Омска и Новосибирска забытыми или

полузабытыми сюжетами, без которых говорить о научной объективности в изучении истории этих регионов было бы невозможно (инициативы по увековечению имён деятелей Сибирского казачьего войска, инженеров-строителей Новониколаевска, создание памятников жертвам репрессий, моральная реабилитация участников «белого» движения и т. д.).

Утверждение демократических общественно-политических норм жизни в России обусловило появление в жизни страны таких положительных новшеств, как свобода личности, творчества, научный и культурный плюрализм, отмена государственной идеологии. Эти изменения способствовали расширению в конце 1980-х – 1990-е гг. интеллектуального пространства до степеней, при которых работу с исторической памятью уже невозможно было заключить в рамки существующих общественных институтов, привязать к конкретным регламентированным сообществам и объединениям. О внеинституциональных аспектах деятельности по формированию и трансляции исторической памяти речь пойдёт в следующей главе.

ГЛАВА 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО И ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОМСКА И НОВОСИБИРСКА В 1985–2000 ГГ.

Период конца 1980-х – 1990-е гг. ознаменован в отечественной истории всплеском необычайной общественной активности, в том числе в сфере гуманитарной культуры. Политика перестройки была воспринята большинством жителей страны положительно, появилась надежда на скорые изменения жизни к лучшему. К началу 1990-х гг. ситуация изменилась: страна переживала тяжёлый политический и экономический кризис. Безусловно, социальные аспекты оказывали существенное влияние на характер и интенсивность культурных инициатив. Но главным образом ударил по устоям кризис идеологический. Отказ от старых исторических героев непременно означал возникновение запроса на новых, что требовало конструирования иной модели исторической политики. Государство, на какое-то время отошедшее от формирования системы ценностей и смыслов, по сути, делегировало эти функции самому обществу. Создание новых концепций исторической памяти стало приоритетной задачей для интеллигенции как наиболее образованной части общества. Не имея чёткого плана, во многом двигаясь «на ощупь», представители гуманитарного сообщества приступили к этой работе.

Необходимость формулирования новых конструктов коллективной памяти требовала и выработки новых методов, способов и, конечно же, каналов трансляции исторических знаний. Общественная ситуация 1980–1990-х гг. внесла свои коррективы и в этот процесс. Мы позволим себе утверждать, что основным каналом трансляции исторической памяти в крупных городах Западной Сибири в указанный период была периодическая печать. Во второй половине 1980-х гг. ослабилась цензура, что позволило газетным полосам стать дискуссионными площадками, где обсуждались все основные злободневные вопросы. Многократно усилился читательский интерес. Историческая публицистика приобрела иной облик, открыв новые возможности участия личности в общественной жизни.

Усложнилась и структура исторического просвещения, ставшего более сложной и динамичной системой. В 1990-е гг. к качественным изменениям прибавились «количественные» – начался «золотой век» провинциальной периодики. Привычная на протяжении десятилетий система, при которой в Омске и Новосибирске выпускалось по три массовые газеты («областная», «городская» и «молодёжная»), трансформировалась: появились десятки новых печатных изданий, а также журналов и альманахов, ориентированных исключительно на публикацию материалов по истории и краеведению. Увеличился и круг авторов. Всё это способствовало расширению спектра внеинституциональных форм работы с исторической памятью, когда представители интеллигенции формулировали и предлагали общественности свои исторические проекты, не отождествляя себя с формальными культурно-просветительскими сообществами. Свобода слова и мысли породила свободу коммеморативной инициативы. Оценке результатов этого процесса в Омске и Новосибирске посвящена вторая глава исследования.

§ 1. Актуализация дореволюционной истории в пространстве памяти и усиление научно-художественного сегмента мемориальной культуры

Одной из особенностей деятельности гуманитарных сообществ по формированию и трансляции исторической памяти является поиск интеллигенцией новых исторических героев. О.Б. Леонтьева обращает внимание на невозможность представить мировоззрение интеллигенции без соответствующих мифологем исторической памяти, без своей «героцентричной» литературной и историографической традиции⁴⁶⁶. Научный подход, раскрывающий динамику этих процессов, традиционно именуют аксиологическим. Важную роль в его актуализации в современных «memory studies» сыграла произошедшая на закате советской эпохи

⁴⁶⁶ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начале XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. – С. 381.

дискредитация персонажей старого героического «пантеона». Следствием демифологизации советской истории стал выход на первый план фигур и образов, не связанных с политической, революционной или военной историей. Представители русской интеллигенции прошлого на рубеже 1980–1990-х гг. заметно потеснили участников русских революций и деятелей мирового коммунистического движения с пьедестала, на котором те находились в течение семидесяти лет. Удалённость этих фигур от гуши роковых событий XX в., их явная или мнимая «аполитичность», являвшиеся идеологической «слабостью» в доперестроечное время, в годы перестройки и постперестроечный период стали скорее преимуществом, несомненным атрибутом духовной силы. Значимость этих фигур памяти заключалась в их способности консолидировать разделённое и деморализованное постсоветское общество на основе принципов и идеалов высокой культуры, гуманизма, нравственности и терпимости.

Разумеется, необоснованно говорить о деконструкции советского героического «пантеона» применительно к периоду середины 1980-х гг. Однако стремление к гуманитаризации мемориальной политики стало ощутимым уже на ранних этапах перестройки. Известно, что в 1986 г. главные коммеморативные акции были связаны со 100-летием со дня рождения С.М. Кирова. Но в том же 1986-м интеллигенцией Омска был поднят вопрос об установке в городе мемориальных досок в память о выдающемся советском композиторе, уроженце города В.Я. Шебалине и знаменитом детском поэте Т.М. Белозёрове, ушедшем из жизни в начале 1986 г.⁴⁶⁷ Более явным свидетельством идеологических послаблений в сфере культурной жизни служит факт обсуждения вместе с проектами памятных досок В.Я. Шебалину и Т.М. Белозёрову предложения увековечить в городском пространстве яркую фигуру омской литературной жизни 1910–1920-х гг., «короля сибирских писателей» А.С. Сорокина. Прославившийся не только самобытной прозой, но и экстравагантным поведением, ставший при жизни мифологической личностью, А.С. Сорокин формально не имел серьёзных

⁴⁶⁷ Прим. Проект мемориальной доски Т.М. Белозёрову был выполнен омским скульптором Ф.Д. Бугаенко, и в 1987 г. доска с барельефом поэта появилась на доме, где он жил в последние годы.

претензий со стороны власти, но при этом всё же никак не вписывался в традиционный формат советского литературного классика и едва ли мог встать в один ряд с «инженерами человеческих душ», творившими в жанре соцреализма. При этом о необходимости обозначить его имя в социокультурном ландшафте Омска заговорили до победоносного шествия гласности⁴⁶⁸.

Изучая опыт западносибирских городов в деле поиска новых образов исторической памяти, становится очевидно, что этот процесс предвосхитил и некоторые тенденции недалёкого будущего. В локальном пространстве городов во второй половине 1980-х гг. актуальными становятся фигуры, которые спустя несколько лет будет принято называть (в соответствии с дискурсом массовой культуры) «брендовыми». Для Омска подобной фигурой оказался Ф.М. Достоевский, отбывавший четырёхлетнюю каторгу в Омском остроге в 1850–1854 гг.

В 1987 г. в Омске началась подготовка масштабного празднования 170-летия Ф.М. Достоевского, приходившегося на 1991 г. Помимо государственных и партийных органов в разработку плана юбилейных мероприятий включились сообщества гуманитарной интеллигенции: научно-педагогические коллективы ОмГУ и ОГПИ им. А.М. Горького, региональные отделения Союзов писателей, художников и архитекторов СССР, культурно-просветительные общественные организации. В структуре Омского отделения СФК в 1988 г. был создан совет «Достоевский и Сибирь», в который вошли видные представители интеллигенции: филологи и литературоведы С.Н. Поварцов (председатель), В.М. Физиков (заместитель председателя), Е.А. Акелькина, В.С. Вайнерман, писатель А.Э. Лейфер, искусствовед В.Ф. Чирков, художники К.Э. Гагишвили, А.Н. Яковенко, библиограф Н.Н. Дмитриенко, доцент Омского политехнического института М.Ф. Лучанова и др.⁴⁶⁹

⁴⁶⁸ Мельникова Л.С. Всё, чем мы гордимся / беседовал В. Романов // Вечерний Омск. – 1986. – 27 декабря.

⁴⁶⁹ Дорога к образу великого писателя. Из истории конкурса на сооружение памятника Ф.М. Достоевскому в Омске. 1989 – 1991 годы // Омское пространство Достоевского / сост. Л.П. Трубицина. – Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2020. – С. 178.

В течение 1989–1992 гг. омские научные, педагогические и творческие сообщества планировали проведение следующих мероприятий: организация на базе кафедры русской литературы ОГПИ им. А.М. Горького юбилейной научной межвузовской и студенческой конференций, посвящённых Ф.М. Достоевскому; создание эскиза, изготовление и оформление «памятной медали, посвящённой 170-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского»; выпуск Омским книжным издательством романа Ф.М. Достоевского «Бесы», а также книги литературоведа В.С. Вайнермана «Ф.М. Достоевский в Омске»; создание концертно-лекционной программы «Ф.М. Достоевский в Сибири», проведение на базе Омской организации Союза художников РСФСР выставки «Личность Ф.М. Достоевского в изобразительном искусстве»; издание библиографического указателя «Ф.М. Достоевский в Омске»; проведение кинофестиваля «Ф.М. Достоевский в советском кинематографе»; постановка в Омском академическом театре драмы спектакля по одному из произведений Ф.М. Достоевского, проведение конкурса народных театров на лучшую постановку по произведениям великого русского писателя ⁴⁷⁰. Главным событием юбилейного года должно было стать торжественное открытие памятника Ф.М. Достоевскому в Омске⁴⁷¹.

Специфика воплощения в жизнь гуманитарных инициатив, связанных с формированием памяти о выдающихся представителях отечественной культуры, и, следовательно, значимость проектов по увековечению имени Ф.М. Достоевского в Омске, раскрываются в докладе литературоведа и критика С.Н. Поварцова на пленуме правления Омского отделения СФК 12 октября 1989 г. В своём выступлении он отмечал, что долгие годы Омск в плане интенсивного развития культуры напоминал скорее глубоко провинциальный город, нежели крупный город-центр со столичными (в масштабах Сибири) амбициями, пребывавший в историко-культурном и литературном беспомыслии, «хотя на этой ниве беззаветно трудились выдающиеся подвижники, как, например, Палашенков

⁴⁷⁰ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁴⁷¹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

и Коровкин»⁴⁷². Ситуация изменилась только с середины 1970-х гг., когда в городе вновь появилось издательство, открылся университет, были проведены крупные филологические конференции – I и II «Мартыновские чтения». По мнению С.Н. Поварцова, празднование 170-летия Достоевского «имеет огромное просветительское значение». Центральным событием юбилейного года должен был стать научный симпозиум, посвящённый творческому наследию Достоевского. С.Н. Поварцов подчёркивал: «Поскольку гений писателя привлекает учёных разных специальностей, на омском симпозиуме желательно видеть кроме литературоведов – философов, психологов, эстетиков, историков русской общественной мысли, наконец – богословов, ибо Достоевский был ещё, как известно, выдающимся религиозным мыслителем... Поэтому омский научный симпозиум – по моему глубокому убеждению – должен иметь международный характер. Говоря так, я имею в виду, что мы пригласим в Омск хотя бы пять-шесть учёных хотя бы из социалистических стран»⁴⁷³.

История проведения конкурса, создания и установки памятника Ф.М. Достоевскому является отдельной знаковой страницей в истории Омска 1980–1990-х гг. В данном тексте нет необходимости останавливаться на этом сюжете, поскольку он подробно описан нами (в соавторстве с непосредственными участниками событий) в ряде публикаций в сборниках тезисов и статей, в периодической печати⁴⁷⁴. Тем не менее, с позиции социальной истории интеллигенции, важно обратить внимание на заметно обозначенный дискуссионный аспект, ставший приметой рассматриваемого нами периода.

⁴⁷² Прим. А.Ф. Палашенков (1886–1971) и И.С. Коровкин (1919–1977) – омские краеведы.

⁴⁷³ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 12. Л. 28-29.

⁴⁷⁴ Наумов С.С., Сорокин А.П., Томилов Н.А. Достоевский и Омский фонд культуры (История конкурса на сооружение памятника Ф.М. Достоевскому в Омске // Образование. Досуг. Творчество: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 17 ноября 2011 г.) / ред. Л.В. Секретова, Г.Г. Волощенко, Л.Р. Фаттахова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. – С. 43-48; Наумов С.С., Сорокин А.П. История конкурса на сооружение памятника Ф.М. Достоевскому в Омске (Фонд культуры) // Ф.М. Достоевский и душа Омска: сб. статей / сост. Е.А. Акелькина, Ю.В. Петрова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. – С. 271-274; Наумов С. Неторопливая память // Коммерческие вести. – 2016. – 14 сентября.

Когда процесс установки памятника сдвинулся с мёртвой точки, среди представителей омской интеллигенции начали разгораться споры. На страницах газеты «Вечерний Омск» развернулась полемика между председателем совета «Достоевский и Сибирь», С.Н. Поварцовым⁴⁷⁵ и И.Ф. Петровым⁴⁷⁶. Авторы затронули в своих текстах не только вопросы сохранения и приумножения памятников культуры, но и широко обсуждаемые тогда темы общенационального покаяния, «белых пятен истории», возрождения утраченных общечеловеческих ценностей и т. д. Надеждами на нравственное обновление пронизаны и строки статьи журналистки В.В. Луговской: «И вот не без воздействия благоприятных ветров перестройки, демократии и гласности мы пришли к реальным перспективам в решении очень важной для духовной жизни города задачи»⁴⁷⁷.

Проведение конкурса осуществлялось в 1988–1989 гг. Омским облисполкомом совместно с Омским горисполкомом Совета народных депутатов, омскими отделениями СФК, ВООПИиК, управлением культуры облисполкома в содружестве с творческими союзами художников и архитекторов. К участию в конкурсе были приглашены творцы из Омска, иногородние участники. Для поощрения лучших работ Омское отделение СФК определило первую премию в размере 3000 рублей, вторую в размере 2000 рублей и третью премию – 1000 рублей. Также были учреждены поощрительные премии в размере 500 рублей. Место установки памятника условиями конкурса было определено в южной части Первомайского сквера, в районе пересечения ул. Спартаковская – ул. Красина. По решению авторов положения при создании памятника предполагалось восстановление Тарских ворот Омской крепости.

Летом 1989 г. состоялся финальный этап конкурса. В результате дискуссий среди специалистов, горячих споров на страницах периодической печати лучшим был признан проект омичей – скульптора С.А. Голованцева, архитекторов А.М. Каримова и А.И. Подобица, художника А.В. Дедкова.

⁴⁷⁵ Поварцов С. Памятник Достоевскому (размышления перед конкурсом) // Вечерний Омск. – 1989. – 23 марта.

⁴⁷⁶ Петров И. О памятнике Достоевскому, и не только о нём // Вечерний Омск. – 1989. – 20 апреля.

⁴⁷⁷ Луговская В. Трудный путь к Достоевскому // Вечерний Омск. – 1989. – 19 июня.

Опуская по указанной выше причине подробности истории установки памятника Ф.М. Достоевскому в Омске, обратим внимание на то, что известные политические и социальные потрясения 1991 года, на который выпал 170-летний юбилей со дня рождения писателя, отодвинули реализацию проекта, имевшего «культурное и воспитательное значение»⁴⁷⁸, на целых десять лет. Только в 2001 г. С.А. Голованцеву удалось сначала в бетоне (2001), а спустя пять лет в бронзе (2006) осуществить авторский проект памятника. Правда, сооружён он был уже в другой градостроительной среде и при других обстоятельствах, но всё же результаты того, первого конкурса, надо полагать, способствовали раскрытию творческого замысла скульптора.

В годы перестройки, в условиях одновременной деконструкции структурообразующих элементов советской истории и закладки фундамента новой локальной идентичности новосибирская интеллигенция тоже обратилась к поиску своего уникального героя. Если Омск актуализировал фигуру Ф.М. Достоевского, то Новосибирск устремил пристальный взгляд в сторону своего «официального» основателя, русского инженера, путешественника и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. Исключительность города должна была быть подчёркнута исключительностью фигуры его основателя, не просто инженера, а творческого человека, видного писателя конца XIX – начала XX вв. В своём докладе на учредительной конференции Новосибирского отделения СФК Е.Г. Гуренко подчёркивал: «Культура и искусство Новосибирской области имеют интересную историю и богатые традиции. Новосибирск – культурный центр на востоке страны. Любопытная особенность – пожалуй, единственный город, основателем которого является писатель (и талантливый инженер) Гарин-Михайловский»⁴⁷⁹.

В 1987 г., в ходе подготовки к празднованию 100-летия Новосибирска, в печати заговорили об установке памятника Н.Г. Гарину-Михайловскому. Эта инициатива относится ещё к 1970-м гг. Когда во второй половине

⁴⁷⁸ Трубицина Л. Юбилей на ветру // Вечерний Омск. – 1989. – 3 октября.

⁴⁷⁹ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

1980-х гг. к этому проекту вернулись, то сразу же возник спор, где должен быть установлен памятник. Основным вариантом места вновь стала привокзальная площадь, носящая имя основателя. А. Брат⁴⁸⁰ в 1987 г. писал: «Решено было её, безликую, украсить памятником Гарину-Михайловскому. Об этом решении писал покойный ныне Илья Лавров, наш сибирский писатель, в газете “Вечерний Новосибирск” в 1977 году. Десять лет прошло, а площадь по-прежнему безлика!»⁴⁸¹.

В 1989 г. в книжной серии «Земляки» вышел подробный очерк о Н.Г. Гарине-Михайловском под символическим названием «Современник из прошлого века», написанный известным писателем и публицистом, главным редактором журнала «Сибирские огни» в 1975–1987 гг. А.В. Никульковым⁴⁸². Книга А.В. Никулькова и предшествующие ей статьи в местной периодике, касающиеся обстоятельств основания Новосибирска, вызвали неоднозначную реакцию со стороны краеведов, не принимавших Гарина-Михайловского в качестве основателя Новосибирска. Этот сюжет мы подробнее рассмотрим в параграфе 3. Уточним лишь, что памятник Н.Г. Гарину-Михайловскому в Новосибирске так и не появился. К сложившейся ситуации некоторые авторы уже в начале 1990-х гг. относились нигилистически. Так, историк В.Л. Дорошенко на страницах газеты «Наука в Сибири» иронически замечал: «А если по-другому спросить: повезло ли основателю с нами? Тоже нет вопроса – ясно, что не повезло... А вот одобрил бы Николай Георгиевич, всмотрись он повнимательнее в нынешний Новосибирск да принюхайся? – ещё большой вопрос»⁴⁸³.

На рубеже 1980–1990-х гг. в Новосибирске, «молодом» городе, оказавшемся вписанным в отечественную историю лишь в рамках XX в., возникла необходимость идентификации с прошлым; чрезвычайно востребованы стали герои и образы «былых» эпох. Об этом свидетельствуют, в том числе,

⁴⁸⁰ Прим. Литературный псевдоним журналиста А.В. Жукова.

⁴⁸¹ Брат А. С чего начинается Родина? // Молодость Сибири. – 1987. – 30 мая.

⁴⁸² Никульков А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский. Современник из прошлого века. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1989. – С. 49-182.

⁴⁸³ Дорошенко В. Царский крестник // Наука в Сибири. – 1992. – № 10.

качественно новые коммеморативные практики, рост интереса жителей к истории первых лет существования Новониколаевска-Новосибирска.

Главный редактор старейшего сибирского литературно-публицистического журнала «Сибирские огни», писатель, журналист и издатель М.Н. Щукин описывает события тех лет следующим образом: «Странная штука в 90-е получилась: советскую историю бросили, старую не знаем. Все разговоры о Тихомирове, Будагове⁴⁸⁴ воспринимались как что-то ненужное. К середине 1990-х гг. ситуация начала меняться: появились новые книги, статьи. Мы с А.И. Плитченко⁴⁸⁵ создали журнал “Сибирская горница”. Идея родилась из того, что надо было на что-то опереться новосибирцам. Уже было ясно, что всё, к чему нас звали в 1980-е гг., закончилось бандитским государством. С коммунистами в одну реку тоже дважды не войдёшь. Люди начали интуитивно тянуться, возник интерес к собственной памяти, родовой памяти, семье. Я думаю, это потому что люди растерялись: старых героев низвергли, других нет. И тут вдруг обнаружилось, что очень интересные люди жили в нашем городе, с уникальными судьбами. Читатели стали интересоваться, присылать письма, воспоминания. Потом до власти стало это доходить. Появился замечательный памятник Н.М. Тихомирову. Мы издавали серию “Будаговская библиотека” – книги по краеведению. Появились памятник Александру III, мемориальные доски Алексею Ачаиру, Варваре Афанасьевне Булгаковой – “Елена Прекрасная” из “Белой гвардии” – сестре М.А. Булгакова. Она преподавала в одной из школ Новосибирска. Появился замечательный “Музей города Новосибирска”»⁴⁸⁶.

В годы перестройки к делу историко-краеведческого просвещения активно подключились представители академической науки. Уже в первой половине 1990-х гг. учёные использовали привычную для себя площадку – газету «Наука в Сибири» – в качестве канала исторических репрезентаций. Одновременно следует

⁴⁸⁴ Прим. Г.М. Будагов, Н.М. Тихомиров – инженеры-строители моста через р. Обь, одни из основателей Новосибирска.

⁴⁸⁵ Прим. А.И. Плитченко (1943–1997) – сибирский поэт и писатель. Вёл активную культурно-просветительную краеведческую работу в Новосибирске.

⁴⁸⁶ Запись личной беседы с М.Н. Щукиным / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.

отметить и усиление характерной для новосибирцев склонности рассматривать сквозь призму региональной истории фигуры общесибирского и общероссийского масштаба. На страницах «Науки в Сибири» в разное время вышли большие биографические статьи о Н.К. Рерихе⁴⁸⁷, В.И. Вернадском⁴⁸⁸, Г.Д. Гребенщикове⁴⁸⁹, Г.Н. Потанине⁴⁹⁰, Д.И. Завалишине⁴⁹¹, В.Я. Зазубрине⁴⁹², П.И. Макушине⁴⁹³, А.П. Щапове⁴⁹⁴.

В Омске, в рассматриваемый период аналогично объективировавшем собственный «столичный» статус, интеллигенция также акцентировала внимание на персоналиях XVIII–XIX вв. Содержательность перестроечных дискуссий на тему локальных исторических воспоминаний раскрывается через репрезентации биографий основателей первой и второй омских крепостей – И.Д. Бухгольца и И.И. Шпрингера.

Показательно, что гуманитарная дискуссия о личности И.Д. Бухгольца и его роли в возникновении города Омска открылась с началом перестройки. До середины 1980-х гг. имя основателя первой Омской крепости не слишком часто встречалось в местной советской печати, не ставились и вопросы об увековечении его памяти, создании монументальной скульптурной композиции, установке мемориальных досок и памятных знаков и т. п. Столь пренебрежительное отношение города к фигуре основателя имеет свою историографическую подоплёку. Ещё в 1830-е гг. в фундаментальном «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов, характеризуя результаты экспедиции Бухгольца, писал следующее: «Бухголец, потерявший из отряда 2200 чел., 2500 лошадей и прозевавший караван с людьми и казною, успел выпроситься в Петербург, от

⁴⁸⁷ Он верил в будущее России // Наука в Сибири. – 1993. – № 11.

⁴⁸⁸ Юдин А. Жизнь и бессмертие таланта // Наука в Сибири. – 1993. – № 20.

⁴⁸⁹ Якимова Л. Наш человек в Америке // Наука в Сибири. – 1993. – № 24.

⁴⁹⁰ Волкова В. «Просвещение народа – прежде всего» // Наука в Сибири. – 1994. – № 23.

⁴⁹¹ Шиловский М. Декабрист, историк, публицист... // Наука в Сибири. – 1994. – № 25.

⁴⁹² Проскурина Е. У времени в плену // Наука в Сибири. – 1995. – № 21.

⁴⁹³ Шиловский М. «Самоотверженная преданность науке» // Наука в Сибири. – 1995. – № 38.

⁴⁹⁴ Шиловский М. Родина – писателю // Наука в Сибири. – 1995. – № 41.

стыда и следствия»⁴⁹⁵. В советские годы выводы дореволюционного историка повторил автор знаменитых «Воздушных фрегатов» Л.Н. Мартынов. В популярном очерке «Крепость на Оми» он назвал И.Д. Бухгольца «несмелым аккуратистом»⁴⁹⁶, заметив при этом, что честь основания города Омска никак не приходится приписать подполковнику Бухгольцу. Робкую попытку заступиться за И.Д. Бухгольца в 1960-е гг. предпринимала писатель-краевед М.К. Юрасова, обратившая внимание, что «на этот счёт высказываются разные мнения»⁴⁹⁷. Однако в 1986 г., накануне 270-летия Омска, в местной печати стали появляться публикации, в которых громко зазвучали призывы вернуть основателю первой крепости доброе имя. Подробностям исторических событий 1714–1716 гг. были посвящены статья д-ра геогр. наук Д.Н. Фиалкова⁴⁹⁸, большой цикл публикаций историка-краеведа Е.Н. Евсеева⁴⁹⁹. О необходимости увековечения имени И.Д. Бухгольца в омской топонимике, а также создании памятника или памятного знака основателям первой Омской крепости в 1986–1987 гг. говорили М.М. Хахаев⁵⁰⁰ и И.Ф. Петров⁵⁰¹. Со страниц газеты И.Ф. Петров обратился к властям, заметив, что в данный момент ничего не мешает «нашему горсовету, скорому на переименования старых улиц, не откладывая, присвоить имя основателя Омска не имеющей названия площади перед речным вокзалом», где в мае 1716 г. высадился отряд И.Д. Бухгольца. Аргументы краеведа были услышаны: решением горсовета от 25 сентября 1987 г. безымянная площадь в историческом центре Омска получила наименование «площадь им. Бухгольца»⁵⁰².

Омская мемориально-коммеморативная ситуация рубежа 1980–1990-х гг. примечательна также внезапно разгоревшейся и растянувшейся на

⁴⁹⁵ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. – Новосибирск, 1995. – С. 252.

⁴⁹⁶ Мартынов Л.Н. Крепость на Оми. – Омск: Омское областное издательство, 1940. – С. 24.

⁴⁹⁷ Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города. – Омск, 1972. – С. 14.

⁴⁹⁸ Фиалков Д.Н. «Поселиться отважились» / беседу вёл В. Романов // Вечерний Омск. – 1986. – 1 июня.

⁴⁹⁹ Евсеев Е. Иван Бухолц // Вечерний Омск. 1986. – 29-31 мая; – 2-7 июня.

⁵⁰⁰ Хахаев М. Быть ли улице Бухгольца // Вечерний Омск. – 1986. – 10 апреля.

⁵⁰¹ Петров И. Дело чести сограждан // Омская правда. – 1987. – 7 июня.

⁵⁰² Улицы города Омска: справочник / сост. Г.Ю. Гурьев, Л.И. Огородникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – С. 143.

несколько лет полемикой вокруг правильности написания имени и фамилии И.Д. Бухгольца. Следует подчеркнуть, что данный спор обнажил более масштабную проблему, а именно – низкий уровень достоверных знаний о событиях истории Омского Прииртышья XVIII в., причём не только среди обывателей-горожан, но и в сообществе исследователей-профессионалов. Вопрос не следует считать закрытым и сегодня, поэтому указанные полемические заметки могут быть востребованы современными историками. Обращаясь же к 1990-м гг., констатируем, что наиболее активное участие в дискуссии принимали профессор Д.Н. Фиалков, писатели И.Ф. Петров, П.А. Брычков, Б.С. Гвоздев, краеведы И.П. Шихатов и Е.Н. Евсеев, архивист К.В. Канаки.

В ходе эмоциональной полемики на страницах газет читателям были представлены такие варианты написания фамилии основателя первой крепости, как «Бухолц» (версия П.А. Брычкова⁵⁰³ и Е.Н. Евсеева⁵⁰⁴) и «Бухольц» (И.Ф. Петров⁵⁰⁵ и Д.Н. Фиалков⁵⁰⁶). Более традиционного написания «Бухголец» придерживались И.П. Шихатов⁵⁰⁷ и К.В. Канаки⁵⁰⁸. Немецкое происхождение официального основателя Омска принимало большинство высказывавшихся авторов, хотя Е.Н. Евсеев настаивал на подлинности русской фамилии – Буколтов. Похожего мнения (только фамилия звучала как «Бухольцев») придерживался Б.С. Гвоздев⁵⁰⁹.

В контексте обсуждения правильности написания фамилии развернулись споры о местонахождении могилы И.Д. Бухгольца, «причинах неудавшегося яркендского похода и кто в этом был виноват – М.П. Гагарин или И.Д. Бухольц, чья из них заслуга больше в основании Омской крепости. Авторы обвиняли друг

⁵⁰³ Брычков П. «Колумб» от краеведения // Омское время. – 1994. – № 17.

⁵⁰⁴ Евсеев Е. Иван Бухолц // Вечерний Омск. – 1986. – 29 мая.

⁵⁰⁵ Петров И. А Бухольц смеётся // Омская правда. – 1992. – 6 августа.

⁵⁰⁶ Фиалков Д. Пока только предположение // Омская правда. – 1991. – 12 января.

⁵⁰⁷ Шихатов И. Страсти по Ивану // Вечерний Омск. – 1991. – 28 октября.

⁵⁰⁸ Канаки К.В. Бухольц или Бухголец // Омский вестник. – 1991. – 20-26 апреля.

⁵⁰⁹ Гвоздев Б. Ружейная фамилия // Омская правда. – 1991. – 11 мая.

друга в “разладе с истиной”, “буйстве фантазии”, в искажении исторических фактов и дилетантстве»⁵¹⁰.

Наиболее яркой иллюстрацией кризиса советских идеалов и желания нащупать «точку опоры» в дореволюционном прошлом следует считать масштабную коммеморацию рубежа 1980–1990-х гг. – празднование 275-летия Омска в 1991 г. В период с 1986 по 1991 г. в общественной и культурной жизни произошли значительные перемены. Разрушение привычных символов исторической памяти и изменение идеологических парадигм актуализировали стремление восстановить утраченные связи с дореволюционным прошлым, с памятью ушедших поколений посредством обращения к забытым и замалчиваемым ранее сюжетам истории. В основу праздновавшегося в июне 1991 г. 275-летия Омска легла идея воссоздать картины прошлого, показать быт горожан дореволюционной России

Летом 1991 г. экономическая обстановка в Омской области, как и во всей стране, была весьма напряжённой. В городе бушевали политические митинги, местная власть находилась в состоянии растерянности, началось резкое снижение объёмов производства. Настоящее пугало, будущее виделось туманным – и люди всё больше обращались к прошлому. Грандиозное празднование 23 июня 1991 г. 275-летия города стало для его жителей «днём без политики, радостной передышкой»⁵¹¹. При большом стечении народа были подняты колокола на звонницу Никольского Казачьего собора (в советское время – органного зала Омской филармонии). Усилилась и тенденция к театрализации праздника: по улицам прошли люди в костюмах персонажей из прошлых эпох, ставших на время торжеств полноправными жителями Омска⁵¹². Шествие с элементами карнавала впервые состоялось во время первого масштабного празднования Дня города в 1987 г., а в 1991-м по ул. Ленина торжественно прошли конницы

⁵¹⁰ Келлер Л.И. Основные тенденции в развитии краеведения в 1985–1991 гг. на примере города Омска // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2019. – № 22. – С. 19.

⁵¹¹ Васильева С. Главный праздник всех омичей // Омская правда. – 2015. – 29 июля.

⁵¹² Блинова О.В., Котовщикова О.В. Омску 300 лет: традиция празднования дня города... – С. 48-54.

Сибирского казачьего войска, «парад дворников», одетых на дореволюционный манер, «омская купчиха Мария Шанина» приветствовала омичей с балкона своего особняка, в котором в советское время разместился Центральный универсальный магазин.

С первой половины 1990-х гг. начала приобретать массовую популярность реконструкция исторических событий с воспроизведением различных бытовых деталей прошлого. В день празднования 275-летия Омска на слиянии рек Омь и Иртыш, напротив речного вокзала, прошла театрализованная реконструкция высадки отряда основателя первой Омской крепости И.Д. Бухгольца. На площади, носящей его имя, был открыт памятный знак в честь основания Омска (скульптор С.А. Голованцев)⁵¹³.

Предъюбилейные мероприятия и сам юбилей 1991 г. способствовали возвращению из исторического небытия фигуры И.И. Шпрингера – устроителя второй Омской крепости. В советские годы его имя было практически забыто, вниманием историков он был обделён ещё больше, чем И.Д. Бухголец, упоминания в печати носили эпизодический характер, никаких попыток увековечить образ Шпрингера в пространстве города не предпринималось. Ситуация изменилась в начале 1990-х гг. В одной из заметок «Вечернего Омска» были опубликованы сведения о строительстве второй Омской крепости и И.И. Шпрингере⁵¹⁴. Спустя год историк-краевед Т.И. Галкина и М.К. Юрасова выступили в печати с более подробным рассказом о Шпрингере⁵¹⁵. В связи с юбилейными торжествами по случаю Дня города И.Ф. Петров предложил назвать один из участков набережной реки Оми именем «основателя новой крепости». В очерке «Генерал Шпрингер» краевед И.Е. Бродский высказал идею установки памятного знака рядом с предполагаемым местом погребения И.И. Шпрингера⁵¹⁶. Отметить место захоронения генерал-поручика памятной доской на стене

⁵¹³ Фролов В. Над площадью реет двуглавый орёл // Вечерний Омск. – 1991. – 22 июня.

⁵¹⁴ Малаш В. Сменит ли улица паспорт? // Вечерний Омск. – 1990. – 8 сентября.

⁵¹⁵ Галкина Т., Юрасова М. Основатель новой крепости // Омская правда. – 1991. – 25 сентября.

⁵¹⁶ Бродский И. Генерал Шпрингер // Омский вестник. – 1992. – 26 июня.

цветочного магазина, построенного на месте бывшего Иноверческого кладбища в советское время, предлагал М.М. Хахаев. Архитектор с печалью констатировал, что «основатель и строитель второй Омской крепости И.И. Шпрингер, к сожалению, незаслуженно забыт омичами. Улица, носившая его имя, переименована в Партизанскую, а могила утрачена ещё в прошлом веке»⁵¹⁷. Ряд публикаций, посвящённых личности И.И. Шпрингера, его роли в развитии Омска, а также проблемам увековечения памяти как самого Шпрингера, так и других знаменитых омичей времён царской России, вышли из-под пера И.П. Шихатова⁵¹⁸.

Памятный знак И.И. Шпрингеру был торжественно открыт в День города в августе 2000 г. Что интересно, им стала композиция, изготовленная и открытая в 1991 г. на площади Бухгольца в честь основания первой крепости. Но после установки в 1996 г. там памятника работы скульптора В.А. Трохимчука «Держава» знак в виде белоснежной колонны, увенчанной двуглавым орлом, был перемещён на правый берег Оми и установлен напротив Тобольских ворот, единственных сохранившихся в первоначальном виде ворот второй Омской крепости. В одном из газетных репортажей с открытия памятного знака подчёркивалось, что инициатором увековечения памяти И.И. Шпрингера «выступило Общество коренных омичей во главе с В.И. Селюком»⁵¹⁹.

Говоря о персоналиях XIX в., заметим, что в этом случае особенностью трансляции образов прошлого зачастую служит привязка к фактам непосредственного длительного проживания выдающихся соотечественников дореволюционного времени на омской земле. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. омскими региональными отделениями научных, культурно-просветительных и творческих организаций были инициированы проекты установки в городе памятников исследователю Сибири и основоположнику сибирского

⁵¹⁷ Хахаев М.М. Провалы памяти? // Вечерний Омск. – 1999. – 23 февраля.

⁵¹⁸ Шихатов И. Пантеон // Омский вестник. – 1996. – 15 февраля; Куда генералы пешком ходят // Зеркало плюс (Омск). – 1999. – 24 марта; Строитель новой Омской крепости // Московский комсомолец в Омске. – 2000. – 17-24 февраля.

⁵¹⁹ Петров А. Иван Шпрингер вернулся в Омск // Новое обозрение – Версия. – 2000. – 9-15 августа.

областничества Н.М. Ядринцеву, учёным и путешественникам М.В. Певцову и Ч.Ч. Валиханову. Из выдающихся земляков XX в., память которых было решено увековечить монументальными скульптурами, были выбраны деятели искусства: композитор В.Я. Шебалин и поэт Л.Н. Мартынов⁵²⁰.

В Новосибирске, городе с неглубокими, но разветвлёнными историко-культурными традициями, сложилась несколько иная ситуация. Как известно, в 1940–1960-е гг. в Новосибирске сформировалось одно из крупнейших в стране научных сообществ. Именно его выдающиеся представители в годы перестройки стали главными фигурами памяти не только регионального, но и сибирского значения. Были выдвинуты предложения установить в Новосибирске памятники инженерам-железнодорожникам А.М. Кошурникову, К.А. Стофато, А.Д. Журавлёву, погибшим в 1942 г. на реке Казыр при изыскании трассы железной дороги от Нижнеудинска до Абакана, а также создать в Академгородке аллею учёных, с установкой бюстов академиком Г.И. Будкеру, А.П. Окладникову, А.И. Мальцеву⁵²¹.

Коммеморации учёных и деятелей науки в Новосибирске с его уникальным научно-образовательным пространством в 1980–1990-е гг. стали отдельным направлением политики памяти. В 1988 г. в Академгородке был установлен памятник-бюст академику М.А. Лаврентьеву⁵²². Спустя два года там же был открыт Дом-музей основателя Академгородка, посетителями которого в течение года стали более двух тысяч человек⁵²³.

Но в ситуации конца 1980–1990-х гг. большинство масштабных монументальных проектов (установка памятников, открытие домов-музеев и т. п.) в городах Западной Сибири не были реализованы. На долгие годы «забуксовала» работа по созданию научно-мемориального центра им. Ю.В. Кондратюка в Новосибирске. В 1997 г. видные представители новосибирской технической и

⁵²⁰ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 23. Л. 36-37.

⁵²¹ ГАНУ. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 6. Л. 8-9.

⁵²² О памятнике академику М.А. Лаврентьеву // Наука в Сибири. – 1988. – 20 октября.

⁵²³ Бахтин В. А музей всё же Лаврентьевский! / Наука в Сибири. – 1991. – № 44.

гуманитарной интеллигенции обратились к руководителям города и области с просьбой изыскать средства для завершения ремонтных работ и открытия дома-музея Ю.В. Кондратюка к 100-летию со дня его рождения. Подписавшиеся подчёркивали, что дом-музей Ю.В. Кондратюка может стать туристическим объектом, привлекательным для российских и зарубежных туристов и «приносить в этом качестве немалый доход»⁵²⁴. В условиях социально-экономической нестабильности, гиперинфляции инициаторам мемориальных акций пришлось либо откладывать свои замыслы «до лучших времён», либо идти по пути «удешевления» проектов. Так, одной из наиболее распространённых форм фиксации исторической памяти в этот период становится установка памятных досок.

В 1989–1998 гг. на различных зданиях Академгородка были установлены мемориальные доски академикам АН СССР Д.К. Беляеву⁵²⁵, Г.К. Борескову, С.С. Кутателадзе, В.А. Кузнецову, С.Л. Соболеву, В.П. Чеботаеву⁵²⁶. В 1997 г. мемориальная доска появилась на доме, где жил почётный гражданин Новосибирска, ректор Новосибирского технического института (ныне – университета) Г.П. Лыщинский⁵²⁷.

В Новосибирске в апреле 1991 г. состоялось открытие мемориальной доски Ю.В. Кондратюку на фасаде здания, в котором он работал (ул. Советская, 24)⁵²⁸, в 1997 г. была установлена мемориальная доска Р.Л. Бартини на доме, где авиаконструктор жил с 1952 по 1956 гг.⁵²⁹

В конце 1980-х – 1990-е гг. произошёл новый виток в развитии литературного и музыкального мемориалов. Осенью 1998 г. рядом со зданием Новосибирской государственной консерватории был открыт памятник М.И.

⁵²⁴ Вечерний Новосибирск. – 1994. – 23 мая.

⁵²⁵ Ушакова О. Бронзовый барельеф // Наука в Сибири. – 1989. – 18 августа.

⁵²⁶ Посвящается академику В. Чеботаеву // Наука в Сибири. – 1998. – 11 сентября.

⁵²⁷ Помня о Г.П. Лыщинском // Советская Сибирь. – 1997. – 10 апреля.

⁵²⁸ В память об Александре Шаргее // Вечерний Новосибирск. – 1991. – 8 апреля.

⁵²⁹ К 100-летию Бартини // Вечерний Новосибирск. – 1997. – 4 июля.

Глинке⁵³⁰. Крупным юбилеем, возбуждавшим широкую мемориальную кампанию, стало 200-летие А.С. Пушкина. В 1999 г. в Омске на одном из зданий, расположенных на улице, названной в честь поэта (угол улиц Пушкина и Думской), была установлена мраморная мемориальная доска с бронзовым барельефом Александра Сергеевича⁵³¹.

Примечательно, что практика увековечения памяти деятелей науки и культуры не ограничилась только дореволюционными героями. К классикам вскоре присоединились и «современники»: сибирские писатели и музыканты позднесоветского периода. В 1998 г. в Новосибирске на стене дома, где располагалось региональное отделение Союза писателей, была открыта мемориальная доска в честь поэта, писателя и переводчика А.И. Плитченко, немало сделавшего в 1990-е гг. для возвращения городу памяти о его основателях и первых жителях⁵³². В 1997 г. в Омске установили мемориальную доску в память известной сибирской песенницы А.М. Оленичевой⁵³³. В 1999 г. мемориальной доской была увековечена память основателя Омского отделения Союза писателей СССР, известного очеркиста Л.И. Иванова (1914–1998), в своём творчестве затрагивавшего проблемы сибирской деревни⁵³⁴.

В постсоветский период широкое распространение получили практики увековечения памяти актёров театра и кино. До 1917 г. в западносибирских городах не сложилось устойчивых театральнo-сценических традиций. «Золотой век» театрального искусства и в Омске, и в Новосибирске пришёлся на 1950–1980-е гг. (Омский академический театр драмы, новосибирский театр «Красный факел»). В 1990-е гг. в Омске были установлены мемориальные доски артистам Омского драматического театра: народному артисту СССР А.И. Щёголеву (1993),

⁵³⁰ Он памятник себе воздвиг нерукотворный... // Вечерний Новосибирск. – 1998. – 15 сентября.

⁵³¹ Мемориальная доска А.С. Пушкину. [Электронный ресурс] Литературная карта Омска. – Режим доступа: <http://lib.omsk.ru/ip/litkarta/html/pers463.html> (дата обращения: 15.05.2020).

⁵³² В память о А. Плитченко // Советская Сибирь. – 1998. – 14 ноября.

⁵³³ Бучакова Т. «С нее начинался наш хор...» // Вечерний Омск. – 1997. – 15 ноября.

⁵³⁴ Виськин Ю. Памяти Леонида Иванова // Время [Омск]. – 1999. – № 43.

народным артистам РСФСР Т.А. Ожиговой (1994), А.Ф. Теплому и Б.М. Каширину (1999)⁵³⁵.

В 1990-е гг. в сибирских городах возникла практика увековечения памяти художников, которые в советские годы находились в статусе полуопальных. В 1994 г. в Омске была установлена мемориальная доска живописцу и монументалисту Н.Я. Третьякову⁵³⁶. В 1989 г. Новосибирским отделением Союза художников было подготовлено предложение о создании мемориальной доски художнику Н.Д. Грицюку⁵³⁷ (установлена в 2001 г.)⁵³⁸.

Стоящий особняком сюжет восстанавливаемой в конце 1980-х – 1990-е гг. социальной памяти – история сибирского казачества. Д.А. Алисов небезосновательно считает, что казаки и военные в середине XIX в. положили начало науке в Омске⁵³⁹. Институциональное возрождение упразднённого большевиками в 1920 г. сибирского казачества началось в конце 1980-х гг. Параллельно этому процессу к «казачьей» теме обращаются и западносибирские историки и краеведы.

Анализ публикаций, касающихся истории сибирского казачества, позволяет сделать вывод о том, что исследователи стремились не только к переосмыслению истории казачества в условиях изменившейся идеологической политики, но и к историописанию непосредственно, поскольку тема казачества оказалась сплошным «белым пятном». В 1990-е гг. масштабную работу в этой области проделал канд. ист. наук, доцент (позднее д-р ист. наук, профессор) ОГПИ (ОмГПУ) Ю.Г. Недбай⁵⁴⁰. Многие авторы, включившиеся в изучение

⁵³⁵ Во славу народных артистов // Омская правда. – 1999. – 16 июля.

⁵³⁶ Васильева С. Художнику, которым мы гордимся // Омский вестник. – 1994. – 22 ноября.

⁵³⁷ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

⁵³⁸ Мемориальная доска – реализм не фантастический. [Электронный ресурс] «Vn.ru» – новости Новосибирской области. – Режим доступа: <https://vn.ru/news-11330/> (дата обращения: 15.05.2020).

⁵³⁹ Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – С. 276.

⁵⁴⁰ Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири 1582–1808 гг. – Омск, 1996. – Ч. 1. – 118 с.; – Ч. 2. – 204 с.; – Ч. 3. – 158 с.; – Ч. 4. – 164 с.; Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 272 с.

сибирского казачества, публиковались в местной периодике. С серией публикаций, посвящённой истории и современному положению казачества Омской области, выступили Н.А. Томилов и Н.А. Хвостов⁵⁴¹. В изучение истории Сибирского казачьего войска углубился канд. ист. наук. В.А. Шулдяков⁵⁴². Анализу социально-экономического положения сибирского казачества в начале XX в. уделил внимание профессор В.М. Самосудов⁵⁴³. Некоторым локальным сюжетам казачьей истории, а также биографиям казаков посвятили свои статьи краеведы В.И. Селюк⁵⁴⁴, Ф.К. Надь⁵⁴⁵, М.А. Белокрыс⁵⁴⁶. Зачастую публикации носили полемический характер. Так, В.А. Шулдяков выступил с критикой цикла публикаций Н.А. Томилова и Н.А. Хвостова. По его мнению, «к неконъюнктурной ранее казачьей теме повернулась лицом наша академическая наука... и продемонстрировала свою полную неспособность»⁵⁴⁷.

Период 1990-х гг. ознаменовался проведением первых сибирских конференций, тематически посвящённых казачеству. В декабре 1996 г. в Омске была проведена научно-практическая конференция «Казачество – оплот русской государственности»⁵⁴⁸. В мае 1997 г. состоялись «Катанаевские чтения», в честь учёного-краеведа, этнографа, генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева. В конференции принимали участие преподаватели и студенты вузов Омска, Новосибирска и

⁵⁴¹ Томилов Н., Хвостов Н. Возрождение казачества. Проблемы и надежды // Омская правда. – 1992. – 2 июня; Омский вестник. – 1992. – 24 июня, 5, 6, 11, 12 августа.

⁵⁴² Шулдяков В. Сибирское казачье войско // Вечерний Омск. – 1990. – 26 ноября; Сибирское казачье войско // Омский вестник. – 1993. – 4, 6, 10 августа; Как возникло сибирское казачество // Омская правда. – 1997. – 21 марта; Пограничные линии и казаки // Омский вестник. – 1997. – 25 марта; Шулдяков В.А. Сибирское казачье войско в гражданской войне (по материалам Государственного архива Омской области) // Архивный вестник (Омск). – 1998. – № 6. – С. 47-54; К вопросу об участии Сибирского казачьего войска в гражданской войне на стороне белого движения (1918–1919 гг.) // Катанаевские чтения – 98. – Омск, 1998. – С. 248-255.

⁵⁴³ Самосудов В. Сибирские казаки // Омский вестник. – 1993. – 22 января.

⁵⁴⁴ Селюк В. Судьба казака // Вечерний Омск. – 1990. – 30 июля.

⁵⁴⁵ Надь Ф. Сибирское казачество // Омский вестник. – 1991. – 18-24 мая; Казаки – это ещё не весь народ // Вечерний Омск. – 1993. – 15 декабря.

⁵⁴⁶ Белокрыс М. Казачий симфонический был! // Вечерний Омск. – 1993. – 30 декабря.

⁵⁴⁷ Шулдяков В. Казачество и конъюнктура // Омский вестник. – 1992. – 23 сентября; Этика этикой, но и историю пожалеть надо // Омский вестник. – 1993. – 5 января.

⁵⁴⁸ «Казачество – оплот русской государственности» // Четверг. – 1997. – 3 января.

Томска. Следующие «Катанаевские чтения» были проведены в мае 1998 г., после чего стали регулярными⁵⁴⁹.

Вместе с изменением официального отношения к казачеству, обусловленного демонтажом советской идеологии, менялось и восприятие образа казачества историками, чьи профессиональные компетенции были сформированы в середине XX в. К молодым исследователям (В.А. Шулдяков, А.М. Лосунов) присоединились представители старшего поколения историков (М.Е. Бударин, А.Д. Колесников и др.). В 1997 г. профессор А.Д. Колесников публично заявлял, «что сибирский казак прежде всего не завоеватель, а защитник и пахарь, осваивавший здесь свободные земли, которыми прирастала Россия»⁵⁵⁰. Казачеству был полностью посвящён один из номеров популярного журнала «Земля сибирская, дальневосточная» за 1995 г. Помимо статей, в которых затрагивались самые различные аспекты бытования, культуры сибирских казаков на протяжении четырёх столетий, казачьего возрождения, на страницах спецвыпуска были опубликованы материалы условного «круглого стола» под заголовком «Так кто же они, казаки?». Участие в дискуссии принимали историки А.Д. Колесников, Ю.Г. Недбай, В.М. Самосудов, М.Е. Бударин, А.М. Лосунов, М.Л. Бережнова, журналист А.В. Поварницын, архивист К.Э. Безродных, общественник И.Д. Костицкий, главный редактор журнала Н.А. Терехов⁵⁵¹.

В условиях казачьего возрождения не заставили себя ждать и мемориальные инициативы. В 1993 г. на здании бывшего Войскового хозяйственного правления (ныне – Омская юридическая академия) была установлена мемориальная доска Г.Е. Катанаеву. Годом ранее, в 1992-м, Омско-Тарская епархия совместно со вторым отделом Сибирского казачьего войска одобрили идею сооружения в Омске памятника павшим в боях казакам Сибирского казачьего войска⁵⁵². В дальнейшем идею памятника, который

⁵⁴⁹ «Катанаевские чтения – 98» // Наука в Сибири. – 1998. – № 5-6.

⁵⁵⁰ Широков Н. Под одной иконой с разными помыслами // Коммерческие вести. – 1997. – 25 декабря.

⁵⁵¹ Так кто же они, казаки? // Земля сибирская, дальневосточная. – 1995. – № 9-10. – С. 2-3.

⁵⁵² Памятник казакам, погибшим за Отечество // Вечерний Омск. – 1992. – 14 августа.

планировалось поставить в сквере рядом с Никольским Казачьим собором, активно продвигал один из наиболее деятельных омских краеведов И.П. Шихатов⁵⁵³. Он же в 1998 г. выступил с предложением создать в Омске музей Сибирского казачьего войска⁵⁵⁴.

Анализ публикаций второй половины 1980-х – 1990-х гг. заставляет увидеть, насколько трудным оказался путь, пройденный гуманитарной интеллигенцией вместе со всем обществом за эти 15 лет. Применительно к процессу трансформации исторической памяти наиболее характеризующим некоторые его аспекты нам видится слово «обретение». К концу 1990-х гг. общество, совершившее стремительный рывок к свободе, не только и не столько переосмысливало, оценивало прошлое, но и во многом именно обретало свою историю. В этом плане глубоко символическим выглядят заголовок и содержание статьи журналиста Л.М. Флаума, рассказывающей о неожиданной находке в библиотеке Омского аграрного университета рукописи Г.Е. Катанаева об истории сибирского казачества, считавшейся утраченной⁵⁵⁵. Стало очевидно, что семьдесят с лишним лет господства советской идеологии не только не стёрли из памяти народа образ дореволюционной России, но, как ни парадоксально, придали ему устойчивости. Многолетняя борьба с прошлым наделила его мифологическими чертами (со знаком «плюс»), закрепив добродетельный образ ушедшей эпохи в сознании людей 1990-х. Постперестроечное десятилетие явилось начальным этапом длительной и кропотливой работы, целью которой стала необходимость разобраться в сложной и противоречивой русской истории.

§ 2. Гуманитарная интеллигенция крупных городов Западной Сибири и осмысление исторического опыта XX в.

⁵⁵³ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.

⁵⁵⁴ Шихатов И. Васнецов в Омске // Омский вестник. – 1998. – 17 ноября.

⁵⁵⁵ Флаум Л. Минувя век, к нам рукопись пришла // Крестьянское слово. – 2000. – 21 марта.

В своей книге, посвящённой символической политике российской власти с 1991 по 2014 г., политолог О.Ю. Малинова называет Великую Октябрьскую социалистическую революцию ключевым элементом советского исторического нарратива, «мифом основания» советского государства. Исследователь обращает внимание на то, что «события, выполняющие такую функцию, не только знаменуют поворотный момент в истории сообщества, но и символизируют вектор его развития», а значит, без реинтерпретации событий 1917 г. невозможно конструировать смысловые схемы, объясняющие связь между прошлым, настоящим и будущим⁵⁵⁶.

Рассматривая в первой главе сюжеты, связанные с празднованием в Сибири в 1987 г. 70-летия Великого Октября, мы смогли убедиться, что на разных этапах советской истории ключевой нарратив претерпевал изменения, корректировался и трансформировался, но в целом остался монолитным вплоть до момента распада СССР. Впервые официальное публичное осуждение Октябрьской революции и гражданской войны прозвучало в 1994 г., когда первый президент РФ Б.Н. Ельцин в обращении к Федеральному собранию заявил о разложении тоталитарной государственной идеологии, выразителем которой была КПСС, и приходе ей на смену осознания «естественной исторической и культурной преемственности»⁵⁵⁷. Именно в 1990-е гг. произошла радикальная общественная переоценка событий 1917–1922 гг.: коллективная память о них претерпела значительные изменения.

Воспоминания о событиях революции и гражданской войны в России, выражаясь языком современной исторической антропологии, являются одним из наиболее ярких примеров «культурной травмы». Скепсис, который способно вызвать среди значительной части историков это закрепившееся благодаря

⁵⁵⁶ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 32.

⁵⁵⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики). – М., 1994. – С. 77.

работам П. Штомпки⁵⁵⁸, Й. Рюзена⁵⁵⁹, Д. Александра⁵⁶⁰ словосочетание, не отменяет самого факта травматизма, подтверждением чему служат не затихающие больше четверти века «войны памяти». В этих «войнах» Западная Сибирь не стала «тыловой» зоной, а, наоборот, превратилась в огромное поле битвы. Память сибиряков о гражданской войне имеет уникальные черты, она самобытна и разнообразна в своих проявлениях. Области исторической травмы напрямую связаны с восприятием Западной Сибири в качестве территории, явившейся главным центром белогвардейского сопротивления большевизму, со всеми сопутствующими этому обстоятельству потрясениями. Трагедия «белой» Сибири (как центра на определённом этапе гражданской войны «белой» России) с конца 1980-х гг. стала предметом историко-культурной рефлексии сибирской интеллигенции. В качестве главных маркеров памяти о гражданской войне в Западной Сибири выступили личность предводителя «белых» сил, Верховного правителя России А.В. Колчака и возглавляемый им политический режим, в советской историографии закрепившийся под названием «колчаковщина».

В трудах советских историков «колчаковщина» традиционно трактовалась как кульминация процесса неизбежной смены «демократической контрреволюции» контрреволюциями буржуазно-помещичьими (кадетско-монархической, белогвардейской)⁵⁶¹. Фигура самого А.В. Колчака как предводителя белогвардейской диктатуры оценивалась историками в негативном ключе, а яркие отрицательные характеристики («чёрный адмирал Волчак», «наёмник англо-американских интервентов» и др.), используемые в популярной краеведческой литературе⁵⁶², фиксировали зловещий образ в массовом сознании.

⁵⁵⁸ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6-16.

⁵⁵⁹ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 38-62.

⁵⁶⁰ Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5-40.

⁵⁶¹ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – М.: Мысль, 1983. – С. 8.

⁵⁶² Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города... – С. 167; Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. – Омск, 1967. – С. 114.

На десятилетия имя А.В. Колчака стало символом жестокой диктатуры (хуже всякой царской, по выражению В.И. Ленина), подчёркивавшим «антинародный» характер Белого движения, а на изучение биографии Верховного правителя фактически был наложен запрет (несмотря на то, что Колчак упоминался в литературе чаще других «белых» лидеров). В годы перестройки табуированность и однозначность исторических трактовок вызвали «обратный эффект»: многие исследователи начали проявлять особый интерес к личности А.В. Колчака, возникло стремление к объективным оценкам и беспристрастности. Эти факторы способствовали выходу в свет ряда публикаций, заметно отличавшихся от типичных для советской историографии трудов.

Памятуя о сегодняшней кинематографической и рекламно-брендовой популярности фигуры А.В. Колчака (художественные и документальные кинофильмы, публикации в «глянцевых» изданиях, названия ресторанов, алкогольных напитков и т. д.), следует отметить, что представители гуманитарной интеллигенции в 1985–1991 гг. не имели ни намерений, ни как таковой возможности героизировать «белого адмирала». Речь шла исключительно об отказе от тенденциозности, освобождённом от пут идеологии историческом анализе роли конкретной личности. Осенью 1989 г. в городах Западной Сибири проходили празднования 70-летия освобождения Сибири от колчаковцев, сопровождавшиеся публикациями в местных газетах ⁵⁶³, организовывались встречи с участниками гражданской войны и их родственниками. Эти публикации и коммеморативные акции мало чем отличались от аналогичных, приуроченных к прошлым юбилеям. Однако уже в 1990 г. в печати появились принципиально новые по авторской интонации и спектру затрагиваемых проблем тексты. В газете «Вестник культуры», официальном органе Омского отделения СФК, была опубликована статья челябинского краеведа И.Г. Непеина «Да, я адмирал

⁵⁶³ К 70-летию освобождения Сибири от Колчака // Вечерний Новосибирск. – 1989. – 4 июля; Жиндерова Л. В этот день, 70 лет назад, на омской земле была восстановлена Советская власть // Омская правда. – 1989. – 15 ноября; Гузеева В. Революционный огонь неугасим! // Советская Сибирь. – 1989. – 10 декабря, – 19 декабря; Познанский В. «Власть Колчака объявить низложенной» // Советская Сибирь. – 1989. – 15 декабря.

Колчак...». Автор открыто критиковал практику окарикатуривания А.В. Колчака в советской литературе: «На поверхность выплыли фальшивки, ходульные и лубочные изображения, из которых видно, что наш злейший враг был тупым, глупым, ограниченным человеком... Никакой радости от победы над таким врагом победитель испытывать, естественно, не мог... Самое плохое – полуправда»⁵⁶⁴. Специалисты и исследователи-любители, занимавшиеся биографией А.В. Колчака в конце 1980-х гг., также отмечали, что многочисленные мифы о нём были растиражированы не только советской литературой, но и белоэмигрантской мемуаристикой, склонной идеализировать личностные качества адмирала.

Знаковая для времён перестройки публичная апелляция к необходимости всеобщего соблюдения принципов законности нашла отражение и в трудах, посвящённых истории гражданской войны. Новосибирский историк, д-р ист. наук В.С. Познанский, не подвергая сомнению необходимость юридического осуждения А.В. Колчака, отмечал: «С позиции юрисдикции, конечно, нельзя признать верным суд трибунала, когда судьи были подобраны отнюдь не беспристрастные, процесс проходил в атмосфере общественного давления, мера наказания предопределялась партийно-советскими органами»⁵⁶⁵.

С В.С. Познанским оказался солидарен и его коллега, д-р ист. наук, сотрудник Института истории СО АН СССР В.И. Шишкин, среди других сибирских гуманитариев внёсший значительный вклад в деидеологизацию практики изучения истории колчаковщины и биографии А.В. Колчака. В ряде публикаций 1989–1992 гг.⁵⁶⁶ В.И. Шишкин развенчал множество закрепившихся в историографии мифов о Верховном Правителе России, удержавшись при этом

⁵⁶⁴ Непсин И. «Да, я адмирал Колчак...» // Вестник культуры. – 1990. – № 1.

⁵⁶⁵ Познанский В.С. Суд над министрами Колчака // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1990. – Вып. 1. – С. 44-51.

⁵⁶⁶ Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1989. – Вып. 1. – С. 59-63; Адмирал Колчак: человек и политик // Сибирская газета. – 1990. – 5 февраля; К характеристике политических взглядов адмирала А.В. Колчака в 1917–1919 гг. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1992 – Вып. 3. – С. 9-14;.

от соблазна «обелить» своего героя. Обращаясь к теме оформления образа Колчака в коллективной памяти сибиряков, историк дистанцировался от комплиментарности: «В народную память и общественное сознание Колчак надолго вошёл как отнюдь не сказочная, а реальная злая сила. В 20-е годы им пугали непослушных детей, его именем оскорбляли друг друга. В Сибири у Верховного появилось огромное количество “однофамильцев”: такой клички удостоилась не одна сотня злых деревенских кобелей. Тогда же Колчак стал одним из “популярных” персонажей сибирского фольклора. Частушку, заканчивавшуюся словами “правитель смылся”, пели ещё совсем недавно». В публикациях постсоветского периода В.И. Шишкин подчёркивает, что жители России и особенно Сибири заплатили за ликвидацию колчаковщины «непомерно дорогую цену – десятки тысяч жизней»⁵⁶⁷.

Как «далёкое от истины» В.И. Шишкин характеризует и утвердившееся в общественном сознании мнение о монархических взглядах А.В. Колчака. По убеждению историка, «если Колчак и был монархистом, то только в том смысле, что признавал такую форму правления как данность и до 1917 г. никогда не ставил под сомнение её целесообразность... Наконец, он рассчитывал, что революция... приблизит победоносный исход войны. А победу над Германией и её союзниками Колчак считал “самым важным делом, стоящим выше всего, – и образа правления, и политических соображений”»⁵⁶⁸.

Особенностью трудов о А.В. Колчаке конца 1980-х – начала 1990-х гг. является и то обстоятельство, что недобрую «славу» сибирского диктатора начала теснить вполне реальная слава его как крупного полярного исследователя и флотоводца. К этому сюжету колчаковской биографии обращаются как учёные-историки, так и писатели, журналисты. М.Е. Бударин в начале 1990-х гг., характеризуя научную деятельность Колчака, отмечает, что как исследователь Севера он мог считаться «гордостью русского флота»⁵⁶⁹. В статье «Гуманист или

⁵⁶⁷ Шишкин В. Колчак: человек, учёный, политик // Наука в Сибири. – 1992. – 5 февраля.

⁵⁶⁸ Шишкин В. Колчак: человек, учёный, политик // Наука в Сибири. – 1992. – 6 февраля.

⁵⁶⁹ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 66. Л. 7.

кровавый адмирал?» М.Е. Бударин развивает мысль: «Если бы адмирал занимался только своим любимым делом – наукой, его имя было бы вписано в историю отечественной и мировой географии. Но своей военной диктатурой, беспощадной борьбой с революционным народом адмирал многое перечеркнул в своей биографии»⁵⁷⁰. В.И. Шишкин характеризовал научную работу А.В. Колчака как «самоотверженную», подчёркивая её высокую оценку научным сообществом России 1900-х гг. Флотоводческая деятельность адмирала в годы Первой мировой войны также виделась ему весьма успешной.

На рубеже 1980–1990-х гг. в «колчаковской» биографической литературе получил развитие сюжет, который спустя некоторое время в краеведческих работах популярного характера вышел на первый план, а вскоре нашёл живой отклик и плотно закрепился в сознании обывателя – подробности личной жизни Верховного Правителя. О романе А.В. Колчака и А.В. Тимирёвой упоминается в публикациях В.И. Шишкина⁵⁷¹; И.Ф. Петров посвятил этой любовной истории очерки «Расплата»⁵⁷² и «История одной любви»⁵⁷³. Интерес к теме взаимоотношений Колчака и его фактической супруги усилился во второй половине 1990-х гг. Об этом свидетельствует содержание публикаций общественного деятеля Н.В. Толмачёвой⁵⁷⁴, искусствоведа И.Г. Девятьяровой⁵⁷⁵, некоторых журналистских очерков⁵⁷⁶. Недоступные ранее читателю факты биографии А.В. Колчака, подробности его жизни в Омске в 1918–1919 гг.

⁵⁷⁰ Бударин М., Колесников А. Гуманист или кровавый адмирал? // Омская правда. – 1991. – 16 ноября.

⁵⁷¹ Колчак влюблённый и любимый: фрагменты личной переписки А. Колчака и А. Тимирёвой, 1917–1919 гг. / публ. В. Шишкина // Сибирская газета. – 1992. – 24 февраля – 2 марта; Колчак влюблённый. Переписка А.В. Колчака с А.В. Тимирёвой / публикацию подготовил В.И. Шишкин // Сибирские огни. – 1993. – № 5-6. – С. 149-160.

⁵⁷² Петров И. Расплата // Вечерний Омск. – 1990. – 1,3,4 октября.

⁵⁷³ Петров И. История одной любви // Земля сибирская, дальневосточная. – 1991. – № 9. – С. 17-20, 48-49.

⁵⁷⁴ Толмачёва Н. Звезда любви Александра Колчака // Четверг. – 1996. – 11 апреля.

⁵⁷⁵ Девятьярова И. Бывал ли адмирал Колчак в доме Антона Сорокина? // НОС: Новое омское слово. – 1998. – 12 ноября.

⁵⁷⁶ Леонов Ф. В день расстрела ему было 45 лет... // Крестьянское слово. – 2000. – 14 марта; Третьякова Л. Жестокий романс адмирала // Крестьянка. – 2000. – № 5.

освещаются в первой половине 1990-х гг. в публикациях краеведов Н.Г. Линчевской⁵⁷⁷, И.П. Шихатова⁵⁷⁸, А.П. Раковой⁵⁷⁹, Б.С. Гвоздева⁵⁸⁰.

Если для политики памяти периода 1920–1930-х гг. абсолютной константой была практика очернения любых позитивных характеристик «правителя Омского» и его режима, закрепившаяся в популярных публикациях вплоть до начала перестройки⁵⁸¹, то на рубеже 1980–1990-х гг. ситуация изменилась кардинальным образом. В первой половине 1990-х гг. значительная часть сибирских исследователей уже была не склонна рассматривать период колчаковщины как исключительно мрачную страницу истории и писать исторический портрет А.В. Колчака только тёмными красками. Более того, историки и публицисты в какой-то степени сочли своим долгом способствовать процессу деформирования стереотипного восприятия обществом военно-революционных событий, а также отказу от шаблонных воспоминаний, сформировавшихся за годы советской власти. Этой позиции придерживались даже историки «просоветской» направленности, такие как М.Е. Бударин и А.Д. Колесников. По мнению В.И. Шишкина, с гибелью Колчака «Россия потеряла талантливого человека, горячо её любившего и служившего ей в меру своего понимания национальных интересов»⁵⁸². На смену шаржированно-карикатурному изображению непримиримого врага, иностранного наёмника и диктатора адмирала Колчака пришёл образ сильного и умного политика, личности крупной и неоднозначной.

Для текстов о Колчаке 1989–1991 гг. характерно стремление к объективности. В публикациях же 1990-х гг. обозначилась тенденция к некоторой идеализации личности Верховного правителя. В статье 1993 г. А.М. Лосунов

⁵⁷⁷ Линчевская Н. Из жизни «белого» Омска // Омский вестник. – 1991. – 22-29 июня.

⁵⁷⁸ Шихатов И. Белый дом «белой» России // Вечерний Омск. – 1993. – 23 декабря.

⁵⁷⁹ Ракова А. Город, в котором рушились иллюзии // Вечерний Омск. – 1993. – 4 декабря; По Омску вслед за Колчаком // Зеркало (Омск). – 1994. – 9-15 февраля.

⁵⁸⁰ Гвоздев Б. Дом на берегу // Вечерний Омск. – 1995. – 17 февраля.

⁵⁸¹ См. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... – С. 380-381.

⁵⁸² Шишкин В. Колчак: человек, учёный, политик // Наука в Сибири. – 1992. – 6 февраля.

называет адмирала «рыцарем подвига», характеризует его как человека «безукоризненной моральной чистоты, брезгливо сторонившегося интриг, бурно ненавидевшего произвол»⁵⁸³. Председатель омского клуба пушкинистов «Надежда» Н.В. Толмачёва в 1999 г. подчёркивала, что «многие современники Колчака отмечали в его действиях отсутствие личной заинтересованности и абсолютное бескорыстие, особенно столь редкое для людей, прорвавшихся к власти»⁵⁸⁴.

Публикация в 1990-е гг. большого количества научных и научно-популярных текстов, посвящённых биографии А.В. Колчака и его правлению в Сибири в 1918–1919 гг., способствовали началу моральной реабилитации «белого» движения и его участников. Установка памятника Колчаку в Иркутске стала предметом философского осмысления М.Я. Рожанского: «Началась реабилитация Колчака в Иркутске ещё в девяностых, причём от телесного к эмоциональному: сначала появилась марка пива “Адмирал Колчак”, а в 1998 году в Иркутском драмтеатре поставили спектакль “Звезда Адмирала”. Автор пьесы дополнил реабилитационный пакет альбомом романсов, в которых рифмовались любовь и кровь. Следующим этапом должен был стать рациональный – аргументы “за” и “против”, обсуждение “роли”, “места”, “вынужденных действий”, “характерных позиций” и так далее – в общем, весь репертуар тем, которые входят в понятие дискуссии об истории»⁵⁸⁵.

В Омске о памятнике А.В. Колчаку впервые заговорили в 1992 г. Эскизный проект памятника, который предполагалось установить возле особняка Батюшкина, где была резиденция Колчака, разработали С.А. Голованцев и М.М. Хахаев по заказу молодёжного клуба «Белая гвардия». Причём уже тогда по задумке инициаторов акции будущий монумент противопоставлялся памятникам коммунистическим вождям и героям, рассматривался как некая альтернативная версия развития монументального пространства Омска. В неподписанной заметке

⁵⁸³ Лосунов А. Не знавший о перевороте // Омский вестник. – 1993. – 23 ноября.

⁵⁸⁴ Толмачёва Н. Тяжкий крест опального адмирала // Четверг. – 1999. – 23 ноября.

⁵⁸⁵ Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти... – С. 32.

в газете «Омский вестник» обращалось внимание на тот факт, что мемориальный ландшафт города крайне беден, в большом количестве представлены только памятники В.И. Ленину⁵⁸⁶.

Инициатива увековечения А.В. Колчака в скульптуре, а также сопровождавшее её предложение назвать именем адмирала участок городской набережной обернулись громким скандалом в масштабах Сибири. Ветеранскими сообществами Кемерово на имя тогдашнего председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатова было направлено письмо с жалобами на «навязчиво пропагандируемое» предложение по созданию в Омске памятника «ставленнику Антанты как якобы учёному, путешественнику, адмиралу» и требованием «приостановить реализацию позорной акции»⁵⁸⁷.

Идея памятника расколола омскую интеллигенцию на два враждебных друг другу лагеря, хотя и не поднявших открыто «белые» и «красные» знамёна, но сохранивших при этом признаки существующей со времён гражданской войны поляризации. Установить в Омске памятник Колчаку активно призывали в СМИ краеведы И.П. Шихатов и В.И. Селюк⁵⁸⁸. Не поддержал идею памятника и переименования набережной Н.А. Томилов, заметивший, что «остаются документы, подтверждающие преступный террор Колчака против сибиряков»⁵⁸⁹. Категорически против выступал канд. ист. наук П.Н. Наумов⁵⁹⁰.

Вышедшие в плоскость публичного обсуждения споры вокруг увековечения личности А.В. Колчака не могли не породить «компромиссный» вариант коммеморации. Так, в 1995 г. канд. ист. наук, директор Омского областного краеведческого музея П.П. Вибе выступил с предложением установить «Памятник жертвам гражданской войны в России», который должен был стать символом народного примирения, а также мемориальных досок на зданиях, связанных с событиями 1918–1919 гг., в том числе памятной доски А.В.

⁵⁸⁶ Не одному же Ильичу стоять на пьедестале // Омский вестник. – 1992. – 16 декабря.

⁵⁸⁷ Васильева С. Гори, гори, моя звезда // Омский вестник. – 1998. – 12 ноября.

⁵⁸⁸ Селюк В. Не погалса звезда Колчака // Зеркало плюс (Омск). – 1998. – 18-24 ноября.

⁵⁸⁹ Томилов Н. Памятники палачам или гуманистам? // Омская правда. – 1993. – 19 января.

⁵⁹⁰ Наумов П. С кем вы, историки? // Омское время. – 1999. – 6 января.

Колчаку на доме, где он жил⁵⁹¹. Однако тогда это предложение не нашло поддержки ни в среде научного сообщества, ни у городских руководителей, ни у жителей Омска.

Во многом причиной торможения процесса восстановления в правах участников гражданской войны, воевавших на стороне «белых», стала устойчивость советских идеологических штампов в массовом сознании: общественность оказалась не готова к механической замене образов советских героев, вождей и полководцев (Ленина, Фрунзе, Тухачевского) на подобный образ «благородных белых офицеров» во главе с адмиралом Колчаком. Позволяя себе выйти за хронологические рамки исследования, заметим, что в 2000-е гг. деятельность сибирской гуманитарной интеллигенции по трансформации восприятия образа А.В. Колчака в коллективной памяти сибиряков продолжилась уже в связке с местными властями, ещё больше активизировавшись⁵⁹². Но и сегодня фигура «белого адмирала» вызывает противоречивые оценки, как среди историков, так и в обществе. Положительный образ А.В. Колчака в массовом сознании едва ли можно назвать укоренившимся⁵⁹³.

Осмысливая практики мемориализации фигуры А.В. Колчака в 1990-е гг., а также анализируя процесс трансформации образа адмирала в коллективном сознании, И.Ф. Петров с горечью констатировал в 2001 г., что «общество по-прежнему расколото» и, по сути, до сих пор делится на «белых» и «красных», находясь в состоянии холодной гражданской войны, черта под которой не подведена и спустя восемьдесят лет. Выход умудрённому жизненным опытом писателю виделся в трудоёмкой и неспешной работе по изучению прошлого и отказе от инициатив, способных разжечь общественное противостояние: «От мифов, порождённых политикой, давно пора избавляться, не

⁵⁹¹ Вибе П.П. Война с памятниками // Культура Сибири. – 1995. – № 1. – С. 9-10.

⁵⁹² Прим. Мемориальная доска А.В. Колчаку в Омске на здании его бывшей резиденции была установлена в 2004 г. В 2012 г. в этом же доме в качестве подразделения Исторического архива Омской области был открыт Центр изучения истории Гражданской войны. В этот же период был подготовлен проект памятника А.В. Колчаку в Омске, скульптура была выполнена М.А. Ногиным, но памятник не был установлен.

⁵⁹³ Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных... – С. 100-102.

надо больше ничего делать такого, что накаляло бы и без того нервную атмосферу... Пора поостыть от прежнего накала страстей. Хватит с нас революций и переворотов! Нужна эволюция к здравому смыслу. Будем же благоразумны и милосердны! Будем видеть друг в друге прежде всего своих добрых сограждан, а не врагов. В этом наше спасение. В этом залог наших успехов в будущем»⁵⁹⁴.

Пример с А.В. Колчаком и колчаковщиной в целом можно считать характерным. Обрушившийся на общество во второй половине 1980-х гг. поток информации и стремительно менявшаяся идеологическая конъюнктура, повлиявшая на политику памяти, привели в состояние аномии большую часть гуманитарной интеллигенции, историков – в особенности. Д-р ист. наук, профессор В.Л. Соскин, ещё в конце 1980-х гг. заступаясь на страницах «Науки в Сибири» за драматурга М.Ф. Шатрова, критиковал историческое сообщество. Он отмечал: «Приходится, однако, признать, что новая концепция истории СССР активнее разрабатывается писателями и публицистами, чем представителями исторической науки. Историки не имели обыкновения писать “в стол”, поэтому им сейчас и нечего оттуда достать... Работа историка кропотлива и не терпит суеты. И всё же нельзя не сказать, что сегодняшняя ситуация, в частности в нашем ИИФФ (Институт истории, филологии и философии СО АН – С.Н.), очень уж сильно напоминает откровенное выжидание. Правда, многие архивы и теперь закрыты для исследователей. Есть и субъективные моменты: некоторые представители нашей науки, видимо, считают для себя неудобным пересматривать устоявшиеся взгляды»⁵⁹⁵. Спустя четыре года, когда основные печатные баталии завершились, д-р ист. наук, академик Н.Н. Покровский видел выход из сложившегося кризиса в расширении археографических практик: «Я убеждён, что для исторической науки сегодня нет более важной задачи, чем освобождение от любых политических страстей и идеологических построений, публикация первоисточников. Надо дать и учёным, и

⁵⁹⁴ Петров И. Время. Люди. Памятники // Новое обозрение – Версия. – 2001. – 20-26 июня.

⁵⁹⁵ Соскин В. «...Стыдно не меняться» // Наука в Сибири. – 1988. – 7 апреля.

обществу возможно более широкий и представительный массив текстов, отражающих всю сложность, противоречивость картины прошлого, а не избранные её стороны»⁵⁹⁶.

Изучение материалов сибирской периодики позволяет нам представить спектр сюжетов исторической памяти в 1980–1990-е гг. Помимо обозначенной проблематики качественно иного восприятия истории революционных событий 1917 г. и гражданской войны в России к таким сюжетам следует отнести события межвоенного периода: внутрипартийная борьба 1920-х гг., индустриализация и коллективизация в СССР, массовые репрессии 1930-х гг. и т. д. Выходу на первый план именно этого сюжета в значительной степени способствовала деятельность общественных организаций (общество «Мемориал»), объединивших в своих рядах и профессиональных учёных-историков. Однако это же обстоятельство делает затруднительным поиск ответа на вопрос о причинно-следственных связях. Иной раз сложно понять: гражданская ли инициатива подтолкнула историческое исследование, или же труды историков послужили основой для воплощения в жизнь общественных проектов? Так, например, на страницах «Науки в Сибири» периода 1980–1990-х гг. неоднократно встречаются фамилии историков С.А. Красильникова, И.В. Павловой, также являвшихся активистами Новосибирского отделения общества «Мемориал». Публикации этих авторов фиксируют стремительную трансформацию не столько представлений о прошлом, сколько подходов и методов его изучения.

Ещё в 1987 г. новосибирскими историками была начата просуществовавшая до начала 2000-х гг. практика организации и проведения круглых столов по проблематике изучения истории НЭПа, коллективизации и т. д. С 1986 г. в газете «Наука в Сибири», журнале «Сибирские огни» появились статьи историко-публицистического характера, посвящённые темам революции, гражданской войны, межвоенного периода. С.А. Красильников, обратившийся во второй половине 1980-х гг. к изучению наследия Н.И. Бухарина и других

⁵⁹⁶ Покровский Н. Нужно издавать первоисточники, если действительно хочешь разобраться в истории Отечества // Наука в Сибири. – 1992. – 25 июля.

репрессированных представителей «ленинской гвардии», характеризовал большинство текстов в жанре советской политической биографии, посвящённых деятелям послеоктябрьского периода, как ущербные и тенденциозные⁵⁹⁷. И.В. Павлова в статье «Будет ли написана история ГУЛАГа? Открытое письмо к историкам» говорит о раскрывшейся благодаря перестройке «глубине и беспредельности» фальсификации советской истории и призывает историков к переосмыслению своей деятельности, отказу от тиражирования мифологических сюжетов и обращению к «реальной истории». По мнению И.В. Павловой, «историки в большинстве своём не пришли к покаянию за своё участие в фальсификации истории своей страны»⁵⁹⁸.

Одна из главных травм советского периода – массовые репрессии эпохи сталинизма – не могла не стать предметом профессиональной и личной рефлексии интеллигенции западносибирских городов. Более того, именно эта тема полностью исключила элемент соревнования за право называться сибирской столицей, в той или иной степени характерный для большинства сюжетов коллективной памяти, транслируемых просветительскими сообществами Омска и Новосибирска. Таким образом, данный факт подтверждает вывод, сделанный в наши дни Н.В. Эпшле в книге, посвящённой осмыслению трагических страниц советской истории: «Боль, наиболее отчётливо связанная со сталинским периодом истории, – это, пожалуй, единственно подлинно общий опыт, объединяющий или способный объединить не только россиян, но и всех жителей постсоветского пространства»⁵⁹⁹.

Публикации 1990-х гг. едва ли можно охарактеризовать как тексты, способствовавшие историко-философскому осмыслению трагического опыта репрессий. Скорее, следует говорить об археографическом прорыве. Прежде чем осмыслить трагедию прошлого, необходимо было описать её в подробностях. В

⁵⁹⁷ Красильников С. Бухаринистика, как ветвь лидерологии // Наука в Сибири. – 1989. – 15 сентября.

⁵⁹⁸ Павлова И. Будет ли написана история ГУЛАГа? Открытое письмо к историкам // Наука в Сибири. – 1989. – 27 октября.

⁵⁹⁹ Эпшле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 34.

Омске автором, ставшим первооткрывателем истории политических репрессий для массового читателя, стал В.М. Самосудов, опубликовавший в 1993–2000 гг. около тридцати газетных статей на эту тему⁶⁰⁰. С сожалением можно констатировать, что после смерти В.М. Самосудова в 2000 г. в городе не нашлось столь старательного исследователя соответствующей научной квалификации, способного продолжить начатое им дело. Иначе сложилась ситуация в Новосибирске, где под руководством С.А. Красильникова сформировался плодотворно работающий творческий коллектив учёных, специализирующихся на изучении данной проблематики.

Среди новосибирских историков в 1980–1990-е гг. значительной публикационной активностью и разносторонностью интересов отличался В.Л. Дорошенко, доцент Новосибирского государственного университета. Окончивший историческое отделение гуманитарного факультета НГУ, не имевший учёной степени, в годы перестройки он занялся историческими исследованиями, ярко проявил себя как публицист и просветитель. Жанры, в которых работал В.Л. Дорошенко, разнообразны: очерки, репортажи, публикации документов с авторскими комментариями, рецензии. Большая часть его публикаций посвящена отечественной истории XX в., в частности – периоду 1920–1930-х гг. В 1989 г. «Наука в Сибири» печатает отрывки из статьи «Ленин против Сталина. 1922–1923» о противоборстве двух вождей в вопросе государственного устройства СССР⁶⁰¹. В статье «Именем Ленина: начало

⁶⁰⁰ См. Самосудов В. Сын генерала // Омский вестник. – 1993. – 20 мая; Омский заговор 1937 года // Омский вестник. – 1993. – 27 мая; Перед кровавой тройкой // Омский вестник. – 1993. – 19 августа; ... И казаков расстреливали // Омский вестник. – 1993. – 9 сентября; «Татарское подполье» // Омский вестник. – 1993. – 16 сентября; Степные заговорщики // Омский вестник. – 1993. – 23 сентября; Приёмы следствия // Омский вестник. – 1993. – 2 декабря; Расстрел по контрольным цифрам // Омский вестник. – 1994. – 6 января; «Отравители» // Омский вестник. – 1994. – 7 апреля; Поруганная дружба народов // Омский вестник. – 1994. – 28 апреля; Заговоры поляков в Сибири // Омский вестник. – 1994. – 30 июня; Кровавое воспитание // Омский вестник. – 1994. – 4 августа; Победители // Омский вестник. – 1995. – 20 апреля; Особое сословие. – 1995. – 27 апреля; У истоков большого террора // Омский вестник. – 1997. – 29 мая; России верные рабы // Омский вестник. – 1997. – 18 сентября; На переломе // Омский вестник. – 1998. – 29 января; Планы расстрелов перевыполнялись // Вечерний Омск. – 1999. – 27 апреля.

⁶⁰¹ Дорошенко В. Ленин против Сталина // Наука в Сибири. – 1989. – 28 апреля.

фальсификации» автор рассказывает читателям о противостоянии Ленина другим членам тогдашнего Политбюро по вопросам национальной политики⁶⁰². В другой статье того же цикла В.Л. Дорошенко анализирует опубликованные в журнале «Известия ЦК КПСС» материалы, раскрывающие суть конфликта Ленина и Сталина после оскорбления последним Н.К. Крупской в 1923 г.⁶⁰³

Проблемы осмысления роли сталинизма как идеологии и системы политического устройства страны интересовали В.Л. Дорошенко и в 1990-е гг. Для первой половины 1990-х гг. характерна радикализация мышления и стиля большей части авторов. В 1989 г. В.Л. Дорошенко говорил о системном искажении марксизма-ленинизма сталинским напластованием и ратовал за развитие и создание «марксологии» как научного исследования марксизма методами и средствами науки. По мнению историка, превращение марксизма в идеологию произошло именно с установлением его сталинской интерпретации в качестве господствующей. Возвращение к подлинному марксизму и его деидеологизация (по В.Л. Дорошенко, под этим термином следует понимать отделение идеологии от её научно-эмпирических и философско-религиозных оснований) должны послужить делу оздоровления общества⁶⁰⁴. К середине 1990-х гг. этот автор смотрит на проблемы России уже более пессимистически. В 1995 г. В.Л. Дорошенко называет сталинские репрессии «войной с народом», сопоставимой по количеству жертв с мировыми войнами, рассматривает их в качестве этнокультурной революции в сопряжённости с революцией социальной. Негативные последствия этих процессов, по мнению В.Л. Дорошенко, будут давать знать о себе ещё долго: «За год, за пятилетку в этнических процессах ничего поправить невозможно... И произошедший в начале 90-х годов социальный переворот, даже если в конечном счёте он будет иметь позитивные последствия, непосредственно оказал дестабилизирующее влияние на этнический процесс. Пусть даже иного выхода из коммунистического эксперимента у нас не

⁶⁰² Дорошенко В. Именем Ленина: начало фальсификации // Наука в Сибири. – 1989. – 17 ноября.

⁶⁰³ Дорошенко В. Дело об оскорблении Н.К. Крупской // Наука в Сибири. – 1991. – № 4.

⁶⁰⁴ Дорошенко В. Марксизм без догм // Наука в Сибири. – 1989. – 24 ноября.

было. Вероятная расплата – гибель великорусского этноса в ближайшем будущем, но в любом случае – усугубляющаяся этническая деградация на два поколения вперед»⁶⁰⁵.

В.Л. Дорошенко актуально и живо выступал в печати, откликаясь на знаковые события научной и общественной жизни. Летом 1992 г. в своём репортаже он освещал работу состоявшегося в Академгородке международного семинара, посвящённого сталинизму, в котором помимо российских исследователей приняли участие учёные из США, Великобритании и Швеции (К. Струл, С. Шернок, Э. Сундберг и др.)⁶⁰⁶. Безусловный интерес представляет рецензия на сборник статей «Советская история: проблемы и уроки» (Новосибирск, 1992). Автор фиксирует в качестве прямого результата идеологической демократизации разительные перемены в оценках прошлого, произошедшие в сознании исследователей за короткий промежуток времени, совпавший с распадом СССР: «Действительность наша претерпевает эволюцию столь стремительную, что прогресс людей, в прошлом благонамеренных, ну никак не поспевает за ней... Если в 90-м году статьи посвящались ещё теоретическим взглядам большевиков, классовому подходу, классовой борьбе в сибирской деревне, то в 92-м году они посвящаются красному бандитизму, загадкам внутрипартийной борьбы, хлебной стачке и т. д.»

Рецензируемый В.Л. Дорошенко сборник «Советская история: проблемы и уроки»⁶⁰⁷ представлялся в качестве значительного шага от исторической апологетики к критическому восприятию исторических фактов. Менялась их интерпретация и, соответственно, само восприятие событий прошлого. Статьи В.И. Шишкина о красном бандитизме в Сибири в годы гражданской войны, В.А. Исупова о фальсификации советских переписей населения в 1930-е гг., М.В. Кликушина и С.А. Красильникова об идеологических преследованиях вузовских

⁶⁰⁵ Дорошенко В. Сталинские репрессии как исторический феномен // Наука в Сибири. – 1995. – № 41.

⁶⁰⁶ Дорошенко В. Сталинизм – закономерность, угроза, вызов // Наука в Сибири. – 1992. – № 25.

⁶⁰⁷ Советская история: проблемы и уроки: сборник статей / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1992. – 251 с.

учёных Сибири, А.Л. Посадкова о «губительной роли сталинизма в книжном деле страны» подводили своеобразную черту под перестроечным этапом изучения сталинизма. «Тоталитаризм», «террор», «репрессии» стали ключевыми словами при трактовке периода правления Сталина; его фигура и роль в истории страны оценивались негативно. Отличительной особенностью постперестроечного периода следует считать утрату образов возможной положительной альтернативы. Если в конце 1980-х гг. в рамках ретроспекции героями, противопоставленными И.В. Сталину, являлись Н.И. Бухарин, Л.Б. Каменев или Л.Д. Троцкий, то в начале 1990-х в «героизме» им было уже отказано. В статье, посвящённой внутрипартийной борьбе 1923–1929 гг., И.В. Павлова показывает, что революционные идеалы были преданы не только Сталиным, но и его оппонентами. В своей рецензии В.Л. Дорошенко резюмирует: «Борьба “пауков в банке”, беспринципность, невежество, секретность, интриги, ложь и насилие на самом верху коммунистической власти предопределили политический характер режима на всю его эпоху»⁶⁰⁸.

Важнейшим направлением политики памяти 1980–1990-х гг. оставалась апелляция к теме Великой Отечественной войны и Победы 1945 г. Более того, в середине 1990-х гг. это направление стало главным сюжетом исторической политики постперестроечной России, единственным сохранившим очевидную преемственность советских традиций и, по сути, единственным дискурсом, в рамках которого власть и общество могли вести диалог.

К 1985 г. в СССР подрастало уже второе поколение, для которого события Великой Отечественной войны не являлись сознательно пережитым личным опытом, в силу чего изменялись и репрезентации коллективной памяти, приобретающие унифицированные очертания. Менялся формат «праздника со слезами на глазах», превратившегося к 40-летию Победы в большей степени в день воинской славы, торжества русского духа, мужества и героизма. Свидетельством тому могут служить масштабные мемориальные акции, призванные подчеркнуть грандиозность исторического события. В Омске такой

⁶⁰⁸ Дорошенко В. Проблемы и уроки сибирских историков // Наука в Сибири. – 1992. – № 35.

акцией стала реконструкция бульвара Победы с открытием монумента «Славы Героям», композиционно объединявшего подвиг советских солдат и мирных граждан – тружеников тыла. На выступах памятника расположено пять скульптур: солдат с винтовкой и штыком за плечами, солдат-победитель с орденами на груди, рабочий в спецовке, держащий в руках молот, колхозница с хлебным снопом и девушка с голубем, завершающая композицию. Сам монумент предваряет обширная площадка вдоль проспекта Маркса, с правой стороны которой на пьедестале из бетонных блоков возвышается облицованная металлом наклонная стела с пятиконечной звездой с текстом «Слава Героям», а с левой – на аналогичном пьедестале установлен легендарный танк «Т-34».

К 40-летию Победы сразу несколько новых памятников появилось в Новосибирске. По инициативе ветеранов 22-й гвардейской Сибирской добровольческой Рижской стрелковой дивизии на ул. Сибиряков-Гвардейцев была установлена чёрно-белая стела «Звезда», пересечённая георгиевской лентой и увенчанная знаком гвардейской дивизии. Сооружения слева и справа напоминают доты с мест боёв, к ним прилегают капсулы-саркофаги, в которых – земля с мест сражений. Также в 1985 г. на площади Свердлова был установлен памятник героям Великой Отечественной войны: высокую стелу венчает орден Отечественной войны, внизу расположен барельеф с изображением советских воинов, а в её основании – клумба. Изменился и облик «Монумента Славы», открытого в 1967 г. В канун 40-летия Победы в 400 м от мемориала была сооружена Аллея Оружия, на которой были представлены образцы военной техники времён Великой Отечественной войны.

В начале 1990-х гг. государство на время теряет инструменты контроля над памятью о Великой Отечественной войне. Мы можем предположить, что именно хаотичность этих процессов в данный период вкупе с нарастанием социально-экономических проблем стали причиной того, что в 1990 г., когда отмечалось 45-летие Победы, в Омске и Новосибирске не появилось крупных монументальных объектов, посвящённых героям и событиям Великой Отечественной войны.

К 1995 г. стало очевидно, что именно память о Великой Отечественной войне оказалась, по сути, единственным «мостиком», способным соединить советское прошлое с постсоветским настоящим, утверждая при этом практику правопреемственности «ельцинской» Россией достижений СССР. Власть оценила легитимационный потенциал Дня Победы, принявшись широко использовать его для решения насущных идеологических задач. И всё-таки в первой половине 1990-х гг. произошли фундаментальные изменения в подходах к пониманию и изучению истории Великой Отечественной войны, подверглась трансформации сущность «военных» коммемораций.

На рубеже 1980–1990-х гг. печать стандартно отражала идеологическое содержание Дня Победы, трансляция исторических знаний производилась согласно сформировавшемуся в 1960–1970-е гг. канону. Традиционными историко-публицистическими жанрами, сохранившими актуальность и в 1990–2000-е гг., оставались интервью с ветеранами, публикации их воспоминаний. В 1995 г. «Наука в Сибири» в одном из майских номеров посвятила им несколько разворотов⁶⁰⁹. Патетическая стилистика сохранялась в большинстве публикаций местной печати, что косвенно свидетельствует о том, что образы и символы Великой Отечественной войны подверглись наименьшей десакрализации, в особенности если проводить параллели с памятью о событиях гражданской войны. И тем не менее некоторые авторы в середине 1990-х гг. были склонны говорить о способности определённых настроенных информационных потоков ослаблять значение исключительных по своей важности исторических событий. Так, в статье «Хрупкая, как иней, вечная память» Н. Бородина писала: «Прокатившийся по страницам и экранам разоблачительный вал – в основном отечественного происхождения – очень сильно притушил ореол великого исторического деяния над тем, что, казалось, незыблемо – над нашей Победой»⁶¹⁰.

⁶⁰⁹ Бородина Н. Генералы своих судеб; Александрова Ю. И так – каждый день!; Серова Ю. Такая судьба...; Максимов А. Этот праздник приближали, как могли...; Горина Ф. Праздник ветеранов // Наука в Сибири. – 1995. – № 17.

⁶¹⁰ Бородина Н. Хрупкая, как иней, вечная память // Наука в Сибири. – 1995. – № 17.

О тенденциях дегероизации памяти о Великой Отечественной войне в том же 1995 г. говорил д-р ист. наук М.В. Шиловский: «Ставится под сомнение мужество и самоотверженность советских людей на фронте и в тылу, обливаются грязью имена героев, подвиги которых в любой цивилизованной стране становятся предметом общенационального почитания. Постоянно подчёркивается, что война была выиграна только за счёт ужесточения карательной практики сталинского тоталитарного режима, труда заключённых и крови штрафников... Развенчать пороки бесчеловечной системы – это не значит облить грязью живых и мёртвых людей, для которых эта система была их жизнью»⁶¹¹.

Однако и сами историки в середине 1990-х гг. фиксируют процессы ломки стереотипов, пересмотра концептуальных положений и невозможности изучать историю Великой Отечественной войны только через призму победоносного мая 1945 г. В предисловии к публикуемой подборке материалов, посвящённых трагическому начальному этапу войны, М.В. Шиловский подчёркивает: «Мы с болью и горечью заговорили о потерях, “цене” победы и, прозревши, уяснили, что названная ранее цифра 20 млн погибших советских людей взята с потолка, и, по всей видимости, является минимальной»⁶¹².

Отличием периода 1990-х гг. от всех предыдущих этапов развития коммемораций Великой Отечественной войны является выделение из общего историко-культурного контекста Дня памяти и скорби – 22 июня. Своё место в календаре эта дата заняла уже после распада СССР. Подтверждением тому может служить хотя бы тот факт, что 275-летие Омска в 1991 г. торжественно отмечалось 23–24 июня, и близкое соседство карнавальных празднеств Дня города с траурным митингом в честь 50-летия со дня начала Великой Отечественной войны не вызывало в обществе недоумения ⁶¹³ . В 1990-е гг. репрезентации событий Великой Отечественной войны вновь

⁶¹¹ Великая Отечественная. От трагедии поражений – к триумфу победы // Наука в Сибири. – 1995. – № 24.

⁶¹² Там же.

⁶¹³ Зеленов А. Болит незаживающая рана // Вечерний Омск. – 1991. – 25 июня.

смещаются в сторону их трагического восприятия. В 1992 г. в Новосибирске активизировалась работа по составлению «Книги памяти». Её составители делали акцент на обязательности уточнения числа погибших: «Готовится серьёзный исторический документ, который даст документальный ответ об истинном числе жертв войны. Они колоссальны – 22–27 миллионов»⁶¹⁴. К середине 1990-х гг. Дню памяти и скорби посвящают уже целые газетные развороты⁶¹⁵.

В июньском номере «Науки в Сибири» за 1995 г. были опубликованы материалы состоявшейся 26–27 апреля 1995 г. в Академгородке конференции «50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне». Объясняя читателям, почему в подборку вошли именно материалы секции «Крестьянство и сельское хозяйство в военные годы», редакция газеты подчёркивала, что деревня отдала себя победе без остатка – цена потерь оказалась крайне высокой: «Трагедия российского крестьянства продолжилась и после 1945-го. И страна заплатила за это своим крахом»⁶¹⁶.

В 1990-е гг. благодаря публикациям периода перестройки история Великой Отечественной войны превратилась из сборника ответов в набор вопросов. Степень актуальности этих вопросов возрастала по мере введения в оборот новых источников. Участник Великой Отечественной войны, д-р ист. наук И.Д. Эйнгорн писал: «Перед нами снова и снова встают два взаимосвязанных вопроса. Первый, как так получилось, что через четыре месяца войны мы потеряли огромную территорию, в чём причина наших поражений и неудач? И второй, как народ, оказавшись в таком положении, сумел переломить ход войны и достигнуть Победы? Односторонность в освещении войны возникает, если учитывается либо только первый, либо только второй вопрос. Тогда и возникают либо негативистские оценки, либо только победные»⁶¹⁷. Усилилось и осознание того

⁶¹⁴ Малиновская Н., Дужак Н. Книга памяти // Наука в Сибири. – 1992. – № 17.

⁶¹⁵ См. Омская правда. – 1994. – 22 июня.

⁶¹⁶ Пахари на ратном поле спасли мир, но не спасли себя // Наука в Сибири. – 1995. – № 25.

⁶¹⁷ Эйнгорн И. Юго-Западный фронт: трагедия и мужество // Наука в Сибири. – 1995. – № 25.

факта, что значительная доля ответственности за огромные потери и катастрофу 1941 г. лежит на плечах руководства СССР. В.М. Самосудов в статье 1995 г. приводит статистические данные, констатируя, что «подставив армию под мощный удар хорошо натренированного в войне гитлеровского вермахта, сталинское руководство не только переключало на солдат всю тяжесть войны в эту трагическую минуту, но ещё и обвиняло их в трусости, измене, предательстве. Именно обвиняло. По этим обвинениям и следовали массовые расстрелы военнослужащих»⁶¹⁸.

Атмосфера дискуссии вокруг событий Великой Отечественной войны отразилась и на коммеморациях. Так, в Омске в 1995 г. установке и открытию памятника Г.К. Жукову предшествовало публичное общественное обсуждение, насколько необходима в городе скульптура полководца, никогда здесь не бывавшего. Заместитель председателя областного комитета ветеранов А.И. Вишневецкий обосновывал идею установки памятника тем фактом, что несколько сибирских дивизий, в том числе формировавшихся в Омске, «сражались с врагом под непосредственным руководством Жукова»⁶¹⁹.

На рубеже 1990–2000-х гг. гуманитарная интеллигенция возвращает образу войны интимное звучание, сформированное литературой, кинематографом, скульптурой 1960-х гг. и заменённое в 1970–1980-е гг. монументальным монозвучием. Вместо грандиозных по замыслу и воплощению памятников приходят скромные скульптуры, с «личной историей». В Омске к 55-летию Победы напротив Музея воинской славы омичей был установлен памятник солдатской матери (скульптор С.А. Голованцев). В Новосибирске в 2000 г. появился схожий памятник – мемориальный комплекс «Алёша-сибиряк». Фигура советского солдата, названная по аналогии со знаменитым Алёшей, ставшим одним из символов Победы, была установлена в Советском районе на ул. Новоморской.

⁶¹⁸ Самосудов В. Цена победы // Омский вестник. – 1995. – 13 апреля.

⁶¹⁹ Чекмарёв В. Памятник «маршалу Победы» в Омске // Омская правда. – 1994. – 2 июня.

Специфические коммеморативные практики постсоветского периода включают также увековечение памяти жертв многочисленных локальных конфликтов и катастроф, произошедших во второй половине XX в. Важной их составляющей является мемориализация Афганской войны 1979–1989 гг. А.В. Святославский характеризует эту практику как «менее заметную» на фоне создания памятников и памятных знаков жертвам политических репрессий, возрождения православной традиции увековечения, юбилейных коммемораций (50-летие Победы в Великой Отечественной войне в 1995 г., 300-летие Российского флота в 1996 г. и др.). По мнению культуролога, в советской официальной политике памяти Афганская война «подобно “зимней” финской 1940 года не стала объектом увековечения по вполне понятным причинам – руководители СССР тогда погубили немало молодых жизней по каким-то до конца так и не понятным народу политическим мотивам (распускались даже слухи вроде того, что в Афганистане могут высадиться американцы и нанести ракетный удар по СССР)»⁶²⁰.

Вместе с крушением советской системы в начале 1990-х гг. произошло переосмысление опыта войны в Афганистане, что выразилось и в изменении официальной политики памяти. В период 1990–2000-х гг. в России появились сотни мемориалов, связанных с афганским конфликтом. В 1992 г. в Москве на Зелёном проспекте был установлен памятник «Скорбящим матерям» (скульпторы В.А. Сидур, А.В. Позин). В 1998 г. появился «памятник-ансамбль воинам, погибшим в Республике Афганистан» в парке Интернационалистов Санкт-Петербурга. В 1995–1998 гг. мемориалы в честь «афганцев» появились в Новгороде, Краснодаре, Екатеринбурге и др. Не обошёл этот процесс и крупные города Западной Сибири.

Одновременно с переосмыслением трагических страниц советского прошлого пришёл новый взгляд на место и значение памятников, происходила замена идеологических доктрин общечеловеческими гуманистическими ценностями. На этой волне авторы всё чаще обращаются к проектам памятников в

⁶²⁰ Святославский А.В. История России в зеркале памяти... – С. 425.

виде малых архитектурных форм. Именно к таковым следует отнести памятники воинам-интернационалистам в Омске и Новосибирске.

Идея памятника «воинам-афганцам» в Омске возникла ещё в 1989 г. Из протокола Омского отделения СФК за май 1990 г. следует, что добровольные средства на создание этого памятника поступали на счёт общественной организации в течение всего предыдущего года⁶²¹. Однако воплотить эту идею в жизнь удалось только в середине 1990-х гг. 1 августа 1996 г. возле Дворца молодёжи был открыт памятник «Омичам воинам-интернационалистам» по проекту М.М. Хахаева⁶²². В основание памятника были заложены 95 именных гильз с землёй с мест захоронения омичей, погибших в Афганистане, собранной солдатскими матерями с могил воинов на кладбищах города⁶²³.

К этой категории мемориальных объектов следует также отнести памятники ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. На первоначальных этапах последствия этой катастрофы государственной властью представлялись плохо и всячески замалчивались. Данное обстоятельство делало невозможным создание мемориала, способного в полной мере отразить масштаб трагедии. Увековечение жертв Чернобыльской катастрофы в Западной Сибири относится к середине 1990-х гг. В десятую годовщину аварии на Чернобыльской АЭС, 26 апреля 1996 г., в Новосибирске в Нарымском сквере был открыт памятник «Жертвам радиационных катастроф». В ликвидации последствий ужасающей аварии на ЧАЭС принимали участие 1750 новосибирцев. Памятник (автор проекта – художник О.Д. Дроздецкий) был установлен по инициативе Союза «Чернобыль» и при поддержке администрации Новосибирска⁶²⁴. Следует уточнить, что этот памятник увековечивает жертв не только Чернобыльской, но и других крупнейших катастроф XX в. На стеле высечены годы и места

⁶²¹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.

⁶²² Пиндюк Е. Всем тем, кого забывать нельзя // Вечерний Омск. – 1996. – 23 июля.

⁶²³ Ворошилова М. ...И расцвел черный тюльпан – символ скорби // Вечерний Омск. – 1996. – 3 августа.

⁶²⁴ Евгеньев А. В память о чернобыльцах // Советская Сибирь. – 1996. – 30 апреля.

радиационных катастроф: 1949 г. Семипалатинск, 1954 г. Тоцк, 1955 г. Новая Земля, 1957 г. Кыштым, 1986 г. Чернобыль.

Ещё одним трагическим событием рубежа 1980–1990-х гг. стала техногенная катастрофа, произошедшая под Уфой в июне 1989 г. Тогда на 1710-м километре Транссиба, в Иглинском районе Башкирской АССР в результате утечки газа в проходящем рядом с железнодорожным полотном трубопроводе произошёл взрыв, в результате которого сгорело два пассажирских состава сибирского формирования. В катастрофе погибло, по разным данным, от 575 до 765 человек. В июне 2000 г. по инициативе руководства Омского отделения Западно-Сибирской железной дороги и ассоциации пострадавших в уфимской катастрофе (в результате этой трагедии погибло больше 120 омичей, в том числе 7 проводников Омского пассажирского вагонного депо) в сквере им. Лобкова был установлен памятник по проекту омского скульптора А.А. Цымбала. На фоне стелы, облицованной пластинами чёрного мрамора, укреплен барельеф: на рельсах языки пламени, из них поднимается женская фигура с девочкой на руках, второй ребёнок стоит спиной к зрителю, тесно прижавшись к матери. Вверху надпись: «Уфа 1989». Сбоку, на невысокой бетонной полосе, 128 фамилий погибших и надпись: «Вечная память омичам, погибшим в техногенной катастрофе под Уфой 1710 км. 4.06.1989 г.»⁶²⁵.

К постсоветской традиции увековечения памяти участников локальных вооружённых конфликтов также относятся практики создания памятников солдатам и офицерам, погибшим в ходе вооружённых конфликтов в Чеченской республике. Первым сибирским памятником воинам, погибшим в Чечне, стал монумент, открытый на территории Новосибирского гарнизона в октябре 1995 г. В 1994–1995 гг. в Чечне погибло 34 и пропало без вести 12 военнослужащих Новосибирского гарнизона. На каменном панно, созданном скульптором А.В. Крутиковым, были отмечены города и населённые пункты, где в боях участвовали воины-сибиряки: Грозный, Моздок, Петропавловское, Ильинское⁶²⁶.

⁶²⁵ Отзвук уфимской боли // Новое обозрение – Версия. – 2000. – 7-13 июня.

⁶²⁶ Азарова Е. Героям неоконченной войны // Советская Сибирь. – 1995. – 25 октября.

Безусловно, данная группа памятников фиксирует образы, имеющие важное гуманистическое значение. Мемориальные композиции в честь погибших и пострадавших в ходе локальных конфликтов и катастроф были призваны создать достойный ореол памяти вокруг такого трагического явления современности, как военные потери в мирное время. В этом заключается основное нравственно-этическое значение этих памятников.

§ 3. Память, персоналии и «персональная» память: материалы личных фондов видных представителей интеллигенции Сибири как источник изучения трансформации коллективных представлений о прошлом

Говоря об интеллигенции середины 1980–1990-х гг., следует учитывать присущую ей гетерогенность. Правда, это обстоятельство вовсе не исключает настройку оптики исследования на изучение взглядов, поведенческих моделей отдельных её представителей, позволяющую увидеть сущностные черты социальной группы в личностном измерении. Поэтому важнейшим историческим источником для нас служат личные архивы отдельных представителей интеллигенции. Данные материалы, с одной стороны, позволяют глубже проанализировать те пласты общественной жизни, которые оказались незафиксированными в официальных документах, а с другой – «передают личностное отношение к событиям, свидетелями и участниками которых были их владельцы»⁶²⁷.

Мы неоднократно отмечали, что период середины 1980-х – 1990-е гг. знаменателен освобождением гуманитарной мысли от идеологических догм, широким участием интеллигенции в общественно-политической жизни. Политический и культурный плюрализм тех лет способствовал изменению тональности в общественных дискуссиях на тему отечественной истории. Эти процессы нашли отражение в хранящихся в персональных архивах материалах,

⁶²⁷ Будник Г.А. Материалы фондов личного происхождения советской интеллигенции как исторический источник // Интеллигенция и мир. – 2016. – № 4. – С. 117.

которые иллюстрируют как субъективное отношение конкретного представителя интеллигенции к историческим событиям, так и процесс личностного осмысления исторического опыта страны.

В настоящем параграфе предпринята попытка раскрыть на основе материалов фондов личного происхождения видных представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска возможности этого источника при изучении проблем влияния интеллигенции на формирование образов и символов исторической памяти. В центре нашего внимания оказались фонды таких деятелей науки и культуры, как М.Е. Бударин (1920–2003), И.Ф. Петров (1920–2012), Ф.К. Надь (1929–1995), А.В. Никульков (1922–2001), К.П. Зайцев (1919–2009), И.Ф. Цыплаков (1924–2009). Данная подборка персоналий обусловлена рядом факторов.

Стремительное формирование в Омске и Новосибирске 1960–1970-х гг. сообществ научной и творческой интеллигенции способствовало бурному развитию краеведческого движения и росту интереса жителей к истории малой родины. Анализ этих процессов позволяет утверждать, что к середине 1980-х гг. в крупных городах Западной Сибири сформировались региональные историко-краеведческие микросообщества, в которых видное место заняли представители гуманитарной интеллигенции (историки-краеведы, писатели-краеведы, журналисты-краеведы, просветители, музейные работники, краеведы-библиотекари и т. д.). Однако при этом до наших дней дошли далеко не все личные архивы краеведов 1980–1990-х гг.: многое оказалось утраченным; часть фондов хранится в семейных и частных коллекциях, что затрудняет работу с этими историческими источниками. В доступных исследователям фондах государственных архивов, музеев и библиотек Омска и Новосибирска наиболее полно представлены материалы, принадлежавшие указанным нами шести представителям краеведческого движения. Учитывая сравнительную составляющую нашей работы, обозначенную в задачах диссертации, мы рассматриваем личные архивы шести краеведов Омска и Новосибирска (три из каждого города), «зеркально отражающих» друг друга принадлежностью к

разным типам исследователей. Историки-краеведы представлены в нашей подборке М.Е. Будариним (первый в Омске доктор исторических наук, профессор педагогического университета, автор ряда монографий по истории Сибири) и И.Ф. Цыплаковым (кандидат исторических наук, преподаватель вуза, один из лидеров новосибирского краеведения, в рассматриваемые нами годы занимавший пост руководителя областного отделения ВООПИиК). Тип писателя-краеведа иллюстрируют И.Ф. Петров (известный в масштабах Сибири писатель-публицист и редактор, автор книг и сотен статей по истории Омского Прииртышья) и А.В. Никульков (многолетний главный редактор старейшего сибирского литературного журнала «Сибирские огни», автор популярных изданий по истории Новосибирска, в том числе биографической книги об официальном основателе Новосибирска Н.Г. Гарине-Михайловском). Отдельное место в нашей типологии занимают фигуры краеведов-общественников. Это Ф.К. Надь (общественный деятель, советник Управления культуры Омска и активист Омского отделения СФК и общества «Мемориал», инициатор и вдохновитель множества мемориальных акций) и К.П. Зайцев (публицист, член ряда культурно-просветительных общественных организаций, участник работ по реставрации многих памятников истории и культуры Новосибирска).

Значительный интерес в рамках настоящего исследования представляет личный фонд д-ра ист. наук, профессора М.Е. Бударина, известного историка-сибироведа, журналиста и драматурга. Интерес к личному фонду этого автора обусловлен, в первую очередь, масштабом личности и творческого дарования М.Е. Бударина, одного из немногих омских гуманитариев, сочетавшего в себе таланты учёного-историка, педагога, литератора и образователя. Профессор М.Е. Бударин явил наиболее востребованный в 1980–1990-е гг. тип интеллигента-просветителя, способного преподнести читателям и слушателям «сложный» исторический материал простым, понятным и образным языком.

Задолго до 1985 г. М.Е. Бударин выделялся среди омских историков тем, что ещё в «застойные» годы был допущен к материалам закрытых архивов областного комитета КПСС и управления КГБ. С перестройкой начался новый

этап его научной и литературной деятельности. В личном фонде М.Е. Бударина содержатся вырезки опубликованных в местной печати текстов. В 1988 г. М.Е. Бударин вместе со своим коллегой, д-ром ист. наук, профессором В.М. Самосудовым обращается к теме сталинских репрессий. В газете «Вечерний Омск» выходит статья М.Е. Бударина «Председатель Сибревкома» (о революционере, председателе Сибревкома в 1919–1921 гг. И.Н. Смирнове, расстрелянном в 1936 г.)⁶²⁸. В другой, написанной в соавторстве с В.М. Самосудовым, статье «Память о них священна» рассказывалось о партийных работниках, ставших жертвами «большого террора» 1937–1938 гг. В этих текстах упоминались сталинские лагеря и озвучивались факты необоснованных арестов беспартийных граждан. При этом правильность курса на построение в стране социализма сомнению не подвергалась: «А беззакония, репрессии, при всём большом уроне от них, не смогли заслонить главную и определяющую черту нашего развития. Поколения предвоенных лет пережили страшное, но устояли»⁶²⁹.

Однако в этой статье с хлётским подзаголовком «Жертвы лихолетья» уже предпринимаются робкие попытки историков старшего поколения переосмыслить опыт сталинской эпохи. Важным шагом на пути преодоления социальных последствий сталинизма, по мнению авторов, должна была стать гласность, которая позволила бы рассказать всю правду о сталинском терроре 1930-х гг. Но импульсом авторской рефлексии служит не желание «опорочить» прошлое, а беспокойство за нравственное состояние молодого поколения: «Не праздное любопытство побуждает нас познавать наше прошлое, но тревога о настоящем и будущем. Не упрочив доверие нашей молодёжи к идеям социализма, мы не сможем строить свою жизнь. Мы должны достоверно показать молодому поколению, что и во второй половине 30-х годов; в атмосфере беззаконий и

⁶²⁸ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 16.

⁶²⁹ Там же. Л. 32.

репрессий миллионы советских людей с энтузиазмом создавали форпосты нашей индустрии, строили колхозы и совхозы, развивали культуру»⁶³⁰.

В заключение статьи М.Е. Будариним и В.М. Самосудовым была выдвинута инициатива по увековечению жертв сталинских репрессий 1930-х гг. в культурном пространстве Омска путём создания новых топографических и монументальных мест памяти. Историки ссылаются на проект сооружения в Москве памятника жертвам репрессий: «Мы считаем, что в Омске также должен быть сформирован общественный комитет по увековечению памяти безвинных жертв. Он может быть создан при областном совете ветеранов войны и труда, при областном партийном архиве. Этот комитет мог бы открыть в банке специальный счёт по сбору средств, на которые необходимо воздвигнуть памятный знак в одном из скверов или парков Омска»⁶³¹.

Непростой задачей видится сегодня попытка однозначно ответить на вопрос, почему М.Е. Бударин был так осторожен в своих высказываниях и оценках. Вероятно, сыграли роль как невозможность в тот момент более резких заявлений в провинциальной печати со стороны преподавателя, долгие годы проработавшего на кафедрах истории КПСС, так и фактор определённых поведенческих моделей, сформировавшихся у людей поколения, пережившего времена коллективизации, большого террора, Великой Отечественной войны, послевоенного сталинизма. Этот вопрос непременно возникает сегодня, поскольку в более поздних своих публикациях и интервью авторитетное слово М.Е. Бударина звучало гораздо откровеннее. Незадолго до своей смерти, беседуя летом 2003 г. с историками В.Н. Гриценко и Б.В. Мельниковым, он рассказывал: «Когда я входил в драматургию после XX съезда, очень сильную струю составляла прослойка драматургов (Михаил Шатров, Марк Соболев и т. д.), которые такую линию проводили в драматургии: Сталин – сволочь, а Ленин – хороший. Они противопоставляли и хотели на этом выпрыгнуть, легализоваться, общественное признание получить, идти во главе общественных движений,

⁶³⁰ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

⁶³¹ Там же.

идеологию тянуть за собой. Но ведь корни у Ленина и Сталина одни. И этот обман скоро пройдёт. И никому не будет позволено спекулировать на противопоставлении Ленина и Сталина. Сам дедушка Сталин говорил: «Сталин – это Ленин сегодня». Так что этот номер у них не прошёл»⁶³².

Работы М.Е. Бударина периода 1985–1988 гг., посвящённые теме событий Октябрьской революции и гражданской войны, выдержаны в рамках советского историографического дискурса. Но с 1989 г. учёный всё чаще обращает исследовательский взор в сторону противоположного лагеря: в публикациях появляется личность А.В. Колчака. При этом характерным становится стремление к объективности. «Чёрный адмирал» пока ещё выглядит в текстах историка демонической фигурой, но уже отнюдь не карикатурной.

Личный фонд М.Е. Бударина содержит машинописные тексты «А.В. Колчак – полярный исследователь», «Назначение А.В. Колчака главным лидером Белого движения в России в 1918–1920 гг.», «Наука и культура периода колчаковщины в Сибири»⁶³³. Осенью 1989 г. эти рукописи в частично переработанном виде были опубликованы в газете «Вечерний Омск» в формате цикла статей под названием «Адмиральский час», посвящённого 70-летию со дня освобождения Омска от колчаковцев. В советские годы акцентировать внимание на теме «Колчак – морской офицер и полярный исследователь» историкам не рекомендовалось. Давать же «Колчаку – Верховному правителю» положительные либо даже нейтральные характеристики в публикациях было недопустимо. Очевидно, что М.Е. Бударин в процессе эволюции своих профессиональных и личных взглядов на отечественную историю XX в. прошёл трудный путь. Однако в публикации 1991 г. «Гуманист или кровавый адмирал?» он заметил, что «...советским людям оставалась неизвестной действительная биография этого главного деятеля белого лагеря России периода гражданской войны»⁶³⁴.

⁶³² Гриценко В.Н., Мельников Б.В. Последняя беседа с профессором М.Е. Будариним // Омский краевед. – 2004. – № 2. – С. 18.

⁶³³ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 66. 21 л.

⁶³⁴ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 28.

Тем не менее общеисторическая оценка М.Е. Будариним личности А.В. Колчака и его деятельности вплоть до конца 1991 г. остаётся скорее негативной: «Колчак был убеждённым и ярким, непримиримым врагом Советской России. Он боролся с ней неотступно и до своего смертного конца... В Иркутске... закончил свой путь адмирал Колчак, расстрелянный по решению ревкома. Разгромив Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля, Страна Советов начала движение в свою великую и трагическую историю»⁶³⁵.

Дать однозначный ответ на вопрос о причинах «колебаний» М.Е. Бударина в 1990-е гг. при отсутствии цензурного гнёта сегодня также едва ли представляется возможным. Вероятной причиной тому служило и некоторое интеллектуальное «диссидентство» М.Е. Бударина. Помимо безусловного умения приспосабливаться к условиям, диктуемым сменяющимися друг друга эпохами, как отмечают современники, ему была свойственна и такая черта характера, как нонконформизм: «Он был... всегда современным, а нередко и опережал время. Писал о чекистах, когда их все боялись и всё о них было государственной тайной; собирал материал о А.В. Колчаке, его трагедии, когда почти для всех он был врагом; написал повесть о В.В. Куйбышеве, когда писать о революционерах стало не очень модным»⁶³⁶.

Личный фонд М.Е. Бударина содержит и другие материалы, посвящённые людям и событиям времён гражданской войны. Прежде всего, это статьи, опубликованные в газете «Вечерний Омск»: «Он воплощал дух революции» (об известном скульпторе И.Д. Шадре, проживавшем в Омске в 1918–1921 гг.)⁶³⁷, «Наша кровь, наша смерть отзовется на поколениях живых...» (об омских большевиках-подпольщиках, подготовивших антиколчаковское восстание 22 декабря 1918 г.)⁶³⁸, «Дочь Сибири» (о М.Л. Бочкарёвой, прибывавшей в Омске в

⁶³⁵ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 28.

⁶³⁶ Меха И.В. Слово об учителе // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: Сборник научных статей и материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения М.Е. Бударина Омск, 29-30 октября 2010 г. – Омск: Амфора, 2011. – С. 7.

⁶³⁷ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 10.

⁶³⁸ Там же. Л. 17.

1919 г.)⁶³⁹. Анализ текстов, посвящённых гражданской войне, созданных уже в 1990-е гг., позволяет предположить, что в этот период М.Е. Бударин был склонен к «примирительной» позиции. Так, полемизируя с историком В.А. Шулдяковым и писателем М.С. Шангиным в статье 1993 г. «Об этике научных споров», он отмечал, что «извлекая уроки из сурового прошлого, надо отрешиться от предвзятости, от злобной мстительности. И помнить: и у белых, и у красных была одна родина – Россия. И одна земля их приняла. Нужно не мелкое, но панорамное мышление с ориентирами на сегодняшний день. Нужна историко-критическая ретроспекция без пристрастных и ложных толкований. В национальной трагедии жестокость была с обеих сторон!»⁶⁴⁰

Немало материалов из личного фонда М.Е. Бударина посвящено личностям и событиям не только сибирской, но и общероссийской истории. Большинство статей и рецензий историка на эту тему были опубликованы в 1990-е гг. в различных омских периодических изданиях. Это публикация интервью с внуком Ф.М. Достоевского А.Ф. Достоевским⁶⁴¹, рецензии на трёхтомник «Очерки истории города Омска»⁶⁴², омскую «Книгу памяти»⁶⁴³, статья, рассказывающая об эвакуации в Сибирь в годы Великой Отечественной войны саркофага с телом В.И. Ленина⁶⁴⁴, статья, посвящённая истории города Тары⁶⁴⁵. Архивный фонд М.Е. Бударина содержит вырезки газетных статей других авторов. Особенно выделяется раздел «Статьи в газетах, журналах о семье последнего российского императора Николая II». Собирать публикации о судьбе царской семьи М.Е. Бударин начал в 1988 г. и продолжал это делать вплоть до

⁶³⁹ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 31.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 35.

⁶⁴¹ Там же. Л. 41.

⁶⁴² Там же. Л. 42.

⁶⁴³ Там же. Л. 48.

⁶⁴⁴ Там же. Л. 51.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 55.

конца жизни. Личный фонд историка содержит вырезки статей из центральных и сибирских печатных изданий, посвященные правлению Николая II⁶⁴⁶.

На рубеже 1980–1990-х гг. М.Е. Бударин активно продвигал идею об увековечивании в Омске памяти краеведа, директора историко-краеведческого музея А.Ф. Палашенкова, писал о судьбе других краеведов и музейных работников, много сделавших для истории и культуры города⁶⁴⁷.

В 1990-е гг. М.Е. Бударин стал сотрудником созданного Сибирского филиала Российского института культурологии. В это время он вынашивал идею создания учебного курса «Омсковедения» – изучения истории родного города. Им была поддержана инициатива заслуженного учителя России Л.Д. Бондаренко о введении факультативного учебного курса «Омсковедение» в школах города⁶⁴⁸. Свой замысел М.Е. Бударин изложил на страницах учебного пособия 1999 г. «Учись понимать прекрасное (в искусстве, истории, природе. Опыт гуманитарного родиноведения)»⁶⁴⁹. Необходимость синтеза разных форм и методов научного знания он обосновывает на примере взаимосвязи различных пластов локальной культуры: изучение архитектурного облика, художественной, литературной, театральной и музыкальной жизни и т. д.

Рассуждая на тему будущей специальной дисциплины, М.Е. Бударин обращался к проблемам трансляции исторической памяти: «в преподавании омсковедения полезно ввести хотя бы одно занятие о городе “ушедшем” – об уничтоженных памятниках, храмах, о неправомерной смене названий улиц, площадей и целых частей города»⁶⁵⁰. По убеждению М.Е. Бударина, эта часть курса, ориентированная на осознание сопричастности к фактам исторического прошлого, должна помочь учащимся связать материальные и духовные ценности и события в жизни города с историко-географическим пространством.

⁶⁴⁶ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 171. 33 л.

⁶⁴⁷ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 24.

⁶⁴⁸ Там же. 53.

⁶⁴⁹ Бударин М.Е. Учись понимать прекрасное (в искусстве, истории, природе. Опыт гуманитарного родиноведения): учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – 356 с.

⁶⁵⁰ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 43.

Актуальной в рамках трансляции исторической памяти выглядит и мысль М.Е. Бударина о персонификации истории, вписывающаяся в новейший историографический контекст, заданный «антропологическим поворотом». Историк неоднократно подчёркивал, что Омск является местом бытования многих выдающихся соотечественников, таких как Ф.М. Достоевский, Г.Н. Потанин, Ч.Ч. Валиханов, В.В. Куйбышев, Д.М. Карбышев, Л.Г. Корнилов и др. По мнению М.Е. Бударина, уже самим фактом сопричастности судеб этих людей с Омском город выделяется в ряду крупных историко-культурных центров России.

В годы перестройки «белыми пятнами» истории гражданской войны в Сибири заинтересовался и другой известный писатель, признанный патриарх сибирского краеведения И.Ф. Петров. Профессиональный литератор, тонко чувствующий слово, И.Ф. Петров выступал в качестве просветителя, целью которого было привлечение внимания читателя к истории родного края.

В конце 1980-х гг. И.Ф. Петров первым среди омских краеведов решил написать полную, деидеологизированную биографию адмирала А.В. Колчака. В очерках, опубликованных на страницах газет «Омская правда», «Вечерний Омск», И.Ф. Петров стремился уйти от «канонического» односторонне-негативного жизнеописания Колчака, обращаясь к ранее цензурируемым фрагментам биографии исторического деятеля. В частности, об этом свидетельствует переписка писателя с картографами из Ленинграда, супругами К.А. Богдановым и Н.В. Богдановой, которые находились в Омске в эвакуации в годы Великой Отечественной войны. В годы перестройки К.А. Богданов, увлечшись изучением личности А.В. Колчака, начал подготовку рукописи «Адмирал Колчак». Сохранившаяся в личном архиве И.Ф. Петрова переписка с Богдановыми представляется информативной с точки зрения анализа изменений восприятия интеллигенцией исторических фигур в 1990-е гг. Так, в письме от 22 апреля 1991 г. К.А. Богданов пишет: «... Ему (Колчаку – С. Н.) вменяются преступления, которые Верховный правитель не совершал... Немало репрессий в отношении мирных сибиряков, особенно в зоне Транссиба, совершали военные интервенты и чешские легионеры. Все эти в совокупности кровавые злодеяния атамандины,

карателей и иностранной военщины необоснованно заносились на “лицевой счёт” Колчака... Историкам ещё предстоит обстоятельно проанализировать внутреннюю обстановку в Сибири в 1918–1919 гг., действовавшие в ней политические и вооружённые силы и объективно установить роль и место в ней Верховного правителя».

С начала 1990-х гг. И.Ф. Петров принимает участие в «оформлении» символического пространства памяти, возникающего на обломках уходящей эпохи. В своих статьях он подчёркивает необходимость нового взгляда на проблемы исторической памяти в условиях запроса на меняющиеся формы трансляции информации о прошлом. Писатель делает это привычным для него образом – публикациями в сибирских газетах и журналах.

Стараниями И.Ф. Петрова в омской печати появляются статьи, в которых раскрываются ранее неизвестные подробности биографии А.В. Колчака, в частности эпизоды его личной жизни. В письме от 25 декабря 1991 г. К.А. Богданов пишет И.Ф. Петрову: «Нина Васильевна и я с удовольствием прочитали “Историю одной любви”. Мне очень понравился диалог между Колчаком и Тимирёвой, возникший в декабре 1918 г., – такой естественный и правдоподобный».

Это же письмо содержит сведения, позволяющие нам утверждать, что местная интеллигенция была далека от единства в вопросах выбора концепции исторического просвещения. Среди историков, писателей и публицистов не было согласия по многим вопросам, и по «колчаковскому» в особенности. К.А. Богданов, в одном из писем И.Ф. Петрову, негодует: «Понимаю, что Вам трудно сохранить равнодушие в обстановке, где кипят политические страсти, где “патриоты” типа Бударина и Колесникова хотят вернуть всё на круги своя... Тем не менее, должен сказать, что Вы мастерски разгромили этих двух “почтенных” жрецов науки, которые в своей озлобленности к Колчаку совершенно потеряли способность мыслить логически».

В конце 1980-х – 1990-е гг. И. Ф. Петров проявлял интерес не только к фигуре А.В. Колчака. Также писатель обращался к изучению биографий

основателей Омска, омскому периоду жизни Ф.М. Достоевского, материалам, связанным с расстрелом последнего российского императора Николая II и его семьи, неизвестным страницам биографий сибирских литераторов XIX–XX вв. и др.

1990-е гг. стали для И.Ф. Петрова временем значительной творческой активности касательно тем, связанных с историческим прошлым (более 170 публикаций). Его историко-краеведческие статьи регулярно печатались на страницах местных периодических изданий. Среди них газеты «Омская правда», «Вечерний Омск», «Коммерческие вести», «Вестник культуры», «Крестьянское слово», «Омский вестник», «Красный путь»; журналы «Земля сибирская, дальневосточная», «Сибирские огни», «Автограф», альманах «Складчина» – далеко не полный перечень изданий, в которых были опубликованы исторические очерки И.Ф. Петрова в 1991–2000 гг.

На основании материалов личного фонда И.Ф. Петрова мы можем выделить основные темы, вызывавшие его исследовательский интерес:

– Исторические памятники Омска и Сибири («Вокруг памятника Ф.М. Достоевскому // Омская правда. – 1990. – 23 мая; Время, люди, памятники // Омская правда. – 1993. – 19 февраля; Город и памятники // Вечерний Омск. – 1993. – 13 марта; Где стояла кордегардия // Омская правда. – 1993. – 24 сентября; Горький плод непрофессионализма // Омский вестник. – 1996. – 29 августа);

– История Омска (Слово об Омске // Омская правда. – 1991. – 21 июня; Город-юбиляр // Земля сибирская, дальневосточная. – 1991. – Июль; А Бухольц смеётся // Омская правда. – 1992. – 6 августа; И улица была – Думской и горка – Пушкинской // Вечерний Омск. – 1994. – 27 сентября; Помнишь ли имя своё, старая улица // Омская правда. – 1994. – 6 октября; Нужна ли Омску площадь Матвея Гагарина? // Омская правда. – 1994. – 13 октября; Заметки краеведа // Омская старина. – 1994. – № 2; Чтоб названа была та площадь Пушкинской // Омская правда – 1995. – 6 июня; Вокруг легенды // Коммерческие вести. – 1995. – 18 октября; «Бухголец, Бохолц или Бухольц» // Омская правда. – 1996. – 23 июля; Омску – 280 лет // Коммерческие вести. – 1996. – 1 августа; Долгожданная точка в

затянувшемся споре // Коммерческие вести. – 1997. – 19 июня; Бухольцев двор в Китай-городе. Новое об основателе города // Вечерний Омск. – 1997. – 21 июня; Мифы об основателях Омской крепости // Вечерний Омск. – 1997. – 7, 9, 11 октября; Прадед поэта А.П. Ганнибал и основатель Омской крепости И.Д. Бухольц // Омский вестник. – 1999. – 13 мая);

– Биография А.В. Колчака (История одной любви // Земля сибирская, дальневосточная. – 1991. – Сентябрь; «Адмирал Колчак» // Омский вестник. – 1994. – 26 января; Адмирал Колчак // Коммерческие вести. – 1996. – 29 мая);

– История Сибири (Возвращение графа Амурского // Сибирская газета. – 1992. – 25 июня; «Кучум» // Омский вестник. – 1994. – 6 мая; Концы и начала (К 60-летию Омской области // Омский вестник. – 1994. – 1 июня; По следам В.Я. Шишкова в Сибири // Сибирское время. – 1995. – 24 марта; Потанины // Коммерческие вести. – 1995. – 29 ноября; «Тюкалинские были» // Омская правда. – 1996. – 16 мая; На просторах Сибири // Коммерческие вести. – 1996. – Октябрь; А я люблю свои места родные... // Омский вестник. – 1997. – 21 января; Прииртышской ниве – 400 лет // Омский вестник. – 1997. – 30 сентября; Светлый гений России // Крестьянское слово. – 2000. – 5 мая);

– Великая Отечественная война (Свет подвига (К 50-летию гибели нашего героя-земляка, одного из руководителей Николаевского и Херсонского подполья 1941–1943 годов Ф.А. Комкова // Омская правда. – 1993. – 15 июля; По путям-дорогам фронтовым // Вечерний Омск. – 1995. – 8 апреля); Бессмертие подвига (К выходу в свет 11-го тома омской «Книги памяти») // Коммерческие вести. – 1997. – 25 сентября);

– История литературной жизни Омска (В Омске жил король (К 110-летию со дня рождения Антона Сорокина) // Русский рубеж. – 1994. – № 1; «...Нельзя жить, извиваясь и скользя» // Сибирское время. – 1996. – 19 мая).

Отдельный цикл статей был написан И.Ф. Петровым для омской газеты «Коммерческие вести» к 300-летию Российского флота (Пролог // Коммерческие вести. – 1995. – 10 мая; Начало // Коммерческие вести. – 1996. – 7 февраля; Молодецкий поступок // Коммерческие вести. – 1996. – 28 февраля; «Сибирь

победу торжествует...» // Коммерческие вести. – 1996. – 13 марта; Подвиг графа Амурского // Коммерческие вести. – 1996. – 23 апреля; Патриот, флотоводец, учёный // Коммерческие вести. – 1996. – 24 апреля; Подвиг, воспетый в песне // Коммерческие вести. – 1996. – 30 апреля)⁶⁵¹.

В публикационной и общественной активности не уступал И.Ф. Петрову и другой известный омский просветитель рубежа 1980-х – начала 1990-х гг., краевед Ф.К. Надь. Если использовать атрибутивный подход при изучении интеллигенции, вопрос о причислении этого человека к гуманитарному сообществу представляется дискуссионным: Ф.К. Надь окончил Школу милиции, долгие годы работал в органах МВД, а краеведением увлёкся в возрасте 53 лет, после выхода на пенсию. Однако вклад, внесённый Ф.К. Надем в конструирование образов и символов региональной исторической памяти, значителен. Это обстоятельство не позволяет нам проигнорировать материалы объёмного личного фонда краеведа. Мы рассмотрим его наиболее заметные работы и инициативы.

Фундаментальным краеведческим трудом Ф.К. Надя стала созданная им карта ГУЛАГа. Над рукописью «ГУЛАГ СССР. 1930–1950 гг.» и пояснительной запиской к ней Ф.К. Надь работал несколько лет и передал подготовленные бумаги в областной архив незадолго до смерти. Ф.К. Надь нанёс на карту СССР все известные ему тюрьмы и лагеря сталинской эпохи. Помимо перечисления и указания месторасположения лагерей в рукописи были даны краткие описания по каждому отдельному подразделению ГУЛАГа. При работе над составлением карты «ГУЛАГ СССР. 1930–1950 гг.» Ф.К. Надем использовались различные публикации в СМИ, личные воспоминания узников ГУЛАГа, членов их семей и других лиц, подвергшихся политическим репрессиям⁶⁵². На карту были нанесены наиболее крупные лагеря «архипелага ГУЛАГ», отмечены места массовых

⁶⁵¹ Перечень документов, передаваемых на хранение в Исторический архив Омской области (КУИсА) Петровой Л.И. // Личный архив автора.

⁶⁵² ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 93. 132 л.

расстрелов и захоронений заключённых. Значительная часть из указанных на карте тюрем и лагерей прекратили своё существование после 1956 г.⁶⁵³

В 1995 г. Ф.К. Надь выступил с инициативой увековечить в Омске память историка-этнографа Л.Н. Гумилёва, находившегося в заключении в городе в 1950-е гг. и участвовавшего в строительстве Омского нефтезавода. Путём переписки Ф.К. Надь установил контакт с людьми, лично знавшими Л.Н. Гумилёва, разыскал омичей, с которыми тот общался в период заключения⁶⁵⁴.

В результате переписки и личных бесед с бывшими узниками ГУЛАГа Ф.К. Надь обратился к сбору материалов о немецких «спецпереселенцах» и организации трудармий на территории Сибири, в которых находились немцы, калмыки, татары и другие народы⁶⁵⁵. В его записках упоминается палаточный городок в районе шинного завода, «куда должны были поступать пленные, но не поступали». Многие погибали во время этапирования⁶⁵⁶.

По мере погружения в краеведческую и общественную деятельность расширялся круг интересующих Ф.К. Надя исторических тем. К изучению городского некрополя и увековечиванию памяти репрессированных добавляются сбор воспоминаний ленинградцев-блокадников, история эвакуированных в Омск в годы Великой Отечественной войны предприятий, культурная жизнь города и т. д.

В это же время Ф.К. Надь опубликовал статьи, рассказывающие об истории Российского военно-морского флота, участии сибиряков в Отечественной войне 1812 года. Черновые материалы этих публикаций хранятся в личном архивном фонде краеведа⁶⁵⁷.

В начале 1990-х гг. Ф.К. Надь обращается к биографии генерал-майора А.А. Скалона, командовавшего в Отечественную войну 1812 г. 10-й бригадой, входившей в состав 3-й кавалерийской дивизии. В его бригаду входили

⁶⁵³ ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 18. Л. 48.

⁶⁵⁴ ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

⁶⁵⁵ ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 70. Л. 19.

⁶⁵⁶ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 60. Л. 8.

⁶⁵⁷ ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 170. 4 л.

Сибирский и Иркутский драгунские полки⁶⁵⁸. Благодаря статьям Ф.К. Надя в местной печати омичи узнали и о других героях-сибиряках: генерал-лейтенанте К.Ф. Багговуте, полковнике П.П. Шрейдере, командующем Тобольским пехотным полком, генерал-майоре П.Г. Лихачёве, командире 24-й пехотной дивизии, генерал-майоре П.И. Ивеличе, генерал-лейтенанте, будущем генерал-губернаторе Западной Сибири П.М. Капцевиче и др.

Ф.К. Надя писал о героях-сибиряках, участниках войны 1812 г.: «Эти люди не могут быть отнесены к обычной категории воинов, которым повезло вовремя родиться и участвовать в великих событиях. Они сами делали их таковыми, неся в душе подлинное величие. Подвиг героев 1812 года отнюдь не только воинский – скорее нравственный. Отечественная война родила огромный поток в русской литературе, не иссякнувший доныне. Лучшие писатели и поэты России отдали дань своим творчеством этой теме. Тысячи и тысячи россиян учились жить и мыслить, сообразуясь с жизнью воинов начала XIX века. Их подвиг не будет забыт, пока у потомков останется стремление к духовному совершенствованию, к свободе, к чести»⁶⁵⁹.

Не меньший интерес краеведа вызывала Русско-японская война 1904–1905 гг. и участие в ней сибиряков. Ф.К. Надя тревожило забвение, которому были преданы имена участников сражений той войны: «Шли годы, память о войне 1904–1905 гг. стиралась. Ничто не напоминает в Омске, а в районах области и подавно, об участии сибиряков в войне 1904–1905 гг. Улицы, названные именами участников войны, переименованы, снесена Серафимо-Алексиевская часовня в г. Омске, сборы от которой передавались в семьи погибших на войне»⁶⁶⁰. Во многом благодаря Ф.К. Надю в СМИ прозвучали имена георгиевских кавалеров, матросов Ф.Е. Михайлова, С.М. Баженова, Т.В. Семаренко, М.А. Сумского, Н.Л. Орлянского и др.

⁶⁵⁸ ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 170. Л. 4.

⁶⁵⁹ См. Надя Ф.К. «О, молодые генералы своих судеб!» // Культурологические исследования в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 159.

⁶⁶⁰ См. Надя Ф.К. Русско-японская война: малоизвестные страницы // Культурологические исследования в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 161.

Помимо военной истории Ф.К. Надя интересовала история культуры. В 1990 г. ему удалось выяснить, что канд. техн. наук, научный сотрудник Омского сельскохозяйственного института Е.М. Ольховский (1884–1952) был дальним родственником великого русского композитора П.И. Чайковского⁶⁶¹. В 1991–1992 гг. Ф.К. Надя переписывался с вдовой советского композитора, уроженца Омска В.Я. Шебалина А.М. Шебалиной по поводу своего предложения о присвоении Омскому государственному музыкальному театру имени В.Я. Шебалина⁶⁶².

На основании рассмотренных нами документов личных фондов можно сделать вывод, что в большей степени сибирских историков и публицистов в конце 1980-х – 1990-е гг. интересовали проблемы осмысления опыта революционных событий 1917 г. и гражданской войны в России. Все остальные, в том числе абсолютно «табуированные» до 1985 г. темы, начиная от анализа «перегибов» времён коллективизации и заканчивая описанием личной жизни советских вождей, стали производными от темы осмысления исторического и социокультурного значения «Великого Октября». Рефлексия интеллигенции по поводу событий 1917 г. находит отражение в архивах многих сибирских авторов. В Новосибирске к проблеме переосмысления событий революции и гражданской войны обращается известный писатель и публицист А.В. Никульков.

В 1989 г. А.В. Никульков заканчивает работу над очерком «Взгляд на РСДРП», к слову, рукопись которого будет опубликована только в 1998 г. Этот текст, учитывая тот факт, что А.В. Никульков в 1952 г. окончил истфак Новосибирского педагогического института, можно характеризовать как научно-популярный труд на историческую тему. Автор предпринимает попытки проанализировать проблемы постепенного вырождения революционных идеалов, выявить объективные причины возникновения кризиса модели социалистического строя и его структуры. В частности, и таким образом объясняя произошедшее: «Объективные исторические тенденции обойти или сломать нельзя, их можно только исказить. Октябрь исказил традиционное течение российской истории, но

⁶⁶¹ ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 138. Л. 3-4.

⁶⁶² ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 209. Л. 1-4.

не отменил его. При вековой форме империи Россия и так стояла во главе. Но интернациональные идеи требовали её уравнивания с другими национальными образованиями. От этого смешения несовместимых тенденций получился новый “ублюдок”, говоря крепкими словами Ленина. Россия в послеоктябрьские годы лишилась собственной государственности, растворившись в общесоюзных структурах. А имперские функции никуда не делись, они лишь перешли ко всесоюзному ЦК ВКП (б), ЦК КПСС»⁶⁶³.

Пытаясь беспристрастно оценить деятельность партий – противников РСДРП, роль которых традиционно в советской историографии упрощалась, А.В. Никульков отмечает: «Несчастливая кадетская партия, от которой отреклись и большевики и черносотенцы! Ею не занималась советская историческая наука, ограничиваясь самыми ругательными характеристиками, а именно кадеты более всего способны были бы создать буржуазное демократическое правительство по примеру Франции или Англии. И не их вина, и даже не вина социал-демократов, что они потерпели крах ещё до Октября 1917 года. Россия могла выйти на новую свою историю только через крайности, только через диктатуру той или иной самой крайней стороны. История не приуготовила ей кадетской золотой середины»⁶⁶⁴.

Показателен применяемый А.В. Никульковым ретроспективный подход, проявляющийся в том числе и в обращении к сюжетам бытовой жизни русского общества в конце XIX – начале XX вв. Например, размышляя над сущностью столыпинской реформы и её последствиями, автор утверждает, что П.А. Столыпин преследовал цель капитализировать крестьянское хозяйство, поднимая его докапиталистическими формами промышленности. В частности, по мнению А. В. Никулькова, «Столыпин хотел разрушить древние формы крестьянского землепользования, но уберечь от резкой ломки такие формы помещичьего. А крестьяне хотели сохранить общинное, а не частное владение землёй и разрушить

⁶⁶³ ГАНО. Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 30. Л. 25.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 44.

помещичьи формы землевладения. Парадокс российской истории, когда единая цель ломки расщепляется на непримиримые пути её достижения»⁶⁶⁵.

Отличительной чертой текстов перестроечных и постперестроечных лет является их ярко выраженная ориентированность «на злобу дня». Отчётливо наблюдается стремление авторов при создании исторических текстов провести параллели с современной эпохой. Так, А.В. Никульков отмечал «сходство ситуации в эпоху столыпинской реформы и в наши дни перестройки». Неожиданным, по мнению автора, оказалось «сопротивление большей части колхозников фермерскому движению, нежелание расставаться с колхозной формой, которая, бесспорно, есть модификация традиционной национальной общины»⁶⁶⁶.

Из всего массива документов личного фонда А.В. Никулькова, связанных с проблемами трансляции исторической памяти, особый интерес представляют рукописные и машинописные тексты, посвящённые истории Сибири, города Новосибирска. Так, в этом фонде содержатся тексты, вошедшие в 1989 г. в книгу о судьбе Н.Г. Гарина-Михайловского – основателя Новониколаевска – «Современник из прошлого века»⁶⁶⁷. Писатель высказывал явно навеянные «ветрами перестройки» рассуждения о том, какое значение имеет «качество» исторического знания для складывания ядра коллективной памяти. В частности, он обращал внимание, что «нашей фальсифицированной истории пора вернуть её прежнее значение, прежнее величие как науки, избавить её от того нивелирования, когда она смешалась с краеведением». А.В. Никульков в своей работе утверждает, что «история и краеведение – это всё-таки разные уровни развития науки. История основывается на самостоятельной концепции, на философии развития общества. Краеведение изучает и систематизирует

⁶⁶⁵ ГАНО. Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.

⁶⁶⁶ Там же.

⁶⁶⁷ Никульков А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский. Современник из прошлого века. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1989. – 184 с.

региональные факты на основе господствующей исторической концепции, не внося своего в теорию науки»⁶⁶⁸.

В 1988–1989 гг. А.В. Никульков работал над очерком «Стремительный город», ставшим предисловием к книге «Современник из прошлого века». В личном фонде писателя находится черновой вариант этого очерка. В «Стремительном городе» А.В. Никульков рассматривает основные вехи истории Новосибирска: от проекта Н.Г. Гарина-Михайловского до начала 1990-х гг. А.В. Никульков настаивает на том, что именно Н.Г. Гарина-Михайловского следует считать основателем Новониколаевска: «Гарин-Михайловский... исходил из государственной мысли, что транзитную магистраль нет нужды удлинять на двести вёрст из-за местнических интересов, что линия через Кривощёкова даёт казне экономию в три миллиона рублей. Н.Г. Гарин-Михайловский спас ещё не рождённый Новосибирск, отстаивал его право на рождение»⁶⁶⁹.

На страницах местных газет «Вечерний Новосибирск» и «Молодость Сибири» А.В. Никульков вступает в полемику с историком В.Т. Гузеевой и краеведом К.П. Зайцевым в вопросе «Кого всё-таки считать основателем Новосибирска?». Дискуссии на темы, касающиеся истории страны, стали отличительной чертой печати конца 1980-х – начала 1990-х гг. Зачастую споры вокруг локальных сюжетов переходили в глобальные рассуждения о трагическом историческом опыте России в XX в. Так, оспаривая озвученный К.П. Зайцевым тезис о том, что в Новосибирске был искусственно создан «культ личности» Н.Г. Гарина-Михайловского, Никульков начинает размышлять об актуальной в годы перестройки практике преодоления обществом последствий сталинизма: «Психология культа личности засела в нас гораздо глубже, чем мы сами подозреваем. “Незаменимых людей нет”, – провозгласил Сталин, подразумевая, конечно, что к нему, единственному на земле, это не относится. Такая, с позволения сказать, теоретическая предпосылка использовалась на практике для того, чтобы рубить любые головы, которые по своим талантам и знаниям сильно

⁶⁶⁸ ГАНО. Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 26. Л. 61.

⁶⁶⁹ Там же. Л. 2-3.

возвышались над многими, грозили незаменности самого Сталина. Не стало Вавилова, Тухачевского, Бухарина, Мейерхольда, Вознесенского, – и, вроде бы, ничего не изменилось, страна не погибла. И мы поверили в то, что незаменимых людей нет, что все взаимозаменяемы... И этот нигилизм десятилетиями вкоренялся в нас, переходя из поколения в поколение»⁶⁷⁰.

Немаловажным представляется раздел личного фонда «Документы, связанные со служебной и общественной деятельностью А.В. Никулькова». Он представлен, в том числе, такими материалами, как «Предложения постоянной комиссии по культуре исполкома горсовета народных депутатов». В документах содержатся обращения к городским властям по поводу установки в городе новых памятников, проекты по наименованию и переименованию улиц Новосибирска. Рецензируя вышедшую в свет «Адресно-справочную книгу Новосибирска», А.В. Никульков характеризует её как свидетельство «беднейшей нашей фантазии в названиях улиц».

По наблюдению А.В. Никулькова, городская топонимия перенасыщена «военизированными» названиями: «кроме 2 Бронных улиц существует 18 Бронных переулков, 4 Воинских улицы, 3 Зенитных переулков, 2 Кавалерийских улицы и один переулок, Оборонная улица и 4 переулков, 2 Патронных улиц, улица Танкистов, Танковая улица и 6 переулков Танкистов». Писатель говорит о необходимости «сократить» эту военную мощь в городской топонимике и предлагает альтернативный вариант наименований: «Нам есть как назвать улицы. Кем выстроены лучшие здания города? “Красный факел”, ОДО, Городской корпус, генеральский дом, обком, 100-квартирный дом и т. д. Архитектор Крячков, художник Белоголовый, профессор Мыш, Андриен Лежен».⁶⁷¹ Помимо этого, А.В. Никульков также был сторонником инициативы убрать имя А.А. Жданова из новосибирской топонимии.

Отдельный интерес представляет коллекция фонда канд. архитектуры, краеведа К.П. Зайцева, который в течение ряда лет был оппонентом А.В.

⁶⁷⁰ ГАНО. Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 26. Л. 61.

⁶⁷¹ ГАНО. Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 67. Л. 250.

Никулькова. Вопрос о влиянии работ К.П. Зайцева на формирование коллективной памяти новосибирцев является открытым, в силу того что значительная часть написанных им текстов осталась неопубликованной. Но в этом же заключается и ценность данного фонда, в который включены машинописные тексты (написанные в 1985–2000 гг.), посвящённые по большей части развенчанию (и ответу А.В. Никулькову, по замыслу автора) мифа о личности основателя Новосибирска. Критике деятельности А.В. Никулькова по созданию образа Н.Г. Гарина-Михайловского как основателя Новосибирска посвящены тексты К.П. Зайцева: «О точках зрения писателя А. Никулькова», «Легенда – хороша, а правда лучше»⁶⁷², «Как литератор Анатолий Никульков переписал Николая Михайловского (Гарина) (любительский памфлет)», «Миф продолжается, или как А. Никульков переписал Гарина-Михайловского заново»⁶⁷³.

По мнению К.П. Зайцева, Н.Г. Гарин-Михайловский был «назначен» официальным основателем Новосибирска приближёнными к властям публицистами из практических соображений: необходимо было создать легенду о причастности к основанию будущей «столицы Сибири» известного человека, связанного с революционно-демократическим движением. Местные власти приняли этот посыл, и в итоге за несколько десятилетий в исторической памяти новосибирцев закрепился миф, по выводам К.П. Зайцева, не имеющий ничего общего с действительностью. Сам факт привязки имени Н.Г. Гарина-Михайловского к основанию Новосибирска краевед считал результатом череды исследовательских ошибок, допущенных авторами, занимавшимися написанием истории Новосибирска.

В статье «Как литератор Анатолий Никульков переписал Николая Михайловского (Гарина) (любительский памфлет)» К.П. Зайцев пишет: «Как возникла “удобная и красивая легенда” об основателе и основании? 1924–25 г. Фотограф Литвинов через 30 лет написал историю возникновения без каких-либо

⁶⁷² НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-6, 14-17.

⁶⁷³ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 12. 18 л.

документальных подтверждений. Он писал: “В 1891 году изыскательная партия инженера Михайловского (Н.Г. Гарина), получившая специальное задание найти более удобный переход р. Оби железнодорожным мостом, пошла от гор. Колывани вверх по реке, проделала пробные изыскания через остров Яренский с выходом на противоположный правый берег между устьями речек первой и второй Ельцовок”. Всё дальнейшее описание не соответствует той действительности, которая зафиксирована картографическими съёмками положений посёлков, находившихся в районе Большого Кривощёкова по берегу реки Оби и притоков правобережья – Каменки и Ельцовок. Это описание переписывается всеми историками, литераторами... В 1931 году к 40-летию города была издана Справочная книга “Весь Новосибирск”. В ней нет ни единого слова о Гарине-Михайловском... Справедливо было отмечено в 1932 году в Экономическом справочнике Новосибирским Горпланом и Западносибирским управлением нархозучёта – “Город Новосибирск и район”: “О Новосибирске и его строительстве много говорят и пишут в различных изданиях и журналах, но часто это делается по материалам случайным, отрывочным, а порой и недостаточно проверенным”»⁶⁷⁴.

Развивая идею в рукописи «Миф продолжается, или как А. Никульков переписал Гарина-Михайловского заново», К.П. Зайцев утверждает, что и сама официальная дата основания Новосибирска является не столько условной, сколько напрямую ошибочной: «В 1957 годы выходит из печати книга “Новосибирск”... Ошибка здесь была зафиксирована датой: “20 июля 1893 года была произведена закладка железнодорожного моста”. По историческим документам закладка произошла 20 июля 1894 года принародно»⁶⁷⁵. В заключении К.П. Зайцев дополняет, что точка на карте под названием «Кривощёковский выселок» была известна давно. Название же «село

⁶⁷⁴ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 13.

Новониколаевское» появилось ещё в 1890 г. «на государственном документе, называемом топкартой местности будущей линии»⁶⁷⁶.

Опровергая устоявшиеся в рамках локальной истории интерпретации исторических фактов, К.П. Зайцев предлагал свой, сформулированный в результате исследовательских изысканий, вариант трансляции памяти о прошлом. По его убеждению, в случае с Новосибирском говорить о каком-то конкретном основателе города нельзя, и следует поднять вопрос об увековечении «основателей», среди которых он выделял начальника Управления строительства Западно-Сибирской железной дороги К.Я. Михайловского и начальника экспедиции по проведению изысканий и начальника строительства Средне-Сибирской железной дороги Великого Сибирского пути Н.П. Меженинова. К.П. Зайцев считал, что вполне допустимо увековечить имя «фактически непричастного к основанию Новосибирска» Н.Г. Гарина-Михайловского в названии набережной реки Оби, поскольку как инженер-изыскатель он «наметил» переход моста через реку Обь у речки Каменки, что определило заселение Предмостной и Закаменской сторон. Помимо этого, К.П. Зайцевым было высказано предложение о создании музея строительства моста, перед зданием которого необходимо поставить «групповой скульптурный памятник, соответствующий заслугам каждого деятеля». Привокзальную площадь, носящую имя Н.Г. Гарина-Михайловского, краевед предлагал переименовать в площадь имени Константина Михайловского, «инженера-изыскателя, строителя всей Транссибирской магистрали, тем более, что в самом начале Привокзальной части были названы улицы “Михайловская” (ныне Ленина) и ”Межениновская” (ныне Челюскинцев). Это будет исторически достоверно и по-человечески честно, как говорили раньше – благородно»⁶⁷⁷.

Заметим, что в своих текстах К.П. Зайцев неоднократно подчёркивает, что его непримиримость в отношении оппонентов (выражавшаяся порой в весьма экспрессивной форме) обусловлена чувством глубокого переживания из-за

⁶⁷⁶ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

⁶⁷⁷ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

попранной исторической правды: «Не подозревай меня, читатель, в умышленном подборе материалов: меня волнует несправедливость к действительным событиям и людям, имеющим прямое отношение к размещению и строительству города Новосибирска». Присутствуют и недвусмысленные актуальные привязки к современной эпохе: «Перестройка исторического мышления требует большого напряжения памяти и гражданской совести и чести по древнему русскому обычаю – правда прежде всего»⁶⁷⁸.

В марте – апреле 1990 г. газета «Западносибирский железнодорожник» публикует критическую статью К.П. Зайцева «Легенда об “отце города”», черновой вариант которой также находится в личном фонде краеведа⁶⁷⁹.

В начале 1990-х гг. К.П. Зайцев часто обращается к отдельным краеведческим сюжетам. Результатом исторических исследований К.П. Зайцева в 1990–1999 гг. стали статьи об истории населённых пунктов Новосибирской области, истории Транссибирской магистрали⁶⁸⁰, был собран обширный материал по острогам Западной Сибири, культовым сооружениям Новосибирска: Александровский собор⁶⁸¹, Часовня Святого Николая⁶⁸² и др. К.П. Зайцев сам зарисовывал и фотографировал образцы деревянной резьбы, сформировал большую коллекцию визуальных источников.

Интерес представляет и переписка К.П. Зайцева с местными органами власти, общественными организациями и частными лицами по вопросам сохранения историко-культурного наследия Новосибирска, а также с редакциями периодических изданий по вопросам публикации статей⁶⁸³. В 1989 г. он обращается к руководителям Новосибирска с предложением организовать в соборе Александра Невского (в тот момент здание находилось на реставрации) «Музей истории православия и атеизма». По мнению К.П. Зайцева,

⁶⁷⁸ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

⁶⁷⁹ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 29. 4 л.

⁶⁸⁰ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 33. Л. 7-9.

⁶⁸¹ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 23. 68 л.

⁶⁸² НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-3.

⁶⁸³ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 110. 245 л.

необходимость создания такого музея обусловлена тем, что «десятилетия диктата и застоя привели нас к потере чувства исторической памяти, самозабвению, эгоизму и отрицанию исторических реальностей... Тенденциозное искажение истории взаимоотношений двух философских систем привело к искажённому отношению к прошлому наследию, непониманию его ценности и уничтожению этого наследия»⁶⁸⁴. К.П. Зайцев не считал удачной идею организовать в здании филиал филармонии и связывал проект нового функционального наполнения культового сооружения с необходимостью усилить историко-просветительскую работу, поскольку, по его выражению, «создание такого музея мотивировалось значением его для просвещения не только горожан, но и всех, кого беспокоило культурное атеистическое воспитание населения»⁶⁸⁵.

В 1996 г. К.П. Зайцев обратился с открытым письмом к мэру Новосибирска В.А. Толоконскому, в котором предлагал восстановить казачий посад Большое Кривощёково (село, основанное в конце XVII в. и располагавшееся на территории современного левобережья Новосибирска), музеефицировать данную территорию, «собрать три-четыре примера усадеб, которые исчезают бесследно или искажаются реставраторами по сохранению наследия ради славы»⁶⁸⁶.

Переписка К.П. Зайцева с различными организациями также содержит материалы, из которых следует, что в 1999 г. он обращался к начальнику Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Г.П. Блукке с предложением о возможности сотрудничества в деле выявления и реставрации памятников деревянного зодчества Новосибирска, ссылаясь на то, что ему известны факты «нарушений пользования зданиями-памятниками»⁶⁸⁷. В 2000 г. К.П. Зайцев написал письмо начальнику управления культуры Новосибирской области В.Г. Миллеру с просьбой способствовать предоставлению ему лицензии на реставрацию памятников архитектуры в городе

⁶⁸⁴ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 110. Л. 74-75.

⁶⁸⁵ Там же. Л. 75.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 203.

⁶⁸⁷ Там же. Л. 213.

Новосибирске и Новосибирской области, отметив, что под его руководством «были выполнены реставрационные работы на объектах: музей Д. Ковальчук, музей С.М. Кирова, гостиница “Метрополитен”, церкви в Колывани, Новосибирске, школа на ул. 1905 года, церковь Покрова»⁶⁸⁸. В обоих случаях К.П. Зайцеву было отказано в предоставлении лицензии по разным причинам. В 2001 г. он обратился с этим же вопросом к министру культуры России М.Е. Швыдкому⁶⁸⁹, но также не получил положительного ответа. В 2004 г. К.П. Зайцев составил обращение на имя главы администрации г. Бердска, содержащее просьбу оказать содействие в работе по проектированию и выявлению памятников деревянного зодчества Бердска⁶⁹⁰. Материалов, способных дать ответ на вопрос, увенчалась ли эта инициатива К.П. Зайцева успехом, личный фонд краеведа не содержит.

Богат и информативен личный фонд канд. ист. наук, краеведа и общественного деятеля И.Ф. Цыплакова. Им было оставлено большое историко-краеведческое наследие. И.Ф. Цыплаков родился в крестьянской семье. В 1942–1950 гг. проходил службу в рядах Советской армии в частях ВВС в качестве авиамеханика, с 1946 по 1950 г. был бортмехаником в войсковой части, обслуживающей Сахалин и Чукотку. С 1951 г. работал в советских партийных и хозяйственных структурах. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам, преподавал в Новосибирской высшей партшколе. В 1982–1998 гг. И.Ф. Цыплаков занимал должность председателя Новосибирского отделения ВООПИиК.

Личный фонд И.Ф. Цыплакова весьма обширен. Интересы исследователя в период второй половины 1980-х – 1990-х гг. во многом определялись его положением руководителя Новосибирского отделения ВООПИиК. Значительное место в архивном наследии И.Ф. Цыплакова занимают тексты по родоноведению, истории Сибири и города Новосибирска. Из общего массива материалов следует

⁶⁸⁸ НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 110. Л. 222.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 223.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 243.

выделить тексты: доклад о ратном подвиге новосибирцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 40-летию Победы)⁶⁹¹; доклад о г. Новосибирске (1988)⁶⁹²; статьи и заметки «О первостроителях и выдающихся людях г. Новониколаевска (Будагове Г.И., Белелюбском Н.А., Гарине-Михайловском Н.Г., Жернакове В.И., Литвинове Н.П., Тихомирове Н.М.)»⁶⁹³; рукопись «Рождение города» (об уточнении даты основания Новосибирска)⁶⁹⁴, статьи о руководителях органов исполнительной власти Сибири (Сибревкома, Сибкрайисполкома и др.) в 1920–1930-е гг.⁶⁹⁵

Работая над биографическими очерками о советских партийных работниках 1920–1930-х гг. И.Н. Смирнове, Ф.П. Грядинском, Р.И. Эйхе, С.А. Шварце, И.Ф. Цыплаков (к слову, уже в 1990-е гг.) затрагивает и тему репрессий, не занимая при этом ни обличительной, ни оправдывающей беззаконие позиции. Высказывание И.Ф. Цыплакова свидетельствует скорее о его приверженности традиционному принципу историзма, поскольку в своей работе он склонен не давать характеристик событиям тех лет с позиций современности. По мнению И.Ф. Цыплакова, «оценивая сегодня то, что произошло в 30-е гг., многое воспринимается в ином контексте. И всё же нельзя... рассматривать ситуацию 30-х гг., не учитывая тогдашнюю атмосферу. Ведь убийство С.М. Кирова укрепляло веру людей в справедливость предпринимаемых мер. Переосмысливая некоторые события и давая им нелицеприятную оценку, необходимо учитывать всю противоречивость обстоятельств. Ведь, зная ту обстановку, трудно себе представить, чтобы попытки честно разобраться в происходившем или высказать сомнение в незаконности арестов, могли бы тогда, в эпоху репрессий, остаться безнаказанными. Дело не только и не столько в восстановлении исторической справедливости, сколько в том, чтобы извлечь и учесть уроки истории»⁶⁹⁶.

⁶⁹¹ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 39. 29 л.

⁶⁹² НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 42. 12 л.

⁶⁹³ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 50. 99 л.

⁶⁹⁴ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 52. 9 л.

⁶⁹⁵ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 61. 44 л.

⁶⁹⁶ Там же. Л. 31.

Некоторые тексты, написанные И.Ф. Цыплаковым в рассматриваемый период, носят полемический характер. Так, историк-краевед принял участие в спорах по вопросу о дате основания Новосибирска. В очерке «Рождение города» он пишет⁶⁹⁷: «... Думается, правомерно, что авторы книги “Новосибирск в историческом прошлом” во главе с известным историком Сибири Л.М. Горюшкиным предложили считать датой возникновения города день приезда на место будущего населённого пункта первых строителей – 30 апреля (13 мая) 1893 года. С этого времени фактически начались подготовительные работы к сооружению моста, когда шёл массовый приток населения на стройку»⁶⁹⁸.

В этот же период И.Ф. Цыплаков проявляет исследовательский интерес к фигурам дореволюционной российской истории. В его архивном фонде можно обнаружить, например, заметки о женщинах – участницах войн, награждённых Георгиевским крестом – участнице Отечественной войны 1812 г., Н.А. Дуровой и участнице Первой мировой войны Р.М. Ивановой (1989)⁶⁹⁹, «Статьи о сибирских губернаторах М.П. Гагарине, Ф.И. Соймонове, М.М. Сперанском, А.М. Черкасском» (1996)⁷⁰⁰.

Обращение И.Ф. Цыплакова к персоналиям из XVIII – первой половины XIX вв. выводит его сочинения за рамки исключительно новосибирского краеведения и демонстрирует характерное для 1990-х гг. стремление историков-сибиреведов уйти от советского стереотипного восприятия царских администраторов в качестве «сатрапов». Выдающегося государственного деятеля времен Александра I и Николая I М.М. Сперанского историк характеризует как одного «из самых замечательных людей России», мечтавшего «об успехах для

⁶⁹⁷ Прим. Имеет место вклейка страницы с текстом: «Вместе с тем, думается, будет не вполне правомерно датировать зарождение города определённым числом, в частности 30 апреля 1893 года. К этому нет оснований да и, вероятно, их быть не может, поскольку шёл стихийный процесс заселения места у будущего места стройки, уже начиная с извещения о принятии «Варианта на Кривощёково» в мае 1892 года. Ещё до появления первого отряда мостостроителей сюда потянулась беднота окрестных деревень, о чём говорится во многих воспоминаниях. Все эти люди начали в мае-июне 1893 года возводить первые бараки и землянки» [НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 52. Л. 8].

⁶⁹⁸ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

⁶⁹⁹ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 43. 5 л.

⁷⁰⁰ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 62. 29 л.

России, которых она ещё долго не могла достигнуть»⁷⁰¹. Очерк о Ф.И. Соймонове И.Ф. Цыплаков озаглавил «Талантливый администратор (Заботливый и просвещённый правитель)». Этот сибирский губернатор характеризуется историком как человек честный и справедливый. Как отмечает И.Ф. Цыплаков, «он был особенно любим сибиряками, как человек, понимающий их интересы и хорошо знакомый с ними. Он усиленно работал от ранней зари до поздней ночи. Редко прибегал к телесным наказаниям и всегда стремился смягчить приговоры, повторяя фразу “Я сам испытал, каков кнут”»⁷⁰².

Весьма информативен и такой раздел личного фонда, как «Переписка И.Ф. Цыплакова с различными организациями и гражданами по вопросам профессиональной и общественной деятельности»⁷⁰³. Эта часть личного фонда содержит материалы, касающиеся деятельности по установке памятника М.А. Лаврентьеву в Академгородке во второй половине 1980-х гг. (переписка с руководителями Сибирского отделения АН СССР)⁷⁰⁴. Также представлены планы работы Комиссии президиума горсовета по истории Новосибирска, содержащие в том числе перечень мероприятий, запланированных в связи со 100-летием города⁷⁰⁵. Имеются и документы, из которых следует, что в 1997 г. (и позднее, в 2003 г.) ректор Сибирского независимого университета А.Ф. Ревуженко и главный редактор издательского дома «Сибирская горница» М.Н. Щукин обращались к представителям администрации области и частным лицам с просьбой оказать финансовую помощь в издании подготовленных И.Ф. Цыплаковым историко-краеведческих рукописей «Краткая историческая энциклопедия Новосибирска»⁷⁰⁶ и «Корона сибирской столицы. Хроника исторического центра Новосибирска»⁷⁰⁷.

⁷⁰¹ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 62. Л. 29.

⁷⁰² Там же. Л. 20.

⁷⁰³ НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 183. 210 л.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 180.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 199-200.

⁷⁰⁶ Там же. Л. 205.

⁷⁰⁷ Там же. Л. 209.

Резюмируя вышеизложенное, обратим внимание на то, что документы из персональных архивов, включающие черновики статей, опубликованные и неопубликованные рукописные и машинописные заметки, переписка позволяют проникнуть в «творческую лабораторию» исследователя, расширяют характеристику его интеллектуальной, общественной и гражданской жизни, а также дают возможность увидеть «общее» и «индивидуальное» в исследовательской и творческой деятельности сибирских гуманитариев. В отдельные моменты проследить изменения их представлений о прошлом возможно только на основании неофициальных документов. Таким образом, ценность данного вида источника возрастает. С точки зрения методологии исследований по проблематике исторической памяти, материалы личных фондов информативны, поскольку позволяют нам в рамках историко-генетического и историко-ретроспективного методов реконструировать и проанализировать процесс трансформации исторического сознания на примере изменений восприятия событий прошлого среди различных представителей гуманитарной интеллигенции.

§ 4. Феномен «обратной связи»: реакция общества на изменение политики памяти (на примере изучения эпистолярного наследия читателей региональных изданий)

Как мы уже убедились, исследования в области коллективной памяти включают широкий и разнообразный спектр источников. Огромное влияние на развитие «memory studies» как исследовательского поля оказал фактор научно-технической революции, обеспечившей создание новых средств фиксации, хранения и воспроизведения информации. Появление Интернета и распространение персональных компьютеров, развитие электронных масс-медиа, социальных сетей ускорили и углубили этот процесс. Трансляция в информационное пространство представлений о прошлом перестала быть прерогативой узкого круга профессионалов и стала доступна практически

каждому человеку. Но даже если мы методологически очерчиваем возможный круг «аккумуляторов» и «передатчиков» коллективных представлений о прошлом с помощью формальных критериев (принадлежность к определённой социальной группе, уровень образования и т. п.), это всё равно не отменяет факта существования феномена «обратной связи», масштаб, специфику и значение которого ещё только предстоит изучить.

Важно заметить, что в нашей стране развитие электронных средств массовой коммуникации получило широкое развитие с небольшим отставанием от стран Европы и Америки. Поэтому основным источником изучения феномена «обратной связи» в рамках процесса трансформации коллективной памяти о прошлом в рассматриваемый период служит эпистолярное наследие (в большей мере это письма в газеты и журналы, на радио и телевидение). В настоящее время российское источниковедение уделяет эпистолярным материалам значительно меньше внимания, чем другим видам источников. И.В. Кобак отмечает, что «несмотря на то, что большие комплексы эпистолярных источников опубликованы, а отдельные письма часто используются в исследованиях, работы, в которых переписка изучалась бы как исторический источник и предлагалась методика её анализа, немногочисленны»⁷⁰⁸. Применительно к сибирскому материалу подобных работ ещё меньше. Однако в условиях практик междисциплинарных исследований к историческому потенциалу эпистолярного наследия обращаются не только историки, но и философы, филологи, культурологи. В этом контексте весьма интересен коллективный труд иркутских исследователей под руководством канд. филос. наук М.Я. Рожанского⁷⁰⁹, обратившихся к анализу неопубликованных писем из архивов ряда сибирских и московских изданий, ставших сегодня частью архивного фонда Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСИО, г. Иркутск).

⁷⁰⁸ Кобак И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2012. – Вып. 2. – С. 142.

⁷⁰⁹ Письма об истории и для истории. 1988 – 1990 годы. Коллективная монография / Е.Г. Боярских, Е.Н. Иванова, Т.П. Кальянова, С.Г. Карнаухов, М.Я. Рожанский, С.Ф. Шмидт // Под общ. ред. М.Я. Рожанского. – Иркутск, 2014. – 209 с.

Опора на этот исследовательский опыт позволяет сформулировать цель данного параграфа: выявление и анализ исторических сюжетов, актуализированных в пространстве коллективной памяти жителей Омска и Новосибирска в условиях демократических преобразований 1985–2000 гг.

Трудности, возникающие при работе с эпистолярным наследием, ещё в середине 1990-х гг. отмечала Н.Н. Козлова, назвавшая этот источник, по аналогии с живописью, «наивным письмом»: «... в нашей культуре не сложилась пока традиция относиться к наивному письменному тексту так же, как мы относимся к наивной живописи»⁷¹⁰. Учитывая эти сложности, мы оставляем за собой право сосредоточиться на интересующих нас исторических сюжетах. Обращаясь к истории перестройки и постперестроечного периода в контексте развития механизмов и выбора акторов гласности, оказавших влияние на трансформацию коллективных представлений общества о прошлом, мы непременно обращаемся и к социальной истории перестройки. Поэтому круг задействованных источников будет ограничен, по большей части, неопубликованными письмами читателей.

Формулировка цели параграфа вынуждает сделать существенную оговорку. Основная масса рассматриваемых источников относится к периоду 1980–1990-х гг. Она не сохранена (за редким исключением) на электронных носителях, большая часть писем малодоступна. Архив газеты «Советская Сибирь» за 1980–1990-е гг. передан на хранение в Государственный архив Новосибирской области и открыт для исследователей (хотя доступ частично ограничен Федеральным законом «О персональных данных»). Фонды газет «Омская правда» и «Вечерний Омск» носят ведомственный характер: они не передавались в архивы. В силу этого ряд аспектов заявленной темы освещён нами неравномерно, что не позволяет в данный момент полностью раскрыть феномен «обратной связи» применительно к крупным городам Западной Сибири. Уходя по этой причине от сравнительной характеристики пространства памяти Омска и Новосибирска, мы уделяем внимание общероссийским сюжетам, нашедшим

⁷¹⁰ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 10.

отражение в сибирском материале, что позволяет охарактеризовать основные составляющие потенциала эпистолярного наследия как источника по изучению коллективных представлений о прошлом⁷¹¹.

С началом перестройки и последующим постепенным ослаблением жёсткого идеологического контроля государства над жизнью общества изменились формы подачи информации. Появился новый стиль и язык, изменилось «лицо» советской журнальной и газетной периодики. Освобождающаяся от диктата цензуры перестроечная публицистика фактически сформировала новый социальный дискурс и стала, как никогда, востребованной широкими массами людей.

Отечественная публицистика, в условиях начавшейся политики гласности, не могла оставаться в стороне от обсуждения важнейших вопросов общественной жизни. На страницах периодики начали озвучиваться проблемы «дряклости», казалось, ранее незыблемых идеологических конструктов, советская историческая мифология, исторические «травмы» общества. Газетные и журнальные полосы во второй половине 1980-х гг. превратились в трибуну для представителей советской гуманитарной интеллигенции. Эта особенность гласности как социального явления породила феномен бесстрашного читательского отклика, сопровождавшегося неудержимым потоком писем в СМИ. «В переходный период перестройки и гласности многочисленные письма читателей в редакции периодических изданий, на телевидение и радио представляли сиюминутную, непосредственную реакцию на внешние высказывания. Они были массовым выражением не проявленной прежде человеческой субъективности. Через них

⁷¹¹ Прим. При создании данного параграфа основными источниками послужили не публиковавшиеся ранее документы личного происхождения, хранящиеся в государственных архивах Омска и Новосибирска. Приводимые письма являются историческим источником, поэтому при цитировании сохранены авторская орфография и пунктуация. В статье приводятся и имена авторов писем, которые сочли нужным подписаться (некоторые фамилии не приводятся не по причине анонимности авторов, а из-за невозможности узнать их в настоящий момент), поскольку данные источники не относятся к частной переписке, а адресованы в массовые издания, в расчёте (в значительной степени) на их публикацию.

происходило мощное вторжение индивидуальной памяти отдельных людей в пространство публичной полемики»⁷¹².

На ранних этапах перестройки, в период в большей степени декларативной демократизации 1985–1986 гг., круг основных тем и проблем был ещё не оформлен. Но на более зрелых стадиях, когда бывшие безальтернативные структуры подверглись деформациям, главные полемические блоки коллективной памяти уже виделись чётче. После 1991 г. поле исторической памяти лишилось последних ограничений, но в этот же период наблюдается и общий спад интереса к истории. По крайней мере, так видится, если избрать в качестве критерия интереса источники эпистолярного наследия.

Авторский нарратив писем 1980–1990-х гг. применителен к людям разных поколений, социальных слоёв, образования, различных взглядов на прошлое и настоящее. Круг вопросов, формирующийся на основе этих источников, сложно объединить в какой-либо унифицированный проблемный перечень. Мы рассмотрим несколько наиболее показательных исторических сюжетов, нашедших отражение в материалах сибирской периодики и архивах изданий.

Одной из ключевых тем, затрагиваемых читателями 1980-х гг., стала оценка сталинского периода советской истории (1920–1950-е гг.). Осуждение сталинизма явилось важной составляющей государственной идеологической политики, а значит, и повлияло на политику памяти. Ключевой тезис перестройки – понять и совершенствовать новый мир может только сознание, освобождённое от сталинского мышления.

Прорвавшаяся на страницы периодических изданий информация о сталинских временах продемонстрировала «половинчатость» десталинизации 1950–1960-х гг. Период «застоя», о котором заговорили новые лидеры государства, отныне рассматривался как продолжение сталинизма. Страшная правда вышла за пределы персональной, «кухонной» памяти, и о событиях прошлого заговорили как о преступлениях, которые только предстоит раскрыть и осудить. Распространённым сюжетом читательских писем становится описание

⁷¹² Письма об истории и для истории... – С. 41-42.

эпизодов из личного тюремно-лагерного опыта или рассказов родственников и знакомых о сталинских репрессиях. При этом письма зачастую содержат не только свидетельства, но и оценку событий, заявление или обращение в адрес широких масс.

Один из читателей газеты «Советская Сибирь» в 1988 г. обращался в редакцию: «Может быть, кто-то из старожилов Новосибирска помнит, где велось захоронение погибших людей и поможет найти их могилы. Предлагаю, если они найдутся... соорудить на народные средства памятник с указанием фамилий жертв жестоких репрессий в Новосибирской области. Ведь те, кто виноват, покоятся, кто в Кремлевской стене, кто около неё, а могилы невинно пострадавших безымянны и безвестны. Вся наша семья готова внести в это свою лепту»⁷¹³.

По мере развёртывания перестройки и расширения политики гласности практика «суда над прошлым» порой обретала вполне конкретные, «институциональные» формы. Упомянутый нами в главе 1 «суд над сталинизмом», состоявшийся в Омском педагогическом институте в ноябре 1988 г., вызвал отклик у читателей местной периодики, освещавшей данное событие. В фондах регионального отделения общества «Мемориал» сохранились записи высказываний участников «суда»: «Мы получили возможность обсуждать нашу историю не только в кулуарах, но и открыто со всевозможных трибун. Возрождается давно забытое искусство публичной дискуссии, как нельзя лучше способствующее развитию диалектического взгляда на важнейшие события в жизни нашей страны... Можно без всякого преувеличения сказать, что этот процесс стал для студентов настоящим уроком диалектики, гражданской зрелости»⁷¹⁴.

Многие письма, попадавшие в те годы в почтовые ящики не только редакций крупных изданий, но и различных государственных учреждений и организаций, представляются реакцией массового читателя на особо актуальные,

⁷¹³ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 18.

⁷¹⁴ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

громко прозвучавшие публикации в центральной печати. В качестве примера здесь можно привести факты переписки активистов «Омского мемориала» с управлениями МВД и КГБ по Омской области в 1990 г. по поводу прояснения обстоятельств режима содержания крестьян в омской тюрьме в 1930-е гг. В основе этой переписки проверка достоверности отрывка из воспоминаний советского правозащитника и диссидента П.Г. Григоренко, опубликованного в журнале «Звезда» (1990, № 1). В этих воспоминаниях упоминались факты уничтожения заключенных при помощи автомобилей-«душегубок», якобы происходившие в омской тюрьме. В письме на имя начальника омского УМВД Ю.В. Тюленева члены организации обращали внимание на то, что «Омский мемориал» придаёт «принципиальное значение расследованию данных фактов и поэтому надеется на Ваше внимание и конструктивное сотрудничество»⁷¹⁵.

Несмотря на то, что этот конкретный факт не нашёл подтверждения в ответе руководства УМВД по Омской области активистам «Мемориала», новые публикации на тему сталинских репрессий вызывали в обществе живой отклик. Из символического пространства страны (памятники, названия городов, посёлков, улиц, домов культуры и т. д.) имя Сталина исчезло ещё в ходе предыдущей «оттепельной» десталинизации, но разговор о сталинском наследии продолжался, перейдя в 1980-е гг. на качественно иной уровень. Тема сталинизма становится в большей степени поводом для дискуссий не только о диктатуре и массовых репрессиях, но и о дне сегодняшнем. В полемику активно вступают как антисталинисты, так и сталинисты. В письме в «Советскую Сибирь» от 4 августа 1988 г. автор, подписавшийся «Рыбачок», высказывал суждение о том, что публикации, обличающие И. Сталина, есть не что иное, как попытка отвлечь народ от неудач перестройки: «...И вот там пишут, что народ озлобил Сталин. Так ли это. Конечно не так. В сталинские времена народ был беден, но были все как-то жизнерадостнее, дружные. Молодёжь была дисциплинированной... Никто не шастал по подъездам»⁷¹⁶. Автор, подписавшийся как Н.М. Тухачевский, писал

⁷¹⁵ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

⁷¹⁶ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 539. Л. 17.

о «горбачизме» и о том, «что при Сталине не было такого бардака как при Горбачёве»⁷¹⁷.

Часть читателей (и можно предположить, что эта часть была весьма значительна) и вовсе оказалась в состоянии глубокой прострации от обрушившегося бурного потока информации. Жительница Омска М.А. Прохоренко в письме в «Омскую правду» тосковала по ясности доперестроечного времени: «Трудно понять и то, что в газетах и по радио все говорят о гласности и правде – до того договорились, что люди перестают верить всей этой говорильне. Ничего не понять». Эта же читательница делает допустимое замечание, касающееся самой сущности процесса развёртывания репрессий в 1930-е гг.: «Только ли один Сталин? А кто писал доносы друг на друга!» Похожие суждения высказывал в письме в редакцию «Омской правды» и читатель Г.Д. Егоров: «Много было и среди рабочих, и среди крестьян глупцов, которые литературно назывались осведомителями, а попросту были секочами, сексотами»⁷¹⁸.

В то же время в качестве реакции на публикации в центральной печати приходили письма людей, оценивающих Сталина и времена его правления крайне отрицательно. Автор письма, озаглавленного «И ещё о Сталине. Глазами современника», выступал против высказанного на страницах газеты «Советская культура» предложения о создании общества памяти Сталина: «Что нам импонировало в Сталине? – его спокойное величавое достоинство, которое позволяло ему – сыну сапожника вести переговоры на равных с лордом Черчиллем и президентом Рузвельтом. Но это было не достоинство советского коммуниста, а скорее грузинского князя, упивающегося своей властью и мнимым величием. Что дал нам Сталин? – безграничный свинцовый страх перед ним, который сковывал инициативу и на фронте, и в тылу, парализовал ум и мысль».

Далее автор называл советское искусство, прославлявшее И. Сталина, «опиумом для народа», а также упомянул, что отождествление Сталина с победой в Великой Отечественной войне исторически неправомерно, поскольку Сталин

⁷¹⁷ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 539. Л. 13.

⁷¹⁸ Отяшкин В. Ради будущего. Обзор писем о 30-х годах // Омская правда. – 1988. – 26 ноября.

«проспал войну»: «Войну выиграл Советский народ и солдатская честь и слава. Сталин не жалел их, не разрешал даже сдаваться в плен, что было равносильно измене Родине»⁷¹⁹.

В главе 1 мы анализировали один из ключевых процессов перестроечной десталинизации – официальное и гласное осуждение деятельности ближайшего соратника Сталина, члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Жданова. Во второй половине 1980-х гг. это имя в советском обществе ассоциировалась не столько с успехами в строительстве крупнейших предприятий в годы первых пятилеток и обороной Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, сколько с идеологическими «заморозками» периода послевоенного сталинизма, репрессивными акциями против интеллигенции, травлей деятелей культуры. В период перестройки Жданов, являвшийся в годы сталинизма вторым человеком в партии, посмертно разделил вместе со Сталиным ответственность за преступления и промахи советского режима. Имя А. Жданова, не подвергавшегося осуждению в рамках «оттепельной» десталинизации, в годы перестройки было предано общественному остракизму.

Проходившая в перестроечной печати кампания по осуждению деятельности А.А. Жданова как одного из главных организаторов массовых репрессий 1930–1940-х гг. получила широкий отклик со стороны советских граждан. Этот вывод находит подтверждение в письмах читателей, полученных редакциями основных сибирских массовых изданий в 1988–1990 гг. В письме в редакцию «Советской Сибири» от 4 августа 1988 г. читатель А. Добрынин задавался вопросом: «Почему после публикации в “Огоньке” правды про деятельность А.А. Жданова в годы правительственных репрессий 30-х годов остаются в Новосибирске места, названные его именем? Например ДК им. Жданова на Красном проспекте. По моему личному мнению и мнению всех нормальных людей имя А.А. Жданова надо немедленно убрать, и в этом должна помочь газета, пока не поздно»⁷²⁰.

⁷¹⁹ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 508. Л. 2-3.

⁷²⁰ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 34.

Репрезентация исторических знаний путём публикации статей на тему репрессий против интеллигенции породила отклик не только в её среде, но и в сообществах рабочих, служащих. В письме на имя председателя Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся (копия – в редакцию «Советской Сибири») о необходимости вынесения на очередную сессию Горсовета вопроса о переименовании улицы и дома культуры имени Жданова в Новосибирске высказались работники ПО «Сибсельмаш»: «В истории Советского государства трудно найти деятеля, который бы сделал больше для искоренения культуры, чем А.А. Жданов. Достаточно вспомнить, что он лично преследовал М. Зощенко и А. Ахматову – гордость нашей культуры. Сочетание слов “культура и Жданов” кощунственно. Тем не менее в Новосибирске существует Дом культуры им. Жданова».

Интересно, что посыл этого письма не ограничивался требованием осуждения сталинских репрессий. В нём присутствует тревога за судьбу демократических преобразований, главная претензия обращена в настоящее: «Четвертый год в стране идёт перестройка, однако приметы времени застоя продолжают спокойно существовать в Новосибирске, “украшая” его как бельмо глаз... Вряд ли новосибирцы потерпели бы улицы Берии или Ежова, а улица Жданова, лично пописывавшего смертные приговоры ни в чём неповинных людей, есть!.. Подобную аномалию вряд ли можно оправдать материальными издержками, – моральные от сохранения таких названий, неизмеримо выше. Чего ждут работники городской власти: указа сверху, конца перестройки или им вообще безразлично, чьи имена носят улицы и культурные объекты родного города?! В истории нашего города достаточно имён, которыми мы можем гордиться. Имена этих людей и должны носить улицы и дворцы культуры»⁷²¹.

Предложения убрать из городской топонимики фамилию А.А. Жданова реже, но сопровождались конкретными предложениями на тему, чьи имена необходимо увековечить в пространстве города, заменив ими названия в память одиозных советских деятелей. Так, в том же письме работников «Сибсельмаша»

⁷²¹ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 36.

прозвучало предложение переименовать ул. Жданова в ул. Лисицина (В.И. Лисицин – бывший директор завода им. В.П. Чкалова, живший на этой улице)⁷²².

В 1989 г. вышло постановление ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечиванием памяти А.А. Жданова» (как отмечалось, «в связи с многочисленными обращениями трудящихся»). В Новосибирске, в котором в 1990-е гг. не произойдёт топонимической революции, немногочисленные переименования коснутся объектов, связанных с именем Жданова: улица его имени станет улицей Авиастроителей, а дворец культуры получит название «Энергия». В Омске вместе с именем Жданова исчезнет с карты города и имя первого секретаря Омского обкома КПСС Е.П. Колущинского. «Омский мемориал» выступил с требованием переименовать ул. Колущинского в центре Омска, поскольку подпись этого партийного работника «стоит под списками репрессированных»⁷²³.

В то же время в годы перестройки отчётливо проявилась и консервативность исторической памяти общества. В этом плане характерна история реконструкции «Дома Ленина» в Новосибирске. Дом, построенный в 1924–1926 гг. как памятник первому руководителю Советского государства, в 1980-е гг. находился на реконструкции, после которой был передан на баланс Новосибирской филармонии. Вопрос о судьбе Дома Ленина в 1987–1988 гг. вызвал бурные дискуссии в печати. В редакцию газеты «Советская Сибирь» пришло множество писем от горожан (людей разных возрастов: от студентов до пенсионеров), демонстрирующих инерцию мышления, а также положительное восприятие населением традиционной праздничной пропаганды, нежелание людей отказываться от привычного восприятия старых памятников. Приводим цитаты из нескольких писем – откликов на статью А.И. Плитченко «Вернём дому идею!»: «В Доме Ленина должен быть музей нашей партии, Гражданской войны, отечественной войны и др.»; «Убеждены, что мы поступим правильно, если создадим в Доме Ленина “Музей истории революции в Сибири”, который будет

⁷²² ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 36.

⁷²³ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.

отвечать первоначальному назначению Дома Ленина, т. е. утверждать идеи ленинизма и тем послужит наилучшим образцом памяти великому вождю всех народов»; «Никак не должен совмещаться Дом Ленина, сквер Героев революции и филармония»⁷²⁴.

Читатель Н. Меньшенин, член КПСС с 1940 г., ветеран Вооружённых Сил, в своём письме предлагал компромиссный вариант: «Дом Ленина – памятник В.И. Ленину. Он должен отвечать своему изначальному назначению, служить людям их просвещению и воспитанию... Чтобы в нём отразилась революционная и государственная деятельность в период нахождения В.И. Ленина в Сибири. Помощь в создании укрепления большевистской партии, Советской власти в Сибири. Поэтому есть настоятельная необходимость в одном из залов или комнат создать экспозицию “Ленин в Сибири”, в другой части здания, как и предлагается – филармония»⁷²⁵.

За сохранение прежнего, историко-музейного функционала этого памятника выступали и представители молодого поколения. 23-летний читатель В. Юдаев в письме делился своими соображениями по поводу возможного использования залов «Дома»: «В городе много кинотеатров, домов культуры... И ничего страшного не случится, если наши артисты или приезжие выступят в них, а дом Ленина – это уже история и, честное слово, моему поколению, да и следующему тоже было бы намного приятнее и необходимее видеть в этом здании к примеру музей Новосибирска, а лучше музей Новосибирской области или даже Западной Сибири. Раз Новосибирск – столица З.-Сибири, так должен же он оправдывать себя. Мы живём завтрашним днём, думаем как сделать, чтобы было лучше, но нельзя жить завтрашним днём не зная прошлого!»⁷²⁶.

Стабильность коллективной памяти проявилась и в отношении самой фигуры Ленина, а не только памятников в его честь. В 1989–1990 гг. образ Ленина постепенно лишается ореола сакральности, но многие читатели и в последующее

⁷²⁴ ГАНУ. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 480. Л. 9-40.

⁷²⁵ Там же. Л. 21.

⁷²⁶ Там же. Л. 39-40.

десятилетие продолжали оценивать личность и историческую роль В.И. Ленина в традиции советских пропагандистских штампов. «Но можно ли забыть человека, который вернул чувство собственного достоинства всем труженикам и угнетённым? Человека, который помог кухаркиным детям получить образование и стать наравне с родовитыми дворянами?» – задавалась вопросом жительница Новосибирска П. Батонова в 1993 г. Пенсионер В.В. Артемьев в письме сожалел, что «глумление над Лениным» не преследуется по закону⁷²⁷. Но иногда, в письмах даже более раннего периода (1989), встречаются и противоположные суждения: «Ленин больше повинен в убийстве людей. Его сделали Богом»⁷²⁸. Подобные высказывания немногочисленны.

Читатель М. Токарев, 36 лет, в 1989 г. выступал с резкой критикой в адрес партии, членом которой он, согласно подписи, являлся с 1976 г. При всём радикализме письма, М. Токарев частично транслирует официальное в годы перестройки мнение о том, что кризис в стране и обществе является прямым следствием отхода во времена Сталина от «ленинских принципов»: «Вспомните слова В.И. Ленина о том, что любая монополия ведёт неизбежно к застою и загниванию. В том числе и на политическую власть... Наша история – лучшее тому доказательство, так как за 72 года полной и безраздельной власти партия так и не смогла сделать так, чтобы народ был накормлен и одет, как он того заслуживает. Всё это время мы шли курсом партии, поэтому не надо всё валить на отдельных личностей. Нужно признать, что то позорное состояние, в котором оказалась наша страна – это результат “мудрой” политики партии»⁷²⁹.

Стимулом для написания письма в газету нередко становились юбилейные события. Авторы зачастую сами делали на письмах пометки «К 100-летию Новосибирска» или «К 70-летию Октября». В основной массе эти тексты представлены не столько семейными воспоминаниями, сколько пересказами различных исторических сведений, ставших для читателя открытием, которым он

⁷²⁷ ГАНУ. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 524. Л. 8.

⁷²⁸ Там же. Л. 22.

⁷²⁹ Там же. Л. 15.

захотел поделиться со всем остальным «миром». Подобные, без авторского «я», письма, вписывающиеся в общепринятую идеологическую концепцию, встречаются и в самом начале перестройки, и в 1990-е гг.

В 1985 г. отмечалось 160-летие восстания декабристов. Именно этой дате посвятил свою рукопись И.П. Мусаткин. В письме в «Советскую Сибирь» автор демонстрировал классический взгляд на декабристов как на борцов с царским самодержавием и первых революционеров: «Основной ведущей идеей мировоззрения декабристов является их пламенный патриотизм, горячая, беспредельная любовь к своей Родине и своему народу»⁷³⁰. Читатель подчёркивал вклад, который декабристы внесли в развитие Сибири: «Декабристы оказали большое влияние на культуру Сибири. Они основывали школы, создавали библиотеки, лечили народ, вводили новые сельскохозяйственные усовершенствования»⁷³¹. Автор письма обращал внимание и на то, что царизм пытался дискредитировать декабристов, называя их «злодеями» и «изуверами», «выставляя неучами и невеждами, нахватавшимися западных идей»⁷³².

Подготовка к столетнему юбилею Новосибирска, праздновавшемуся в 1993 г., подтолкнула множество жителей города к изучению его истории. Новосибирцы Г. Власов, А. Дюнин и К. Коржавин обратились в газету с предложением установить пролёт старого моста в качестве памятника основанию города (эта идея была воплощена в жизнь в 2000 г. при формировании пространства парка «Городское начало»). Член клуба «Экзотика» Г.И. Михайлов предлагал упорядочить к юбилею городские улицы: много однообразных названий вроде Балластной, Батарейной, Бетонной, Боевой и т. п. А. Чернышёв прислал в газету историческую заметку о Новосибирской ТЭЦ. Другой читатель написал биографическую справку об одном из основателей Новосибирска – Г.М. Будагове и т. д.⁷³³

⁷³⁰ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 406. Л. 9.

⁷³¹ Там же. Л. 12.

⁷³² Там же. Л. 14.

⁷³³ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 471. Л. 10-11, 17, 19-22, 73-77.

Знаковой чертой перемен в коллективных представлениях о прошлом в период 1980–1990-х гг. становится пробуждение активного интереса людей к старине и деятельности по сохранению и возрождению историко-культурного наследия. Ярким примером является реакция на статью «Спасти деревянное чудо». Многие читатели не только высказывали возмущение по поводу неразумного отношения к памятнику истории и культуры – Серафимовской церкви в селе Турнаево, – но и озвучивали предложения, которые должны были способствовать его сохранению. Читательница М.Н. Наверцена писала: «Пусть реставраторы сделают всё возможное, чтобы спасти умирающий собор, местные жители должны помочь им в этом, а не препятствовать. Ведь все мы, сибиряки, патриоты своего края. Не дайте погибнуть чуду»⁷³⁴. Схожие мысли высказывал и читатель Г. Анкудинов: «Наша область настолько бедна памятниками старины, что об этом и говорить-то даже неловко. Так почему же мы должны потерять столь величественное сооружение в деревне Турнаево?.. Его охрану должен взять на себя областной совет ВООП (вероятно, имелось в виду ВООПИиК – С. Н.)»⁷³⁵.

Характерной и ещё одной уникальной особенностью изменений общественно-политического климата в стране во второй половине 1980-х гг. становится оживление религиозной и церковной деятельности, а также развёртывание различных дискуссий на эту тему. В Новосибирске подобная полемика разгорелась вокруг передачи здания первого городского храма (собора Александра Невского) под нужды филармонии. Несмотря на то, что советское государство на протяжении всего своего существования вело последовательную атеистическую пропаганду среди населения и осуществляло жёсткую антиклерикальную политику, общество в конце 1980-х – начале 1990-х гг. отличалось высоким уровнем толерантности в вопросах религиозной веры. Об этом свидетельствует, например, лишённое какого-либо фанатизма письмо читателя М.В. Зиброва, откликнувшегося на статью в газете «Вечерний Новосибирск»: «Так как Храм строился на средства людей набожных,

⁷³⁴ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 562. Л. 2.

⁷³⁵ Там же. Л. 5.

следовательно, потомкам таковых и должен принадлежать сейчас, то есть людям верующим, православного вероисповедания. Дом Ленина, о котором также, говорится в статье конечно же, должен принадлежать последователям Ленина. “Кесарю кесарево, а Богу Богово”⁷³⁶. Схожее суждение высказал в письме в «Советскую Сибирь» ветеран войны и труда А.П. Вязников: «Как это можно в интересах группы людей “любящих петь хором” уничтожать редчайший памятник культуры прошлого – Храм Александра Невского?.. Почему допускается это глумление над храмом? Храм – это храм, а не место хоровых пений! Сам я атеист. Не признаю никакую религию, однако, я уважаю религиозные чувства верующих. С этим считаться надо»⁷³⁷.

Сами же верующие в письмах с просьбами о передаче собора православной церкви нередко апеллировали к идее сохранения храма как памятника архитектуры: «Мы, верующие жители Новосибирска, просим горисполком через Вашу газету о том, чтобы собор им. Александра Невского передали Новосибирской епархии для спасения этого уникального в своем роде памятника русского зодчества... Обещаем отремонтировать за счёт верующих и полностью сохранить как памятник»⁷³⁸.

Деконструкция советского героического «пантеона» в начале 1990-х гг. сопровождалась акциями по переименованию улиц городов и различных объектов. В основном топонимические битвы и «войны памяти» происходили в столичных городах (Москва, Санкт-Петербург), однако и сибирские центры были вовлечены в жаркие дискуссии о том, чьи имена должны быть увековечены в городском пространстве. Неравнодушные жители Новосибирска тогда внесли множество различных предложений. Из письма новосибирца А. Будовских: «Я тоже ветеран войны и труда, но полностью поддерживаю решение граждан многих городов России заняться топонимикой городов, улиц, колхозов и т. д. Не должны наши города и села, площади и улицы

⁷³⁶ ГАНУ. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 2.

⁷³⁷ Там же. Л. 53.

⁷³⁸ Там же. Л. 4.

носить имена вдохновителей звериной морали и идеологии их символов... А какую партию приветствует Неустроев? Да ту же – Коммунофашистскую, которая с октября 1917 г. и по август 1991 г. уничтожала десятки миллионов ни в чём неповинных, в основном, высокообразованных и талантливых людей»⁷³⁹. Иное мнение по тому же вопросу выражал читатель А. Толстых: «Истории города нет и 100 лет. Фактически 75 лет город рос и развивался вместе с советской властью, с Советским Союзом. Так зачем же название ул. Советская менять на Кабинетную?»⁷⁴⁰.

С наступлением 1990-х гг. в письмах начинает острее чувствоваться обеспокоенность людей социальными проблемами. Эта тревога слышится в текстах, связанных и с вопросами исторической памяти. Данное состояние сопровождается частичным ослаблением интереса к осмыслению прошлого: «Мы работники ДК им. К. Цеткин и наши знакомые считаем, что переименование улиц, площадей нашего города не ведёт к улучшению жизни жителей нашего города, а 20 членов комиссии, которые работают в этой области, свою энергию, деньги, отпущенные на это стоит употребить на наведение порядка на улицах – закопать все ямы, где вскрывают воду или теплотрассу, заасфальтировать, озеленить, облагородить остановки транспорта...»⁷⁴¹

В это же время топонимическая дискуссия иной раз пробуждала у жителей интерес к различным «любопытным» фактам из истории основания города, порождала стремление поделиться своими знаниями. Читательница М. Востокова в письме от 20 марта 1992 г. писала: «Я слышала, что улицу нашего города, называемую Большевистской хотят переименовать. Так вот я предлагаю назвать улицу Большевистскую – Будаговской в честь инженера Будагова. Она так когда-то и называлась»⁷⁴².

⁷³⁹ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 627. Л. 2.

⁷⁴⁰ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 4.

⁷⁴¹ Там же. Л. 7.

⁷⁴² Там же. Л. 10.

В середине 1990-х гг. читательская активность резко снижается. Фонд газеты «Советская Сибирь» содержит несколько десятков писем, в которых люди писали о проблемах современной деревни, национальном вопросе, принятии нового герба. Несмотря на годы интенсивного внедрения в общественную жизнь различных свобод, жители постсоветской России трудно принимали новое. Не в одном письме содержится критика проекта «старого»-нового герба (двуглавого орла). Среди критических суждений встречались и весьма экстравагантные по своей подаче: «С точки зрения аэродинамики лишняя голова орла – это лишний вес и лишнее аэродинамическое сопротивление. Далее, в полёте головы постоянно болтаются одна относительно другой, что нарушает центровку. Таким образом, в полном согласии с законами аэродинамики двухголовому орлу соответствует поговорка: “Рождённый ползать летать не может”»⁷⁴³.

Дискуссия о новом гербе иллюстрирует ещё несколько особенностей эволюции представлений о прошлом, носителями которых являлись соотечественники в период 1990-х гг., – инертность советского сознания, а также чувство тревожности, стремление опереться на привычную идеологическую традицию. Из письма, датированного 1993 г.: «... За последнее время, насколько я информирована, у нашего народа в мозгах “проясняется” и всё чаще мы оглядываемся на наше прошлое и сожалеем о том, что пренебрегли, опорочили, оплевали (в натуре), хотели сделать как лучше, а получилось наоборот, старое разрушили, а нового ничего никто не предложил. Когда коммунисты во главе с В.И. Лениным со всем народом утвердили свой герб, гимн, свои знамёна, свою форму правления и т. д. почему же сейчас мы вытаскиваем двуглавого орла? Вот уже душа чего не принимает и не понимает»⁷⁴⁴.

Читательские письма 1990-х гг., касающиеся исторической тематики, содержат сведения по истории Сибири, о выдающихся сибиряках, не связанных с политической жизнью XX в., или «старорежимных» деятелях. Проблематика «исторических» писем 1990-х отражает некоторые тенденции,

⁷⁴³ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 647. Л. 4.

⁷⁴⁴ Там же. Л. 7-8.

свидетельствующие об информационном перенасыщении материалами по истории XX в. и, наоборот, нехватке актуальной, неидеологизированной информации по дореволюционному периоду истории.

Обращаясь к письмам гуманитариев, можно выявить отдельные сюжеты. И.Ф. Цыплаков в 1996 г. отдал в редакцию «Советской Сибири» свои очерки, посвящённые первому сибирскому губернатору М.П. Гагарину⁷⁴⁵. Затем И.Ф. Цыплаков прислал очерки о Н.П. Литвинове – организаторе первого врачебного пункта для строителей железнодорожного моста⁷⁴⁶. Член Союза писателей РФ Г.А. Насыров отправил в газету свой очерк «Для Сибири была несвоевременной» об Октябрьской революции 1917 г. Автор писал об успешном развитии Сибири в дореволюционные времена, но в то же время не отрицает масштабного развития этой территории и после революции⁷⁴⁷.

Одной из очередных топонимических дискуссий 1990-х гг. стала полемика вокруг имени выдающегося сибирского архитектора А.Д. Крячкова. Именем Крячкова хотели назвать площадь в центре Новосибирска, носящую имя Свердлова. Предлагались и иные варианты увековечить имя известного зодчего: «...целесообразно присвоить имя А.Д. Крячкова Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии, тем более он стоял у истоков её создания и преподавал архитектуру в строительном институте, от которого и отделилась академия»⁷⁴⁸.

Отметим, что массив писем, поступивших в редакции сибирских газет с 1993 по 2000 г., количественно значительно уступает лавине читательских откликов, обрушившейся на периодические издания в 1987–1992 гг.

Завершая параграф, заметим, что отличительной чертой материалов эпистолярного наследия как исторического источника является субъективность, что делает анализ содержащихся в письмах суждений и оценок сложным в

⁷⁴⁵ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 702. Л. 17.

⁷⁴⁶ ГАНО. Ф.Р-1842. Оп. 1. Д. 734. Л. 16-27.

⁷⁴⁷ Там же. Л. 28-31.

⁷⁴⁸ Там же. Л. 13.

исследовательской работе. При этом письма читателей крупных газет – важнейший источник изучения коллективной памяти. В нашем случае, при обращении к временам перестройки и постперестроечного периода, этот массив эпистолярного наследия становится основным источником изучения феномена «обратной связи» – читательской реакции на процессы трансформации официальной исторической памяти, изменения политики памяти. Гласность и свобода слова второй половины 1980-х – 1990-х гг. способствовали актуализации взаимодействия народной памяти и профессиональной исторической науки и публицистики. Субъективная память, получившая право на существование, сформировала посредством этой «обратной связи» новые вариации коллективных представлений о прошлом.

* * *

Подводя итоги второй главы, позволим себе сделать вывод о том, что формирование сюжетов исторической памяти в 1985–2000 гг. происходило под влиянием двух важнейших феноменов постмодернистского сознания – травмы и ностальгии. Эти феномены коррелируют друг с другом, и потому сказать однозначно, какой из них оказал большее влияние на складывание видения российской истории человеком эпохи перестройки, довольно сложная задача, учитывая к тому же тот факт, что этот человек в основной массе является нашим современником.

«Свинцовый» XX век был «щедрым» для России на масштабные трагедии. Многого пришлось пережить и жителям крупных городов Западной Сибири: гражданская война и колчаковщина, форсированная коллективизация сибирской деревни, ОмЛАГ и СибЛАГ, тяготы жизни тыловых центров в годы Великой Отечественной войны, участие сибиряков в ликвидации Чернобыльской аварии, военных действиях в Афганистане и Чеченской республике, железнодорожная катастрофа под Уфой. Безусловно, эти трагические события, растянувшиеся в своих последствиях на десятилетия, оказали огромное влияние не только на

повседневную жизнь людей, но и на их восприятие исторического процесса. Письма, которые шли в городские и областные издания Омска и Новосибирска во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., стали первым этапом проработки коллективных исторических травм, возможностью проговорить собственный (семейный) опыт «испытания веком». Это стало возможно благодаря публичной дискуссии, направление движения которой на первых этапах регулировалось властью, но корректировалось во многом гуманитарной интеллигенцией, взявшей на себя в это время в какой-то степени функции общенационального психоаналитика. Как известно, признание болезни – первый шаг к выздоровлению. В этом плане гуманистические послы эпохи гласности и демократизации оказали на общество положительное влияние. Вовлечение широких слоёв населения в пространство местной художественной культуры, появление ощущения сопричастности к жизни своих земляков, усиление интереса к истории малой родины, города, своей семьи – вот те основные достижения, которые стали осязаемы для десятков тысяч омичей и новосибирцев благодаря деятельности энтузиастов от исторической науки и краеведения.

Для периода 1985–2000 гг. характерен процесс деконструкции большого исторического нарратива и создания множества малых. Однако специфика ситуации заключается в невозможности выделить интеллигенцию в какую-то обособленную, оторванную от остального общества социальную группу. Все ошибки и заблуждения «простой народ» и интеллигенция вынуждены были исправлять и преодолевать вместе. И травмированы прошлым они оказались в одинаковой степени. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ощущение травмы рождает феномен ностальгии, которая, по справедливому наблюдению С. Бойм, «выходит за рамки индивидуальной психологии»⁷⁴⁹. Ностальгия в данном случае является не тоской по какому-то конкретному отрезку жизни, но стремлением обрести дом, которого больше нет (или никогда не было в реальности). Зададим себе резонный вопрос: насколько верил в «невидимую руку рынка» житель крупного сибирского города, стоявший в 1991 г. в очереди за

⁷⁴⁹ Бойм С. Будущее ностальгии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 18.

продуктами первой необходимости или обоснованно боявшийся лишиться средств существования в 1996-м? Ответ, на наш взгляд, очевиден. Закономерным в такой ситуации выглядит желание этого человека «переехать» (пусть фантазийно) в страну, «которую мы потеряли», переместиться в прошлые эпохи, опереться на традицию, утешиться, обретя религиозное чувство и т. п. Этими факторами (помимо ослабления многолетнего идеологического зажима), как нам видится, объясняются интерес сибиряков к сюжетам XVIII–XIX вв., обращение к истории советской «альтернативы» – Белого движения, процессы возрождения сибирского казачества и церкви, внимание к локальному научно-художественному сегменту мемориальной культуры. Отдельные темы являются сквозными и в равной степени нашли отражение в материалах обоих городов, другие – эксклюзивны либо выражены в каждом городе чуть меньше или чуть больше. Так, для Омска характерны споры о роли «белых сил» в судьбе города. Многие представители интеллигенции (так же, как и обыватели) склонны к суждению о негативных последствиях нахождения А.В. Колчака в городе, поскольку это, по их мнению, способствовало тому, что статус «сибирской столицы» был в административном порядке передан Новосибирску, что лишило Омск многих возможностей. В Новосибирске же, к примеру, с 1990-х гг. наблюдаются элементы ностальгии по «утраченному дому» – дореволюционному Новониколаевску, основанному высокообразованными инженерами-путейцами, местности, которой никогда не руководили «сатрапы» генерал-губернаторы, региону, где уже не было каторги и ссылки, но ещё не было сталинских лагерей.

Оценивая практические результаты деятельности гуманитарной интеллигенции во внеинституциональном аспекте, мы склонны говорить о её, в целом, положительном влиянии на формирование исторической памяти. К таким результатам следует отнести: 1) запуск механизма проработки исторических травм путём создания множества как виртуальных (страницы газет), так и реальных площадок для обсуждения сложных вопросов отечественной истории; 2) значительный вклад в развитие исторического просвещения и трансляцию гуманистических идей, выраженный в развитии исторической и краеведческой

периодики (например, журнал «Сибирская горница» в Новосибирске), создание новых мест и точек памяти, посвящённых выдающимся деятелям науки и художественной культуры Сибири и России; 3) вовлечение сил вузовской науки в практическую краеведческую работу, придание краеведческим изысканиям не только формы научно-исследовательской деятельности, но и привнесение в её содержание академических дискурсивных практик, значительно расширяющих возможности локального варианта наращивания и трансляции исторических знаний; 4) налаживание индивидуальных контактов с представителями власти, предпринимательского сообщества, руководителями СМИ, предполагающее более активное участие и включённость общества в процессы трактовки событий исторического прошлого. К негативному влиянию следует отнести имевшие место в результате погони отдельных исследователей за «сенсационными» открытиями факты мифологизации, способствовавшие формированию искажённого коллективного сознания. В качестве ещё одного негативного аспекта можно было бы обозначить и то, что интеллигенция не смогла довести до определённой положительной динамики процесс анализа травматического опыта. Но, как мы выяснили ещё в первой главе исследования, решение подобной задачи едва ли было интеллигенции по силам без всякой поддержки со стороны сообществ, владевших административными и экономическими ресурсами. К чему приводит такая непоследовательность, становится ясно сегодня, когда общественный запрос на памятники учёным и художникам теснится запросом на памятники И.В. Сталину (и даже успешно реализуется, как это произошло в Новосибирске в 2019 г.) и повторяется трагикомическая ситуация (на которую в конце 1980-х гг. жаловалась в письме в областную газету жительница Омска), выраженная словами: «Ничего не понять».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая память общества в разной степени зависит от доминирующих в текущий момент в государственной политике идеологических установок. Легитимация сложившегося в России за последние 20 лет общественно-политического устройства во многом осуществляется через отрицание предыдущей эпохи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодняшняя официальная политика памяти склонна утверждать в массовом сознании образ России конца 1980-х – 1990-х гг. как страны бедной и униженной, культурная и интеллектуальная жизнь которой находилась в состоянии глубокой деградации. Таким образом, формируется клишированное, примитивное восприятие исторического прошлого, в рамках которого неизбежно драматичное, но при этом сложное, яркое и бурное время выглядит лишь периодом всеобщего материального и духовного обнищания и всевластия «малиновых пиджаков». Думается, что вне зависимости от озвученных нами аналитических умозаключений только один приведённый в исследовании фактографический материал свидетельствует о том, что всё было далеко не так однозначно.

В то же время сложность изучения периода второй половины 1980-х – 1990-х гг. заключается в том, что перестройка и постперестроечные годы пока не ощущаются большинством соотечественников как история. На восприятие эпохи слишком сильно влияет коммуникативная память: личные воспоминания или многоцветные образы, возникшие на основе рассказов родных, при этом зачастую воспринимаемые в качестве «собственного» опыта. Поэтому в нашем исследовании мы не предпринимали попыток понять то, как сегодняшний житель Омска или Новосибирска видит перестройку и «девяностые», но попытались проанализировать трансформации, происходившие с сознанием человека 80–90-х гг. XX в. в ситуации, когда на него обрушилась лавина новой исторической информации, в условиях, в которых рассуждать вслух на какое-то время стало возможным без оглядки на власть и государство, без чувства страха наказания за

то, что его мысли могут оказаться не похожими на мнение «прогрессивного большинства».

События, происходившие в 1985–2000 гг., способствовали масштабным социокультурным переменам в жизни всей страны, в том числе Западной Сибири. В этот период произошёл демонтаж советской системы исторической памяти. Но при этом новая сложная структура коллективных представлений о прошлом создана не была. Это можно объяснить влиянием двух основных факторов. Во-первых, создание такой системы требует привлечения огромных административного и экономического ресурсов. Гуманитарная интеллигенция, выступающая в качестве носителя и конструктора духовных ценностей и смыслов, в России в 1980–1990-е гг. такими ресурсами не обладала. Во-вторых, интеллигенция с её стремлением к мировоззренческому плюрализму и традиционной, зафиксированной ещё классической литературой XIX в. антипатией к различным проектам по «введению единомыслия», не слишком стремилась к конструированию какой-либо линейной системы коллективной памяти. Неслучайно один из духовных лидеров российской интеллигенции академик Д.С. Лихачёв в своих публицистических заметках 1990-х гг. отвергал всякие разговоры о необходимости формулирования новой национальной идеи.

Если рассматривать деятельность гуманитарной интеллигенции Западной Сибири в качестве субъекта исторической памяти не столько в социальном, сколько в функциональном аспекте, то можно констатировать, что в динамике она делится на пять этапов, имеющих выраженную специфику. Основной характеристикой *первого этапа* (1985–1986) является инерционность. Направления, формы, методы и – главное – смысловые и ценностные акценты работы по конструированию социальной памяти ещё были теми же, что и во времена «застоя», а значит, и сами представления о прошлом оставались неизменными. *Второй этап* (1987–1989) примечателен формированием новых и актуализацией существующих площадок коммуникации интеллигенции, что оказало значительное влияние на изменение формата деятельности. Для этого этапа характерен крупный коммеморативный всплеск, связанный с событиями

революции и гражданской войны, в общенациональном и региональном срезам (празднование 70-летних юбилеев Октябрьской революции и освобождения Сибири от колчаковцев). Этот короткий этап оказался крайне насыщенным, процессы трансформации коллективного сознания шли ускоренными темпами. Если в 1987 г. воспоминание о «героических» событиях 1917–1920 гг. воспринималось властью и интеллигенцией в качестве триггера, пробуждающего созидательную энергию общества, то концу 1989 г. наблюдалось стремление к существенному переосмыслению памяти о революции и гражданской войне, что нашло отражение в общем изменении нарратива. Для *третьего этапа* (1990–1991) характерны процессы обесценивания устоявшихся образов и символов памяти, а также десакрализация советского героического пантеона. В это время усиливается стремление интеллигенции осмыслить трагический опыт истории XX в., извлечь уроки и воздать честь жертвам жестокого столетия (создание и деятельность региональных отделений общества «Мемориал», дискуссии о коллективизации и «большом терроре», увековечение памяти участников Афганской войны, Чернобыльской катастрофы и т. д.). *Четвёртый этап* (1992–1997) примечателен постепенным затуханием дискуссии на тему истории XX в., стремительной моральной реабилитацией недавних врагов (белогвардейцев, «кулаков», капиталистов) и всплеском интереса к дореволюционной истории. В качестве яркого примера отметим, что именно в этот период возник принципиально иной взгляд на личности основателей Омска (И.Д. Бухгольца, М.П. Гагарина и И.И. Шпрингера) и Новосибирска (Г.М. Будагова, Н.М. Тихомирова, Н.А. Белелюбского), из исторического небытия было извлечено множество фигур российской и сибирской истории. *Пятый этап* (1998–2000) отмечен снижением уровня накала дискуссий на исторические темы, а также общим ослаблением активности сообществ гуманитарной интеллигенции по причине как социально-экономического, так и культурно-идеологического характера.

В 1985–2000 гг. происходит фундаментальная трансформация институциональных опор культурно-просветительной деятельности гуманитарной

интеллигенции. Для процесса развития коммуникативного пространства местных сообществ в этот период характерны два различных, но не взаимоисключающих направления движения. Одна часть интеллигенции осталась верна традиционной практике конструирования исторической памяти, придерживалась устоявшихся форм и методов этой деятельности. В то же время другая – недовольная «консерватизмом» и ратующая за перемены – выступила за внедрение новых форм работы или, в более радикальном варианте, за создание альтернативных площадок коммуникации. Так, в Омске, помимо отделения ВООПИиК, появилась ещё одна организация, основной задачей которой стала защита историко-культурного наследия – «Клуб любителей старины». В Новосибирске, практически сразу же после создания отделения общества «Мемориал», внутри организации произошёл раскол, поскольку часть членов нового Общества выступила за создание на его базе политической партии и начала говорить о памяти не только жертв сталинизма, но и «красного террора». Этот факт позволяет сделать вывод, что создание «Мемориала» стало не только инструментом преодоления исторической травмы, но и способом политической и идеологической самоидентификации интеллигенции. Создание Советского фонда культуры было обусловлено желанием создать «синтетическую» организацию, способную объединить интеллигенцию не в рамках какой-либо политической платформы, но включив её в максимально широкий спектр культурно-просветительной деятельности. Но в середине 1990-х гг. именно Фонд культуры оказался в ситуации наиболее серьёзного «ценностного» кризиса, расколовшего организацию на два сообщества – условных «западников» и «славянофилов». Важно заметить, что в рассматриваемый период были образованы и другие общества и союзы, но либо их масштаб не выходил за рамки локального уровня, либо сохранение и приумножение исторической памяти были приоритетной задачей лишь для немногих, а значит, направленность их деятельности имела существенные отличия. В целом для пространства крупных городов Западной Сибири в 1985–2000 гг. характерна активизация работы отделений «старых» культурно-просветительных обществ (РГО и ВООПИиК) и бурная деятельность

новых площадок (филиалы СФК/РФК и «Мемориала»). При дистанцировании в 1990-е гг. государства от деятельности по формированию коллективных представлений о прошлом роль перечисленных организаций в этом процессе становится весьма значимой.

Под влиянием инициатив, выдвигаемых культурно-просветительскими организациями, стремительно меняется и социокультурный ландшафт городов. Пространство Омска и Новосибирска обогатилось новыми местами и точками памяти: памятниками, памятными знаками, мемориальными досками, архитектурными сооружениями и т. д. Большинство из них, по изначальной задумке, должны были решать не только эстетические, но и просветительские задачи. В 1985–2000 гг. в обоих городах произошло усиление научно-педагогического и художественного сегментов скульптурно-монументального пространства. Если в советские годы в Омске и Новосибирске увековечивались в основном деятели революционного движения и коммунистической партии, то в перестройку и постперестроечный период благодаря инициативам местных сообществ интеллигенции были установлены десятки мемориальных объектов в честь учёных, педагогов, писателей, музыкантов, артистов и художников.

Значительную роль в формировании регионального пространства памяти сыграли оформленные местными сообществами гуманитарной интеллигенции репрезентационные площадки и каналы: научно-практические конференции, альманахи, сборники, музейные экспозиции. Анализ содержания основных практик местных сообществ позволяет обозначить концептуальные возможности пространства памяти. О ключевых сюжетах исторической памяти, вышедших на первый план в процессе её трансформации, следует сказать подробнее.

В конце 1980-х – середине 1990-х гг. стараниями омских и новосибирских историков и краеведов были расширены рамки исследований, посвящённых истории гражданской войны в Западной Сибири. Ключевым позитивным результатом этой деятельности стало то, что гражданская война перестала изучаться однобоко, с очевидной тенденцией превознесения достоинств и заслуг «красных» и очернения «белогвардейщины». Это способствовало закреплению

нового варианта восприятия сибиряками этого важнейшего исторического события: гражданская война стала видеться как масштабная национальная трагедия, которая не должна повториться.

Безусловно, интересен и сам процесс культурной реабилитации «белого лагеря», толчком к началу которого в 1988–1991 гг. послужило расширение источниковой базы и усиление стремления историков быть объективными в своих исследованиях. В первой половине 1990-х гг. наметилась тенденция к историческому и нравственному примирению «белых» и «красных», а для второй половины 1990-х гг. характерно усиление внимания к событиям и фигурам «белой» Сибири и историографическая маргинализация вчерашних героев и победителей – большевиков. Особенно репрезентативен пример морального восстановления в правах адмирала А.В. Колчака, с именем которого связаны основные события гражданской войны в Западной Сибири. Кстати, несмотря на то, что имя А.В. Колчака теснее связано с Омском, первые значительные работы о Верховном правителе, отличные по интонации и посылу от традиционных советских публикаций, вышли из-под пера новосибирских историков.

Проработка исторического прошлого в 1985–2000 гг. осуществлялась сразу по нескольким «травматическим» направлениям. Именно поэтому важнейшими задачами сибирских общественников стали проекты увековечения памяти репрессированных и узников сталинских лагерей. Итогом этой работы стало создание в Омске (1989–1994) и Новосибирске (1989–2003) мемориальных композиций жертвам политических репрессий. Эти проекты были реализованы при непосредственном участии культурно-просветительных организаций, объединивших вокруг себя представителей городской гуманитарной интеллигенции. В этот же период по схожему сценарию проходили процессы реабилитации жертв рассказывания и раскулачивания 1920–1930-х гг. Формы и методы восстановления и сохранения исторической памяти в данном случае выглядели схожими: преодоление запрета «на тему» в печати, создание коммуникативных площадок, инициирование и проведение коммеморативных акций.

Монументы и мемориальные доски в качестве мест и точек памяти примечательны своей наглядностью и, соответственно, степень их возможности транслировать историческую информацию высока. В то же время, во второй половине 1980-х – 1990-е гг., в крупных городах Западной Сибири возникли принципиально новые варианты коммемораций, сыгравших большую роль в деле конструирования исторической памяти. В первую очередь, к ним следует отнести масштабные празднования юбилеев городов (275-летия Омска в 1991 г. и 100-летия Новосибирска в 1993 г.). Подобные даты отмечались и раньше, но в рассмотренный нами период идеологическое содержание торжеств претерпело кардинальную трансформацию. Ещё в середине 1980-х гг. в крупных городах Западной Сибири не существовало привычной в сегодняшнем понимании практики празднования дней городов. Эти празднества находились в тени 7 Ноября и других «красных дат» советского календаря, а одной из важнейших их функций являлось акцентирование внимания на проблемах городов с целью улучшения их социальной инфраструктуры. Однако в момент демонтажа советской идеологии и последующий период «потери ориентиров» такие юбилеи стали ключевыми инструментами формирования городской самоидентификации. В условиях развития процессов конструирования идентичности и локального своеобразия празднования дней города оказали существенное влияние на создание новых образов и символов исторической памяти. Возможно, поэтому утверждение плана подготовки (даже не столько само празднование) 100-летия Новосибирска стало отправной точкой в реализации огромного количества региональных историко-культурных проектов 1980–2000-х гг., а 275-летие Омска и сегодня вспоминается многими жителями как одна из ярчайших страниц новейшей истории города.

Для периода 1985–2000 гг. характерно изменение содержания коллективных представлений о прошлом. В Омске и Новосибирске нарративы исторической памяти существенно различались. Это закономерно, поскольку социокультурное пространство этих городов не было однородным. В разное время крупные города-центры находились в статусе сибирской столицы, были

схожи во многих аспектах своего бытования. В советские годы осуществлялся курс на унификацию городских ландшафтов, что сделало Омск и Новосибирск ещё более похожими. Но в эпоху перестройки «разница в возрасте», различия научного и культурного ресурсов дали о себе знать. Разные исторические герои, архитектура и потенциал гуманитарных сообществ (в Новосибирске существенно развито направление общеисторических исследований, в Омске – краеведческих) в той или иной степени влияли на характер и методiku работы с региональными образами исторической памяти. Однако мы вынуждены констатировать, что при всей разности содержания исторической памяти сами по себе формы и методы по своим «техническим параметрам» мало чем отличались от тех, что существовали в рамках советского канона: памятники (мемориальные доски / тематические конференции / статьи) сооружали (устанавливали / проводили / публиковали) и в 1920-е, и в 1970-е гг. В таком случае вполне уместно звучат вопросы: насколько результативными оказались акции интеллигенции по конструированию социальной памяти? Откликнулось ли на них общество?

Обнаруженные нами в Историческом архиве Омской области и Государственном архиве Новосибирской области материалы эпистолярного наследия жителей крупных городов Западной Сибири позволяют раскрыть общественную реакцию на исторические репрезентации. Анализ содержания читательских писем позволяет утверждать, что осуществляемая во второй половине 1980-х – 1990-е гг. практика осмысления и всенародного публичного обсуждения прошлого страны стала одной из важнейших составляющих фундамента формирования исторической памяти постсоветского общества. На примере рассмотренных источников нами были выявлены основные исторические сюжеты, занявшие наиболее значимое место в коллективной памяти сибиряков. Сюда следует отнести попытки обнаружения сведений о пострадавших в годы сталинизма и рефлексии на тему личного «репрессивного» опыта; оценки роли в истории страны советских государственных и партийных деятелей (В.И. Ленина, И.В. Сталина, А.А. Жданова, В.В. Куйбышева и др.); дискуссии о значении памятников историко-культурного наследия, проблемах символического

наполнения облика городов; реакцию на политические процессы 1980–1990-х гг. и их связь с историческим прошлым; пробуждение интереса к локальной истории и краеведению сибирских городов. Начало дискуссий на тему истории на уровне писем читателей – свидетельство «тектонических» сдвигов в процессах трансляции и трансформации коллективной памяти. Сам факт существования бурного потока «живой», «народной» коммуникативной памяти (и, соответственно, высокой степени включённости граждан в общественно-политические процессы) стал поводом заявить о формировании «постмононаучного» знания и отказе от практики навязывания одномыслия. Нам видится, что изучение феномена читательской рефлексии периода перестройки также является ключом к пониманию и событий сегодняшнего дня.

Мы также вынуждены констатировать, что многие стереотипы выработанной в советское время концепции исторической памяти оказались вполне жизнеспособны в постсоветских реалиях. Выяснилось, что историческая память, помимо динамичности, обладает и такой характеристикой, как механичность. Значительная часть общественности не приняла ни разоблачений эпохи гласности, ни «старых новых» исторических героев, актуализированных в 1990-е гг., при этом продолжила воспринимать прошлое в рамках прежней парадигмы памяти (реконструкция «Дома Ленина» в Новосибирске, «битвы за память» вокруг несостоявшегося памятника Колчаку в Омске и т. д.).

В условиях современной общественно-политической ситуации правомерен и другой вопрос: насколько сама интеллигенция верила в те идеалы и ценности, которые она транслировала в годы перестройки и постперестроечный период? В наши дни всё большую популярность обретает тезис о том, что интеллигенция в своих исторических изысканиях периода 1985–2000 гг. руководствовалась исключительно мотивами «моды» на разоблачения, преследовала меркантильные популистские или коммерческие цели. Нам видится, что приведённые в диссертации материалы личных архивных фондов известных представителей гуманитарных сообществ Омска и Новосибирска разбивают категоричность подобных утверждений, с которыми, конечно, можно согласиться, но лишь

частично... Масштабные изменения в политической и культурной жизни страны бросали новые вызовы образованной и социально активной прослойке общества. Обоснованная самим временем необходимость изменения методов исторического просвещения требовала от гуманитариев революции сознания, модификации профессиональной деятельности и пересмотра взглядов на многие события и факты отечественной истории. Не всегда такая ломка, как мы и зафиксировали, проходила легко. Кто-то поддержал новые веяния, кто-то решительно отверг наступившую реальность, а кто-то принял, возможно, мудрое для интеллигента в России решение не участвовать в процессах усугубления общественной поляризации, а отойти в сторону и посмотреть, «чем всё закончится». Вне зависимости от социального контекста очевидным выглядит то, что в своей исследовательской и общественной деятельности гуманитарии Омска и Новосибирска прошли непростой путь исканий, в основе которых лежало глубокое чувство сопричастности к истории родного края, своим землякам и вера в то, что просвещение способно сделать человека лучше. При обращении к материалам личных архивов омских и новосибирских историков и краеведов невольно вспоминается высказывание видного российского культуролога А.А. Асояна, сформулированное и озвученное им в частной беседе с нами, о том, что личность исследователя иной раз бывает гораздо интереснее и значительнее самого исторического факта.

Изучение и раскрытие роли интеллигенции в процессе конструирования исторической памяти общества актуально в рамках современной гуманитарной науки. Подводя итоги, подчеркнём, что историко-просветительская деятельность интеллигенции Омска и Новосибирска в 1985–2000 гг. в целом оказала положительное влияние на жизнь регионов, поскольку способствовала укреплению культурного многообразия, выстраиванию диалога внутри общества, а также была направлена на активизацию гражданской инициативы и формирование гуманистических ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Исторический архив Омской области

Ф.П-653. «Бударин Михаил Ефимович». Оп. 1. Д. 66, 70, 171.

Ф.П-654. «Омское отделение Российского фонда культуры». Оп. 1. Д. 5, 10, 11, 12, 13, 19, 20, 23, 24, 27, 28, 30, 35, 44.

Ф.П-9587. «Общество охраны памятников истории и культуры». Оп. 1. Д. 152, 175, 186, 192, 196, 197, 203а, 205, 207, 209, 211, 215, 216, 218, 220.

Ф.П-9704. «Историко-просветительское общество “Мемориал”». Оп. 1. Д. 3, 7, 19, 21, 52, 55, 60, 70, 72, 79, 83, 95, 96, 98.

Ф.Р-1075. «Русское географическое общество». Оп. 1. Д. 111, 112, 113, 114, 115, 124, 125, 133, 144, 153, 159, 161, 162.

Ф.Р-2915. «Надь Ференц Карольевич – краевед». Оп. 1. Д. 18, 70, 93, 103, 138, 170, 209.

Государственный архив Новосибирской области

Ф.Р-600. «Общество “Мемориал”». Оп. 1. Д. 3, 12.

Ф.Р-1375. «Комитет по культуре администрации Новосибирской области». Оп. 1. Д. 2391.

Ф.Р-1842. «ГП Редакция газеты “Советская Сибирь”». Оп. 1. Д. 406, 471, 480, 507, 508, 524, 539, 543, 562, 627, 647, 702, 734.

Ф.Р-2054. «Новосибирское областное отделение ВООПиК». Оп. 1. Д. 3, 338, 348, 349, 355, 355а, 367, 379, 382, 383.

Ф.Р-2099. «Новосибирское отделение Российского фонда культуры». Оп. 1. Д. 1, 3, 5, 6, 10, 11, 13, 14, 18, 19, 26, 31, 34, 35, 42, 50, 67, 74, 76, 78, 79, 80.

Ф.Р-2121. «Никульков А.В.». Оп. 1. Д. 26, 30, 67.

Новосибирский городской архив

Ф. 777. «Личный фонд Цыплакова Ивана Фёдоровича». Оп. 1. Д. 39, 42, 43, 50, 52, 61, 62, 183.

Ф. 778. «Личный фонд Зайцева Кузьмы Петровича». Оп. 1. Д. 8, 12, 23, 29, 33, 37, 110.

Личный архив автора

Перечень документов, передаваемых на хранение в Исторический архив Омской области (КУИсА) Петровой Л.И. // Личный архив автора.

Опубликованные источники

Историографические источники

Отдельные издания

1. Бударин М.Е. Учись понимать прекрасное (в искусстве, истории, природе. Опыт гуманитарного родиноведения): учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – 356 с.
2. Мартынов Л.Н. Крепость на Оми. – Омск: Омское областное издательство, 1940. – 108 с.
3. Никульков А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский. Современник из прошлого века. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1989. – 184 с.
4. Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. – Омск, 1967. – 236 с.
5. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. – Новосибирск, 1995. – 676 с.
6. Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города. – Омск, 1972. – 312 с.

Сборники

7. Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах / сост. И.В. Павлова. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 296 с.
8. Омское пространство Достоевского / сост. Л.П. Трубицина. – Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2020. – 304 с.
9. Советская история: проблемы и уроки: сборник статей / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1992. – 251 с.
10. 60-летие большого террора. Памяти жертв репрессий: материалы науч. конф. (Омск, 21 октября 1997 г.) / под ред. Л.В. Рачек. – Омск: ОмГУ, 1998. – 88 с.

Публикации в альманахах и сборниках

11. Гриценко В.Н., Мельников Б.В. Последняя беседа с профессором М.Е. Будариним // Омский краевед. – 2004. – № 2. – С. 7-21.
12. Меха И.В. Слово об учителе // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: Сборник научных статей и материалов Третьей Всероссийской

научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения М.Е. Бударина Омск, 29-30 октября 2010 г. – Омск: Амфора, 2011. – С. 5-8.

Источники личного происхождения

13. Березовский Н.В. Скиталец с березовой дудкой усталой. Очерки и воспоминания о литераторах Сибири. – Омск: Ом. обл. тип., 2004. – 121 с.
14. Индинок И.И. Служить людям! – Новосибирск, Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 101 с.
15. Конигов Б.А. Записки директора Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (1995–2010 годы). – Омск: Амфора, 2015. – 204 с.
16. Лейфер А.Э. Жить вместе. Избранные очерки и эссе. – Омск, 2013. – 384 с.
17. Минжуренко А.В. Командировка во власть. – Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. – 452 с.
18. Мой Новосибирск. Книга воспоминаний / авт.-сост. Т. Иванова. – Новосибирск, 1999. – 363 с.
19. Муха В.П. Портрет эпохи на фоне биографии. – Новосибирск: Центральная пресса, 2006. – 237 с.
20. Полежаев Л.К. Две реки жизни. – Омск: ООО «Полиграф», 2018. – 396 с.
21. Полежаев Л.К. Перестройка, годы, лица...: Портреты и размышления. – Омск, 1996. – 207 с.

Законодательные акты и юридические документы органов власти

22. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики). – М., 1994. – 112 с.

Материалы партийных органов

23. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – 351 с.

Периодические научные издания

24. Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии: журнал. – 1989. – 1; 1990. – Вып. 1; – 1992. – Вып. 2, 3.

25. Культурологические исследования в Сибири (Омск): журнал: научное издание. – 2014. – № 1.

Периодическая печать

26. Ведомости Новосибирского Совета депутатов: газета. – 1994. – 3 ноября.

27. Вестник культуры: пресс-бюллетень: орган Омского филиала российского фонда культуры. – 1990. – № 1; – 2012. – № 2; – 2014. – № 1.

28. Вечерний Новосибирск: городская газета: 1958 – 1991 гг. – газета Новосибирского городского комитета КПСС и городского Совета депутатов трудящихся; с 1991 г. – ежедневная городская газета. – 1985 – 2000 гг. – фронтальный просмотр.

29. Вечерний Омск: городская газета: 1979 – 1991 гг. – орган Омского городского комитета КПСС и Омского городского исполнительного комитета; с 1991 г. – городская общественно-политическая газета. – 1985 – 2000 гг. – фронтальный просмотр.

30. Время (Омск): газета. – 1999. – № 43.

31. Земля сибирская, дальневосточная: ежемесячный научно-популярный журнал Министерства сельского хозяйства РСФСР. – 1991. – № 9; – 1995. – № 9-10.

32. Зеркало плюс (Омск): газета. – 1994 – 9-15 февраля; – 1998. – 18-24 ноября; – 1999. – 24 марта.

33. Из века в век: газета: орган Омского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 2007. – № 1.

34. Искитимская газета. – 1994. – 9 ноября.
35. Коммерческие вести (Омск): газета. – 1997. – 25 декабря; – 2016. – 14 сентября.
36. Крестьянка (Омск): газета. – 2000. – № 5.
37. Крестьянское слово (Омск): газета. – 2000. – 14 марта, 21 марта.
38. Культура Сибири: журнал. – 1995. – № 1.
39. Ленинское знамя (Тогучин): газета Тогучинского района Новосибирской области. – 1990. – 14 июня.
40. Молодой сибиряк: газета: 1965 – 1990 гг. – орган Омской областной комсомольской организации; с 1991 г. – омский молодёжный общественно-политический еженедельник. – 1985 – 1992 гг. – фронтальный просмотр.
41. Молодость Сибири: газета: 1937 – 1990 гг. – орган Новосибирского обкома и горкома ВЛКСМ; с 1990 г. – еженедельная независимая газета. – 1985 – 2000 гг. – фронтальный просмотр.
42. Московский комсомолец в Омске: газета. – 2000. – 17-24 февраля.
43. Наука в Сибири: газета: еженедельная газета Сибирского отделения Академии наук СССР; с 1992 г. – еженедельная газета Сибирского отделения Российской академии наук. – 1985 – 2002 гг. – фронтальный просмотр.
44. Новое обозрение – Версия (Омск): газета. – 2000. – 7-13 июня; – 2001. – 20-26 июня.
45. НОС (Новое омское слово): газета. – 1998. – 12 ноября.
46. Омская правда: областная газета: 1979 – 1991 гг. – орган Омского областного комитета КПСС и Омского областного Совета депутатов трудящихся; с 1991 г. – областная газета. – 1985-2000 гг. – фронтальный просмотр.
47. Омский вестник: газета. – 1991 – 2001 гг. – фронтальный просмотр.
48. Омское время: газета. – 1994. – № 17; – 1999. – 6 января.
49. Памятники Отечества: альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1987. – № 1.
50. Сибирская газета (Новосибирск): межрегиональная газета. – 1990. – 5 февраля; – 1991. – 11-17 ноября; – 1992. – 24 февраля – 2 марта.

51. Сибирские огни: литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. – 1993. – № 5-6.
52. Советская Сибирь: областная партийно-политическая и общественно-массовая газета: 1958 – 1991 гг. – орган Новосибирского областного комитета КПСС и Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся; с 1991 г. – независимое общественно-политическое издание Новосибирской области. – 1985 – 2000 гг. – фронтальный просмотр.
53. Томский вестник: еженедельная общественно-политическая газета. – 1992. – 28 октября.
54. Четверг (Омск): газета. – 1996. – 11 апреля; – 1997. – 3 января; – 1999. – 23 ноября.

Электронные источники

55. Мемориальная доска А.С. Пушкину. [Электронный ресурс] Литературная карта Омска. – Режим доступа: <http://lib.omsk.ru/ip/litkarta/html/pers463.html> (дата обращения: 15.05.2020).
56. Мемориальная доска – реализм не фантастический. [Электронный ресурс] «Vn.ru» – новости Новосибирской области. – Режим доступа: <https://vn.ru/news-11330/> (дата обращения: 15.05.2020).
57. Мемориальный комплекс жертвам политических репрессий. [Электронный ресурс] Сахаровский центр. Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. – Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=812>. (дата обращения: 27.02.2018).
58. Наумов С. Тихий подвижник. [Электронный ресурс] ВОмске. – Режим доступа: http://vomske.ru/news/17483-tikhiy_podvijnik/ (дата обращения: 29.06.2020).
59. Памятник жертвам политических репрессий. [Электронный ресурс] Архитектура Новосибирска. – Режим доступа: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2539> (дата обращения: 27.02.2018).

60. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (26 мая 2004 года. Москва, Кремль). [Электронный ресурс] Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494> (дата обращения: 28.11.2021).

61. [Электронный ресурс] Retro photos of mankind's habitat. – Режим доступа: <https://pastvu.com/> (дата обращения: 27.11.2021).

Справочные издания

62. Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994. – 320 с.

63. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. – М., 2004. – 702 с.

64. История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 2002. – 205 с.

65. Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2016 год. – Новосибирск, 2015. – 237 с.

66. Лифанов А.В., Малышев А.Ю. Путеводитель по партиям современной России. – Новосибирск, 1995. – 116 с.

67. Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991 / сост. В.И. Баяндин, В.А. Ильиных, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов и др. – Новосибирск: Экор, 1997. – 768 с.

68. Новиков С.В., Макаров А.А. Политические партии и движения Омска. – Омск, 1995. – 29 с.

69. Новиков С.В., Мордвинцева С.А. Общественно-политические организации Омского Прииртышья 1988–1995 гг.: (Документы и материалы). – Омск: ОмГТУ, 1999. – 111 с.

70. Новосибирск: энциклопедия / редкол.: гл. ред. В.А. Ламин и др. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. – 1071 с.

71. Новосибирск – город XXI века: фотоальбом / авт. и рук. проекта В.Ю. Гаврилов. – Новосибирск: Новинвест плюс, 2004. – 318 с.
72. Партии и политические движения в Новосибирской области / сост. Д.Т. Пучкин, Т.Ф. Ханов. – Новосибирск, 1995. – 62 с.
73. Сибирь в лицах: науч.-справ. изд. / В.А. Зверев, А.С. Зуев, И.С. Кузнецов, В.И. Шишкин и др.; отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс: МАСС-Медиа-Центр, 2001. – 832 с.
74. Улицы города Омска: справочник / сост. Г.Ю. Гурьев, Л.И. Огородникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – 280 с.
75. Энциклопедия города Омска: в 3 т. / под ред. И.А. Кольца, Г.А. Павлова, А.П. Толочко. – Т. 3.: Омск в лицах. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2009–2011. – Кн. 1: А-К. – 2011. – 648 с.; Кн. 2: Л-Я. – 2011. – 692 с.
76. Энциклопедия Омской области: в 2 т. / под общ. ред. В.Н. Русакова. – Омск: Омское книжное издательство, 2010. – Т. 1. – 592 с.; – Т. 2. – 592 с

Устные источники

1. Запись личной беседы с О.Н. Катионовым / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.
2. Запись личной беседы с С.А. Красильниковым / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.
3. Запись личной беседы с Л.И. Пыстиной / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.
4. Запись личной беседы с М.Н. Щукиным / записано С.С. Наумовым в марте 2017 г. // Личный архив автора.
5. Запись личной беседы с И.Л. Коноваловым / записано С.С. Наумовым в мае 2020 г. // Личный архив автора.
6. Запись личной беседы с Т.П. Мордкович / записано С.С. Наумовым в мае 2020 г. // Личный архив автора.

Визуальные источники

1. ДК «Родина». Благотворительный спектакль «Жизнерадостный мир оперетты» (Новосибирск, 16 мая 1988): афиша спектакля.
2. Культура и мы. Программа мероприятий в ГПНТБ СО АН СССР: плакат. – Новосибирск, 1989.
3. Книга и книжное дело в Сибири: плакат. – Новосибирск, 1989.
4. Памятники и обелиски омичам: [буклет] / авт.-сост.: А.Д. Колесников, В.Г. Титов. – Омск, 1986. – 10 с.: ил.
5. Памятники истории и культуры Омской области: программа конференции. – Омск, 1989. – 15 с.
6. Русская православная церковь и культура: плакат. – Новосибирск, 1989.
7. Тарские ворота Омской крепости. Благотворительный взнос на восстановление Тарских ворот: благотворительный билет // Омский областной совет ВООПИК; Общественный комитет по восстановлению Тарских ворот. – Омск, 1991.

Научно-исследовательская литература

1. Авербух С.Д. Роль и значимость омских музеев в деятельности ОРО РГО // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества. – Омск, 2008. – Вып. 20: История деятельности Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»: посвящ. 130-летию Ом. регион. отд-ния (отд.) РГО. – С. 107-110.
2. Агапов М.Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 1. – С. 142-150.
3. Азарова П.Е. Городские праздники Западной Сибири 1920–1930-х гг. в аспекте ценностно-знаковой системы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2017. – № 26. – С. 12-18.

4. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5-40.
5. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – 337 с.
6. Алисов Д.А., Гефнер О.В., Золотова Т.Н., Хилько Н.Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. – М.: Институт Наследия, 2019. – 98 с.
7. Анфиногенова Т.К., Белоножко Ю.А. Из истории Новосибирского отделения Русского географического общества (1946–2001 гг.) // Новосибирская область в контексте российской истории. – Новосибирск: ИИ СО РАН, 2001. – С. 233-236.
8. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
9. Базылева Е.А. Императорское Русское географическое общество (к историографии вопроса) // Вестник Омского университета. – 2007. – № 4. – С. 102-106.
10. Белоножко Ю.А. О краеведческой работе секции школьной географии Новосибирского отдела Русского Географического общества // Страницы истории Новосибирской области. – Ч. 1. – Новосибирск, 1995. – С. 84-87.
11. Белоножко Ю.А. О краеведческой работе секции школьной географии Новосибирского отдела Русского Географического общества // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Новосибирской обл. / под ред. Л.М. Горюшкина, В.А. Зверева. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 34-39.
12. Блинова О.В. Деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества на переломе эпохи (1910-е – 1920 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2019. – № 22. – С. 52-60.

13. Блинова О.В., Котовщикова О.В. Омску 300 лет: традиция празднования дня города // Омский краевед. – 2017. – № 7. – С. 48-54.
14. Бойм С. Будущее ностальгии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 680 с.
15. Будник Г.А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. – 2009. – № 3. – С. 7-18.
16. Бычков С.П. М.Е. Бударин: учёный на перекрестке нескольких эпох. К проблеме исследования образа омского историка // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 4. – С. 207-212.
17. Бычков С.П. Периодические научные издания Омска как площадки коммуникации научного омского сообщества историков во второй половине 1990-х – 2010-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 4. – С. 299-303.
18. Величко С.А. Интеллигенция, перестройка и демократический транзит в России (1985–1991 гг.) // Интеллигенция и мир. – 2012. – № 2. – С. 42-49.
19. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985 – 1991 гг.). – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004. – 376 с.
20. Вибе П.П. Генерал-губернаторский дворец в Омске как памятник истории // Памятники истории и культуры Омской области. – Омск, 1996. – Вып. II. – С. 107-113.
21. Вибе П.П. Декабрьская драма: самая кровавая страница в истории Омска. – Омск: ОГИК музей. – СПб: Любавич, 2020. – 60 с.
22. Вибе П.П. Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. – Омск: ОГИК музей, 2019. – 68 с.
23. Вибе П.П. Омск в годы Гражданской войны: мифологизация в пространстве публичной истории. – Омск: ОГИК музей, 2020. – 56 с.
24. Вибе П.П. Омску нужен план «монументальной пропаганды» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2013. – № 18. – С. 204-206.

25. Вибе П.П. Омск – необыкновенный город! или размышления историка накануне 300-летнего юбилея города о роли Петра I и его сподвижников в основании Омской крепости. – Омск: ОГИК музей, 2016. – 28 с.
26. Вибе П.П. Омск – необыкновенный город! Или размышления историка накануне 300-летнего юбилея города о роли Петра I и его сподвижников в основании Омской крепости. – 2-е изд., доп. – Омск: ОГИК музей, 2018. – 32 с.
27. Вибе П.П. О памятнике Колчаку, музее гражданской войны и белой столице // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2012. – № 17. – С. 73-85
28. Вибе П.П. Правда о генерал-губернаторе Гасфорде, его жёнах и не только. – Омск: ОГИК музей, 2017. – 52 с
29. Вибе П.П. 200-летний юбилей Омска // 280 лет Омску: история и современность: тезисы докладов и сообщений науч. конф. – Омск: ОмГУ, 1996. – С. 84-86.
30. Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 гг.) / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пащенко. – Новосибирск, 2004. – 343 с.
31. Водичев Е.Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.). – Новосибирск: Экор, 1994. – 202 с.
32. Вяткин И.А., Новиков Ф.И., Соловьев А.А. Русское географическое общество в омском регионе // Известия Омского отделения Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Западно-Сибирского отделения Академии медико-технических наук Российской Федерации. – Омск, 2009. – Т. 6. – С. 3-10.
33. Гефнер О.В. История страны в памятниках современного Новосибирска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2019. – № 3. Режим доступа:
<http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf> (дата обращения: 27.11.2021).
34. Голодяев К.А. История новосибирской площади Свердлова, которая хотела-хотела стать площадью Крячкова, да так и не стала // Баландинские чтения:

сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – Т. XI. – С. 253-258.

35. Гончаров Ю.М. Городские праздники Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 4. – С. 9-15.

36. Горелова Ю.Р. Охрана культурного наследия: зарубежный, российский и омский опыт // Облик и образ города: теория и практика культурологического анализа: в 2 частях. – Омск, 2011. – Ч. 2. – С. 244-269.

37. Горшенин А.В. Литература и писатели Сибири. – Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2012. – 572 с.

38. Громова О.А. Тенденции развития мемориального пространства малых городов Новосибирской области в 1980–1990-х годах // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГУАДИ, 2020. – Т. XV. – С. 304-313.

39. Громова О.А., Красильникова Е.И. Система мест памяти о советских героях в городе Куйбышеве Новосибирской области (по документам Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 1960-х – 1980-х годов) // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГУАДИ, 2019. – Т. XIV. – С. 459-463

40. Груздинская В.С. Научные общества историков г. Омска: коммуникативные площадки (конец 1980 – конец 2010-х гг.) // Омские научные чтения: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. – С. 496-499.

41. Груздинская В.С., Корзун В.П. Омские историки на рубеже XX – XXI веков: штрихи к коллективному портрету // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – Вып. 2. – С. 142-154.

42. Данилова А.П. Интеллигентность как качество личности преподавателя: наследие высшей школы // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив-плюс», 2014. – С. 119-123.

43. Елизарова Н.В. Роль некролога как исторического источника в увековечивании памяти о современной интеллигенции // Вторые Дравертговские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 19-20 ноября 2019 г.). – Омск: ОГОНБ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 177-184.
44. Зубарева Т.Г., Кучукова С.С., Оттен Э.П. Из истории деятельности общества «Мемориал» // Забвению не подлежит: материалы II регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти жертв полит репрессий (70-летию Большого террора) (Омск, 20 декабря 2007 г.). – Омск, 2007. – С. 115-118.
45. Избушева А.М. Подготовка и проведение юбилея города в советской истории как способ сохранения и закрепления исторической и культурной памяти // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2015. – № 3. – С. 24-35.
46. Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: сборник научных трудов / отв. ред. В.Л. Соскин. – Новосибирск, 2011. – 224 с.
47. Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 24-25 сентября 1996 г. – Иваново, 1996. – 522 с.
48. Интеллигенция России: уроки истории и современность. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 20-22 сентября 1994 г. – Иваново, 1994. – 336 с.
49. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – М.: Мысль, 1983. – 294 с.
50. Каменецкий И.П., Комлева Е.В., Туманик Е.Н. Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна // Исторический курьер. – 2018. – № 2. – С. 1-12.
51. Кара-Мурза С.Г. Интеллигенция в перестройке: отход от норм рационального мышления. Гипостазирование // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 129-146.
52. Кассал Б.Ю. Зоологическая публицистика в начале XXI века // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества. – Омск, 2008. – Вып. 20: История деятельности Омского регионального отделения

- Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»: посвящ. 130-летию Ом. регион. отд-ния (отд.) РГО. – С. 133-148.
53. Келлер Л.И. Основные тенденции в развитии краеведения в 1985–1991 гг. на примере города Омска // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2019. – № 22. – С. 14-22.
54. Кобак И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2012. – Вып. 2. – С. 142-148.
55. Коган Л.Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Российская интеллигенция: XX век: тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1994. – С. 61-65.
56. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – 255 с.
57. Кокоулин В.Г. Политика исторической памяти и массовое историческое сознание в постсоветской России // VI Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск; Санкт-Петербург, 2021. – С. 41-46.
58. Коников Б.А. Археология в деятельности Западно-Сибирского Императорского Отдела – Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (1877–2020 гг.). – Омск: Издательский дом «Наука», 2021. – 168 с.
59. Коников Б.А. Археология в истории Западно-Сибирского – Омского отделов Русского географического общества // Известия Омского регионального отделения РГО. Подвижники Омского Прииртышья в зеркале юбилеев трех великих событий. – Омск: ОРО РГО, 2020. – С. 104-109.
60. Корзун В.П., Кузнецова О.В., Осадченко Б.А. Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска: библиографический словарь. – Омск, 1999. – 299 с.
61. Корзун В.П., Носова М.С. Омское научное сообщество историков в оптике проблематики исследования (вторая половина 1990-х – первые десятилетия XXI

- в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 1. – С. 29-36.
62. Красильников С.А. История и память в контексте политических интересов // Исторический курьер. – 2022. – № 1. – С. 9-21.
63. Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское десятилетие // Актуальные проблемы истории Советской Сибири / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 1990. – С. 172-176.
64. Красильников С.А, Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 310 с.
65. Красильникова Е.И. Дореволюционная архитектура городов Новосибирской области: проблемы мемориализации (конец 1960-х – начало 1990-х годов) // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГУАДИ, 2020. – Т. XV. – С. 333-342.
66. Красильникова Е.И. Исторический некрополь Новосибирска: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 380. – С. 80-91
67. Красильникова Е.И. «Мы помним день 7 ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). – Новосибирск: Золотой колос, 2017. – 226 с.
68. Красильникова Е.И. Политика памяти в прошлом и настоящем Сибири (XX – начало XXI в.): перспективы изучения // Дневник Алтайской школы политических исследований № 35. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны) / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 17-22.
69. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – 572 с.

70. Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского краеведческого музея (1929 – первая половина 1941 г.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2014. – Вып. 4. – С. 51-59
71. Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-Сибирского краеведческого музея (1920-е – первая половина 1941 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – 2009. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 155-160.
72. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – № 1. – С. 47-54.
73. Красильникова Е.И., Вальдаман И.А. Практики политики памяти: Парк-музей «Россия – моя история» в системе институциональных противоречий // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 444. – С. 72-82.
74. Красильникова Е.И., Громова О.А. Мемориальное пространство малых городов Новосибирской области в исторической динамике (вторая половина XIX – XX вв.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 9-16.
75. Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920 – 2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 58-69.
76. Кузменкина Л. Когда в Новосибирске впервые отпраздновали День города? [Электронный ресурс] Библиотека сибирского краеведения (bsk.nios.ru). Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/content/kogda-v-novosibirske-vpervye-otprazdnovali-den-goroda> (дата обращения: 27.11.2021).
77. Кузменкина Л. 25 лет назад в Новосибирске впервые отпраздновали День города [Электронный ресурс] Библиотека сибирского краеведения (bsk.nios.ru).

Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/content/25-let-nazad-v-novosibirske-vpervye-otprazdnovali-den-goroda> (дата обращения: 27.11.2021).

78. Кузнецова А.В. Фигуры и места памяти в культурном пространстве малого города (на материалах г. Куйбышева / Каинска Новосибирской области) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 50-57.

79. Кузьмин А.Н. Некоторые вопросы изучения этнографии, истории и археологии Западно-Сибирским отделом Русского географического общества в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 113-117.

80. Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «Великого перелома» / отв. ред. С.А. Красильников. – Новосибирск, 2000. – 175 с.

81. Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история и практика / отв. ред. С.А. Красильников. – Новосибирск, 2000. – 234 с.

82. Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН / отв. ред. В.А. Ламин, В.Д. Ермиков. – Новосибирск, 2006. – 441 с.

83. Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 480 с.

84. Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета; ООО «Издатель-Полиграфист», 2003. – 256 с.

85. Левина Ж.Е. Постмодернистские основы конструирования исторической памяти в деятельности омских музеев XX – XXI вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 2. – С. 79-85.

86. Левина Ж.Е. Роль художественной интеллигенции в формировании исторических воспоминаний советского народа (по материалам Западной Сибири 20–30-х гг. XX века) // Омский научный вестник. – 2005. – № 3. – С. 33-37.

87. Левина Ж.Е., Вотчин И.С. Формирование исторической памяти как компоненты социального интеллекта средствами искусства // Философия образования. – 2006. – № 1. – С. 257-261.

88. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начале XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. – 448 с.
89. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 59-96.
90. Ливцов В.А. Участие Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации // 75 лет Пакту Рериха: материалы Международ. науч.-обществ. конф. 2010. – М.: Международный центр Рерихов, 2011. – С. 317-336.
91. Лосунов А.М. Возрождение в 1947 г. Омского отдела географического общества СССР и первые годы его существования // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества. – Омск, 2008. – Вып. 20: История деятельности Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»: посвящ. 130-летию Ом. регион. отд-ния (отд.) РГО. – С. 115-133.
92. Лосунов А. День рождения Омска: взгляд сквозь века // Ex Libris (Омск). – 2016. – № 3. – С. 69-75.
93. Лыкова В.В. О роли интеллигенции в конструировании исторической памяти в современной России // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2008. – Том. 21. – № 3. – С. 149-156.
94. Макарова С.Э. «Интеллигенция» как объект социально-философского анализа. // Социология власти. – 2009. – № 2. – С. 87-92.
95. Маланичева Г.И., Ливцов В.А. Этапы истории ВООПИиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – Орел, 2016. – 169 с.
96. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 206 с.
97. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. – Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.

98. Мамонтова М.А., Кефнер Н.В. «И стал историком Сибири»: Александр Дмитриевич Колесников // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып 6. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. – С. 427-464.
99. Машкарин М.И., Магда В.К. Политическое пространство Омского Прииртышья: партийный аспект. – Омск: ГУ ОО РЦСО, 2007. – 102 с.
100. Медведев В.А. У перестройки был свой шанс // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 8-23.
101. Мельникова Е.В. Время, застывшее в камне и бронзе // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества. – Омск, 2016. – Вып. 22. – С. 206-210.
102. Мордкович Т.П. Деятельность омского «Мемориала» в системе организации гражданского просвещения молодёжи // Вузовская корпоративная организация и гражданское общество: материалы междунаро. науч.-практ. конф. (Омск, 4-5 апреля 2011 г.). – Омск, 2011. – С. 136-138.
103. Мордкович Т.П. Из истории создания первых памятников репрессированным в Омском регионе // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12-13 ноября 2013 г.). – Омск, 2013. – С. 296-298.
104. Мостков Ю.М. Юрий Магалиф: жизнь и творчество. – Новосибирск: РИЦ НООО «Общество книголюбов», 2003. – 99 с.
105. Мудрик М. Последнее письмо Роберта Рождественского // Сибирские огни. – 2004. – № 9. – С. 206-210.
106. Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. – Омск: ОГИК музеев, 2005. – С. 57-66.
107. Назарцева Т.М. 250-летие Омска. По страницам газеты «Омская правда» // Омский краевед. – 2017. – № 7. – С. 55-60.

108. Наумов С.С., Сорокин А.П. История конкурса на сооружение памятника Ф.М. Достоевскому в Омске (Фонд культуры) // Ф.М. Достоевский и душа Омска: сб. статей / сост. Е.А. Акелькина, Ю.В. Петрова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. – С. 271-274.
109. Наумов С.С., Сорокин А.П., Томилов Н.А. Достоевский и Омский фонд культуры (История конкурса на сооружение памятника Ф.М. Достоевскому в Омске // Образование. Досуг. Творчество: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 17 ноября 2011 г.) / ред. Л.В. Секретова, Г.Г. Волощенко, Л.Р. Фаттахова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. – С. 43-48.
110. Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири 1582–1808 гг. – Омск, 1996. – Ч. 1. – 118 с.; – Ч. 2. – 204 с.; – Ч. 3. – 158 с.; – Ч. 4. – 164 с.
111. Недбай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 272 с.
112. Новиков С.В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 года. – Москва, 1999. – 64 с.
113. Новиков С.В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: Проблемы взаимовлияния, 1988–1996 гг. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. – 408 с.
114. Новиков Ф.И., Вяткин И.А., Кассал Б.Ю., Баженов В.С. Омское региональное отделение Русского географического общества: эволюции и революции // «Мамонт Фёдор». Записки Омского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество». – Том II (41). – Омск: Амфора, 2012. – С. 133-136.
115. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17-50.
116. Общество. Интеллигенция. Репрессии / отв. ред. В.Л. Соскин. – Новосибирск, 2009. – 376 с.
117. Олейник О.Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: (теорико-методологический и историографический аспекты). – Иваново, 1997. – 167 с.

118. Омский филиал Российского фонда культуры: справочник / сост.: Э.Р. Ахунова, А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2016. – 62 с.
119. Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. – Омск: «Золотой тираж» (Омскбланкиздат), 2021. – 140 с.
120. Письма об истории и для истории. 1988 – 1990 годы. Коллективная монография / Е.Г. Боярских, Е.Н. Иванова, Т.П. Кальянова, С.Г. Карнаухов, М.Я. Рожанский, С.Ф. Шмидт // Под общ. ред. М.Я. Рожанского. – Иркутск, 2014. – 209 с.
121. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. – М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. – 554 с.
122. Поварцов С.Н. Тёплое течение. Страницы литературного дневника. – Омск, 2014. – 232 с.
123. Попов Д.И. Культурно-просветительные общества Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – 512 с.
124. Поповский Д.И. К вопросу о переименовании новосибирской площади Свердлова в площадь имени архитектора А.Д. Крячкова // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – Т. XI. – С. 248-252.
125. Поспелова Л.Б. История сноса Тарских ворот Омской крепости // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2003. – № 10. – С. 217-223.
1256. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: монография / под ред. В.С. Меметова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – 432 с.
127. Протоиерей Игорь Затолокин. Увековечение памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской в Новосибирской митрополии // Репрессированная сибирская провинция: материалы рег. науч.-практ. семинара. Новосибирск, 28-29 октября 2013 г. – Новосибирск: Сибпринт, 2013. – С. 90-94.

128. Путилова Е.Г. Из истории становления и развития издательской деятельности Международного общества «Мемориал» (конец 1980-х – 2000-е гг.) // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 2. – С. 42-47.
129. Путилова Е.Г. История формирования и развития Международного общества «Мемориал» // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 53. – С. 294-305.
130. Путилова Е.Г. Коммеморативные практики музея международного общества «Мемориал» на этапе становления движения (конец 1980-х – начало 2000 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 43-48.
131. Путилова Е.Г. Проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России (II половина 1980-х – начало 2000-х гг.) // Вестник томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 71-75.
132. Развитие и сохранение культурного ландшафта малых городов Омской области в начале XXI века: сб. статей и науч.-метод. рекомендаций. – Омск: Амфора, 2018. – 303 с.
133. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: «Кругъ», 2011. – 560 с.
134. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – 180 с.
135. Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 440 с.
136. Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. / отв. ред. Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. – Новосибирск, 2007. – 510 с.
137. Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. – М.: Политиздат, 1977. – 96 с.
138. Рудинская И.И. Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX – начала XX вв.: региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура. – Кн. 4. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. – С. 16-42.

139. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург; Омск, 2003. – 370 с.
140. Рыженко В.Г. Новые фигуры и места памяти – показатель трансформаций культурного пространства сибирских городов в постсоветской России // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сб. статей. – Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-эксперсс», 2018. – С. 7-16.
141. Рыженко В.Г., Колеватов Д.М. Творческое наследие учёных-гуманитариев в меняющихся реалиях сибирской провинции XX в. (Историко-культурологические подступы к проблеме) // Локальные культурно-исторические исследования: теория и практика / под ред. В.П. Корзун. – Омск, 1998. – С. 138-167.
142. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX в. (к проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации. – Новосибирск, 2002. – С. 66-85.
143. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Культура и интеллигенция региона в экстремальных условиях XX в.: Опыт историко-культурологического анализа (к историографии и методологии проблемы) // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». – Вып. 4. – Омск, 2000. – С. 112-121.
144. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). – Омск, 2004. – 292 с.
145. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 38-62.
146. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.
147. Сафронова Ю.А. Третья волна «memory studies»: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 12-27.

148. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М.: «Древлехранилище», 2013. – 592 с.
149. Сибиряков И.В. Современная российская интеллигенция: феномен «фантомной боли» в условиях цивилизационного кризиса // Интеллигенция и мир. – 2016. – № 2. – С. 66-75.
150. Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 – 1964 гг. (на материалах Западной Сибири). – В 2-х ч. – Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). – Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. – 224 с.; – Ч. 2. «Оттепель» (март 1953 – 1964 гг.). – Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. – 228 с.
151. Слабуха А.В. Полвека Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры: опыт общественно-государственного партнерства (на примере отделения ВООПИИК в Красноярском крае) // Культурное наследие России. – 2016. – № 4. – С. 94-102.
152. Советская региональная культурная политика: проблемы изучения / отв. ред. С.А. Красильников. – Новосибирск, 2004. – 236 с.
153. Сорокин А.П. Краеведческое сообщество в Омском регионе: проблемы самоидентификации и взаимодействия в деятельности общественных объединений и музеев // Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова (Омск, 27-29 октября 2011 г.). – Омск: ОГИК музеев, 2011. – С. 137-145.
154. Сорокин А.П. Общественное движение за сохранение памятников истории и культуры в Омске в конце XX – начале XXI веков // Историко-культурное наследие Омского Прииртышья: сб. науч. тр. – Омск, 2010. – Вып. 4. – С. 25-33.
155. Сорокин А.П. Роль Омского филиала Российского фонда культуры в социокультурном пространстве города Омска в конце XX – начале XXI века // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симп. (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.). – Омск, 2010. – С. 302-307

156. Сорокин А.П., Томилов Н.А. Российская культура и современное общество (к 20-летию Омского филиала Российского фонда культуры) // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 5-14
157. Соскин В.Л. Некоторые теоретические аспекты современного этапа изучения советской интеллигенции России // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Межвузовский республиканский сборник научных трудов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. – С. 15-30.
158. Соскин В.Л. Российская советская культура. Очерки социальной истории. – Новосибирск, 2004. – 452 с.
159. Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. – Новосибирск: НГУ, 1996. – 80 с.
160. Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2019. – № 4. – С. 9-17.
161. Тарновская Т.Н., Гаркуша Д.Д., Филонов С.В. Ревалоризация историко-архитектурного наследия Новосибирской области в деятельности общественников. Сохранение памяти поколений // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15-17 апреля 2015 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. – Т. X. – Ч. 2. – С. 329-341.
162. Территория мечты. Сборник трудов Г.Ю. Мысливцевой. – Омск, 2010. – 384 с.
163. Титов В.Г., Зубакина М.Ю. Хранители памятников истории и культуры Омского Прииртышья // Архивный вестник (Омск). – 2006. – № 14. – С. 261-265.
164. Тихонов С.С. Николай Филиппович Емельянов в Омском университете // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: материалы Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26-28 апреля 2012 г.) – Курган: Изд-во КГУ, 2012. – С. 12-14.
165. Толочко А.П. Роль Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в исследовании Степного края (конец XIX – начало XX вв.) // Степной

край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Тез. докл. и сообщ. III науч. конф. – Астана; Омск; Томск, 2003. – С. 98-99.

166. Томилов Н.А. Историко-краеведческая тематика в научно-информационном издании «Вестник культуры» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 124-132.

167. Томилов Н.А. Историко-культурное наследие и его роль в российском обществе // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Ом. гор. науч.-практ. конф. – Омск, 2011. – С. 13-15

168. Томилов Н.А. Краеведение в деятельности и планах Омского филиала Российского фонда культуры // Вторые Дравертговские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Омск, 19-29 ноября 2019 г.). – Омск, 2020. – С. 28-36.

169. Томилов Н.А. Михаил Макарович Хахаев – председатель совета «Культурное наследие и современность» Омского фонда культуры // Культурологические исследования в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 172-176.

170. Томилов Н.А. Ференц Карольевич Надь и его вклад в патриотическое воспитание // Культурологические исследования в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 145-146.

171. Томилов Н.А. Этнографическая комиссия ОРО РГО и этнографические исследования омских ученых // Известия Омского регионального отделения Русского географического общества. История деятельности Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». – Омск, 2008. – Вып. 20. – С. 82-88.

172. Уваров П.Б. Отечественная историография интеллигенции: проблемный подход // Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2011. – С. 7-37.

173. Умбрашко К.Б. Мемуары Е.И. Соловьевой: взгляд историографа // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. – Вып. 7. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. – С. 156-178.

174. Физиков В.М. Скромная служба «при тексте». Работы разных лет о поэзии и прозе. – СПб.: «Геликон Плюс», 2010. – 416 с.

175. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16-50.
176. Хилько Н.Ф. Обновление культурной среды и развитие туризма в малых городах и поселениях Омского региона. – Омск: Амфора, 2020. – 140 с.
177. Хилько Н.Ф. Опыт решения проблем национально-культурного развития региона в Сибири в 90-е годы XX века (по материалам Сибирского отделения Российского фонда культуры и Министерства культуры Омской области) // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 68-71.
178. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47-62.
179. Чирков В.Ф. Дух Места как культурологическая проблема изучения и строительства // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. – Омск, 1997. – С. 194-211.
180. Чуркин М.К. Воспоминания «детей войны» (1941–1945 гг.) в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2. – С. 86-88.
181. Чуркин М.Е. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Пятые Ядринцевские чтения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (30-31 октября 2019 г.). – Омск: ОГИК музей, 2019. – С. 66-71.
182. Чуркин М.К. Музеи и библиотеки как инструменты репрезентации исторической политики в современной России // Вторые Дравертовские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 19-20 ноября 2019 г.). – Омск: ОГОНБ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 37-44.
183. Чуркин М.К. Публичная история России как исследовательское направление в обстоятельствах «культурного поворота» начала XXI в.: стратегии и практики // VI Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28-30 октября 2021 г.). – Омск: ОГИК музей; Санкт-Петербург: Любавич, 2021. – С. 94-100.

184. Чуркин М.К. Социальная память как фактор миграционной мобильности российского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. // Историческая память в постнациональном мире: миф, ритуалы, репрезентации: сб. статей по итогам всерос. науч. конф. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 158-166.
185. Шадрин В.В. Сохранение исторической памяти средствами школьного музея // Репрессированная сибирская провинция: материалы рег. науч.-практ. семинара. Новосибирск, 28-29 октября 2013 г. – Новосибирск: Сибпринт, 2013. – С. 113-115.
186. Шик Э.Г. Литературный Омск в XX веке. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – 296 с.
187. Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). – Барнаул, 2008. – 54 с.
188. Шиловский М.В. Вклад Л.М. Горюшкина в изучение истории Сибири конца XIX – начала XX в. // Исторический курьер. – 2018. – № 1. – С. 214-232.
189. Шиловский М.В. Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 63. – С. 192-200.
190. Шиняева О.В. Профессиональный состав и статус гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 1. – С. 108-121.
191. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6-16.
192. Штырбул А.А. О некоторых тенденциях и явлениях в исследованиях Гражданской войны на территории Сибири в постсоветский период историографии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. – С. 318-324.

193. Шулдяков В.А. Сибирское казачье войско в гражданской войне (по материалам Государственного архива Омской области) // Архивный вестник (Омск). – 1998. – № 6. – С. 47-54.
194. Шулдяков В.А. К вопросу об участии Сибирского казачьего войска в гражданской войне на стороне белого движения (1918–1919 гг.) // Катанаевские чтения-98. – Омск, 1998. – С. 248-255.
195. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 576 с.
196. Яновский Н.Н. Писатели Сибири: избранные статьи. – М.: Современник, 1988. – 494 с.
197. Brown A. Seven years that changed the world: perestroika in perspective. – Oxford; New York: Oxford univ. press, 2008. – 350 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

198. Буланкин В.И. Формирование политической оппозиции в Западной Сибири 1987 – август 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 218 с.
199. Жидченко А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе: проблемы формирования городской среды, 1950–1960-е гг. (локальный аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013. – 26 с.
200. Замиралова Т.А. Возникновение и развитие общественных национально-культурных объединений Западной Сибири (1985–2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 236 с.
201. Козодой В.И. Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Москва, 2009. – 567 с.
202. Красильников С.А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 44 с.

203. Красильникова Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири: конец 1919 – середина 1941 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Омск, 2016. – 36 с.
204. Кузеванов В.С. Сибирские архитекторы в 1930-е – 1950-е гг.: профессиональная деятельность, социальные институты и повседневные практики (на материалах Омска и Новосибирска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2015. – 22 с.
205. Левина Ж.Е. Художественная интеллигенция Западной Сибири (конец 20-х – 30-е годы XX века): дис. ... д-ра ист. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 525 с.
206. Пучкин Д.Т. Становление политических организаций либеральной ориентации в Западной Сибири. 1988–1996 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 214 с.
207. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования: дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2004. – 332 с.
208. Скалабан И.А. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества в последней четверти XIX – начале XX вв., 1877-1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 283 с.
209. Соколова Е.В. Формирование культурного пространства малых городов среднего Прииртышья в 1920–1980-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2008. – 26 с.
210. Урванцева А.А. Институты трансляции изобразительного искусства в социальной истории современного города (на материалах Омска и Новосибирска. Конец XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2008. – 22 с.
211. Чарыков Д.В. Изучение проблем теории интеллигенции в историографии 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (на материале Урало-Сибирского региона): дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2009. – 282 с.
212. Черненко Е.В. Становление общественно-политических организаций и движений в Западной Сибири (1987 – август 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1997. – 247 с.

Наумов С.С.

Из истории создания Мемориального комплекса воинам-сибирякам под городом Белый Тверской области (по материалам Омского и Новосибирского филиалов Российского фонда культуры)

В дни 75-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. мы, омичи, снова вспоминаем о трудовом подвиге наших земляков. Известно, насколько важную роль играл в годы войны тыл. Потому так значим тот вклад, который внесли жители Омской области в общее дело Победы. Священна для омичей и память защитников Родины. Война не коснулась Сибири напрямую, но сотни тысяч сибиряков полегли на полях её сражений. Только Омская область отправила на передовую почти 287 тысяч человек, 144 тысячи из которых не вернулись домой. С врагом сибиряки сражались отчаянно. На территории Сибирского военного округа (Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская области, Алтайский и Красноярский края) были сформированы дивизии и бригады, преобразованные во время войны в 15 гвардейских дивизий: 5, 15, 17, 18, 19, 22, 25, 56, 65, 67, 79, 80, 96, 102, 120-я. Гвардейского статуса удостоивались соединения, проявившие массовый героизм, мужество и воинское мастерство в боях против немецко-фашистских захватчиков. Само словосочетание «сибирские дивизии» во время войны приобрело определённое идеологическое звучание с точки зрения воздействия на противника «как элемент морально-психологического обеспечения боевых действий»¹. Вспомнить хотя бы легендарные «сибирские дивизии» в битве за Москву.

В марте 1943 г. был освобождён город Белый Калининской (ныне Тверской) области. С этим небольшим городком, население которого и в наши дни составляет чуть больше трёх тысяч человек, связаны крупные сражения

Великой Отечественной войны, в ходе которых массовый героизм проявили сибиряки-добровольцы.

Осенью-зимой 1942–1943 гг. советское командование приняло решение провести ряд отвлекающих наступательных операций с целью дезориентации противника, сковать его резервы и не допустить их переброски под Сталинград. На территории Калининской области развернулись ожесточённые бои. Под город Белый был направлен 6-й Сибирский добровольческий стрелковый корпус (сформирован в 1942 г.). В его состав вошли 150-я добровольческая стрелковая дивизия, 75-я отдельная добровольческая стрелковая бригада, 78-я отдельная стрелковая бригада, 74-я отдельная добровольческая стрелковая бригада, а также полки кемеровчан, новосибирцев, томичей и различные спецчасти. В сражениях под городом Белый погибло более пятнадцати тысяч воинов-сибиряков. Только в одной братской могиле было захоронено двенадцать с половиной тысяч человек. В основном это были молодые ребята из Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей, Алтайского и Красноярского краёв, добровольцами ушедшие на фронт летом 1942 г.

В 1984 г. накануне 40-летия Победы общественные и ветеранские организации выступили с инициативой увековечить память воинов-сибиряков, павших в боях под городом Белый. Идею поддержали власти Новосибирской и Калининской областей. Первый секретарь Новосибирского обкома КПСС А.П. Филатов и первый секретарь Калининского обкома КПСС П.А. Леонов направили в Совет Министров СССР совместное письмо с предложением соорудить памятник воинам-сибирякам за «счёт средств, заработанных на комсомольских субботниках». Предложение было поддержано Совминами СССР и РСФСР, Госпланом СССР и Министерством культуры РСФСР.

В январе – феврале 1985 г. в Новосибирске был проведён конкурс на проектное предложение по памятнику воинам-сибирякам в районе города Белый Калининской области. Первой премией единогласно был отмечен проект авторского коллектива института «Новосибирскгражданпроект» в составе

архитекторов Г.Н. Туманика (руководитель авторского коллектива), А.В. Бондаренко, В.М. Галямова, при участии В.П. Зонова.

Архитектор Геннадий Николаевич Туманик, подробно рассказавший в своей книге историю создания мемориального комплекса под городом Белый, вспоминает, как вместе с коллегами-архитекторами отправился в июне 1985 г. на место, где предполагалось воздвигнуть памятник. Уже тогда архитекторам стало ясно, что обойтись скромной скульптурной композицией не удастся, «хотя бы потому, что исходная ситуация, характеризующаяся наличием определённых пространственных требований, предполагает создание многоэлементной композиции. Да и масштабы событий, происходивших в данном районе осенью – зимой 1942–1943 гг., и те жертвы, которые понесли наши войска в сражениях под городом Белый, побуждали к этому»².

В 1985–1988 гг. шла работа над проектом. Будущий мемориальный комплекс по задумке авторов должен был состоять из нескольких элементов. Непосредственно братскую могилу – главное место на территории долины – было решено отметить простой горизонтальной плитой. Мощный же по звучанию и дорогой по стоимости монумент в форме динамичной пирамиды должен был располагаться у оживлённой трассы и играть в большей степени роль указателя. 25 мая 1989 г. проект был одобрен совещанием представителей городов Барнаула, Кемерово, Красноярска, Новосибирска, Омска, Томска, а также Калинина и Белого, прошедшем в Новосибирском горисполкоме. Утверждение эскизного проекта позволило определить объёмы материалов и работ по сооружению мемориального комплекса и закрепить их за регионами – участниками строительства памятника. Начался поиск и сбор средств на создание мемориала.

Ещё в 1985 г. Новосибирским горкомом ВЛКСМ был открыт специальный счёт в областном банке для сбора средств на сооружение памятника под городом Белый. Однако собранные средства были потрачены комсомольскими организациями на проведение молодёжного субботника³. Вскоре первый секретарь горкома ВЛКСМ В.В. Шамов был переведён на другую работу, и реализация проекта начала «тормозить».

В годы перестройки к делу увековечения памяти воинов-сибиряков активно подключились общественные культурно-просветительные организации. В 1986 г. был создан Советский фонд культуры (СФК), который возглавил академик Д.С. Лихачёв. В конце 1987 г. в Новосибирске было образовано региональное отделение СФК. Огромный вклад в создание мемориала воинам-сибирякам под городом Белый внесла член президиума Новосибирского отделения фонда культуры, в прошлом инженер-металлург, сотрудник Новосибирского металлургического завода им. А.Н. Кузьмина Ксения Борисовна Пальмина. На протяжении восьми лет она бескорыстно занималась организацией этого масштабного проекта.

В 1988 г. Новосибирским отделением СФК были выпущены благотворительные билеты стоимостью 1 руб. для сбора средств на строительство мемориала. Отделением распространялся плакат с текстом: *«Всероссийский фонд культуры. Вечная память подвигу сибиряков! На Калининской земле, под городом Белый, в 1942 году, защищая нашу Родину, сражались и погибли десятки тысяч воинов-сибиряков. Это были добровольцы Алтайского и Красноярского краёв, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Для сбора средств на сооружение памятника и братской могилы распространяются благотворительные билеты. Долг каждого стать участником сооружения монумента памяти и славы. 1941–1945»*⁴. Новосибирское отделение СФК передало предприятию «Союзпечать» для продажи благотворительные билеты, специально выпущенные проспекты «Монумент», агитационные плакаты.

В 1990 г. К.Б. Пальмина выступила на страницах газеты «Советская Сибирь». Она писала: *«Хотелось бы надеяться, что в пополнении счёта на строительство мемориала путем приобретения благотворительных билетов примет участие молодёжь, активность которой в последние годы, нас, старших товарищей, очень радует. Мы ждём, что откликнутся ветераны войны... Мы, живущие на Земле сейчас, своим скромным поступком – сбором средств на строительство монумента отблагодарим тех, кто навечно остался лежать в братской могиле у г. Белого»*⁵.

К сбору средств на сооружение мемориала подключились и другие западносибирские отделения фонда культуры. В 1989 г. в Омск поступило 150 тыс. благотворительных билетов и около 2 тыс. проспектов (стоимость – 30 коп.). Они были переданы в отделения и киоски «Союзпечати»⁶. Для привлечения внимания общественности к сбору средств на строительство мемориала президиумом Омского отделения Советского фонда культуры было решено подготовить материалы, письма, пояснительную записку о будущем памятнике и разослать их по предприятиям, вузам и техникума города, а также провести теле- и радиопередачи, опубликовать статьи в газетах, в которых бы рассказывалось о подвиге воинов-сибиряков в сражениях под городом Белый⁷. Заместитель председателя президиума Омского отделения СФК Л.М. Шугурова, озвучивая план работы фонда в 1989 г., отмечала: *«Основной идеей памятника предусматривается создание мемориала, включающего комплекс сооружений от места прорыва обороны противника до братской могилы. При этом намечается сооружение памятника мужеству и героизму добровольцев-сибиряков с небольшим музеем и дорогой боевой Славы, проходящей через “Долину Смерти” (поле сражения – С. Н.), а также архитектурно-художественное оформление братской могилы»*⁸.

В составленной в 1989 г. «Пояснительной записке к акции по созданию памятника под г. Белый» Омского отделения Советского фонда культуры говорилось: *«Омичи чтут память 75-й гвардейской стрелковой бригады, которая формировалась из жителей Омской области. В школе № 41 г. Омска имеется музей, посвящённый этой бригаде, в Октябрьском районе города в Чкаловском жилом микрорайоне есть улица 75-й гвардейской бригады и на ней установлен пилон с указанием боевого пути бригады.*

Но есть места на нашей земле, где не увековечена достойно память омичей, погибших в Великой Отечественной войне. Склоним наши головы перед великим самопожертвованием омичей-защитников Родины! Вечная память и слава воинам-сибирякам, отдавшим жизни во второй мировой войне.

Долг живых помнить нашу историю, подвиги наших соотечественников и передать эту память следующим поколениям. Поэтому Совет “Память” и президиум областного отделения Фонда культуры призывают омицей принять близко к сердцу дело увековечивания памяти погибших под г. Белым совместно с Советом ветеранов 75-й гвардейской бригады воинов-сибиряков...

Мы обращаемся с просьбой к участникам этих боёв отозваться и по возможности прислать свои воспоминания. Мы просим также родных погибших в боях под г. Белым откликнуться и рассказать о наших земляках, оставшихся лежать вечно в калининской земле. Наш адрес: 644099, Омск-99, ул. Гагарина, 22, Фонд культуры»⁹.

Сбор средств на строительство мемориала продолжался в 1990–1991 гг. При содействии исполкома Омского городского Совета народных депутатов Омским отделением фонда культуры были приняты меры по распространению в трудовых коллективах города благотворительных билетов, поступивших из Новосибирска в «Союзпечать» на памятник воинам-сибирякам под городом Белый¹⁰.

Активную деятельность развернули общественные, ветеранские организации, информационную поддержку оказывали СМИ. Осенью 1991 г. курсанты новосибирской военно-патриотической школы «Десант», ветераны Великой Отечественной войны побывали в Калининской области, в местах, где сражались сибиряки. После поездки в областном совете ветеранов были подготовлены сведения о без вести пропавших воинах 22-й Сибирской гвардейской дивизии. Установленные фамилии были опубликованы в газете «Советская Сибирь»¹¹.

Работа по созданию памятника проходила в трудных условиях переходного периода начала 1990-х гг. В ходе поездки К.Б. Пальминой и Г.Н. Туманика в Красноярск в 1990 г. авторам стало понятно, что получить необходимый камень в Красноярске не удастся. В результате экономических реформ 1991–1992 гг. все собранные средства (личные взносы граждан и поступления от предприятий) – 135 тыс. рублей – обесценились.

Для авторского коллектива архитекторов эти годы стали поистине драматическими и даже трагическими. В 1989 г. погиб А.В. Бондаренко. После того как рухнула последняя надежда получить камень в Красноярске, интерес к работе стал терять В.М. Галямов. О том непростом этапе в деле создания мемориального комплекса Г.Н. Туманик пишет: *«Где-то в сентябре 1992 года, когда уже многие и не вспоминали о памятнике, мы начали самостоятельно продолжать работу, опираясь лишь на внимание и поддержку Новосибирского отделения Российского фонда культуры»*¹².

В связи с этими обстоятельствами Г.Н. Туманику пришлось изменить первоначальный замысел. По сути, это был новый проект, состоящий из трёх объектов: указателя на Смоленской дороге, часовни и надгробия на месте братской могилы. Ключевым композиционным элементом нового подхода к проектированию комплекса стала часовня-obelisk, изначально не планировавшаяся в качестве основной части мемориала. Часовня как традиционный русский символ памяти, явившись доминантой мемориальной композиции, дала новый импульс строительству. Работа по продвижению мемориала «стала более динамичной и успешной после того, как часовня появилась в чертежах»¹³.

В 1993 г., как указано в протоколе заседания президиума Новосибирского отделения фонда культуры, «титанические усилия К.Б. Пальминой закончились очень важным решением»: в Томске Советом Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (председатель – В.П. Муха, глава администрации Новосибирской области) было принято решение о поддержке работы по строительству «Монумента Славы сибирякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны» и выделении 1 млн руб. от каждой территории, входящей в состав ассоциации, на счёт Новосибирского отделения фонда культуры¹⁴. Помимо этого были решены вопросы о поставках материалов для строительства. В ноябре 1993 г. К.Б. Пальмина была командирована Новосибирским отделением Российского фонда культуры (РФК) в Красноярск «по поводу изготовления камня для памятника погибшим сибирякам под г. Белым»¹⁵.

В 1994 г. в связи с грядущим 50-летием Победы Новосибирское отделение обратилось к новому руководителю Российского фонда культуры кинорежиссёру Н.С. Михалкову с предложением создать в рамках Фонда республиканскую программу по увековечению памяти погибших сибиряков в годы Второй мировой войны¹⁶. В феврале 1995 г. в газетах «Труд» и «Культура» было опубликовано открытое письмо Н.С. Михалкова под заголовком «Взываю к памяти», в котором он призвал всех неравнодушных людей откликнуться и пожертвовать средства на создание памятника под городом Белый.

В своём открытом письме Н.С. Михалков проводит исторические параллели, связывая трагедию национального беспамьяства с трагедией новой случившейся в России войны – «чеченской»: *«События последних двух месяцев не дают нам всем покоя: опять на российской земле война с бесчисленными и бессмысленными жертвами. Гибнут русские ребята и ни в чём не повинные мирные жители Чечни. И нет числа без вести пропавшим, как нет числа не преданным земле телам...*

Но стоит ли удивляться этому, если до сих пор по-человечески не захоронены более двенадцати тысяч воинов – добровольцев 6-го Сибирского корпуса, которые погибли в Великую Отечественную войну на тверской земле около старинного русского города Белый, защищая Москву?

Сейчас в этих местах рядом с братской могилой возводится часовня во имя Георгия Победоносца и скромный мемориальный комплекс, призванный стать, по замыслу инициаторов, памятником всем сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны.

Страшно не только писать, но даже просто подумать, что лишь через 50 лет Великой победы бойцы, отдавшие за неё свои жизни, будут достойно погребены.

Но ещё страшнее то, что захоронение это может не состояться, ибо делается мемориал на пожертвования энтузиастов, на народные деньги, которых из-за страшной нестабильности нашей жизни, из-за всепожирающей

инфляции, из-за безразличного отношения министерских чиновников разного ранга не хватает для доведения этого святого дела до конца...

В этом году Российский фонд культуры открывает Золотую Книгу Памяти, в которую будут заноситься имена тех, чьи деяния способствовали сохранению и приумножению нашего культурного и исторического наследия.

Моя мечта – чтобы одним из первых в Золотой Книге Памяти были увековечены имена тех, кто вложил душу, сердце, память и средства в создание мемориального комплекса в городе Белом»¹⁷.

К 50-летию Победы завершить строительство мемориала не успели. О причинах Г.Н. Туманик рассказывает в своей книге. Одной из этих причин стал срыв поставки камня из Канска. По первоначальному проекту предполагалось, что все элементы надгробия на месте братского захоронения будут выполнены из монолитного, цельного камня – красноярского розового сиенита из карьера «Моховой лог». В связи с вынужденной заменой камня по ходу корректировки проекта этот камень был заменён чёрным камнем из Канского карьера (Красноярский край). Часовня-обелиск была выполнена в красном облицовочном кирпиче с покрытием штукатуркой части поверхностей стен, с использованием для защиты от дождя медного листа. Однако при строительстве были нарушены размеры и контуры завершающей части часовни-обелиска, и многое пришлось исправлять уже на последнем этапе строительства.

Именно в 1995 г. удалось наконец-то изыскать необходимые средства для завершения строительства мемориального комплекса. В связи с юбилеем Победы в Великой Отечественной войне Правительством РФ «решено было выделить 550 млн руб. на памятник воинам-сибирякам пол г. Белым»¹⁸. Важнейшую роль сыграла активность К.Б. Пальминой, что отдельно подчеркнула заместитель председателя президиума Новосибирского отделения РФК Н.И. Никулькова в своём докладе на заседании Фонда 20 февраля 1996 г.¹⁹

Работы по сооружению Мемориального комплекса сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (г. Белый Тверской области), завершились летом 1996 г. Спустя 11 лет одна из

важнейших программ Советского (Российского) фонда культуры, в которой участвовали практически все его западносибирские отделения, была реализована. Сам «мемориальный комплекс всем сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, сооружённый и торжественно открытый 14 августа 1996 года под городом Белый в Тверской области, – одна из наиболее ярких страниц в возрождении исторической памяти, духовности и высокой нравственности»²⁰.

В 1996 г. члены Новосибирского отделения РФК приняли участие в радио- и телепередачах, посвящённых истории подвига воинов-сибиряков и создания мемориала под городом Белый²¹. В 2002 г. К.Б. Пальминой была написана и издана книга об истории создания мемориального комплекса²².

С момента открытия мемориального комплекса под городом Белый прошла уже почти четверть века. Достойный вклад в Победу ратными и трудовыми подвигами внесли сибиряки. Современники свято чтут их славу и память. На территории мемориала ежегодно проводятся межрегиональные Дни памяти. Активное участие в них принимают общественные организации. Во второй половине 1980-х гг. работу по сохранению и приумножению историко-культурного наследия активизировали многие культурно-просветительные организации. Как уже существующие, так и «рождённые перестройкой». Такие как, например, Советский (Российский) фонд культуры. Создание мемориального комплекса воинам-сибирякам под городом Белый Тверской области не единственная успешно воплощённая в жизнь памятная инициатива Российского фонда культуры в 1980–1990-е гг., но, пожалуй, всё-таки самая значимая и благородная.

Источники и литература:

¹ Шиловский М.В. Сибирские гвардейские формирования в боях от Ельни до Праги (1941–1945 годы) // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: сб. материалов V Всерос. науч. конф. (Омск, 5-6 мая 2011 г.) / гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред. Д.А. Алисов, М.Л. Бережнова. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – С. 31.

² Туманик Г.Н. Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (город Белый Тверской области). Из истории проектирования и строительства. – Новосибирск: НГАХА, 2006. – С. 13.

³ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 66. Л. 15.

⁴ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.

⁵ Пальмина К. На месте боёв // Советская Сибирь. – № 48. – 1990. – 25 февраля.

⁶ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 20. Л. 34.

⁷ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

⁸ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

⁹ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

¹⁰ ГИАОО. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

¹¹ Сведения о без вести пропавших военнослужащих 150/22 гвардейской стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков под г. Белым Калининской области в 1942-43 годах // Советская Сибирь. – № 226. – 1991. – 23 ноября.

¹² Туманик Г.Н. Указ. соч. С. 54.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 35. Л. 11.

¹⁵ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 43. Л. 27.

¹⁶ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

¹⁷ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

¹⁸ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 66. Л. 16.

¹⁹ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

²⁰ Туманик Г.Н. Указ. соч. С. 7.

²¹ ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 66. Л. 24.

²² Пальмина К.Б. История создания Мемориала Славы всем воинам-сибирякам, погибшим в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов. Краткая летопись, посвящённая пятилетию создания Мемориала Славы на Тверской земле под городом Белым у захоронения 12500 воинов-сибиряков. – Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2002. – 401 с.

Публикация: Наумов С.С. Из истории создания Мемориального комплекса воинам-сибирякам под городом Белый Тверской области // Омский краевед. – 2020. – № 9. – С. 51-59.

Визуальные материалы

Рис. 1. Начало работ по восстановлению Тарских ворот Омской крепости. Омск, апрель 1991 г. Фото из архива Омского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

Рис. 2. Поднятие колоколов на колокольню Никольского Казачьего собора. Омск, июнь 1991 г. Фото из личного архива А.П. Сорокина

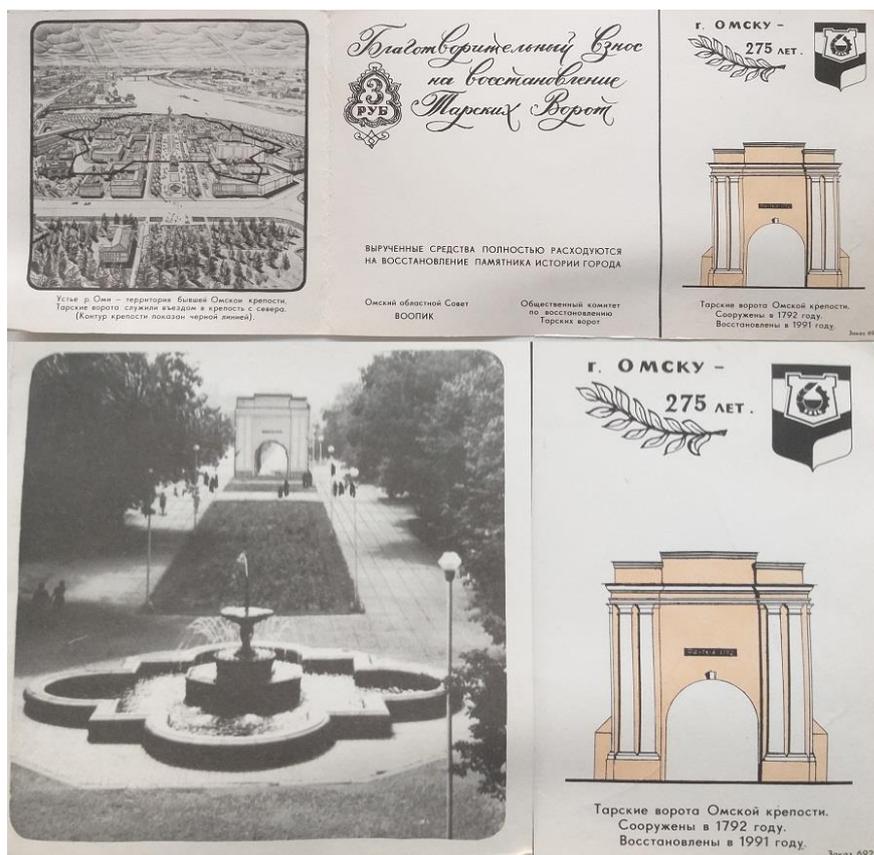

Рис. 3. Тарские ворота Омской крепости. Благотворительный взнос на восстановление Тарских ворот: благотворительный билет // Омский областной совет ВООПИиК; Общественный комитет по восстановлению Тарских ворот. – Омск, 1991

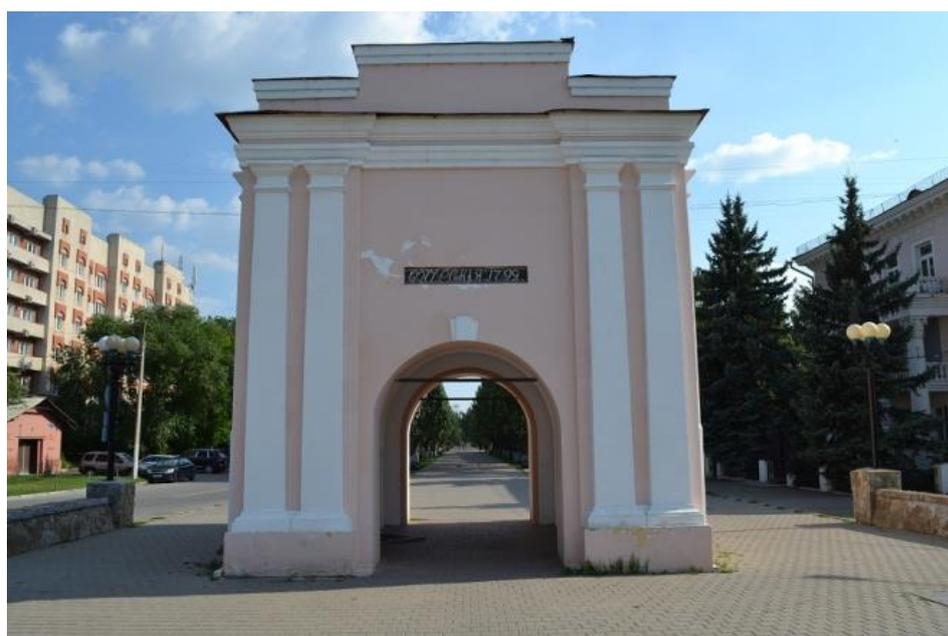

Рис. 4. Тарские ворота Омской крепости. 2020 г. Фото автора

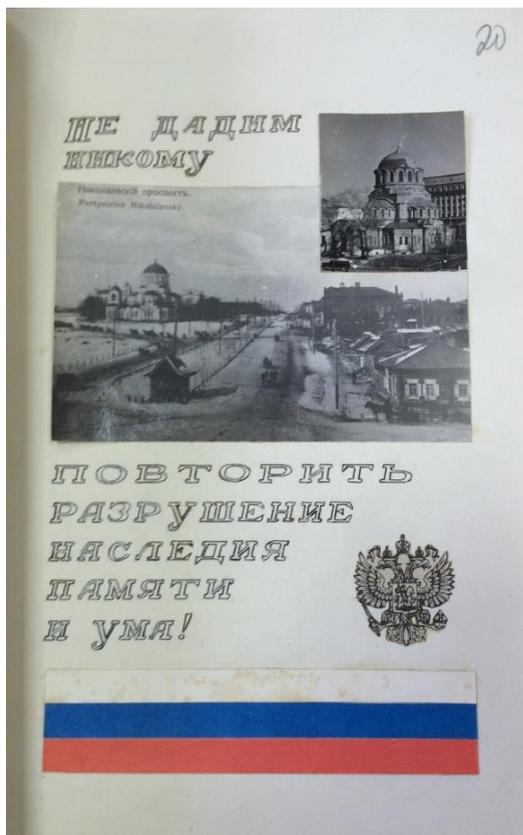

Рис. 5. Агитационный листок, призывающий не допустить передачи под нужды Новосибирской филармонии здания собора Александра Невского / из архивного фонда К.П. Зайцева // НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 23. Л. 20

Рис. 6. Работы по восстановлению часовни во имя Святителя и Чудотворца Николая. Новосибирск, 1993 г. Фото К.Г. Ощепкова

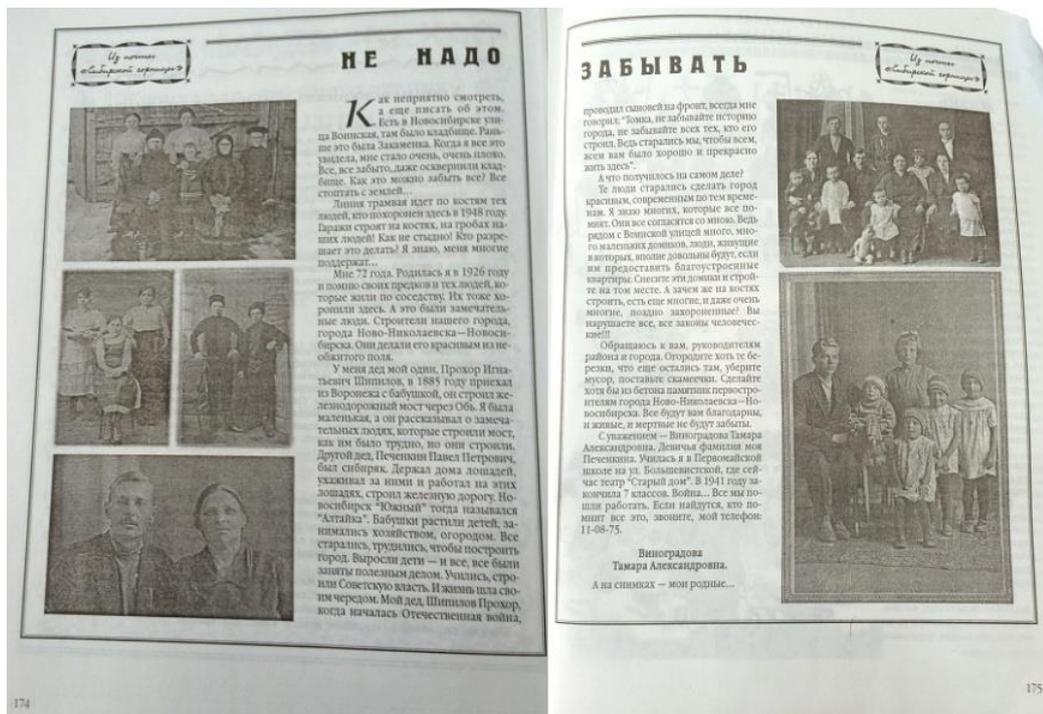

Рис. 7. Письмо Т.А. Виноградской с рассказом о её семье. Опубликовано в журнале «Сибирская горница»

Рис. 8. Мемориальная доска Ю.В. Кондратюку (установлена в 1991 г.) на здании Музея города Новосибирска по ул. Советская, 24. 2018 г. Фото автора

Рис. 9. Заседание Президиума Омского отделения Фонда культуры. Омск, 1988 г.
Фото из личного архива Н.А. Томилова

Рис. 10. Г.Н. Туманик, М.Д. Хетчиков, К.Б. Пальмина, А.Ф. Примак в день поминальных торжеств возле Мемориального комплекса воинам-сибирякам под г. Белый Тверской области. 2001 г. Фото Д.Ф. Бондаренко-Снитина / Публ.: Туманик Г.Н. Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой отечественной войны 1941–1945 гг. (город Белый Тверской области). Из истории проектирования и строительства. – Новосибирск, НГАХА, 2006. – 80 с.

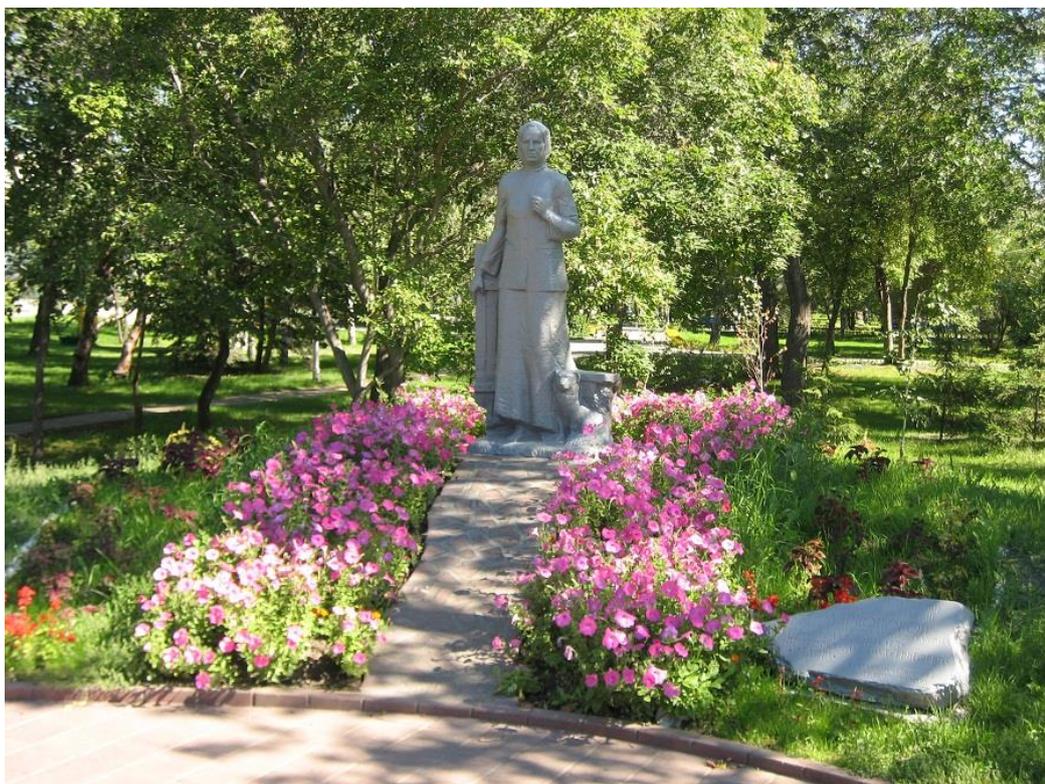

Рис 11. Памятник А.А. Ларионовой в Выставочном сквере Омска (открыт в 2000 г.). 2006 г. Фото автора

Рис. 12. Памятник М.И. Глинке в Новосибирске (открыт в 1998 г.). Фото из открытых интернет-источников

Рис. 13. Мемориальная доска Н.М. Ядринцеву (установлена в 1992 г.) на здании корпуса Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля по ул. Ленина, 23. 2019 г. Фото из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея

Рис. 14. Мемориальная доска Н.Д. Грицюку (установлена в 2001 г.) на здании жилого дома, где он жил. Новосибирск, Красный проспект, 16. 2018 г. Фото автора

Рис. 15. А.В. Ремизов и И.Е. Бродский – участники Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России». Омск, 1995 г. Фото из личного архива И.Е. Бродского

Рис. 16. Памятный знак И.И. Шпрингеру на территории новой Омской крепости. Открыт в августе 2000 г. 2005 г. Фото автора

Рис. 17. Памятник жертвам уфимской железнодорожной катастрофы 1989 г. в сквере им. Лобкова в Омске. Открыт в июне 2000 г. 2023 г. Фото автора

Рис. 18. Памятник «Жертвам радиационных катастроф» в Нарымском сквере в Новосибирске. Открыт 26 апреля 1996 г. 2019 г. Фото автора

Рис. 19. Памятник жертвам политических репрессий в сквере им. Павлика Морозова в Омске (открыт в 1994 г.). 2015 г. Фото автора

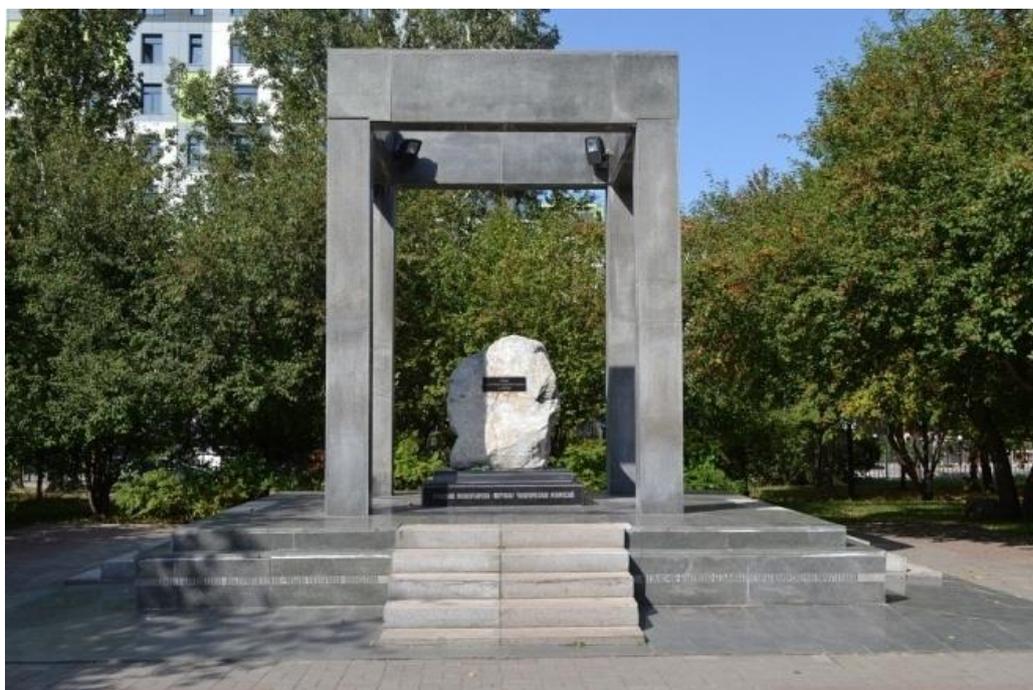

Рис. 20. Памятник жертвам политических репрессий в Нарымском сквере в Новосибирске (открыт в 2003 г.). 2019 г. Фото автора